

ДЭНИЕЛ АБРАХАМ

ПУТЬ ДРАКОНА

Annotation

Мир, удивительно похожий на наш...

Здесь воюют маленькие королевства, процветают вольные города, правят могущественные банкирские дома, плетутся изощренные политические и дипломатические интриги. Здесь судьбой предопределено встретиться людям, которые рано или поздно изменят ход времени.

Гедер — единственный наследник благородного рода, книгочей и философ. Его снова и снова пытаются сделать пешкой в чужой опасной игре...

Китрин — «сирота из хорошей семьи» на попечении банкирского дома. Ее готовят на роль финансовой королевы, не посвящая в семейные тайны.

Маркус — циничный и усталый воин, чьи подвиги остались в прошлом. Наемник, готовый за золото пойти хоть на всадников Апокалипсиса. Теперь его отряд втягивают в необычную партию...

Фигуры расставлены на доске.

Игра начинается.

Кому предстоит сделать ход конем?

Дэниел Абрахам
Путь дракона

Посвящается Скарлет

Пролог

Отступник

Отступник вжался в тень скалы, молясь об одном: чтобы нелюди внизу не подняли глаз. Ладони горели, ноги и спину сводило от усталости. Тонкая ткань церемониальных одежд льнула к коже под стылым, пахнущим пылью ветром. Он набрался духу и глянул вниз, в расселину.

Пять мулов давно замерли на тропе, однако жрецы не торопились слезать. У каждого поверх теплых добротных одеяний поблескивал на спине древний меч, отбрасывающий в утренних лучах ядовито-зеленые блики. Выкованные некогда драконами, клинки несли смерть любому — достаточно лишь царапины на коже. Со временем яд убьет и самих меченосцев. Отступник усмехнулся: потому-то его бывшие братья и спешат его убить, лишь бы вернуться поскорее. Мечи — не для долгого ношения, их обнажают или в жестокой крайности, или в приступе смертельного гнева.

Что ж. По крайней мере его принимают всерьез.

Главный из жрецов поднялся на стременах, сощурил глаза от яркого солнца.

— Не прячься, сын мой! — Отступник узнал голос. — Выхода нет!

Сердце дрогнуло. Отступник чуть было не шагнул вперед, но вовремя сдержался.

«Вероятно, — напомнил он себе. — Выхода, *вероятно*, нет. А может, и есть».

Внизу, на тропе, фигуры в темных одеждах колыхнулись, о чем-то заговорили. Отступник не слышал слов. Занемевшее тело холодело все больше: ни дать ни взять труп, которому почему-то забыли даровать милостивую смерть. Разговор тянулся целую вечность, добрых полдня, — хотя солнце, висящее в безупречной синеве, и не думало сходить с места. Выдох, следующий вдох — и мулы тронулись в путь.

Отступник не смел двинуться, чтобы не зашелестел по обрыву случайный камешек. Жрецы, бывшие когда-то людьми, медленно повели мулов к краю долины, затем свернули к югу по широкому извию дороги. Отступник, проводив их взглядом, изумленно выпрямился и упер руки в бока. Он жив! Его не нашли! Даже и не знали, где искать!

Значит, все учение, которому он до недавних пор так свято верил, — ложь. Дары паучьей богини не открывают истину. Да, они дают адептам иные способности, но не наделяют знанием правды. Отступнику все больше казалось, будто в некий миг вся его жизнь соскользнула с паутины умело сплетенного обмана, на которой держалась прежде, однако он не чувствовал ни растерянности, ни оторопи — лишь облегчение, будто вышел из склепа на вольный воздух. Он вдруг понял, что улыбается.

Последующий подъем на западный склон измотал его донельзя. Сандалии оскальзывались, пальцы едва находили опору. И все же, когда солнце добралось до зенита, он уже стоял на вершине. К западу одна за другой теснились горы, над ними гигантскими башнями вздымались облака, кое-где подернутые серой грозовой завесой. Чем дальше, тем ниже становились холмы: склоны переходили в равнины, из-за дальности казавшиеся сероголубыми. Резкий вершинный ветер царапнул лицо, как когтями; на горизонте сверкнула молния. словно в ответ, крикнул ястреб.

Теперь отступнику предстояли недели пути. В одиночку, пешком, без запаса пищи и, главное, воды. Последние пять ночей он спал в пещерах и в зарослях кустарника. Его бывшие друзья и братья — те, кого он знал и любил всю жизнь, — сейчас прочесывали окрестные

тропы и обыскивали селения, чтобы его убить. В высокогорьях жаждали добычи горные львы и волки.

Отступник провел рукой по густым жестким волосам, вздохнул и шагнул вперед, вниз по склону. Вероятно, смерть настигнет его раньше, чем он дойдет до Кешета и отыщет город, в котором можно затеряться.

Вероятно. Всего лишь *вероятно*.

Под тускнеющими лучами закатного солнца он нашел скальный выступ, нависший над ручейком. Шнурок от правой сандалии пошел на грубый лук для розжига огня, и когда с неба повеяло холодом, отступник уже сидел у обложенного высокими камнями костерка. Сухой хворост не дымил и давал надежное тепло, но быстро прогорал, и отступник, поддерживая огонь, прилачился добавлять прутья медленно, один за другим — чтобы костер не разгорелся слишком сильно и не выдал его убежища преследователям. Тепла едва хватало, чтобы согреть руки.

Издали донесся рык, который отступник предпочел не заметить. Обессиленное тело болело от напряжения, зато мозг, отвлекшийся наконец от тягот пути, работал с поразительной скоростью. В густой тьме обострилась память, первый восторг свободы сменился тоской, одиночеством, растерянностью — куда более опасными, чем голодный лев.

Отступник был рожден среди таких же гор; в играх его детства палка и витые пряди древесной коры исполняли роль меча и плети. В те годы он, должно быть, грезил о сокрытом храме, жаждал вступить в монашеское братство — сейчас, пронизанный холодом под ненадежным скальным кровом, он едва этому верил. В памяти брезжил лишь священный трепет, с которым он глядел снизу вверх на каменную стену, на изваянные в камне фигуры стражей из всех тринадцати рас человечества. Черты их стерлись под ветрами и ливнями: цинна и тралгут, южнец и первокровный, тимзин, йеммут, утопленец — все они взирали на мир одинаково пустыми лицами, сжав одинаковые кулаки. Отчетливо сохранился лишь вознесенный над ними дракон с простертыми крыльями и кинжально-острыми зубами, да еще ясно выступали на огромных железных воротах старинные буквы, сложенные в слова на незнакомом селянам наречии.

Уже послушником он узнал, что надпись гласила «УЗЫ И ВОЛЯ». Он даже когда-то верил, что понимает смысл.

Легкий ветерок оживил вспыхнувшие светлячками угли. Пылинка золы попала отступнику под веко, он потер глаз запястьем. В крови что-то изменилось, токи тела отозвались на некую незримую силу — прежде он назвал бы это присутствием богини. В давний миг, подойдя к железным воротам с другими деревенскими мальчишками, он пожертвовал собой — собственным телом, всей жизнью. А взамен...

Взамен он получил откровения. Поначалу лишь самые простые — буквы, чтобы читать священные книги, и цифры, чтобы вести храмовые записи. Он прочел сказания об империи драконов и ее крахе. О паучьей богине, несущей в мир справедливость.

«Богиню невозможно обмануть», — говорили ему.

Он, конечно, пробовал. Верил наставникам и все же пробовал им лгать — ради проверки. Выбирал то, чего жрецы не знали: имя отцовского клана, любимое лакомство сестры, сокровенные сны... За каждую ложь ему доставался удар плетью, за правду — ничего. Наставники ни разу не ошиблись. И он поверил. Уверовал. И позднее, возведенный

верховным жрецом в звание послушника, уже не сомневался в собственной великой будущности — ведь о ней толковали ему жрецы.

После жестоких посвятительных испытаний юный послушник ощутил в крови силу паучьей богини. Первую же услышанную ложь он с удивлением опознал прежде неведомым чутьем; первые же его слова, в которых зазвучал голос богини, пылали убежденностью и заставляли верить.

Впрочем, теперь он лишен благодати, и все прежние знания могут оказаться неверными. Неизвестно даже, есть ли такая страна — Кешет. Он надеялся, что есть, и рисковал сейчас жизнью, чтобы до нее добраться. Может, карта была фальшивой. Может, и драконы, и империя, и великая война — все выдумка. Океана он тоже никогда не видел: вдруг и рассказы об океане небылица?.. И если верить лишь в то, что сам видел и ощущал, то он не знает ничего. Ровно ничего.

В нахлынувшей ярости отступник впился зубами в ладонь — закапала кровь. Он сдвинул пальцы пригоршней: кровь, в тусклых отсветах костра почти черная, пестрела более темными узелками. Один из них вдруг расправил тонкие ножки — и паучок принялся бездумно вскарабкиваться по краю ладони, за ним увязался другой. Служители богини, в которую отступник больше не верил... Медленно перевернув ладонь над тлеющим костром, он следил, как крайний паук, сорвавшись в огонь, съеживается от жара.

— Что ж, — прошептал отступник. — По крайней мере я знаю, что вы смертны.

Горы тянулись бесконечно. Каждый перевал таил угрозу, в долинах подстерегали опасности. Разбросанные на пути деревеньки отступник обходил стороной и лишь изредка подбирался к каменным цистернам за глотком воды; пищей ему служили ящерицы да светлые орехи, вылущенные из хвойных шишек. От троп, где оставили след широкие когтистые лапы, приходилось держаться подальше. Как-то вечером он набрел на круглое пространство, огражденное колоннами, и решил было передохнуть и набраться сил, однако во сне его преследовали кошмары настолько странные и жуткие, что пришлось поскорее убраться.

Он исхудал, плетеный кожаный пояс болтался чуть ли не на бедрах; подошвы сандалий истерлись, лук для розжига огня пришел в негодность. Время потеряло смысл, дни тянулись бесконечно. Каждое утро он повторял себе: «Вероятно, сегодня последний день моей жизни. Вероятно».

Это «вероятно» его и спасало. Однажды на рассвете отступник взобрался на очередной каменистый холм — и увидел, что горы кончились. Внизу, на западе, лежали широкие равнины, среди лугов и лесов вилась сияющая лента реки. Долина манила обманчивой близостью, однако отступник знал, что идти еще дня два, не меньше. И все же, опустившись на грубый приземистый валун, он дал волю слезам и просидел так почти до полудня.

Чем ближе к реке, тем сильнее нарастало в груди дремавшее прежде беспокойство. Много недель назад, когда он тайком перескочил через храмовую стену и пустился в бега, мысль затеряться в большом городе казалась простой, а перспектива — далекой. Зато теперь, когда звериных следов на тропах становилось все меньше, а за деревьями впереди уже виднелся дым от сотни очагов, отступник вдруг осознал, что выйти на люди как есть — грязным, в пыльных лохмотьях и рваных сандалиях — будет испытанием не меньшим, чем все тяготы пути. Как встретят в Кешете дикаря с гор? Сразу ли убьют?

Огромный город — таких он прежде и не видывал — пришелец обогнул по излучине

реки, удивляясь мощным дорогам и многолюдности: длинные деревянные дома с соломенными крышами вмещали не иначе как тысячу человек каждый. Притаившись в зарослях, как вор, он принялся наблюдать.

На окраине, где между рекой и дорогой виднелся последний городской дом, отступник заметил йеммутскую женщину: высотой в полтора человеческих роста и с плечами не уже буйволовых, она возилась в огороде. Длинные бивни торчали из челюсти так, что любая попытка засмеяться грозила чуть ли не продырявить ей щеки, грудь высоко колыхалась над крестьянским кушаком — похожим на те, что носили его сестра и мать, только на йеммутский пошло втрое больше кожи и полотна.

Отступник, в жизни видевший только людей из расы первокровных, изумленно следил из-за ветвей, как йеммутка наклоняется к мягкой земле и выдергивает гигантскими пальцами сорняки. Он дивился ей как чуду, явленному ему в свидетельство того, что тринадцать рас человечества вправду существуют.

Не дав себе времени передумать, он шагнул вперед. Йеммутка резко подняла голову, ноздри угрожающе дрогнули.

— Прости! — Отступник выставил ладонь, словно оправдываясь. — Я... Мне нужна помощь.

Глаза женщины сузились в щелочки; она пригнулась, как пантера перед нападением. Отступник запоздало сообразил, что надо было сперва выяснить, понимает ли она его язык.

— Я пришел из-за гор. — Он удивился ноткам отчаяния в собственном голосе, однако почуял и кое-что иное: неслышный гул в крови, дар паучьей богини — повеление женщине верить его речам.

— Мы не торгуем с первокровными! — рявкнула йеммутка. — И уж точно не с теми, кто явился из-за проклятых гор. Прочь отсюда! С отрядом вместе!

— У меня нет отряда, я один. — Существа, живущие в его крови, встрепенулись от удовольствия: им вновь нашлось дело! Краденое волшебство действовало по-прежнему, внушая женщине веру в его слова. — Со мной никого нет, я безоружен. Я шел пешком много недель. Могу помочь по хозяйству, если надо. За еду и теплый угол на ночь. Только на ночь.

— Один, значит, и не вооружен. Из-за гор?

— Да.

Йеммутка хмыкнула, и отступник понял, что его оценивают. Взвешивают.

— Ты дурак, — наконец отозвалась она.

— Да. Впрочем, мирный и безобидный.

Повисло долгое молчание — и женщина наконец рассмеялась.

Она велела ему натаскать в бак речной воды, а сама вернулась к огороду. Ведро, сделанное по йеммутской руке, отступник наполнял лишь до середины — иначе не поднять — и терпеливо сновал между домиком и грубым дощатым настилом, стараясь уберечься если не от ссадин, то хотя бы от царапин: его и без того не очень-то приветили, не хватало еще объясняться из-за пауков в крови.

На закате хозяйка усадила гостя с собой за стол. Отступник покосился было на слишком яркий огонь в очаге и тут же напомнил себе, что прежние его братья остались слишком далеко и уж точно не рыщут здесь, вынюхивая его следы. Йеммутка зачерпнула миску похлебки из кипящего котла, от которого повеяло густым многосложным запахом — котел явно не снимали с огня и от случая к случаю кидали в него новые обрезки убоины и овощей: часть кусков мяса, плавающих сейчас в жирном бульоне, наверняка попала туда раньше, чем

отступник сбежал из храма. Вкуснее этой похлебки он ничего в жизни не едал.

— Муж мой поехал на постоялый двор, — поведала хозяйка. — Сказал, ждут какого-то герцога, а свиту-то поди прокорми. Мой забрал всех свиней, повез. Может, продаст. Выручит серебра, до лета проживем.

Отступник вслушивался в ее голос и ловил отзвуки в собственной крови. Последняя фраза была лживой — женщина не верила, что серебра хватит надолго. Интересно, в сильной ли она нужде и нельзя ли ей помочь. По крайней мере надо попытаться.

— А ты, бедолага? — мягким задушевным голосом продолжала хозяйка. — На чьих овец посягнул, что готов наняться даже ко мне?

Отступник улыбнулся. По телу разливалось приятное тепло, в очаге плясал огонь, за стеной ждали соломенный тюфяк и одеяло тонкой шерсти — спина сама собой расслабилась, исчез комок в груди. Йеммутка не сводила с него огромных глаз с россыпью золотистых искр, и он пожал плечами.

— Меня угораздило обнаружить, что истина, в которую веришь, не обязательно истинна, — выговорил он, тщательно подбирая слова. — То, во что я свято верил, оказалось... ошибкой.

— Обманом?

— Обманом, — согласился он и после паузы добавил: — А может, и нет. Может, все было ненамеренно. Как бы ты ни заблуждался, но если во что-то веришь — значит, это не ложь.

Йеммутка присвистнула — как только сумела при таких бивнях! — и в наигранном восторге всплеснула руками:

— Водоносы-то нынче какие просвещенные! Того и гляди пустишься проповедовать и требовать десятину на храм!

— Ну уж нет! — засмеялся вместе с ней отступник.

В очаге потрескивал огонь, под крышей шелестели в соломе то ли жуки, то ли крысы. Хозяйка отхлебнула из своей миски.

— С женщиной повздорил небось?

— С богиней.

Йеммутка не отрывала глаз от огня.

— Вон как. Ну, поначалу-то всякая кажется богиней. В любовь каждый раз окунаешься так, будто что новое встретил. Ровно сам Бог шепчет их устами и все такое. А потом... — Она вновь хмыкнула, на этот раз с горечью. — А чем тебе богиня-то не угодила?

Отступник подцепил из миски что-то похожее на картофельный ломтик, пожевал рыхлую мякоть. Тайных мыслей он прежде никому не поверял, и слова давались с трудом. Голос его дрогнул.

— Она собирается пожрать мир.

Капитан Маркус Вестер

Маркус потер подбородок закрученной ладонью.

— Ярдем!

— Слушаю, сэр! — громыхнул над ухом тралгут.

— День, когда ты сбросишь меня в ров и примешь отряд...

— Да, сэр?

— Еще ведь не настал?

Тралгут скрестил на груди мощные руки и дернул звякнувшим ухом.

— Нет, сэр, — пророкотал он наконец.

— Жаль.

Городская тюрьма в Ванайях прежде была зверинцем. В древние дни по широкой площади величаво прогуливались драконы, время от времени влезая освежиться в просторный фонтан, а три этажа клеток позади глубокого рва, опоясывающего площадь, наполнились зверями. Львы, грифоны, гигантские шестиглавые змеи, медведи и огромные птицы с женской грудью, некогда бродившие здесь за железными решетками, теперь остались лишь на фасадных рельефах, вырезанных из драконьего нефрита. Фигуры зверей чередовались со скульптурными колоннами, изображающими тринадцать рас человечества — длинноухого тралгута, тимзина в хитиновой броне, йеммута с неизменными бивнями... Чтобы имитировать горящий взгляд дартина, в глазницы статуи вставили миниатюрные жаровни — правда, огонь в них давно уже не зажигали. Время и непогода не оставили на фигурах ни малейшего следа, кроме черных потеков на месте проржавевших прутьев: любые удары и разрушения драконьему нефриту нипочем.

Жертвы ванайского правосудия — угрюмые, обозленные, томящиеся скукой — в ожидании приговора были выставлены напоказ: иные на посмешище, иные для опознания. Добропорядочным горожанам позволялось заходить на площадь, где за две-три бронзовые монеты лоточники продавали лоскуты тряпья с завернутыми в них отбросами, и мальчишки устраивали состязания, осыпая узников нечистотами, дохлыми крысами и гнилыми овощами. Подавленные горем супруги приносили томящимся в неволе мужьям и женам сыр и масло и пытались перебросить продукты через ров, но даже если сверток долетал до нужных рук, покоя в тюрьме не прибавлялось. Стоя на низком парапете у самого рва, Маркус наблюдал, как один счастливчик — куртадам, заросший плотным и гладким, как у выдры, мехом, униженным позванивающими при движении бусинами, — отбивался от сокамерников, которые норовили отобрать у него белую хлебную лепешку, а мальчишки из первоковрных весело хохотали, тыча в него пальцами и крича обычную для куртадамов дразнилку «звяк-звяк, по башке шмяк», и сыпали непристойностями.

В нижнем ряду клеток сидели семеро мужчин — по большей части крепко сбитые, посеченные боевыми шрамами. Один держался отдельно — этот, просунув ноги сквозь решетку, болтал ступнями надо рвом. Шестеро были солдатами Маркуса, седьмой — ведуном отряда. Теперь они принадлежали герцогу.

— За нами следят, — предупредил тралгут.

— Знаю.

Ведун небрежно помахал рукой, Маркус ответил фальшивой улыбкой и более грубым жестом. Бывший ведун отвернулся.

— Не он, сэр. Другой.

Маркус отвел взгляд от клеток. На пяточке, где улица вливалась в площадь, расслабив плечи, стоял молодой человек в золоченых латах, какие носила герцогская гвардия. Маркус попытался вспомнить имя.

— Принесла нелегкая, — поморщился он.

Видя, что его заметили, молодой человек небрежно отсалютовал и подошел ближе — стали виднее тупое лицо и безвольная осанка. Кедровым маслом, которым умащали в банях, от него разило так, будто гвардеец в нем выкупался. Маркус пожал плечами, как обычно перед битвой.

— Капитан Вестер, — кивнул гвардеец и перевел глаза на тралгута. — Ярдем Хейн. Так и не отходишь от своего капитана?

— Сержант Доссен, если не ошибаюсь? — осведомился Маркус.

— Нет, терциан Доссен. Его высочество герцог предпочитает старинное титулование. Это ваши люди?

— Кто? — невинно спросил Маркус. — Я в свое время кем только ни командовал — впору встречать знакомцев в любой тюрьме Вольноградья.

— Вон та компания. Их скрутили прошлой ночью за пьянство и дебош.

— Не они первые, не они последние.

— Вам об этом известно?

— Предпочту умолчать. Мои слова наверняка дойдут до судьи, а мне бы не хотелось, чтобы он неверно их истолковал.

Доссен сплюнул в ров.

— Хотите выгородить своих, капитан? Уважаю такую решимость, но она ничего не изменит. Грядет война, герцогу нужны люди. У этих есть закалка и опыт, их отправят в армию. Даже, может, дадут чин.

На Маркуса накатил гнев. Однако чувствам, особенно приятным, он привык не доверять.

— Вы, по-видимому, чего-то недоговариваете?

Губы Доссена дернулись в змеиной улыбке.

— Ваше имя до сих пор на слуху — как же, капитан Вестер, герой Градиса и Водфорда! Герцог не преминет вас заметить. Вы могли бы сделать карьеру.

— Любые ваши герцоги и бароны — те же короли в миниатюре, — бросил Маркус чуть резче, чем хотелось. — А королям я не служу.

— Нашему придется послужить.

Ярдем вдруг зевнул и почесал брюхо — условный сигнал Маркусу: не время нарываться. Капитан снял ладонь с рукояти меча.

— Доссен, дружище, половина защитников города — наемники. Я видел Кароля Данниана с отрядом, и Меррисан Кок тоже здесь. Они же разбегутся при одной весте о том, что герцог насильно тащит в армию профессиональных военных, честно занятых другим делом.

Доссен от изумления раскрыл рот.

— Нет у вас никакого дела!

— Ошибаетесь, — проронил Маркус. — Мы с отрядом охраняем караван, что пойдет на север Нордкаста, до Карса. Уже и плату получили.

Гвардеец окинул взглядом солдат за прутьями, угрюмого ведуна, потеки на драконьем

нефрите. Голубь, слетевший на лапу грифона, встряхнул жемчужно-серым хвостом и уронил каплю помета прямо на колено ведуна, седой воин в глубине клетки хохотнул.

— Отряда у вас нет, — заявил Доссен. — Все ваши люди — вон, за решеткой. А вдвоем с шавкой охранять целый караван не выйдет: в контракте сказано — ведун и восемь солдат с мечами и луками.

— Надо же, он еще и контракт наш читал, — буркнул Ярдем. — Кстати, шавкой меня звать не советую.

Гвардеец поджал губы, раздраженно прищурился и дернул плечом, латы хлипко звякнули — щегольские доспехи явно предназначались не для боя.

— Да, читал, — подтвердил он.

— И после этого отряд, разумеется, попал за решетку чисто случайно, — уточнил Маркус.

— Лучше соглашайтесь, капитан. Вы нужны городу.

— Караван выступает через три дня, — произнес Маркус. — И я уйду с ним. Согласно контракту.

Доссен застыл на месте и густо побагровел — видимо, в герцогской гвардии не привыкли к отказам.

— Думаете, вы умнее всех? Диктуете условия, и мир обязан прислушаться? Очнитесь, Вестер! Здесь вам не поля Эллиса.

Ярдем хмыкнул, будто ему дали под дых, и покачал массивной головой.

— Зря вы про Эллис, — глухо пророкотал он.

Гвардеец презрительно взглянул на тралгута, затем на Маркуса — и, дрогнув, отвел глаза.

— Не примите за неуважение к вашей семье, капитан...

— Пошел прочь, — отрезал Маркус. — Сейчас же.

Доссен отступил на безопасное расстояние и напомнил:

— Караван уходит через три дня.

Остальное и так ясно: не исполнишь контракт — будешь иметь дело с герцогом. Маркус не ответил, и гвардеец, повернувшись на каблуках, зашагал к выходу.

— Незадача, — выдохнул Ярдем.

— Точно.

— Нам нужен отряд, сэр.

— Да.

— А где его взять?

— Понятия не имею.

Маркус бросил последний отчаянный взгляд на своих людей, покачал головой и вышел из зверинца.

Город Ванайи был некогда портом в устье реки Таниш, но берег за столетия занесло илом и песком, так что теперь до моря пришлось бы скакать к югу полдня. Каналы и протоки пронизывали весь город, между Ванайями и мелким, более молодым Ньюпортом сновали плоскодонные лодки с зерном и шерстью, серебром и древесиной — товарами из северных стран.

История Ванайев — как и всех городов Вольноградья — была историей войн. Город успел побыть республикой с избираемым по лотерее магистратом; королевской собственностью; союзником и противником (смотря куда дул ветер) поочередно Бيرانкура

и Рассеченного Престола; центром религии и очагом антирелигиозного мятежа. Каждая смена власти оставила свой след на белых деревянных домах, грязных каналах, узких улочках и открытых площадях. Пришелец натыкался то на старинные ворота — по-прежнему готовые уберечь от врагов городской совет, хотя последний член совета умер столетия назад, — то на статую епископа в парадном облачении, засиженную голубями и позеленевшую от времени. Каменные и деревянные таблички с названиями улиц не менялись по тысяче лет, любой проулок имел добрый десяток названий. Широкие железные калитки делили город на двадцать мелких округов, так что герцог в случае бунта или заговора мог перекрыть городское движение в любой миг.

Еще отчетливее, чем в архитектуре, прошлое города читалось на лицах самих ванайцев.

Помимо тимзинов и первокровных, самых многочисленных в городе, здесь целыми кварталами жили безволосые дартины с горящими глазами, хрупкие снежно-бледные цинны и бронзово-чешуйчатые ясуруты. Былые испытания прибавили горожанам опыта и цинизма, и теперь, проходя узкими улочками вдоль густо-зеленых каналов, Маркус смотрел, как купцы из первокровных — верные сторонники герцога — щедро зазывают солдат на скидки, предварительно взметнув цены до небес, а кабатчики, лекари, кожевники и сапожники меняют вывески на новые, начертанные имперским антейским шрифтом: для будущих клиентов, которые нагрянут после падения города. Старики-тимзины, покрытые иссохшей от времени белесой чешуей, сидят за столиками у пристани, толкуя о последней революции, — тогда отец нынешнего герцога отобрал власть у республики. Их внуки стайками порхают по улицам в тончайших, сшитых по имперской моде белоснежных юбочках, сквозь которые тенью просвечивают темно-чешуйчатые ножки.

Погибнут солдаты, сгорят дома, кого-то изнасилуют, кто-то разорится — никому нет дела: переживать очередную напасть здесь не впервой, и каждый уверен, что ему-то уж точно беда не грозит.

На заросшем травой пустыре Маркус увидел побитый театральный фургон: полог с одной стороны поднят, прохожим видна неглубокая сцена с занавесом из грязновато-желтых лент. Немногочисленные зеваки — иные с любопытством, другие с недоверием — смотрели, как из-за лент выступил старик с высокой копной волос и торчащей вперед бородой.

— Остановитесь! — воззвал старик низким звучным голосом. — Подойдите ближе! Услышите сказание об Алерене Убийце и драконьем мече! Кому недостает храбрости, пусть идет прочь, ибо наш рассказ — о великих деяниях и славных подвигах! Любовь, вражда, предательство и возмездие сойдут на эти ветхие подмостки, и предупреждаю... — Голос актера понизился чуть ли не до шепота, однако Маркус отчетливо слышал каждое слово. — Предупреждаю: не все добро вознаграждается, не все зло получает по заслугам. Подходите ближе, друзья! Наша пьеса — как жизнь: в ней может случиться что угодно!

— А он мастер, — пробормотал Ярдем, и Маркус вдруг понял, что незаметно для себя остановился послушать.

— Точно.

— Поглядим немного?

Маркус не ответил, лишь подступил ближе к сцене вместе с толпой. Пьеса оказалась простенькой — древнее пророчество, силы тьмы из преисподней и великий герой с реликвией драконьей империи. Прекрасная дева могла быть и помоложе, а герою стоило бы говорить погромче, однако реплики звучали убедительно, труппа играла слаженно. Маркус выделил в толпе длинноволосую женщину и худощавого юнца, которые смеялись в нужных

местах и шикали на слишком буйных зрителей, — свободные от роли актеры тоже работали на общее дело. И каждый раз, когда на подмости выходил старик, Маркус не мог оторваться от зрелища.

Старик играл Оркуса, повелителя демонов, играл с подлинным чувством — Маркус даже временами забывал, что перед ним актер. А когда Алерен Убийца взмахнул драконьим мечом и из груди Оркуса хлынула кровь, Маркус едва удержался, чтобы не выхватить клинок.

В конце, несмотря на предупреждения, добро торжествовало, а зло было наказано. Актеры кланялись публике. Даже Ярдем хлопал огромными, с тарелку величиной, ладонями и от души улыбался. Достав серебряную монету из кошель под рубахой, Маркус бросил ее на сцену, и через миг раскланивающийся Оркус уже стоял под звонким дождем монет и благодарил зрителей за доброту и щедрость с таким жаром, что Маркус, уже повернувшись идти, поймал себя на мысли, что впрямь считает людей щедрыми и добрыми.

Осеннее солнце клонилось к горизонту, заливая бледный город золотым сиянием; окружавшая сцену толпа мало-помалу рассасывалась. Присев на каменную скамью под пожелтевшим дубом, Маркус не спускал глаз с актеров, собирающих фургон: те с улыбками отгоняли прочь стайку окруживших их первокровных мальчишек. Маркус подался вперед и взглянул из-под ветвей на темнеющее небо.

— Вы что-то надумали, — заметил Ярдем.

— В самом деле?

— Точно.

Простенькой пьесе не нужна большая труппа. Алерен Убийца со спутником. Прекрасная дева. Оркус, повелитель демонов. Актер, изображавший то крестьянина, то демона, то рыцаря одной переменной шляп. Всего пятеро для целой пьесы. И двое заводил в толпе...

Семеро...

— Да, — кивнул Маркус. — Так и есть.

* * *

Семеро актеров сидели за большим круглым столом и запивали пивом сыр и колбасы, выставленные за счет немилосердно тающих средств Маркуса. Тощего паренька, заводилу из толпы, звали Микель, длинноволосую женщину — Кэри, героя играл Сандр, прекрасную деву — Опал, спутника героя — Шершень, актер на все роли звался Смитт. Среди них сидел Ярдем, лучась мягкой улыбкой, как добродушная псина в окружении щенков.

За небольшим отдельным столиком Маркус беседовал с Оркусом, повелителем демонов.

— А меня, — говорил Оркус, — некоторые зовут Китап рол-Кешмет, чаще всего мастер Кит.

— Я всех имен в голове не удержу, — покачал головой Маркус.

— Мы напомним. Полагаю, никто не обидится, особенно если вы так и будете угощать их выпивкой.

— Резонно.

— Тут-то и возникает вопрос, капитан. Неужто вы затеяли пир из одной безмерной любви к театру?

— Нет.

Мастер Кит приподнял брови. Без костюма и грима он выглядел привлекательнее. Сухое лицо обрамляли пепельные, стального оттенка, волосы, а при взгляде на смуглую кожу Маркус вспомнил о первокровенных, живущих в пустынях по ту сторону Внутреннего моря, и заодно заподозрил, что черные глаза достались актеру от предка-южнеца.

— Герцог мечтает загнать меня в армию, — признался капитан.

— Понимаю, — кивнул мастер Кит. — Труппа и так лишилась двоих актеров. Сандр был запасным на подмену, пришлось ему вставать до света и учить роли.

— Я не хочу служить герцогу. И меня спасает только законный контракт, пока он есть.

— Спасает?

— За неподчинение приказу посылают либо на битву, либо на смерть. А биться за Ванайи я не собираюсь.

Мастер Кит нахмурился, густые брови изогнулись, как гусеницы.

— Простите, капитан, вы хотите сказать, что для вас это вопрос жизни и смерти?

— Да.

— И вы так спокойны?

— Мне не привыкать.

Актер откинулся на спинку стула, сплетя перед собой тонкие пальцы. Его взгляд сделался задумчивым и трезвым, с долей интереса.

Маркус отхлебнул пива — оно отдавало дрожжами и патокой.

— Труппе не укрыть обоих, — наконец сказал мастер Кит. — Если только вас одного. Менять внешность актерам не в новинку, но тралгут в западных землях... Если герцог задумал вас отыскать, то держать поблизости вашего друга — все равно что прицепить к вам флаг. Нас поймают.

— Я не собираюсь вступать в труппу.

— Вот как? Тогда о чем мы беседуем?

За другим столом длинноволосая женщина вспрыгнула на стул, изогнулась в величественной позе и, комично шепелявя, принялась декламировать церемониал святого Анциана. Захохотали все, кроме Ярдема, — тот дернул ушами и ограничился довольной улыбкой. Кэри. Женщину зовут Кэри.

— Пусть труппа путешествует со мной, — предложил Маркус. — На днях будет караван в Карс.

— Мы привыкли считать себя бродячим театром. Карс, по-видимому, неплохой город, мы там давно не бывали. Не вижу только, какая от нас польза каравану.

— Герцог держит за решеткой моих людей. Вы можете их заменить. Сыграть роль стражников.

— Вы, как я вижу, не шутите.

— Нисколько.

Мастер Кит засмеялся и покачал головой.

— Мы не бойцы. Все театральное действие — позы и жесты, против настоящего воина мы едва ли выстоим.

— Вам не нужно быть стражниками, нужно только сыграть. Бандиты не идиоты, они тоже просчитывают шансы. Нападают на те караваны, что везут особо ценные грузы, оправдывающие риск. Или на те, где мало охранников. Если актерам дать доспехи и луки, никто посторонний и не задумается, умеют ли они стрелять. А груз небогатый, на него не

позарятся.

— В самом деле?

— Железо и олово, некрашенная шерсть, кожа, — перечислил Маркус. — Некий мастер Уилл из Старого квартала собрал купцов, которые хотят отправить из города товар перед самой битвой — в надежде, что битва отгремит раньше, чем придет срок платы. Караван небольшой, соблазниться нечем. Будь я бандитом, я бы на него и не взглянул.

— А деньги за работу?

— Хорошие.

Мастер Кит, скрестив руки, нахмурился.

— Ну, приличные, — уточнил Маркус. — Вполне того стоят. Зато вы окажетесь подальше от беды: даже мелкие бутафорские войны вроде нынешней не бывают бескровными, а у вас в трупке женщины.

— Я бы сказал, что Кэри и Опал вполне способны за себя постоять.

— Только не в отданном на разграбление городе. Герцогам и империям плевать, сколько актрис изнасилуют и сколько актеров убьют. Люди вашего ранга ниже их забот, и рядовые солдаты прекрасно это знают.

Мастер Кит взглянул на соседний стол, где разговор ветвился сразу в нескольких направлениях, кое-кто из актеров успевал везде вставить слово. Взгляд старика смягчился.

— Я вам верю, капитан.

Между ними на миг повисла тишина, лишь ревел огонь в жаровне да звенели за соседним столом голоса под завывание ветра, бьющего в окна и двери. Тяга в печи то и дело слабела, тогда в комнату влетали клубы дыма.

Актер покачал головой.

— Можно вопрос?

— Давайте, — кивнул Маркус.

— О вас ходит добрая слава. За вами чувствуется изрядный опыт, жизнь вас основательно потрепала. Странно видеть вас в Вольнограде охранником при мелких караванах.

— Здесь нет вопроса.

— Почему вы этим занимаетесь?

Маркус пожал плечами и произнес как можно легче:

— Слишком упрям, чтобы умереть.

В сочувственной улыбке мастера Кита мелькнула тень скрытой, ему одному известной горечи.

— Этому я тоже верю, капитан. Что ж. Вам нужно девять бойцов для охраны последнего каравана, уходящего из вольных Ванайев?

— Восемь. Восемь бойцов и ведун.

Мастер Кит вскинул глаза к закопченному потолку.

— Всегда мечтал сыграть ведуна, — сказал он.

Сэр Гедер Паллиако, наследник виконта Ривенхальма

Гедера Паллиако погубила увлеченность переводом. Книгу с умозрительным трактатом об утопленцах, написанную полуосмеянным философом из Принсип-с'Аннальдэ, он некогда отыскал в скриптории Кемниполя и, готовясь к долгому походу в Вольнограде, даже отказался от запасной пары сапог, лишь бы уложить в суму вожденный фолиант. Старинный язык, местами невнятный, отдавал тайной, страницы под кожаным переплетом (явно более поздним) побурели от времени, чернила выцвели — Гедер, беря в руки книгу, наслаждался каждой мелочью.

Дешевая палатка из вощенной ткани держала тепло куда слабее кожаных походных шатров, но все же худо-бедно защищала от ветра. После верховой езды ломило ноги и спину; стертые седлом бедра болели. Гедер расстегнул безрукавку, освобождая живот, — тучность, унаследованную от отца, он считал чуть ли не фамильным проклятием.

Перед сном оставался свободный час, и Гедер, сгорбившись на складном табурете, припал к книге, смакуя каждое слово и фразу.

В отличие от диких животных человечество не нуждается в абстрактном мифологическом Боге для объяснения причин своего бытия. Все человеческие расы, кроме первокровных с их нетронутой звериной природой, сотворены каждая для своей роли. Восточные разновидности — йеммуты, тралгуты и ясуруты — бесспорно созданы для войны, раушадамы — для отрады глаз и для утех, выведенные позже всех тимзины — для пчеловодства и иных нехитрых промыслов, цинны (включая автора этих строк) — для преломления знаний сквозь линзу мудрости и философии, и так далее. Из всех людских рас одни лишь утопленцы созданы без видимой цели. Они, меньшие братья остального человечества, в мнении других подобны растениям или медлительным животным западных континентов. Их случайные скопления в береговых озерах, остающихся после прилива, связаны более с океанскими потоками, нежели с проявлением человеческой воли. Отдельные романтики верят, будто утопленцы и ныне продолжают исполнять некий тайный замысел драконов, который осуществляется даже после гибели его создателей, — что ж, простим романтикам их мечты. Всякому ясно, что утопленцы — чистейший пример людской расы, созданной исключительно из артистических устремлений, и как таковые...

Или, может, «эстетические соображения» будут точнее «артистических устремлений»? Гедер потер глаза. Час поздний. Завтра опять тот же марш к югу, целый день в седле, и послезавтра тоже... До границы не меньше недели пути, потом день-другой выбирать поле для битвы, еще день на разгром местной армии — и лишь тогда будет удобная постель, привычная еда и не воняющее бурдючной кожей вино. Если он доживет.

Отложив книгу, Гедер расчесал на ночь волосы — не обнаружив, к счастью, ни одной вши, — умылся, потом зашнуровал безрукавку и вышел на сон грядущий к отхожему месту. Сразу за палаткой, свернувшись калачиком, по обыкновению дартинов, спал оруженосец (тоже доставшийся в наследство от отца), глаза под закрытыми веками тускло светились

красным. Дальше, в открытом поле, расположился армейский лагерь, похожий отсюда на многолюдный город.

По ближним холмам мерцали огоньки костров, пахло вареной чечевицей. Вокруг повозок, собранных в середине лагеря, ютились по загончикам мулы, лошади и рабы. Холодный северный ветер не предвещал дождя, на чистом небе висел тонкий месяц — жалкое подобие светила, так что путь до уборной Гедеру пришлось выбирать чуть ли не ощупью.

Книга не шла из головы, отчаянно хотелось хоть с кем-то ее обсудить, но абстрактные теоретизирования никогда не считались мужским делом. Поэзия, верховая езда, стрельба из лука, фехтование — сколько угодно. Даже история, если рассуждать о ней в подходящих выражениях. Однако умозрительные трактаты — запретное удовольствие, и лучше держать его в тайне: насмешек ему и так хватает. «Эстетические соображения»... или нет? Неужто этот автор-цинна и впрямь считает, что утопленцы созданы лишь для украшения берегов?..

В пустой уборной (полотняный навес, две доски над отверстием) витал, помимо обычной вони, какой-то сладковатый запах, однако Гедер, погруженный мыслями в красоты книги, не успел ничего сообразить, и, лишь стянув штаны и усевшись со вздохом на дощатый настил, он запоздало восторженно воскликнул: с чего бы уборной пахнуть опилками?

Настил подался под весом тела, и Гедер, с воплем опрокинувшись назад, полетел в зловонную яму. Доска, ударившись об стену, отскочила и стукнула его в плечо, от падения перехватило дух. Оглушенный, он лежал в вонючей темноте, чувствуя, как куртка и штаны напитываются холодной жижей.

Вдруг сверху раздался хохот, тут же хлынул свет.

Четыре светильника реяли высоко над головами, оставляя лица в тени капюшонов, но видеть пришедших не было нужды — Гедер узнал голоса. Так называемые друзья и собратья по оружию: сын барона Остерлингских Урочищ Джорей Каллиам, сэр Госпей Аллинтот, с ними секретарь верховного маршала Содай Карвеналлен и, что хуже, предводитель отряда сэр Алан Клинн, капитан, непосредственный начальник Гедера — тот самый, кому Гедер адресовал бы рапорт о недозволительном поведении соратников.

Гедер выпрямился, плечи и голова теперь торчали над ямой. Четверка друзей заходила от хохота.

— Очень смешно, — буркнул Гедер, протягивая им измазанные дерьмом руки. — Вытаскивайте теперь.

Джорей подхватил его под локоть и извлек из ямы, не побоявшись — надо отдать ему должное — перепачкаться жижей, в которой по милости друзей выкупался юноша. Грязные промокшие штаны так и болтались у колен и, секунду посомневавшись (то ли надеть, то ли идти полуголым), Гедер со вздохом натянул их на себя.

— Ты — наша единственная надежда, — едва дыша от хохота, со слезами на глазах выдохнул Клинн и ткнул его в плечо. — Остальных не проведешь. Правда, и Содай не заметил, что доски подпилены, но он же тощий, навес не рухнул.

— Что ж, знатная шутка, — кисло выдавил Гедер. — Пойду переодеваться...

— Ах нет, приятель, что ты, — по-столичному в нос выговорил Содай. — Не порть нам вечер, мы всего лишь забавлялись. Присоединяйся!

— Истинная правда, — подтвердил Клинн, приобнимая Гедера за плечи. — Позволь нам загладить вину. Вперед, друзья! Под кров!

И приятели зашагали к палаткам, увлекая за собой Гедера. Из всех четверых, судя по

всему, искренне ему сочувствовал один Джорей, да и тот безмолвно.

Все детство Гедер провел в мечтах, как будет служить королю, нестись в атаки, блистать находчивостью и являть чудеса воинской доблести. Читал сказания о великих героях прошлого, слушал отцовские были о дружбе и боевом братстве.

Действительность оказалась куда менее радужной.

Командирский шатер из прочной кожи, натянутой на железные шесты, внутри был убран шелком и сиял роскошью, невысказанной даже для родительского дома Гедера. В очаге ревел огонь, выбрасывая дым в кожаную трубу, подвешенную на тонкой цепи. Рядом уже приготовили ванну. Жар стоял как в знойный летний полдень, так что Гедер, стягивая с себя грязную одежду, и не поежился. Остальные сбросили перчатки и куртки, измазанные при возне с Гедером, и раб-тимзин тут же утащил их чистить.

— Друзья мои! Мы — гордость и надежда Антеи! — объявил Клинн, наполняя вином объемистую кружку.

— За короля Симеона! — провозгласил Госпей.

Клинн всучил кружку Гедеру и выпрямился, держа в руке бурдюк.

— За королевство и империю! — воскликнул он. — Да сгинет ванайский выскочка!

Остальные поднялись. Гедер встал прямо в ванне, разбрызгивая воду: сидеть под такой тост — чуть ли не государственная измена. За первым тостом последовали и другие: уж чего-чего, а вина для застолий сэра Алан Клинн никогда не жалел. А что Гедеру он наливал всякий раз полнее, чем другим, так это не иначе как в знак раскаяния за сегодняшнюю проказу.

Содай продекламировал сочиненный им непристойный сонет в честь доступнейшей из шлюх, сопровождающих войско. Клинн в ответ разразился импровизированной тирадой о качествах настоящих мужчин — воинской доблести, изяществе манер и неутомимости на ложе любви. Джорей и Госпей под барабан и фисгармонию ладно спели развеселую песенку на два голоса. Когда настал черед Гедера, он, поднявшись в остывшей ванне, изобразил скабрезный куплет с соответствующими телодвижениями — когда-то показанный ему отцом в изрядном подпитии. Гедер никогда прежде не осмеливался выносить его на публику, и сейчас, глядя на согнувшихся от хохота товарищей, он вдруг заподозрил неладное — должно быть, слишком уж он пьян, и не сам ли он приложил руку к собственному унижению? Пытаясь скрыть тревогу, он неловко улыбнулся, чем вызвал новый взрыв хохота — собутельники утихли лишь тогда, когда задыхающийся Клинн затопал ногами в пол и жестом велел Гедеру сесть.

Сыры и колбасы, вино с лепешками и соленьями и еще вино. Гедер давно потерял нить беседы и позже сумел вспомнить лишь одно — как с пьяной серьезностью рассуждал об утопленцах, артистических устремлениях и эстетических соображениях.

Он проснулся в своей палатке — замерзший, совершенно разбитый, без малейшего представления о том, как сюда попал. Сквозь полотняную стену пробивались смутные отблески рассвета, где-то свистел ветер. Остатки снов еще мучительно бродили в голове, однако всякая надежда на отдых вскоре растаяла: в лагере протрубили сбор. Гедер с трудом поднялся, натянул свежий мундир и откинул волосы. Желудок выворачивало наизнанку, голова то ли болела, то ли кружилась. Если его стошнит в палатке, никто не увидит, зато оруженосцу перед походом придется ее чистить. А если выйти наружу, незамеченным не останешься. Интересно, сколько он вчера выпил... Протрубили второй сигнал — теперь уж точно ничего не успеть.

Гедер стиснул зубы и зашагал к командирскому шатру.

Каллиам, Аллентот и еще два десятка рыцарей уже стояли строем, многие в кольчугах и парадных латах. Позади каждого — сержанты и латники в пять рядов. Гедер Паллиако старался держаться прямо: жизнь и честь воинов, стоящих за его спиной, зависели от его уверенности, как его собственная жизнь зависела от распоряжений командира, а судьба того — от лорда Тернигана, верховного маршала, ведущего в бой всю армию.

Сэр Алан Клинн вышел из шатра. В холодных утренних лучах он предстал перед строем как идеальный воин-герой: черные одежды — сгусток полночного мрака, широкие плечи и волевой подбородок — творение резца неведомого скульптора. Два раба вынесли небольшой помост, капитан встал на возвышение.

— Воины! — произнес он. — Вчера лорд Терниган прислал новый приказ. Ванайи заключили союз с Маччией. Нам донесли, что на подкрепление Ванайям в этот самый миг движутся шестьсот мечников и лучников.

Капитан помолчал, давая войску осознать положение, и Гедер нахмурился. Союз с Маччией? Странно... Оба города враждовали не первый десяток лет, перебивая друг у друга торговлю пряностями и табаком. Он читал, будто сплошной деревянной застройкой Ванайи обязаны тому, что Маччия некогда наложила руку на каменоломни, и Ванайи тогда спасала лишь река, по которой в город сплавляли древесину с севера. Вряд ли с тех пор многое изменилось...

— Новые отряды Ванайям не подмога, — продолжил Алан. — Потому что к их приходу город уже должен перейти в наши руки.

Гедер нахмурился еще больше, в груди заняло от нехорошего предчувствия. От Маччии до Ванайев пять дней морем, а отсюда до границы не меньше недели. Дойти до Ванайев раньше маччийцев...

— Сегодня выступаем в поход, — провозгласил Алан. — Спим в седлах, едим на ходу. Через четыре дня застанем Ванайи врасплох и покажем всем, что такое власть Рассеченного Престола! За короля!

— За короля! — повторил Гедер вслед за остальными, поднимая руку в приветствии и сясь не разрыдаться.

Они знали. Вчера ночью друзья все знали. Гедер вновь дернулся от ломоты в спине, заняли ноги, головная боль сделалась невыносимой. Джорей Каллиам, отходя от уже распадающегося строя, встретил взгляд Гедера и поспешно отвел глаза.

Вот в чем была шутка. Уборная, падение в яму — лишь предлог. После этого попросить у дурачка прощения, затащить к себе, усадить в ванну, напоить, заставить петь сальные отцовские куплеты... Гедер вздрогнул, как от ножа в спину. А потом утром тебе объявляют ускоренный марш и смотрят, как безмозглый увалень Паллиако борется с порывами рвоты прямо на плацу. Лишить сна в последнюю спокойную ночь и потом целые дни наслаждаться твоими мучениями...

«Братья по оружию», «боевые товарищи» — трогательные бессмысленные слова. Здесь, как и дома, сильные издеваются над слабыми, красавчики унижают тех, кто попроще. Власть имущие везде и всегда будут выбирать одних в фавориты, других в шуты.

Гедер повернулся и побрел к палатке, которую рабы по приказу оруженосца уже готовились сложить. Не обращая на них внимания, он шагнул под полотняный кров, чтобы хоть минуту побыть наедине с собой: одиночества ему теперь не видать ни днем ни ночью — до самой битвы. Он потянулся за книгой...

Книги не было.

По спине пробежал холодок, явно не от осенней прохлады.

Он вернулся пьяным. Может, переложил книгу в другое место? Пытался читать перед сном? Гедер обыскал походную кровать, перетряхнул одежду, влез в обитый кожей деревянный сундук с остальными пожитками — никаких следов. Он чуть не задохнулся, кровь бросилась в лицо — то ли от стыда, то ли от гнева. Юноша рванул к выходу и за спинами замерших рабов разглядел мулов и повозки, на которые уже грузили остальные шатры и прочее имущество. Время на исходе. Он кивнул оруженосцу-дартину (рабы тут же кинулись собирать вещи) и зашагал через лагерь обратно. Ноги от страха чуть не подкашивались, однако он не собирался оставлять книгу в чужих руках.

Капитанского шатра на месте не оказалось: кожаный полог уже сняли и вместе с разобранной рамой отправили в поклажу. Все как в детской сказке — волшебный замок исчез с рассветными лучами, а там, где Гедер плясал нынче ночью, зиял пустотой голый клочок земли. Сэр Алан Клинн, правда, и не думал таять в воздухе — стоя рядом в кожаном дорожном плаще и с мечом на поясе, он отдавал приказы главному фуражиру, гороподобному йеммуту-полукровке. И хотя ранг Гедера формально позволял их прервать, юноша предпочел выждать.

— Паллиако, — обернулся к нему Клинн без прежней теплоты в голосе.

— Милорд, — в тон ему ответил Гедер. — Не хочу показаться назойливым, но когда я проснулся утром... после вчерашнего...

— Короче.

— У меня была книга, сэр.

Сэр Алан Клинн утомленно прикрыл красивые глаза.

— Я думал, мы с этим покончили.

— Вот как? Значит, про книгу все известно? Я ее показывал?

Капитан, открыв глаза, из-под длинных ресниц окинул взглядом спешно сворачиваемый лагерь, и Гедер почувствовал себя докучливым юнцом перед усталым учителем.

— Умозрительный трактат — а, Паллиако? Трактат?

— Я упражнялся в переводе, — солгал Гедер, устыдившись бывшего рвення. — Ради практики.

— Что ж, признаться в пороке — тоже храбрость. И решение уничтожить книгу было выше всяких похвал.

Сердце Гедера глухо стукнуло в ребра.

— Уничтожить, сэр?

Алан взглянул на него с удивлением — то ли искренним, то ли наигранным.

— Мы ее сожгли ночью, — бросил он. — Вдвоем. Когда я дотащил тебя до палатки. Память слаба?

Гедер не знал, верить или нет: события ночи слились в сплошной туман, он мало что помнил. Неужели его напоили так, что он отрекся от своих занятий и позволил сжечь книгу? Или сэр Алан Клинн, его командир, откровенно лжет? При всей абсурдности обоих предположений одно из них было правдой. И признать провал в памяти — значит прилюдно расписаться в собственном неумении пить и в очередной раз сделаться посмешищем отряда.

— Прошу прощения, сэр, — выговорил Гедер. — Должно быть, я перепутал. Теперь все ясно.

— Осторожнее в другой раз.

— Такого больше не случится.

Гедер отдал честь и, не дожидаясь ответа Клинна, направился прочь.

Серый мерин — лучшее, на что могла раскошиться семья, — уже стоял наготове. Взобравшись в седло, Гедер дернул поводья, и мерин резко мотнул головой, удивленный злостью хозяина. Юноша тут же устыдился: животное-то не виновато! Он пообещал себе, что на привале скормит коню лишний кусок сахарного тростника — если привал когда-нибудь случится. Если этот треклятый поход не затянется до конца времен и второго пришествия драконов.

Армия свернула на широкую дорогу из драконьего нефрита и теперь двигалась размеренной поступью, сберегая силы для долгого пути. Гедер из чистого упорства и ярости восседал в седле прямо и гордо. Его унижали и прежде. И нынешний раз наверняка не последний. Однако сэра Алана Клинна сжег его книгу!.. И в лучах утреннего солнца, прогнавшего ночной холод и тронувшего золотым светом осенние листья, Гедер понял, что уже дал обет мщения. В тот самый миг, когда стоял лицом к лицу с новым — смертельным — врагом.

«Такого больше не случится», — сказал он тогда.

Китрин бель-Саркур, сирота на попечении Медеанского банка

Китрин помнила о родителях одно — как ей принесли весть об их смерти. Из более ранних дней теснились в памяти лишь обрывки, словно призраки живых людей: отец — теплые ладони, обнимающие ее под дождем, и запах табака, мать — вкус хлеба с медом и тонкая изящная рука циннийки, касающаяся колена Китрин. Память не сохранила ни лиц, ни голосов — только боль потери.

Китрин тогда было четыре года. За чаем в бело-лиловой детской она играла с куклой-тралгуткой из бурой мешковины, набитой сушеными бобами, как вдруг вошла няня. Китрин так и не успела расправить тралгутке уши. Бледная больше обычного, няня объявила, что господин и госпожа погибли от чумы и девочке пора готовиться в дорогу. Теперь она будет жить в другом месте.

Китрин ничего не поняла — подумаешь, смерть! Все равно что не получить красивую ленточку или лишиться сладкого: стоит заплакать погромче — и ей уступят. Поэтому она не столько горевала, сколько обижалась на то, что привычный уклад должен смениться.

И лишь на новом месте, в сумрачных комнатах под самой крышей банка, она поняла, что ни крики, ни слезы не помогут: родители не придут. Умерших слезами не проймешь.

— Тебе-то что за дело? — беспечно отмахнулся Безель.

Небрежно откинувшийся на побитые деревянные ступени, он выглядел живописнее некуда. Как обычно. Ему двадцать один, он старше Китрин на четыре года; черные волнистые волосы обрамляют широкое лицо, которое так красит улыбка, и хотя в плечах он широк, как простой работяга, ладони у него мягкие. Рубаха, выкрашенная в цвета банка — красный и коричневый, — несказанно ему идет, на зависть Китрин, одетой в те же цвета. У него полдесятка любовниц, Китрин тайно ревнует его к каждой.

Сидя на деревянной скамье над Арочной площадью, они смотрели вниз на суетливую толпу в базарный день. На площади теснились сотни торговых палаток с яркими навесами, стены окружающих домов щетинились тонкими жердями, как дряхлые деревья — молодой порослью. Справа изгибался у пристани главный канал Ванайев, по зеленой воде которого сновали узкие лодки и баржи. Рынок гудел голосами рыботорговцев, зеленщиков и мясников, расхваливающих товар последних летних дней.

Среди толпы первокровных и черно-чешуйчатых тимзинов то и дело мелькали тонкие и бледные цинны, широколобые тралгуты с подвижными, как у собак, ушами идвигающиеся вразвалку йеммуты. Однажды Китрин даже видела утопленца — он глядел на нее из канала, не отводя печальных черных глаз.

— Не понимаю, с чего вдруг банку поддерживать Антейскую империю, — сказала она.

— А мы ее и не поддерживаем, — ответил Безель.

— Это герцога мы не поддерживаем. А на носу война.

Безель засмеялся своим лучшим в мире смехом, и Китрин было обиделась, однако тут же его простила, лишь только он коснулся ее руки.

— Здесь просто разыгрывают пьесу, как в театре, — объяснил Безель. — Главные заправилы сойдутся на поле за городом, помашут дубинками и мечами, потопчут пыль ради приличия, а потом мы впустим антейцев в город и дадим поуправлять нами год-другой.

— А наш герцог...

— В изгнании. Может, и в тюрьме, но скорее в изгнании. Да чему удивляться? Небось в Астерилхолде какой-нибудь местный герцог женился на гилейской баронессе, и король Симеон решил, что в противовес надо бы учинить что-нибудь в Вольнограде. И нашел причину объявить Ванайям войну.

Китрин сдвинула брови — Безель явно веселился, его ничего не трогало. Наверняка он считает ее опасения наивными, а то и глупыми. Она решила не сдаваться.

— Я много читала про войны. Учитель истории рассказывает совсем не так.

— Может, настоящие войны и другие, — пожал плечами Безель. — Если Антея вдруг пойдет на Биранкур или Кешет, ни за что не поручусь. А здесь — не волнуйся, пташка. Все схлынет, как весенняя гроза.

Женский голос окликнул Безеля — внизу стояла купеческая дочка в темно-коричневом корсаже и длинных юбках из небеленого льна. Безель поднялся, его глаза заблестели.

— Работа зовет. А ты беги домой, пока старуха Кэм не разволновалась. И можешь мне поверить: магистр Иманиэль знает, что делает. Опыта у него больше, чем у любого из нас, он своего не упустит.

Китрин, не сводя глаз с Безеля, кивнула, а тот уже мчался вниз, прыгая разом через две ступеньки. Замерев перед темноволосой девушкой, он поклонился, та присела в реверансе — Китрин видела, что они не всерьез: формальности для них лишь прелюдия к другой игре. Наверняка Безель даже не задумывался, много ли знает Китрин о таких играх. Она лишь сокрушенно смотрела, как он берет девушку под локоток и ведет прочь, через бледные городские улицы и мосты. Китрин вцепилась пальцами в рукава и прокляла — в который уж раз — цвета Медеанского банка. Нет бы им выбрать что-нибудь более подходящее! Зеленый, например, ей к лицу...

Будь ее родители оба первокровные или оба цинны, ее взяла бы на воспитание чья-нибудь семья. А так — отцовские поместья в Биранкуре отошли короне и уже переданы кому-то вместе с титулом, а материнский клан в Принсип-с'Аннальдэ в учтивых выражениях отказался принять полукровку.

Скитаться бы ей по улицам и задворкам Ванайев, когда бы не банк. Ее отец, к счастью, держал часть золота у магистра Иманиэля, и Китрин как наследницу здесь приняли под опеку до совершеннолетия — тогда ей будет позволено заключать контракты от своего имени и удостоверить их оттиском надрезанного до крови большого пальца. Оставалось немного. Через два лета, после девятнадцатого в своей жизни солнцеворота, она станет владелицей состояния и, как она надеялась, навсегда съедет из тесных комнат у главной городской площади, где располагался ванайский филиал Медеанского банка.

Если, конечно, вражеская армия не разрушит город.

Бредя через рынок, Китрин вглядывалась в обыденные спокойные лица — ни страха, ни опасений. Может, Безель и прав. Он говорил так уверенно... Впрочем, он всегда уверен.

Интересно, переменится ли он к ней, когда она станет самостоятельной? Китрин задержала шаг у лотка, где женщина из первокровных торговала духами, притираниями и цветными головными покрывалами. Здесь же на грубом деревянном шесте висело зеркало для покупательниц, и Китрин, глядя в него, вздернула подбородок, как другие, — будто она и не сирота вовсе.

— Ах, бедняжка, — тут же запричитала торговка. — Долго болела, да? Тебе краску для губ?

Китрин помотала головой и отступила, но торговка сцепилась ей в рукав.

— Не убегай, я не боюсь! Знаешь, сколько ко мне после болезни-то приходят? Уберем твою бледность, не стесняйся.

— Я не болела, — выдавила Китрин.

— Как так? — переспросила торговка, уже ведя ее к табурету в дальнем углу палатки. Густой запах розового масла от глиняных плошек был почти невыносим.

— Не болела. У меня мать цинна. Поэтому... поэтому я такая.

Торговка окинула девушку жалостливым взглядом: в Китрин и вправду не было ни тонко-хрустальной циннийской красоты, ни теплого живого обаяния первокровных. Что-то среднее. Соседские дети звали ее «белый мул» — нелепая помесь, не делающая чести обеим породам.

— Ну тогда тем более, — утешительно проворковала торговка. — Сядь, сейчас что-нибудь придумаем.

В конце концов Китрин купила у нее краску для губ, лишь бы сбежать.

— Лучше б вы дали ему денег. Хоть чуть, — проворчала Кэм. — Он же герцог. Будто не знаете, где его искать, если что.

Магистр Иманиэль, оторвавшись от тарелки, поднял любезное, но непроницаемое лицо. Невысокий, с жесткой кожей и редкими волосами, он по желанию мог казаться то кротким и мягким, как котенок, то холодно-яростным, как демон. За все годы, что Китрин его знала, она так и не поняла, что из этого маска, а что подлинная натура.

— Китрин, — позвал он мягким, под стать взгляду, голосом. — Почему я не ссужаю герцога деньгами?

— Если он откажется вернуть долг, вы не сможете его принудить.

Магистр Иманиэль взглянул на Кэм и пожал плечами.

— Видишь? Девчонка соображает. Таково банковское правило — не давать денег тем, кто считает зазорным возвращать долги. И кроме того, разве у нас есть свободные средства?

Кэм помотала головой, изображая отчаяние, и потянулась через стол за солью. Магистр Иманиэль откусил еще кусок баранины.

— Почему он не идет занимать денег у баронов и герцогов?

— Не может, — ответила Китрин.

— Почему?

— Да оставьте в покое бедную девочку! — возмутилась Кэм. — Каждый раз не разговор, а экзамен!

— Все их золото — у нас, — объяснила Китрин. — Здесь, в банке.

— Да что ты говоришь? — картинно изумился магистр Иманиэль. — Неужели правда?

— К нам идут который месяц. Мы выдали векселя половине знатных семей в городе. Сначала брали от них золото, потом в ход пошли драгоценности, шелка, табак — все, с чего можно получить выгоду.

— Откуда ты взяла?

Китрин закатила глаза.

— Все об этом знают, на углах шепчутся. Знать удирает со всех ног, как крысы с тонущего корабля, и банки наживаются как могут. В Карсе, Киарии или Столлборне за наши аккредитивы дадут полцены, не больше.

— Да, цену сейчас диктует покупатель, — кивнул магистр Иманиэль с

удовлетворением. — Зато товар учитывать замучишься.

После ужина Китрин поднялась к себе в комнату и открыла окна. От каналов поднимался туман, в воздухе пахло льняным маслом — по осени им покрывали деревянные стены домов, чтобы уберечь от дождей и снега. Поверх всего разносился густой запах водорослей из каналов. Китрин порой воображала, будто все здания — корабли, которые плывут по огромной реке, а где-то глубоко под землей каналы незримо для глаз соединяются в один широкий поток.

Железная калитка в конце улицы, видимо, ослабла на петлях и теперь скрипела, покачиваясь под ветром. Китрин поежилась, закрыла ставни и, переодевшись ко сну, задула свечу.

Ее разбудили крики. Потом в дверь стукнула окованная свинцом дубина.

Китрин отворила ставни и выглянула наружу. В поредевшем тумане маячили больше десятка мужчин — судя по мундирам, герцогские гвардейцы; пятеро держали в руках смоляные факелы. Столпившись у двери, они орали что-то весело и безжалостно. Один, вскинув глаза, наткнулся взглядом на Китрин и довольно осклабился. Не зная, что происходит, девушка неловко улыбнулась в ответ и отступила в глубь комнаты, чуя недоброе. Тут же послышались голоса — настороженные слова магистра Иманиэля, хохот предводителя отряда и горестный вопль Кэм.

Китрин сбежала по лестнице. Летя по темному, освещенному лишь дальним светильником коридору, она краем сознания понимала, что мчаться к дверям — безумие, нужно спешить прочь. Однако голос Кэм не давал ей покоя: нужно узнать, что стряслось.

Гвардейцы уже успели уйти. Магистр Иманиэль недвижно застыл у двери с поднятым в руке светильником, лицо его словно окаменело. Рухнувшая на колени Кэм замерла рядом, закусив кулак. А Безель, несравненный красавец Безель, лежал на каменном полу весь в крови — и кровь больше не текла. Крик, готовый вырваться наружу, замер у Китрин в горле.

— Позови ведуна, — велел магистр Иманиэль.

— Слишком поздно, — сдавленно прошептала Кэм сквозь слезы.

— Я не прошу совета. Позови ведуна. А ты, Китрин, помоги перенести тело.

Надежды не было, но обе женщины повиновались. Кэм, накинув шерстяной плащ, поспешила прочь; Китрин вцепилась в ноги Безеля, магистр Иманиэль подхватил его за плечи, и вдвоем они дотащили тело до столовой. Там Безеля уложили на широкий деревянный стол, и Китрин разглядела раны на лице и руках. Сквозь распоротый клинком рукав виднелся порез, тянущийся от запястья к локтю. Безель не дышал, кровь не сочилась — словно уснул и мирно спит.

Пришедший ведун втер какие-то порошки в пустые глаза Безеля, надавил ладонями на недвижную грудную клетку и призвал духов и ангелов. Безель испустил долгий судорожный вздох, но магия явно оказалась бессильна. Магистр Иманиэль дал ведуну три тяжелые серебряные монеты и отпустил. Кэм развела огонь в жаровне, языки огня заплясали по телу Безеля, и стало похоже, будто он дышит.

Магистр Иманиэль стоял в головах, глядя на тело. Китрин выступила вперед и тронула холодеющую руку Безеля. Рыдания подступали к горлу, но слез не было — страх, боль и неверие сплетались в душе, не находя выхода. Она подняла глаза и встретила взгляд магистра Иманиэля.

— Зачем было сопротивляться... — заговорила Кэм. — Лучше б отдали герцогу все, что требовал. Всего лишь деньги...

— Принеси его одежду, — велел магистр Иманиэль. — Чистую рубаху. И ту красную куртку, что он не любил.

Глаза его метались с места на место, как будто он читал слова, написанные в воздухе. Кэм и Китрин переглянулись — Китрин было заподозрила, что хозяин хочет обмыть и одеть тело для погребения, но тут же отбросила нелепую мысль.

— Кэм! — нетерпеливо повторил магистр Иманиэль. — Не слышишь, что ли? Ступай!

Старуха тяжело поднялась и неверными шагами двинулась по коридору. Магистр Иманиэль повернулся к воспитаннице, его щеки пылали — то ли от ярости, то ли от стыда, то ли от чего-то еще, чего Китрин не знала.

— Управлять повозкой можешь? — спросил он. — С упряжкой из двух мулов справишься?

— Не знаю. Наверное.

— Раздевайся, — велел опекун.

У Китрин дрогнули ресницы.

— Раздевайся, — повторил магистр Иманиэль. — Ночная рубашка, что там есть — снимай. Посмотрим, с чем имеем дело.

Китрин робко подняла руки к плечам и распустила шнуры — полотно соскользнуло на пол, по коже тут же пошли мурашки от холода. Магистр Иманиэль, обойдя вокруг нее, несколько раз хмыкнул, будто делал какие-то расчеты. Тело Безеля лежало недвижно. Китрин кольнуло стыдом — она никогда прежде не раздевалась перед мужчиной.

Кэм, войдя в комнату, вытаращила от удивления глаза — и тут же решительно нахмурилась.

— Нет! — заявила она.

— Давай рубаху, — велел магистр Иманиэль.

Взглянув на застывшую Кэм, он обошел вокруг стола и взял у нее рубаху и куртку Безеля; старуха не сопротивлялась. Хозяин молча накинул рубаху на Китрин, подол хоть как-то прикрыл наготу. Теплая мягкая ткань еще хранила запах прежнего владельца. Магистр Иманиэль, отступив на шаг, удовлетворенно прищурился и бросил девушке куртку, знаком приказав надеть.

— Подшить кое-где, — заметил он. — И сойдет.

— Не надо, хозяин, — взмолилась Кэм. — Она ведь почти ребенок!

Магистр Иманиэль, не обращая на нее внимания, отвел волосы от лица Китрин и пощелкал пальцами, словно что-то припоминая. Затем наклонился к каминной решетке, окунул палец в сажу и провел им по щекам и подбородку девушки — теперь она стояла с вымазанным лицом, от сажи пахло старым дымом.

— Придумаем что-нибудь получше, а пока... — пробормотал хозяин себе под нос. — Что ж... как тебя зовут?

— Китрин...

Магистр Иманиэль резко хохотнул.

— Что за имя для ладного взрослого парня? Тебя зовут Таг. Ясно? Повтори.

— Меня зовут Таг, — послушно выговорила девушка.

Хозяин презрительно скривился.

— Не пищи, как девчонка!

Китрин попыталась сделать голос пониже и поглубже.

— Меня зовут Таг.

— Неплохо. Для первого раза неплохо. Но надо поработать.

— Не заставляйте ее! — снова вмешалась Кэм.

Магистр Иманиэль улыбнулся одними губами.

— Герцог перешел черту. Банковское правило — закон. Он ничего не получит.

— Банковские правила определяете вы сами! — возразила Кэм.

— И мое слово — закон! Таг, мой мальчик, через неделю ты пойдешь в Старый квартал и отыщешь мастера Уилла. Он наймет тебя возницей в караван до Норджоста — увезти отсюда некрашеную шерсть, пока не сгнула из-за войны.

Китрин не ответила ни да, ни нет — перед глазами плыло, происходящее казалось страшным сном.

— Когда приедешь в Карс, — продолжал магистр Иманиэль, — отгонишь фургон в главную контору банка. Я дам тебе карту и указания. И сопроводительное письмо.

— Путь-то — на много недель! — не выдержала Кэм. — А то и месяцев, если снег ляжет!

Магистр Иманиэль резко обернулся, его глаза пылали яростью.

— А что мне остается? — ледяным тоном спросил он. — Держать девчонку при себе? Здесь ей не безопаснее, чем в караване. А я не намерен безропотно ждать, пока у меня все отберут.

— Я ничего не понимаю... — Собственный голос показался Китрин далеким, будто она пытается перекричать шум прибоя.

— Люди герцога не спускают с нас глаз, — объяснил магистр Иманиэль. — Наверняка следят за всеми, кто на меня работает. И за воспитанницей банка, циннийской полукровкой Китрин, тоже. Зато возница Таг...

— Возница? — переспросила Китрин, лишь бы что-нибудь сказать.

— Фургон — всего лишь маскировка, — с отчаянием в голосе проговорила Кэм. — Безель на нем собирался вывезти деньги, сколько получится. Тайком.

— Золото банка? — переспросила Китрин. — Вы хотите, чтобы я везла его в Карс? Я?

— Не все, а сколько удастся, — уточнил хозяин. — Золото тяжелое, поэтому лучше камни и украшения, они дороже. Пряности, табачные листья, шелка весят мало, компактные, повозка выдержит. И банковские книги. Настоящие. А вот монеты и слитки... надо подумать.

Магистр Иманиэль натянуто улыбнулся. Дрогнул свет, мертвый Безель словно бы повел плечом. Сквозняк охлаждал обнаженные бедра Китрин, желудок свело, к горлу подступала тошнота.

— Ты все сделаешь правильно, детка, — отрезал магистр Иманиэль. — Я в тебя верю.

— Спасибо, — проглотив комок в горле, ответила девушка.

Стиснув зубы, Китрин шла по улицам Ванайев. Под носом топорщились накладные усы — реденькая поросль, как у любого юнца, страшно гордящегося первым пухом над губой. Рубаху и куртку Безеля, скрытно перешитые для нее в задних комнатах банка, дополняли самые дешевые латаные обноски, какие только удалось украсть, — новое покупать никто не осмелился. Волосы, выкрашенные чаем в тускло-бурый цвет, ей зачесали вперед, чтобы скрыть лицо, а на место мужского органа прикрутили тугой узел из тряпок, который теперь торчал между ног и мешал ходить.

Вышагивать по городу, как лицедей в клоунском гриме и шутовских башмаках, было

неловко и нелепо — Китрин казалось, что ее обман очевиден всему миру. Стоило прикрыть глаза — в памяти всплывал труп Безеля, и от каждого случайного окрика сердце пускалось вскачь: она ждала ножа, стрелы, свинцовой дубины.

Ее никто не замечал.

Ванайи готовились к войне: купцы напоследок забивали окна досками, на площадях и в проулках теснились подводы — семьи, отказавшиеся бежать в деревню, передумали и теперь уезжали, а уехавшие передумали и теперь возвращались по домам. Герцогские глашатаи кричали о мифическом тысячном войске, уже высланном новым союзником, а старики тимзины у пристани смеялись, что уж лучше быть под Антеей, чем связаться с Маччией. Вербовщики гнали перед собой нестройные кучки новобранцев, рыча, как волки на кур. А в Старом квартале у высоких, богато изукрашенных дверей мастера Уилла толпились повозки, фургоны, телеги, мулы, волы и кони. На площади, где выстраивался караван, Китрин протиснулась сквозь толпу к коренастой фигуре мастера Уилла, увенчанной кожаной шляпой.

— Господин, — позвала она тихим низким голосом.

Старик не ответил, и Китрин нерешительно потянула его за рукав.

— Что?

— Я — Таг, господин. На фургон магистра Иманиэля.

Мастер Уилл взглянул на нее ошеломленно и тут же окинул глазом толпу — не слышал ли кто. Китрин мысленно прокляла все на свете. У банка нет повозок! Не фургон магистра Иманиэля, а фургон с шерстью! Так ошибиться в первый же раз!..

Мастер Уилл кашлянул и тронул ее за плечо.

— Опаздываешь, мальчик мой. Я уж думал, вовсе не придешь.

— Простите, господин.

— Ради всего святого, детка, лучше не разговаривай.

Мастер Уилл торопливо протащил ее через толчею и остановился у глубокой и узкой повозки. Борта, хоть и потертые, с годами не утратили прочности, а полог из просмоленного полотна сулил надежную защиту от ливней — рулоны серой шерстяной ткани, плотно уложенные в кузов, точно не промокнут. Толстые железные оси и обитые сталью колеса, на взгляд Китрин, явно слишком тяжелы для обыденной перевозки тканей — два мула, уже стоящие в упряжке, слабоваты для такой громадины. Обман не скрыть. Герцогские стражники все поймут без единого взгляда на Китрин!.. У девушки свело желудок, и она возблагодарила ангелов за то, что не смогла утром проглотить ни кусочка, — неизвестно, удержатся ли усы, если ее начнет рвать.

Мастер Уилл наклонился ниже, прижав губы к ее уху.

— Верхние два слоя — шерсть. Внизу все в запечатанных ящиках и бочках. Если крыша пропустит влагу — просто дай грузу высохнуть.

— А книги... — выдохнула Китрин.

— Книги завернуты в пергамент и залиты воском, их хоть в море бросай, выдержат. Не волнуйся. Не думай о том, что везешь. И ни в коем случае не пытайся влезть и разглядеть.

Китрин едва не поморщилась от раздражения. Он что, считает ее идиоткой?

— Спать можешь сверху на тюках, — продолжал мастер Уилл. — Ничего странного, никто не обратит внимания. Слушайся начальника каравана. Следи, чтобы мулы были сыты и здоровы. И держись подальше от всех, насколько возможно.

— Хорошо, господин.

— Ну вот и отлично. — Старик, отступив, хлопнул ее по плечу и выдавил безрадостную улыбку. — Удачи.

Глядя в удаляющуюся спину мастера Уилла, Китрин едва удержалась, чтобы его не окликнуть. Неужели это все? Ни дальнейших советов, ни напутствий — так и остаться одной? Она судорожно сглотнула и, резко ссутулившись, поплелась к фургону. Мулы глядели на нее равнодушно — что ж, хоть они не боятся пути.

— Меня зовут Таг, — шепнула она в длинные мягкие уши, жалея, что не знает имен мулов. И совсем неслышно добавила: — А на самом деле я Китрин.

Стражников она разглядела лишь после того, как вскарабкалась на сиденье возницы. Мужчины и женщины в кожаных доспехах и при мечях, все первокровные, лишь один тралгут с кольцами в ушах и гигантским луком на плече. Трое из стражников — предводитель отряда, тралгут и облаченный в длинные одежды старик с туго стянутыми волосами — о чем-то оживленно беседовали с начальником каравана, тимзином. Китрин стиснула вожжи так, что побелели костяшки пальцев. Предводитель кивнул в ее сторону, караванщик-тимзин пожал плечами. Трое стражников двинулись в ее сторону. Бежать? Неужели убьют?..

— Парень! — окликнул ее предводитель. Суровое лицо, светлые глаза, русые волосы — длиннее, чем носят в Вольноградье, но короче, чем диктует антейская мода. Моложе магистра Иманиэля, старше Безеля... Наклонившись, он поднял брови. — Парень! Слышишь меня?

Китрин кивнула.

— Ты слабоумный, что ли? Еще мне не хватало мальчишек, которые того и гляди отстанут от обоза.

— Нет, — просипела Китрин и кашлянула, чтобы голос звучал хрипло и низко. — Нет, господин.

— Ну что ж. Стало быть, на этом фургоне — ты?

Китрин кивнула.

— Отлично. Ты явился последним, все познакомились без тебя. Церемоний разводить не будем. Я капитан Вестер. Это мой помощник Ярдем. А это наш ведун, мастер Кит. Мы охраняем караван, а ты выполняешь наши приказы точно и без промедлений. Мы доставим тебя в Карс в целостности и сохранности.

Китрин вновь кивнула, капитан кивнул в ответ, явно сомневаясь в нормальности нового возницы.

— Вот и хорошо, — бросил он отворачиваясь. — Тогда в путь.

— Как скажете, сэр, — скрипуче пробасил тралгут и вместе с капитаном двинулся обратно, их голоса тут же слились с уличным шумом.

Мастер Кит подошел к Китрин. Он был много старше капитана, в обильной седине едва проступали черные волосы. Его длинное смуглое лицо вдруг озарилось улыбкой, на удивление сердечной.

— Как себя чувствуешь, сынок?

— Волнуюсь, — ответила Китрин.

— Первый раз идешь с караваном?

Китрин кивнула. Что за идиотизм — все время кивать, будто немая попрошайка на улице. Улыбка ведуна, мягкая как у священника, согревала и ободряла.

— Подозреваю, что самое тяжелое в пути — скука. Когда перед глазами третий день

маячит та же повозка, поневоле начинаешь мечтать о разнообразии.

Китрин улыбнулась — почти искренне.

— Как тебя зовут?

— Таг.

Веки старика дрогнули, улыбка на миг застыла. Китрин опустила голову, завешивая лицо волосами, сердце понеслось вскачь. Мастер Кит всего лишь чихнул и, покачав головой, произнес по-прежнему мягко:

— Добро пожаловать в караван, Таг.

Китрин еще раз кивнула, и ведун отошел. Сердце, успокаиваясь, застучало ровнее, девушка сглотнула комок в горле, закрыла глаза и приказала плечам расслабиться. Ее не разоблачили. Все будет хорошо.

Через час караван двинулся в путь. Первой шла широкая неуклюжая подвода с фуражом, за ней крытый фургон, лягг от которого долетел до Китрин даже через три упряжки. Начальник каравана, тимзин, объезжал подопечных на рослой белой кобыле и то и дело тыкал в повозки, мулов и возниц длинным гибким кнутом. Когда караванщик поравнялся с Китрин, она тряхнула вожжами и прикрикнула на мулов, как учил ее Безель в прежние времена — когда он был жив, весел и не считал зазорным пофлиртовать с несчастной сиротой, живущей на попечении банка. Мулы ринулись было вперед, и тимзин не замедлил с гневной отповедью:

— Куда гонишь, парень! Ты не на скачках!

— Простите, — пробормотала девушка, натягивая поводья. Один из мулов, обернувшись к ней, всхрапнул и повел ушами — она так и не поняла, привиделось ли ей недовольство в его глазах или мул и впрямь был возмущен. Китрин тронула упряжку вперед, уже медленнее, и караванщик-тимзин, покачав головой, двинулся дальше к хвосту каравана. Мулы привычно потащили фургон вслед за остальными повозками. Мало-помалу, под крики и проклятия, обоз выстроился в ряд и двинулся прочь от широких улиц Старого квартала к каналам, впадающим в реку, и дальше через мост, мимо герцогского дворца.

Перед глазами Китрин тянулись Ванайи, знакомые с детства. Вот дорога к рынку, где Кэм купила ей на день рождения медовую ковригу. Дальше — палатка, где подмастерье сапожника осмелился ее поцеловать и был выпорот магистром Иманиэлем. Она уже и забыла... А в этот дом ее, совсем кроху, водили учиться счету и письму. Где-то в городе похоронены ее мать и отец — она никогда не была на могиле, а жаль...

«Когда вернусь, схожу», — пообещала она себе. После войны, когда мир заживет спокойно, она вернется в Ванайи и найдет могилы родных.

Неожиданно скоро замаячила впереди городская стена — светлые камни, сложенные в два человеческих роста. Ворота стояли открытыми, но из-за толчеи на дороге караван замедлился, и мулы, словно ожидавшие такого исхода, терпеливо застыли на месте. Караванщик помчался вперед расчищать путь, лупя кнутом всех, кто мешал проехать. Заметив на надвратной башне стражника, на котором сияли латы герцогских гвардейцев, Китрин на миг похолодела: не он ли, вскинув голову, ухмылялся ей в ту ночь, когда убили Безеля? Однако окликнул стражник не ее, а капитана:

— Ты трус, Вестер!

У Китрин перехватило дух. Так обыденно бросаться оскорблениями...

— Сгинь, Доссен! — с ухмылкой рявкнул в ответ тот. Неужели они друзья?.. Капитан тут же утратил изрядную долю доверия Китрин, хотя она и успела порадоваться, что

гвардеец их все-таки не остановил. Повозки с грохотом и скрипом, то и дело кренясь на поворотах, выехали за городскую стену, и мелкая городская брусчатка под колесами сменилась широким зеленым полотном драконьего нефрита. Карс лежал отсюда к северо-западу, однако дорога, повторяя изгиб далекого морского берега, сворачивала к югу. По пути изредка попадались встречные повозки, идущие в город; освещенные солнцем низкие холмы полыхали осенним золотом и багрянцем. Китрин сжалась на скамье; начали мерзнуть ноги, затекли руки.

Через несколько лиг неспешного пути ровный стук колес и мерное покачивание фургона ее убаюкали, беспокойство понемногу улеглось. Девушка почти не вспоминала, зачем она здесь, почему оставила город, чем нагружен фургон, — она вдруг оказалась чуть ли не в одиночестве: мир теперь вмещал только ее, мулов, задок предыдущей повозки и деревья по краям дороги. Солнце, понемногу клонящееся к горизонту, светило ей в глаза, она почти ничего не видела.

Вдруг донесся окрик караванщика, обоз замедлил движение, а потом и вовсе остановился. Караванщик-тимзин проскакал от первых повозок к хвосту, как в Ванайях, и указал каждому место в открытой низине. Привал. Место Китрин, к счастью, было у самой дороги, так что особых маневров не понадобилось: она повернула куда велено, остановила фургон и слезла на землю. Отпрягнув мулов, она повела их к ручью — животные тут же припали к воде и не отрывались так долго, что девушка занервничала: не вредно ли им? Может, остановить? Чужие мулы, которых поили по соседству, тоже пили, не поднимая головы, и Китрин, тайком следя за погонщиками, решила делать то же, что все.

Вскоре спустилась ночь, резко похолодало. К тому времени как девушка накормила мулов и, вычистив, отвела их к походным стойлам, землю окутал туман. От разведенного караванщиком костра потянуло запахом дыма и жареной рыбы, у Китрин от голода заныло в желудке. Остальные возницы, пересмеиваясь, уже толкались в очереди за едой. Китрин встала рядом, стараясь не поднимать головы и не встречаться ни с кем глазами, а когда с ней заговаривали — лишь хмыкала или отделялась односложными ответами. Стряпухой при караване была низенькая толстая тимзинка с пухлыми, как колбасы, руками, чешуйки на которых чуть не торчали торчком, готовые отслоиться. Когда подошла очередь Китрин, стряпуха вручила ей оловянную тарелку — бледный ломтик форели, щедрая гора бобов и хрустящая краюха черного хлеба. Китрин благодарно кивнула и пошла к костру. Хотя штаны и куртка пропитались влагой, она не посмела приблизиться к огню и осторожно присела в тени.

Пока все ужинали, караванщик вытащил из своего фургона табурет и, взобравшись на него, при свете костра принялся читать вслух из священной книги. Китрин не особенно прислушивалась: магистр Иманиэль тоже был набожен или по крайней мере старался слыть набожным ради репутации, и благочестивые чтения были Китрин не в новинку, хотя ни Бог, ни ангелы никогда не казались ей такими уж увлекательными персонажами.

Тихонько оставив на месте тарелку с ножом, она отошла к ручью. Не выдать в отхожем месте, что она не мальчик, — эта мысль гнодала ее всю дорогу, лишь усиливая ужас, и снисходительные реплики магистра Иманиэля («да большую нужду все мужчины справляют сидя!») ее не ободряли. И сейчас, в пронизанной туманом тьме, сидя со спущенными штанами и придерживая рукой набитый тряпками гульфик, Китрин чувствовала облегчение не только телесное. Один раз получилось. Что ж, теперь остается поддержать игру несколько недель, пока караван дойдет до Карса.

Вернувшись к костру, она обнаружила, что рядом с ее тарелкой сидит один из стражников — к счастью, не капитан и не его помощник-тралгут. Китрин присела на прежнее место, стражник кивнул ей и улыбнулся. Только бы он не заговорил!..

— А караванщик-то наш не дурак поболтать, — тут же сообщил стражник. — Знатно выступает. Отличный бы актер из него вышел, да только для тимзинов ролей не так много. Разве что Орман в «Огне», а больше и не найдешь.

Китрин кивнула и сунула в рот очередную порцию холодных бобов.

— Сандр, — не пожелав умолкнуть, продолжил стражник. — Меня так зовут — Сандр.

— Таг, — буркнула Китрин, надеясь, что с полным ртом ответ получится по-мужски небрежным.

— Здорово, Таг. — Сандр пошевелился в темноте и вытащил кожаный бурдюк. — Выпить хочешь?

Китрин пожала плечами — как пожал бы плечами мальчишка-погонщик. По крайней мере она надеялась, что вышло похоже. Сандр улыбнулся и вытащил пробку. Китрин раньше пробовала вино — в храме и на праздничных застольях, — но только разбавленное и понемногу. Теперь ощущение было совсем другим: язык и губы слегка обожгло терпким привкусом, и жидкость устремилась в горло, словно очищая Китрин изнутри. В груди разлилось тепло, как разливается по лицу румянец.

— Отличная штука, да? — подмигнул Сандр. — Позаимствовал у мастера Кита, он не будет ругаться.

Китрин отхлебнула еще вина и с сожалением отдала бурдюк, Сандр припал к горлышку. Караванщик тем временем закончил читать, полдесятка голосов помогли ему пропеть концовку. Лунный свет, рассеянный туманом, лился мягко и ровно. К удивлению Китрин, вино ее успокоило, сжатые в комок внутренности расслабились — не полностью, но ощутимо. Тепло перелилось из груди в живот. Интересно, сколько еще надо отхлебнуть, чтобы отпустило плечи и шею...

Нет, сейчас не до безрассудств. Напиться нельзя.

Сандра окликнули, и он вскочил на ноги, забыв про бурдюк.

— Я здесь, сэр!

Стало быть, Вестер с тралгутом собирают стражников. Китрин всмотрелась в серую клочковатую тьму, оглянулась на костер — и осторожно, как бы невзначай подобрала бурдюк и спрятала под курткой.

По пути к своему фургону она старалась обходить остальных погонщиков. Чей-то голос выводил песню, кто-то подпевал. Крикнула ночная птица. Китрин забралась в фургон; на тюки с шерстью уже легла ночная роса, в мельчайших каплях влаги отражался лунный свет. Полог закрывать не хотелось — все равно ведь темно, — и Китрин свернулась калачиком среди рулонов ткани. Вытащив из-под куртки бурдюк, она отпила еще глоток. Один. Маленький.

Надо быть начеку.

Доусон Каллиам, барон Остерлингских Урочищ

Меч, описывая дугу, в последний миг повернулся; теперь стальное острие метило Доусону в лицо. Будь он так же молод, как и противник, уловка достигла бы цели: пришлось бы отпрянуть и — в неизбежном развороте — открыться. Однако многолетний опыт дуэлей не прошел даром: Доусон, отведя свой клинок на два пальца в сторону, в неожиданном выпаде послал меч вперед и промахнулся лишь на волос.

Фелдин Маас — барон Эббинбау и противник Доусона не только в дуэлях — сплюнул на землю и ухмыльнулся.

Изначальный повод был ничтожным. Три дня назад на королевском обеде Маас потребовал, чтобы угощение ему подавали прежде, чем более богатому землями Доусону — на том основании, что Мааса теперь назначили смотрителем южных границ. Барон объяснил Маасу его ошибку, тот оскорбился. Дело едва не дошло до пощечин прямо в пиршественном зале, и теперь противники разрешали спор давним традиционным способом.

Дуэльная аллея, сухая и пыльная, длиной и шириной вполне годилась для поединков вроде нынешнего, где позволены короткие клинки и кожаный доспех. С одной стороны ее ограничивали деревья, за которыми высились стены и башни Кингшпиля, с другой — исполинский Разлом в тысячу локтей глубиной, прорезавший некогда город и давший имя Рассеченному Престолу.

Противники отошли на позицию и вновь двинулись по окружности, не спуская один с другого глаз. Правую руку Доусона чуть ли не жгло от натуги, однако острие меча было нацелено во врага четко и твердо — барон всегда гордился тем, что после тридцати дуэльных лет он все так же силен, как в день первого поединка. Клинок соперника чуть дрожал, расслабленная поза обманула бы кого угодно — только не Доусона.

Кожаные подошвы ступали в пыли почти бесшумно. Фелдин ударил, Доусон парировал и ответил выпадом, Фелдин с погасшей ухмылкой отступил. Однако Доусон не расслаблялся: никаких поблажек, пока наглец не получит фирменный шрам Каллиама. Фелдин Маас, крутанув меч кистью, размашисто ударил в низ корпуса, Доусон отвел удар и после ложного выпада вправо атаковал слева. Маневр был блестящим, однако противник успел уклониться — у обоих хватало боевого опыта, чтобы не поддаваться на затасканные трюки.

Оба полагались на неожиданность.

На войне, в настоящем бою, следующая атака Доусона стала бы чистым самоубийством: он открылся, ослабил упор, слишком вложил в удар. Выпад получился таким безыскусным, что Фелдин поверил и отскочил назад — но чересчур медленно: клинок Доусона рассек ему кожу.

— Кровь! — объявил Доусон.

В долю секунды на лице Фелдина сменились удивление, ярость, внезапная собранность — и тут же все прикрыла маска холодной иронии. За краткий миг он успел просчитать контратаку, и Доусон не сумел бы от нее уйти. Этот юнец Фелдин мечтал его убить! Несмотря на честь, свидетелей, закон — Фелдин чуть не поддался искушению его убить! Что ж, победа над ним становилась от этого только слаще.

Фелдин отступил, прижал руку к ребрам и поднял окровавленные пальцы. Лекари бросились обрабатывать рану, Доусон вложил меч в ножны.

— Отличный ход! — бросил Фелдин, пока с него стаскивали рубашку. — Пользоваться моей честью как щитом! Да ведь это почти комплимент — поставить на кон собственную жизнь, полагаясь на мое благородство!

— Скорее на боязнь потерять лицо.

В глазах Фелдина мелькнул опасный огонек.

— Полегче, — вмешался главный лекарь. — С одной дуэлью покончили, не начинайте новую.

Доусон, обнажив кинжал, отсалютовал на прощание, Фелдин оттолкнул слуг и тоже вытащил кинжал. Кровь обильно струилась по его телу — новый шрам явно будет глубок. Доусон удовлетворенно вложил кинжал в ножны, повернулся и зашагал прочь от дуэльной аллеи. Его честь была сохранена.

Кемниполь. Старинный город Разлома, столица Рассеченного Престола.

Еще со времен драконов он был всемирным оплотом власти первокровных. В сумрачные, выжженные века после великой войны, которая низложила владык мира и принесла освобождение расам рабов, Кемниполь оставался маяком света для первокровных: черно-золотой город на холме призывал к себе разбросанных по миру питомцев. Шли века, богатства копились, таяли и вновь копились, лишь город стоял незыблемо — прорезанный Разломом и объединенный властью Кингшиля, где ныне властвовал король Симеон с юным принцем Астером.

Края Разлома соединял Серебряный мост, перекинутый от Кингшиля к аристократическому кварталу на самом верху западного склона. Древние камни опирались на слой драконьего нефрита не толще пяди — вечного, как солнце и океан. Не желая перенимать недавнюю моду и передвигаться в носилках на плечах рабов, Доусон ехал в небольшой одноконной карете, от стука колес которой вспархивали по пути стаи голубей. Высунувшись из окна, он окинул взглядом стены Разлома — пласты камня, перемежающиеся слоями руин. Говорили, что остатки старинных зданий, погребенные сейчас под отбросами в нижних толщах расселины, древнее самих драконов. Кемниполь, вечный город. Его, Доусона, город — средоточие чаяний всего народа и целой расы. Город, любовь к которому соперничала в душе барона лишь с любовью к семье.

За мостом возница свернул на небольшую уединенную площадь, и перед глазами вырос особняк Доусона — стройные плавные линии выгодно отличали его от вычурных нагромождений, какими украшали свои дома выскочки вроде Фелдина Мааса, Алана Клинна и Куртина Иссандриана. Строгий классический дом, отделенный Разломом от Кингшиля и широкой равнины за ним. Благороднейшая семья в городе — исключая разве что лорда Банниена с его эстинфордским поместьем.

Слуги опустили подножку и подставили руки, чтобы помочь барону сойти, однако Доусон, по обыкновению, спустился сам — он предпочитал соблюдать установленный им же самим порядок. Раб-привратник, старый тралгут с бледно-коричневой кожей и светлыми волосками на кончиках ушей, стоял у входа, прикованный серебряной цепочкой к колонне черного мрамора.

— С возвращением, мой господин. Ваш сын прислал письмо.

— Который?

— Джорей, мой господин.

У Доусона зануло сердце. Послания от других детей сулили бы чистейшую радость,

однако письмо Джорея было сводкой новостей с ненавистной ванайской кампании. Он с тревогой протянул руку, но раб-привратник повел головой в сторону двери.

— Письмо у вашей супруги, господин.

В доме, среди темных гобеленов и сверкающего хрусталя, его встретил возбужденный лай: пять волкодавов летели к хозяину вниз по лестнице. Доусон потрепал их за уши, погладил лоснящиеся серые бока и прошел в оранжерею — к жене.

Стеклянный зал он соорудил исключительно ей в отраду: оранжерея нарушила пропорции северного крыла, зато Клара теперь разводила здесь троецветки и фиалки. Цветы с горных склонов Остерлинга напоминали ей о доме и скрашивали жизнь во время приездов в Кемниполь: фиалками в особняке пахло всю зиму.

Жена сидела в глубоком кресле у письменного столика, окруженная корзинками темных благоухающих цветов, как солдатами на параде. При звуке его шагов она с улыбкой вскинула голову.

Клара всегда была безупречна. Пусть годы согнали румянец со щек и посеребрили нити черных волос — Доусон по-прежнему видел в ней все ту же юную девушку. Времена, когда отец Доусона выбирал мать для своих будущих внуков, славились и более яркими красавицами, и более тонкой поэзией, однако отец остановил выбор на Кларе — и Доусон в тот же миг признал мудрость такого решения. У нее было доброе сердце — без этого прочие достоинства обращаются в прах.

Доусон нагнулся и поцеловал жену в губы, как всегда, — исполняя ритуал так же, как при выходе из кареты или при встрече с собаками. Ритуалы придавали его жизни дополнительный смысл.

— Джорей прислал письмо? — спросил он.

— Да. Весел, радуется кампании. Командир у него — сын Адрии Клинн, Алан. Джорей говорит, прекрасно ладят.

Тревога лишь усилилась. Скрестив руки, Доусон облокотился на столик с цветами. Клинн. Еще один приспешник Фелдина Мааса. Когда король определил к нему Джорея, известие встало Доусону поперек горла, злость не прошла и поныне.

— Да, а еще написал, что с ним служит Гедер Паллиако — но разве такое возможно? Тот забавный толстячок с вечной страстью к географическим картам и шуточным куплетам?

— Ты путаешь его с Лерером Паллиако. Гедер его сын.

— Ах вот как! — Клара с облегчением повела рукой. — Тогда ясно. А то я все недоумевала: в таком возрасте — и на войну. Не для нашего поколения забава. А еще Джорей чуть не целую страницу расписывает коней и груши — опять ваши штучки, я так ничего и не поняла.

Она порылась в складках платья и вынула сложенные листы.

— А как твоя дуэль? Успешно?

— Да.

— Этот наглец извинился?

— Лучше. Он проиграл.

Почерк Джорея, бегущий по страницам, напоминал равномерные следы птичьих коготков — ровные и одновременно небрежные. Доусон мельком просмотрел начало: бравада по поводу тягот походной жизни, язвительный выпад в адрес Алана Клинна (Клара его то ли не заметила, то ли предпочла не понять), строка-другая о юнце Паллиако, над которым потешается вся честная компания. А вот и главное! Доусон внимательнее вчитался

в текст, тщательно просеивая каждую фразу в поисках условных знаков — главные персонажи и основные действия обозначались у них с сыном особыми словами. «В нынешнем году груши сами в руки не падают» — значит, сэр Алан Клинн не ставленник лорда Тернигана и подчиняется ему как командующему войском, политические союзы ни при чем. Что ж, надо учесть. «Мой жеребец, кажется, начинает припадать на правую ногу». Жеребец, а не конь. Припадать, а не хромать. Правая нога, не левая. Стало быть, отряд Клинна планируют оставить в завоеванных Ванайях, а самого Клинна прочат во временные правители. Терниган не намерен брать себе власть. Значит, тем нужнее сейчас задержка в войне.

Только задержка. Главное, чтобы не поражение — тогда закулисные переговоры Доусона с Маччией станут государственной изменой. А вот если войско Тернигана завоеует Ванайи не сейчас, а в весеннюю кампанию, то Доусон успеет добиться, чтобы Клинна призвали ко двору, а на его место поставили Джорея. Правитель Ванайев — недурная должность для начала карьеры, да и Маасу с Клинном такой ход поубавит спеси.

Переговоры Доусон вел самыми тайными путями — его письма адресовались в Столлборн, откуда надежные люди пересылали их купцам из Биранкура, торгующим с Маччией, а те передавали по назначению. Главное было соблюсти тайну, и Доусон своего добился. Вольный город Ванайи получит подкрепление в шестьсот солдат. Весной, когда отпадет надобность, подкрепление отправят обратно, Ванайи падут, а к лету Доусон будет попивать вино с королем Симеоном и со смехом рассказывать о собственной ловкости.

— Милорд...

На пороге оранжереи с почтительным поклоном застыл слуга. Доусон свернул письмо и отдал Кларе.

— Что такое?

— К вам пришли, милорд. Барон Маас с супругой.

Доусон только хмыкнул. Клара, поднявшись с кресла, оправила рукава и приняла почти безмятежный вид.

— Ну же, любовь моя, — улыбнулась она. — Вы поиграли в войну, дай нам поиграть в мир и согласие.

Доусон хотел было возразить, что дуэль не игра, а дело чести, что получить шрам — для Мааса позор, что нынешняя встреча не более чем дань этикету... Клара, подняв бровь, склонила голову набок, и вся ярость куда-то улетучилась. Доусон рассмеялся:

— Любовь моя, ты учишь меня хорошим манерам.

— Вовсе нет, — улыбнулась Клара. — А теперь пойдем. Скажи гостям что-нибудь приятное.

Гостиная, уставленная лучшей в доме мебелью, тонула в гобеленах, через широкое окно с цветной мозаикой, изображающей грифона с секирой — герб Каллиамов, — падал свет на вытканые картины Последней битвы, где драконьи крыла были выведены серебряной нитью, а Дракис Грозовран — золотой. Фелдин Маас стоял в дверях, вытянувшись как по команде. Его темноволосая жена, дрогнув худеньким личиком при виде Доусона и Клары, кинулась к ним через всю комнату.

— Кузина! — воскликнула она, беря Клару за руки. — Я так рада встрече!

— Да, Фелия, — ответила та. — Что поделать, у нас с тобой поводы для визитов — только ссоры мужей.

— Остерлинг, — проронил Фелдин Маас, выбрав титул поофициальнее.

— Эббинбау, — кивнул Доусон.

Фелдин поклонился в ответ слегка напряженно — свежая рана явно давала себя знать.

— Прекратите оба!

— Лучше сядьте и выпейте!

Реплики обеих дам слились в одну, мужчины повиновались. После короткого обмена незначущими фразами Фелдин склонился вперед и понизил голос.

— Я еще не слыхал новостей — участвуешь ли ты в королевском турнире?

— Конечно, участвую. С чего бы мне отказываться?

— Ну... я думал, вдруг решишь не забирать себе всю славу и оставить немного сыновьям. Вот и все. Не хотел тебя задеть, старина, с меня пока хватит. Для новых оскорблений нужно сначала подлечиться.

— В следующий раз можно устроить дуэль иного образца — словесную. Эпиграммы на десяти шагах.

— Нет уж, лучше клинки. От твоих эпиграмм не исцелишься — сэра Лоурена и поныне величают рыцарем Кролика, а все ты.

— Я? Ни в коем случае. При его-то зубах, да еще этот шлем... Я знаю, что там крылья, но по виду — ни дать ни взять уши! — Доусон отхлебнул вина. — Ты сегодня храбро сражался, мой мальчик. До меня тебе, конечно, далеко, но ты хороший боец, без сомнения.

Клара наградила его улыбкой. А ведь она права — великодушным быть не так уж трудно и даже немного приятно. Вино радовало богатым ароматом, в придачу к нему слуги внесли блюдо с сыром и солеными колбасками. Клара с кузиной тихо сплетничали, то и дело берясь за руки, как влюбленные дети. Видно, и здесь то же: насмешка, оскорбление, вслед за ним утешение. Королевство держится на таких вот женщинах — они спасают его от неминуемых войн, замешенных на самолюбии и мужской спеси.

— Нам повезло, — проговорил Доусон. — Повезло с женами...

Фелдин Маас вздрогнул, посмотрел на двух женщин, занятых беседой о неудобстве жить на два дома — в Кемниполе и фамильном поместье, — и криво усмехнулся.

— Точно. Долго пробудешь в Кемниполе?

— До турнира, и потом задержусь на неделю-другую. Хочу вернуться домой до снегопадов.

— Да уж. Кингшпиль собирает на себя все ветры с равнины — его величество, должно быть, взял в архитекторы парусного мастера. Говорят, король задумал объехать с осмотром все граничные земли, лишь бы пожить в тепле.

— Лишь бы поохотиться, — поправил его Доусон. — Еще в детстве, когда мы были совсем мальчишками, он любил зимнюю охоту в тех краях.

— Не староват ли он для такого?

— Нет. Ничуть.

— Склоняюсь перед твоим мнением.

На губах Фелдина играла тонкая самодовольная улыбка, и Доусона обожгло яростью. Клара наверняка заметила и поспешила на помощь: умение сохранять мир, как видно, предполагало способность вовремя прекратить игры в дружбу, дабы не развеять хрупкую иллюзию безмятежности. Она позвала слуг, вручила в подарок кухне фиалки, и обе семьи пошли в холл — раскланяться на прощание. Перед самым уходом Фелдин нахмурился и поднял палец.

— Совсем забыл. У тебя есть родственники в Вольноградье?

— Нет, — ответил Доусон. — Кажется, у Клары дальняя родня в Гилее.

— Не родня, а свойственники, — уточнила Клара. — Кровного родства нет.

— Значит, в Маччии никого? Что ж, хорошо, — кивнул Фелдин Маас.

Плечи Доусона напряглись.

— В Маччии? Никого. А что не так с Маччией?

— Судя по всему, их верховный дож решил заключить с Ванайями союз против его величества. «Совместный отпор агрессии», что-то в этом роде.

Фелдину известно о ванайском подкреплении. Стало быть, сэру Алану Клинну — тоже. Знают ли они, кто свел Ванайи с новым союзником, или только догадываются? Как минимум догадываются, иначе бы Фелдин не затевал разговор. Доусон улыбнулся как можно небрежнее.

— Единодушие в Вольноградье? Слабо верится. Скорее всего слухи.

— Да, — подтвердил Фелдин Маас. — Точно. Наверняка ты прав.

Этот псиномордый слабак и лицемер, порождение хорька и шлюхи, отвесил поклон и зашагал прочь вместе с женой. Доусон не пошевелился.

— Что случилось? — Клара взяла его за руку. — Ты чем-то огорчен?

— Извини, — бросил он.

В библиотеке Доусон запер за собой дверь, зажег свечи и снял с полок рулоны карт. Отмечая дороги из Маччии к Ванайям и пути движения армии, он измерял и высчитывал сроки, чувствуя, как в нем закипает злость — словно волна, подстегнутая грозovým ветром. Цепочка доверенных людей дала сбой, кто-то проговорился, его замыслы пошли прахом. Слишком он вложил в удар — и подставился. Его переиграли. И кто — Фелдин Маас!

За порогом библиотеки давно уже скулил пес, царапая когтями дверь. Доусон встал и впустил его в комнату. Волкодав влез на кушетку, подобрал под себя задние ноги, и беспокойно устался на Доусона. Барон Остерлингских Урочищ опустился на кушетку рядом со зверем и потрепал его за уши. Пес вновь заскулил и уткнулся мордой в ладонь хозяина. Через миг в дверях показалась Клара.

— Дурные вести? — спросила она, глядя на мужа таким же беспокойным, как и у пса, взглядом.

— Да, в некотором роде.

— Джорею грозит опасность?

— Не знаю.

— А нам?

Доусон промолчал. Ответ был «да», и солгать не хватило сил.

Густой туман, белый в лучах утреннего солнца, покрывал всю равнину. Знамена знатных родов Антеи беспомощно свисали с шестов, темные и тусклые от пропитавшей их влаги. Пахло истоптанной землей, все пронизывал холод. Конь Гедера потряс головой и всхрапнул; юноша потрепал его по холке рукой в латной перчатке.

Блестящие стальные латы когда-то принадлежали отцу; слегка потускнел лишь наспинник, который кузнец подгонял под осанку Гедера. Ремни жгли кожу даже сквозь бригадину. Спешный марш, изнурительный и бесконечный, казался теперь чуть ли не начальным кругом ада; изматывала не столько быстрота — шли довольно неторопливо, — сколько непрерывность. Четыре дня с того похмельного утра Гедер то торчал в седле, то шел пешком, отдохнуть удавалось не больше двух часов кряду. По ночам он трясся от холода под наброшенным на плечи одеялом, днем изнывал от жары. Армия маршировала по широкому, мощенному зеленым камнем драконьему пути; стук подошв по нефриту сперва раздражал, после отзывался музыкой, потом казался извращенной формой тишины, затем опять раздражал... Изрядную часть пути Гедер проделывал пешком — запасного коня у него не было, хотя мало-мальски состоятельный рыцарь имел бы с собой двух-трех, а то и четырех. И латы поновее тех, что пролежали без дела чуть не полвека. И палатку, получше защищающую от холода. И может быть, даже толику достоинства и самоуважения.

Прочие латники ехали группками, кое-кто с собственной свитой, и хотя Гедер, как и они, принадлежал к авангарду, место ему — что неудивительно — отвели позади колонны: за ним шли повозки с провиантом, дальше пехота и солдатские девки. Девоч, правда, оставалось всего ничего: в таком походе много не заработаешь.

Приказ остановиться отдали вчера вечером, за час до заката. Оруженосец Гедера разбил хлипкую палатку, принес жестяную тарелку с чечевицей и сыром и по-дартински свернулся калачиком у входа. Гедер добрался до тюфяка, зажмурил глаза и взмолился о сне. Всю ночь ему снился поход, с первыми рассветными лучами прозвучал новый приказ — строиться.

В детстве Гедер часто пытался вообразить себе этот день — день первой битвы. Вихрь атаки, стремительный жар скачки, яростный боевой клич на устах... Вместо этого — час за часом торчать в седле, одуревая от холода, передающегося телу от стальных лат, и ждать, пока выведут, выстроят и переформируют пехоту. Благородные ряды рыцарей с мечами и копьями оказались на деле беспорядочной кучкой всадников, которые то хохотали над непристойными шутками, то бранили походный рацион. Ничего похожего на возвышенную готовность к самоотверженной битве, скорее тупая тоска затянувшегося ожидания, как будто недельную охоту продлили на лишний день. Спину ломило от затылка до копчика, бедра стерлись о седло, челюсть хрустела при каждом зевке, во рту отдавало кислым сыром. Рядом с Гедером стоял оруженосец: щит на спине, боевое копьё в руке, на безволосом лице выражение крайней изможденности.

— Паллиако!

Гедер вздрогнул. Сэр Алан Клинн скакал к нему на рослом вороном жеребце, стальной доспех которого сверкал красной эмалью. На латах самого всадника поблескивала роса, изображение драконьего крыла переливалось серебром — ни дать ни взять воин из старинных сказаний о древних битвах.

— Милорд? — отозвался Гедер.

— Идешь на запад, в наступление с отрядом. Разведчики донесли, что там купленные Ванайями наемники, самый легкий участок.

Гедер нахмурился — что-то здесь не стыковалось, но голова от усталости работала плохо. Наемники ведь профессиональные воины, закаленные в боях, все как один. И там будет легче всего?.. Его недоумение не укрылось от Клинна, тот перегнулся в седле и сплюнул.

— Они тут не за себя стараются, не за дом и семью, — бросил он. — Не отставай от Каллиама и старайся не въехать в кого-нибудь конем, колени рассадишь.

— Я знаю.

Белесые брови Клинна поползли вверх.

— То есть... Приложу все усилия, милорд.

Клинн тронул поводья, и великолепный жеребец, встряхнув головой, повернул прочь. Оруженосец взглянул на Гедера, в горящих дартинских глазах мелькнула скрытая радость.

— Вперед, — велел Гедер. — В строй.

Как знать — может, Клиन्न говорит правду. Тогда Гедер с младшим Каллиамом окажутся на самом простом участке битвы: атака, два-три взмаха мечом — и продажное войско, пока ему не испортили шкуру, сдастся на милость врага. Рыцари Клинна останутся живы, что, безусловно, пойдет в заслугу их командиру, а сам Клиन्न для пущей славы ринется в средоточие схватки, лишь бы впечатлить лорда Тернигана и показать себя достойнее других. А может, Клиन्न отправляет его на верную гибель. Гедер не возражал — мертвым по крайней мере позволено не трястись в ненавистном седле.

Джорей Каллиам, закованный в благородный стальной доспех без украшений, что-то говорил знаменщику, не сходя с коня; шестеро верховых рыцарей стояли неподалеку вместе с оруженосцами. Каллиам официально кивнул Гедеру, тот ответил таким же кивком.

— Все сюда, — скомандовал Каллиам. — Ко мне.

Латники подъехали ближе. Сэр Макийос Айнсбау. Зоцлу Верен и его брат-близнец Сезиль. Дариус Сокак, граф Хирен. Фаллон Броот, барон Зюдерлингских Взгорий, и его сын Давед. Жалкая горстка неумех. Появление Гедера, судя по лицам, их тоже не очень-то ободрило.

— Через пол-лиги отсюда долина сужается, — объявил Каллиам. — Там-то и укрепились ванайцы. На нашей стороне, с запада, разведчики видели знамена наемного отряда, которым командует некий капитан Кароль Данниан.

— Сколько у него воинов?

— Двести, в основном простые мечники и лучники.

— Отлично, — проронил Фаллон Броот, погладив усы, свисающие ниже безвольного подбородка. — На всех нас хватит.

Гедер не понял, в шутку тот говорил или всерьез.

— Наша задача, — продолжал Каллиам, — удержать край долины. Главный удар придется на восточный рубеж, где ванайское войско самое многочисленное, там будет лорд Терниган со своими латниками и половина наших рыцарей. Мы должны прикрыть их с фланга. Сэр Алан Клиन्न дает нам тридцать лучников и шестьдесят мечников. Лучников я выслал вперед. По моему сигналу они начнут атаку и попытаются выманить вражескую конницу. Тогда мы выступаем, мечники за нами.

— А почему ванайцы здесь? — спросил Гедер. — Ну, то есть... Я бы на их месте отсиживался за стенами. И пусть враг осаждает сколько хочет.

— В осаде отсиживаться — для такого наемников не набирают, — процедил один из Веренов, не потрудившись скрыть презрения к такой нелепости. — Их берут на одну кампанию, а продлевать плату не хватит денег.

— До Ванайев меньше часа верхом, — добавил Каллиам. — Город надежно защищен, но все укрепления — внешние. Первый рубеж обороны будет и последним.

Где-то вдали пропел рог — два восходящих тона и один нисходящий. Сердце Гедера забилося сильнее.

Каллиам улыбнулся.

— Милорды! — Глаза его, несмотря на улыбку, остались холодны. — Первый сигнал. Если у вас остались незавершенные дела — теперь для них не время.

Туман успел слегка поредеть, вид прояснился. Долина, на неопытный глаз Гедера, ничем не отличалась от других лощин и долов, встреченных по пути между нескончаемыми пологими холмами к северу от Вольноградья. Где-то вдалеке виднелась темная полоска копошащихся муравьев — вражеское войско.

Оруженосцы уже надевали на рыцарей щиты и поудобнее прилаживали копья; Гедеру пришлось вынести то же. Его дартин, закончив с хозяином, удовлетворенно кивнул и принялся за собственное снаряжение — легкий кожаный панцирь и длинный, устрашающего вида кинжал. А в полулиге от них чей-то оруженосец чистил другой кинжал, может быть, и на Гедера... Вновь протрубил рог — очередное предупреждение перед сигналом к атаке.

— Удача да пребудет с вами, господин, — произнес дартин.

Гедер неловко качнул головой внутри шлема, повернул заржавшего мерина и вслед за остальными начал спускаться к месту битвы. Муравьи росли на глазах, вражеские знамена виделись все яснее. Вскоре Гедер заметил и расставленных Каллиамом лучников, скрытых за деревянными, обтянутыми кожей заслонами. Каллиам поднял щит, и рыцари остановились. Гедер хотел было оглянуться и посмотреть, идут ли за ними мечники, но в негнущихся латах не очень-то повертишь головой. Он зажмурил глаза и представил себе турнир. Все будет как на турнире. Сначала конная сшибка, потом фехтование. Даже в дорогостоящем наемном войске вряд ли держат так уж много тяжелых конников. Все обойдется. Помочиться бы только.

Рога пропели двойной сигнал к атаке, Каллиам и остальные с боевым кличем погнали коней вперед. Гедер, глядя на них, прищипорил своего мерина — и старое усталое животное, тащившее на себе седока дни и ночи напролет, вдруг обратилось в стремительный вихрь. Гедер неожиданно понял, что тоже кричит вместе со всеми, весь мир слился в один сплошной рев. Заслоны лучников мелькнули рядом и пропали из виду, теперь впереди ждал враг — не рыцари и не тяжелая конница, а копейщики с массивными пиками наперевес. Сэр Макийос с ходу влетел в строй, сминая ряды, и Гедер, пустив коня наискось, вклинился в сбившуюся толпу.

Где-то заржал конь, копье Гедера угодило в плечо вражескому воину — и юноша прорвался сквозь строй, к рядам пехоты. Отбросив копье, он вытащил меч и принялся сыпать ударами направо и налево. Неподалеку полдюжата вражеских мечников стаскивали с коня кого-то из близнецов Веренов — Гедер повернул было коня к падающему рыцарю, но тут через сломленный строй хлынули свои же мечники. Оруженосец Гедера с кинжалом в руке несся вместе с ними, готовый добивать тех, кого ранит хозяин. Толпа сражающихся сдвигалась к югу; Гедер обернулся, готовый встретить ударом любого, но наемники не спешили налетать.

Он не видел, откуда пустили стрелу. Только что он высматривал на поле подходящего соперника — и вот уже тонкое черное деревце, пронзив броню, вросло корнями в его бедро. Выронив меч, он завопил и вцепился в стрелу, как вдруг что-то ударило по щиту, отбросив Гедера назад. С юга донесся низкий барабанный гул, похожий на дальний гром. Мерин вдруг заплясал на месте, и Гедер неминуемо свалился бы с седла, если бы его не подхватила чья-то рука. Джорей Каллиам, несмотря на окровавленное лицо и забрызганный алыми каплями щит, был жив и даже не ранен.

— Откуда ты здесь? — спросил Гедер.

Каллиам не ответил: его взгляд был прикован то ли к сражающимся, то ли к чему-то позади них. Гедер, пересилив боль, посмотрел туда же. Вдали, за кипящим морем битвы, реяли на ветру новые знамена. Пять синих колец. Маччия.

— Ты-то ладно, — прохрипел Гедер. — А они здесь откуда?

— Верхом держаться можешь?

Гедер глянул вниз: кровь из бедра лилась рекой, светлую шкуру мерина заливало алым. Голова пошла кругом, Гедер вцепился в луку седла. Раны в бедро бывают смертельны. Ему ведь рассказывали. Неужто он умрет?..

— Паллиако!

Он поднял голову, перед глазами слегка плыло. Джорей Каллиам, оторвавшись от зрелища свежего войска, накатывающего на них волной, смотрел в глаза Гедеру.

— Я ранен, — пробормотал тот.

— Ты — рыцарь империи, — властно сказал Каллиам; зазвеневшая в голосе сталь не имела ничего общего с гневом. — Способны вы держаться в седле, сэръ?

В Гедера словно перелилась часть силы Джорея. Мир перестал кружиться, в голове успокоилось.

— Да... Да, способен.

— Тогда вперед. Найти лорда Тернигана. Передать, что на западном фланге подняты знамена Маччии. Сказать, что нам нужно подкрепление.

— Слушаюсь, — ответил Гедер, подбирая поводья.

Конь Каллиама дернулся было в сторону битвы, однако рыцарь его придержал.

— Паллиако! Передать лорду Тернигану. Лично.

— Сэр?

— Не Клинну.

Их глаза на миг встретились, и Гедер все понял: Каллиам не больше его доверяет командиру. Он вздохнул с облегчением и благодарностью, удивившими его самого.

— Ясно. Я добуду подкрепление.

Каллиам кивнул, повернул коня и устремился в гущу битвы. Гедер, пришпорив мерина, пустился через поле к востоку, на ходу пытаясь негнуцимися пальцами в латной перчатке отстегнуть пряжки щита. Наконец ему удалось освободить руку, и он склонился вперед, погоняя коня. Долина, час назад благоухавшая свежей травой и осенними цветами, теперь превратилась в истоптанное копытами месиво, над которым неслись крики бойцов.

Гедер сощурил глаза. Туман уже развеялся, однако по-прежнему липли к шестам темные от сырости знамена; среди них ему нужно найти багряно-золотое знамя рода Терниганов. И найти как можно скорее. Землю усеивали тела раненых и убитых, отовсюду неслись боевые кличи и ржание коней. Знамени маршала нигде не было.

Юноша, рыча проклятия, шарил глазами по полю, чувствуя подступающий озноб.

Раненое бедро отяжелело, бригадина пропиталась кровью. Силы таяли ежеминутно, перед глазами плыли темные круги — и каждый потерянный миг грозил гибелью Каллиаму и его товарищам. Не получилось даже привстать на стременах — раненая нога отказывалась держать. Он послал коня вперед, перед глазами замелькали знамена: Флор, Риверкурт, Масонхальм, Клинн...

Клинн. Всего в полусотне шагов свисало с древка мокрое знамя сэра Алана Клинна вокруг клубилась битва, и в центре ее мелькал рослый вороной жеребец в красном доспехе. У Гедера сжалось сердце. Если все ошибка, если Клинн не подозревал, что посылает их на верную смерть, то спасение здесь. Но если Клинн все знал, а Гедер попросит у него помощи, то у Каллиама и других рыцарей не останется шансов.

Он тронул коня. Нога немела, во рту пересохло. Знамена, знамена... Эстинфорд, Коренхолл, Даникк...

Терниган.

Гедер пришпорил коня, и тот устремился вперед, в гущу схватки, кипевшей вокруг нужного знамени. Юноша проклинал и Тернигана, которого понесло в атаку вместо того, чтобы командовать битвой с тыла, и сэра Алана Клинна, который без зазрения совести отправил их с Каллиамом в ловушку, и себя — за то, что бросил щит, за рану, за медлительность... Вражеский мечник приподнялся с земли, Гедер сбил его конем. Тянуло смолистым сосновым дымом — что-то горело. Мерин, совершенно обессиленный, вздрагивал от натуги, Гедер мысленно попросил у него прощения и вновь вонзил шпоры в бока.

Юноша влетел в гущу битвы, как брошенный в окно камень, не разбирая ванайцев и антейцев. В десятке шагов от знаменщика, приподнявшись на стременах и воздев сияющий меч, стоял лорд Терниган, отгороженный от врага пятью рядами солдат.

— Лорд Терниган! — крикнул Гедер. — Терниган!

Его крик потонул в шуме битвы. Маршал двинулся вперед, где ожесточеннее всего кипела битва, и у Гедера от ярости побагровело в глазах: Каллиам и остальные сражаются и гибнут за него, Тернигана! Мог бы и прислушаться!.. Юноша пришпорил дрожащего от усилий мерина и отчаянно рванул вперед, расталкивая по пути маршальскую стражу. Все поле битвы сжалось до единственного лорда верхом на коне; край зрения померк, словно Гедер ехал по туннелю. За три шага до командующего он вновь крикнул:

— Маччия, милорд Терниган! Маччия с запада, нас бьют!

На сей раз маршал услышал. Повернувшись к Гедеру, он нахмурил брови. Гедер замахал руками в сторону запада: не на меня смотреть, не на меня, на Маччию...

— Кто вы, сэр? — спросил лорд Терниган низким, как рокот барабанов, голосом, от которого разносилось эхо. Остальные звуки словно притихли.

— Сэр Гедер Паллиако. Меня прислал Джорей Каллиам. На западном фланге не наемники, милорд. Там Маччия. Нам их не удержать. Каллиам велел идти к вам за помощью.

Терниган что-то крикнул через плечо, сигнальный рог взревел совсем близко и так мощно, что Гедеру показалось, будто его ударили в лицо. Он даже не заметил, как зажмурился, а когда разлепил веки — вокруг уже все пришло в движение: бежали бойцы, скакали на запад рыцари. Кажется, на запад... Лорд Терниган, стоя вплотную к Гедеру, крепко держал его за локоть.

— Вы можете сражаться, сэр? — откуда-то издалека спросил маршал королевства Антея.

— Могу, — ответил Гедер, поворачиваясь в седле. Скользкий от крови сапог вырвался из стремени, истоптанная земля вдруг поднялась — и не успела его ударить: мир померк еще раньше.

Для обеда караван остановился на прогалине, рядом с которой тек широкий медленный ручей. Тощий парень, Микель, сидел на поваленном бревне рядом с Ярдемом в таком же, как у тралгута, кожаном панцире, точно так же расстегнутом у ворота. Оба склонились каждый над своей тарелкой с бобами и колбасками. Широко развернутые плечи Микель держал так, словно на его щуплом теле было втрое больше мускулов, все его движения отдавали медленной спокойной силой, которой в тщедушном пареньке неоткуда было взяться. Ярдем чуть склонил голову, чтобы посмотреть на Микеля. Парень с той же степенностью чуть поднял лицо и взглянул на тралгута.

— Капитан, — позвал Ярдем, откинув уши назад. — Пусть прекратит.

Маркус, который скрестив ноги сидел на земле, подавил улыбку.

— Прекратит что?

— Уже который день, сэр.

— Изображает из себя воина, да?

— Изображает меня! — рявкнул Ярдем.

Микель хмыкнул басом. Маркус кашлянул, чтобы скрыть смешок.

— Мы наняли этих людей разыгрывать роль стражников, — ответил капитан. — Они и разыгрывают. У кого им перенимать приемы, если не у нас?

Ярдем крикнул, повернулся к пареньку и, дождавшись, пока тот на него взглянет, старательно дернул ухом.

Лес состоял из дубов и ясеней вдесятеро выше человеческого роста. Несколько лет назад здесь, по-видимому, прошел низовой пожар, который выжег весь подлесок и опалил стволы деревьев, но не добрался до крон. Маркус представил себе, как тянулся вверх дым, просачиваясь сквозь летнюю зелень. Теперь же земля под деревьями пропиталась сыростью, палая листва почернела от плесени и наполовину превратилась в гниль, которая удобрит почву для будущих цветов и трав. Сухие листья оставались лишь на дороге. На восточном краю поляны стояло каменное изваяние короля-южнеца в шестиконечной короне, частью вросшее в дубовый ствол. Старая кора наполовину скрыла властное лицо, корни накренили каменный пьедестал, плющ окутал плечи. Маркус так и не понял, кому и зачем понадобилось ставить здесь памятник.

За неполную неделю караван прошел изрядный путь. Дорога была наезженной, местные крестьяне ее регулярно чистили, и все же местами попадались заваленные палой листвой участки, тянущиеся несколько лиг. Тогда разговоры затихали, только шуршали под копытами листья да трещали колеса повозок. Караванщик оказался неплох. Правда, страницы Писания, зачитываемые во время ужина, Маркус по большей части пропускал мимо ушей, а когда тимзин выбирал тексты совсем уж невыносимые — молитвы за семью и детей, или примеры божественной справедливости, или хоть что-то напоминавшее Маркусу о судьбе жены и дочери, — тогда капитан поскорее проглатывал еду и надолго уходил вперед, якобы разведать обстановку. Караванщик не обижался. Путники, что приставали на время к обозу, повиновались одному взгляду Маркуса или Ярдема и держались смирно. Все шло пока спокойнее, чем Маркус предполагал, — правда, караван не проделал еще и четверти пути до границы Биранкура.

Капитан медленно дожевывал кусок колбасы. Повозки сгрудились на прогалине, кони и

мулы по большей части стояли здесь же, поедая фураж из привязанных к головам торб, а между поляной и ручьем то и дело сновали возницы, отводившие прочих животных на водопой. Погонщики в основном знали дело вполне сносно, лишь старик, везущий оловянную руду, оказался туг на ухо, да мальчишка с высоким фургоном шерсти был то ли новичок, то ли бестолочь — а может, и то и другое. Актеры вписались в роль превосходно: по обыкновению оглядывая лес, Маркус краем глаза то и дело цеплялся за стражников, отличая их по одной осанке.

У края дороги стояла длинноволосая Кэри — руки скрещены, через спину перекинут гигантский роговой лук. Вряд ли ей хватит сил его натянуть, но по виду любой скажет, что с луком она не расстанется многие годы. Сандр, молодой актер на главных ролях, прохаживался между повозками с гордо поднятой головой, хмурия брови. Он успел наплести погонщикам героических баек о том, как сломал ногу во время турнира в Антее, и так вжился в роль, что начал еле заметно прихрамывать. А рядом с толстой женой караванщика сидел ведун, мастер Кит. Не будь его, Ярдем сейчас сражался бы за Ванайи, которые все равно не спасти, а Маркус сидел бы в тюрьме или даже гнил в могиле.

Свисток караванщика отвлек Маркуса от размышлений. Прищурившись, капитан взглянул наверх, в просвет между деревьями, где виднелась тонкая полоска белого облачка. Хоть лесной полумрак не давал толком определить время, Маркус все же подозревал, что обед чересчур затянулся. Впрочем, он подряжался довести караван до Карса в целости. А вовремя или нет — не его, Маркуса, дело. Хлебной коркой он сгреб с тарелки остатки еды и нехотя встал.

— Вперед или назад? — спросил Ярдем.

— Я вперед, — ответил капитан.

Тралгут кивнул и грузно зашагал к повозке торговца железом, которая замыкает караван и тронется последней. Маркус по давней привычке тщательно, как перед битвой, оглядел меч и доспех — и двинулся к высокой и широкой первой подводе. Взобравшись на сиденье рядом с женой караванщика, он настроился на очередной перегон, теперь до самого вечера. Тимзинка, приветственно кивнув, моргнула прозрачным внутренним веком.

— Прекрасный обед, — заметил Маркус.

— Вы очень добры, капитан.

Обмен любезностями на этом закончился. Тимзинка, прикрикнув на коней, щелкнула плетью, повозка выкатилась к дороге и свернула на запад, в густую полутьму под вековыми деревьями. Маркус вдруг вспомнил Ванайи — интересно, пал город или еще держится? Если держится — сколько ему осталось? Судя по всему, немного. Впрочем, это тоже не его, Маркуса, дело.

Стражу капитан расставлял одним и тем же нехитрым способом. На первой и последней повозках чередовались Ярдем и Маркус. Мастер Кит со своим фургоном, яркий пол которого замаскировали неброской тканью, держался в середине каравана. Остальные ехали по трое слева и справа от повозок, не сводя глаз с леса. При малейшем подозрении они крикнут Маркусу или Ярдему. За всю неделю крик раздался лишь раз — когда Смитт, актер на все роли, сам себя застрашал историями о бандах диких дартинов-убийц. Маркус сощурился и откинулся на жесткую деревянную спинку сиденья. Пахло гниющей листвой, ветер явно навевал непогоду — то ли дождь, то ли снег.

У подножия лесистого холма, где дорога резко петляла, поперек пути лежало дерево — Маркус насторожился даже раньше, чем увидел свежие следы топора у корней.

— Останови караван, — велел он.

Тимзинка не успела переспросить: от фургонов уже неслись крики Смитта, Сандра и Опал. Маркус вскочил на верх повозки и посмотрел назад. Зачем здесь бандиты — с каравана же нечего взять!.. Караванщик на белой кобыле несясь вперед от задних повозок, а из леса выходили четверо в кольчугах и кожаных доспехах, держа наготове луки. Лица терялись в тени капюшонов, но по фигурам Маркус заподозрил либо ясурутов, либо куртадамов. То, что сразу четверо вышли в открытую, могло значить что угодно — то ли пускают пыль в глаза, то ли за деревьями прячется еще десяток.

Хорошо хоть, не обстреляли для начала.

— Эй! — раздался скрипучий голос спереди. — Кто тут главный?

На дороге у поваленного дуба стояли всадники. Трое — то ли незнакомые цинны, то ли недокормленные первокровные, все верхом на клячах. Впереди на отменном сером жеребце красовался широколицый, с крепкой челюстью ясурут в бронзовой чешуе. Под стальным панцирем — кольчуга, за плечом — роговой лук, в ножнах — изогнутый на южный манер клинок.

Караванщик-тимзин, подскакав к передней подводе, остановился впереди обоза.

— Я главный, — крикнул он. — Что тут происходит?

Маркус пожал плечами, чтобы расслабить спину. Восемь врагов на виду, половина верхом. У него восемь стражников, конных из них шестеро. Перевес невелик, а уж если дойдет до драки, то защитникам не выстоять, все кончится в считанные мгновения. Главное сейчас — чтобы тимзин держался помягче.

— Я лорд-рыцарь Тьерентуа, — громко заявил вожак разбойников. — Это моя дорога, я пришел взять дань.

Маркус, поборов желание закатить глаза, сел обратно, на место возницы. Ничего хорошего ждать не приходилось — всадник, конечно, самозванец и бахвал, но при нем воины с мечами и луками.

— Это драконья дорога! — крикнул в ответ караванщик. — А ты — придурок и выскочка, и доспех на тебе краденый. В Биранкуре рыцарей-ясурутов отродясь не бывало!

Надежды Маркуса на дипломатию караванщика пошли прахом. Вожак бандитов громко и фальшиво захохотал; капитан, положив ладонь на рукоять меча, лихорадочно подыскивал способ выбраться из передраги с наименьшими потерями. Если актеры нападут на лучников по бокам каравана, то есть шанс, что те обратятся в бегство. Тогда ему останется только четверка всадников...

Рядом незаметно вырос Ярдем с луком в руке, безмолвный как тень. Значит, по двое всадников на каждого. Если за деревьями не спрятана засада.

— День, когда ты поднимешь мятеж и примешь командование?.. — шепнул Маркус.

— Не сегодня, сэр.

Караванщик уже заходился в крике, и бронзовое лицо самозванного рыцаря наливалось зеленью от ярости. Маркус спрыгнул с подводы и пошел вперед. Всадники заметили его лишь тогда, когда он поравнялся с караванщиком.

— Сколько вы хотите? — спросил Маркус.

Тимзин и ясурут, оба пылая яростью, обернули к нему гневные лица.

— Простите, что прерываю такую вдохновенную беседу, но сколько вы хотите?

— С кем разговариваешь, сопляк?

— Сколько вы хотите, милорд? — подчеркнув последнее слово, повторил Маркус. —

Караван беден, это видно с первого взгляда, много не возьмешь. Разве что ваша милость и благородные соратники вашей милости согласятся принять плату оловянной рудой и железом.

— За меня не обещай! — едва слышно прошипел тимзин.

— Не добивайся, чтобы нас перебили! — так же тихо бросил Маркус.

— А ты кто таков, первокровный? — спросил ясурут.

— Маркус Вестер. Начальник стражи каравана.

На этот раз ясурут расхохотался куда искреннее, к нему присоединились остальные всадники. Наконец вожак тряхнул головой и ухмыльнулся, во рту мелькнул черный язык и острые, как иглы, зубы.

— Ты Маркус Вестер?

— Да.

— Надо же. А там сзади никак лорд Хартон, восставший из мертвых? Тогда я — Дракис Грозовран!

— Да из тебя такой же Дракис, как и лорд-рыцарь, — выпалил караванщик.

Маркус на него даже не глянул.

— Значит, обо мне тут слыхали.

— Я был при Водфорде, и хватит с меня издевок, — заявил ясурут. — Все деньги — сюда. Всю еду. Половину женщин. А остальные пусть тащатся обратно в Ванайи.

— Перебьешься! — выкрикнул караванщик.

Ясурут уже потянулся за клинком, как вдруг откуда-то сзади прогремел новый голос.

— Мы — пройдем!

На первой подводе стоял мастер Кит. Складки черно-пурпурных одежд Оркуса, повелителя демонов, застыли на нем, как сгустки тьмы, в руке актер держал жезл с черепом на конце. Голос его звучал ясно и четко, словно исходил из окружающего сумрака.

— Эти люди под моей защитой. Ты не причинишь им зла.

— Что еще за дьявольщина? — процедил ясурут, явно сбитый с толку.

— Ты не можешь нам навредить, — продолжал мастер Кит. — Твои стрелы пролетят мимо. Твои мечи нас не коснутся. Ты над нами не властен.

Маркус вновь обернулся на ясурута — лицо разбойника исказилось смятением и тревогой.

— Чушь, — растерянно выдавил кто-то из его троицы.

— Кто это? — спросил ясурут.

— Мой ведун, — ответил Маркус.

— Услышите же! — возвысил голос мастер Кит, и стихло все, даже лес. — Деревья — наши союзники, тень дубов оградит нас от зла. Ты не причинишь нам вреда. И мы — пройдем.

По спине капитана пробежал холодок; на бандитов голос Оркуса явно подействовал так же, и в душе Маркуса затеплилась слабая надежда. Ясурут уже расчехлял лук.

— А ну повтори, придурок! — крикнул он, накладывая стрелу на тетиву.

Маркус даже в сумерках увидел, как улыбнулся мастер Кит. Актер поднял руки, и темные складки мантии зашевелились будто сами собой, как во время представления в Ванайях, — Маркус знал, что причиной тому какой-то особый способ шитья, однако в сочетании с замогильным голосом и властной позой эффект завораживал. Мастер Кит вновь заговорил — медленно, отчетливо, уверенно:

— Ты не причинишь мне зла. Стрела пролетит мимо.

Ясурут помрачнел и натянул тетиву. Роговой лук слегка скрипнул.

«Что ж, — подумал Маркус, — актер сделал что мог». И вдруг через миг увидел, что ясурут промахнется.

Оперенное древко пронзило сумрак — мастер Кит не шевельнулся, стрела пролетела мимо уха. Ясурут облизнул губы черным языком и перевел взгляд с мастера Кита на Маркуса, в глазах явно читался страх.

— И как бы то ни было, я действительно Маркус Вестер.

На четыре вдоха повисла тишина, затем ясурут повернул коня и поднял руку.

— Здесь толку не будет, парни! — крикнул он. — Эти придурки того не стоят!

Всадники мигом скрылись в лесу. Маркус стоял на дороге, прислушиваясь к глухому отзвуку копыт, и пытался поверить в то, что сегодня его не убьют. Сцепив руки за спиной, чтобы не дрожали, он обернулся к караванщику. Тимзина тоже трясло. Что ж, хотя бы в этом Маркус не одинок. Он отступил к краю дороги и глянул на обочину: лучники исчезли.

К нему подошел Ярдем.

— Диковинно вышло.

— Да, — кивнул Маркус. — Лебедки у нас нет? Дерево-то придется поднимать...

В тот вечер на ужин было мясо. Не колбаски, не солонина, а свежая баранина, купленная караванщиком на ферме у последней опушки, — темная сочная мякоть с изюмом под острым желтым соусом. Погонщики и Маркусовы стражники окружили гудящий костер у обочины. Особняком держался лишь мальчишка-погонщик Таг, который во время еды вечно норовил уйти подальше, да еще в стороне от прочих сидели у отдельного огня Маркус и мастер Кит.

— Этим-то я и зарабатывал себе на жизнь лет... наверное, лет немногим меньше, чем вы живете на свете, — говорил актер. — Стою перед людьми, обычно на сцене фургона, и пытаюсь их убедить. Говорю, что я свергнутый король или моряк после кораблекрушения. Они, видимо, понимают, что я говорю неправду, но мое ремесло — убедить их, даже если они не верят.

— А там, на дороге? — спросил Маркус. — Бандит наставляет на вас стрелу, а вы ему втолковываете, что он промахнется? Это не чары?

— Я бы сказал, что словом внушить человеку неуверенность — тоже некий род волшебства. Вам так не кажется?

— Нет, не кажется.

— Очевидно, здесь мы расходимся во мнениях. Еще глоток?

Маркус взял протянутый бурдюк и отхлебнул терпкого вина. Несмотря на свет двух костров — общего, полыхающего поодаль, и небольшого огня у ног, — щеки и глаза старого актера оставались в тени.

— Капитан, если вам это поможет, я готов поклясться в одном. Я умею убеждать других и обычно распознаю попытки убедить меня. Вот и все, другим волшебством я не владею.

— Скрепим кровью?

Мастер Кит рассмеялся:

— Лучше не надо. Если кровь попадет на костюмы — потом не отчистишь. А вы-то сами? На что надеялись, встречая в разговор с бандитом?

Маркус пожал плечами.

— Не знаю. Ни на что конкретно. Просто караванщик явно гнул не туда.

— И вы бы стали драться? Если бы дошло до мечей и луков?

— Конечно, — кивнул Маркус. — Долго бы не продержался, конечно, с таким перевесом. Но дрался бы. И Ярдем, да и ваши люди тоже. Нам ведь за это и платят.

— Дрались бы, даже зная, что дело безнадежно?

— Да.

Мастер Кит кивнул, в углах его губ мелькнула то ли улыбка, то ли тень от костра.

— Я решил, что пора обучить кое-чему ваших актеров, — сказал Маркус. — Час тренироваться утром перед дорогой, час вечером. Настоящих бойцов из них не сделаешь, но им хоть что-то надо знать о мече кроме того, за какой конец его держать.

— Судя по всему, мудрое решение, — кивнул мастер Кит.

Маркус посмотрел на небо. Звезды роились в вышине, как снежинки в снегопад, низкая луна бросала на землю длинные бледные тени. Лес остался позади, однако ветер по-прежнему навевал непогоду. «Все-таки дождь, — решил Маркус. — Скорее всего дождь».

Мастер Кит дожевывал баранину, с отсутствующим видом устремив взгляд на огонь.

— Не тревожьтесь, самое страшное мы сегодня миновали, — ободрил его Маркус. — Опасения теперь позади.

Мастер Кит не поднял глаз и вежливо улыбнулся сполохам пламени. Маркус решил было, что старик промолчит, однако расслышал тихий рассеянный голос:

— Вероятно.

Гедер ожидал, что Ванайи окажутся просторным каменным городом, как Кемниполь или Эстинпорт. Вместо этого он теперь удивлялся и тесно поставленным деревянным домишкам, и широким каналам. Даже главная площадь покоренного города уступала размером обширным пустырям Кемниполя, а самые богатые кварталы кишели людьми, как кемнипольские трущобы. Кемниполь — город, Ванайи — непомерно разросшийся фанерный домик, своеобразно красивый и по-чужеземному загадочный. Нравятся ли ему Ванайи — Гедер до сих пор так и не понял.

Он брел, прихрамывая, по темным от дождя улочкам захваченного города, при каждом шаге опираясь на черного дерева трость, инкрустированную серебром. Торжественная речь лорда Тернигана вот-вот начнется, и хотя с такой раной Гедеру вполне позволено отсиживаться в тепле, он не хотел пропускать выступление — и без того кампания прошла мимо, дома останется рассказывать лишь о том, как он в бою грохнулся без чувств и всю двухдневную осаду провалялся в постели под присмотром ведуна, лечившего ему ногу.

Канал у восточного края непритязательной главной площади занесло опавшими листьями, воду словно выстлали ало-золотым покрывалом. Черепаха, к панцирю которой прилип красный лист, высунула из воды черную головку и важно проплыла мимо чего-то похожего на бревно — трупа очередного ванайского солдата, одетого в цвета бывшего герцога: тело вывезли с поля битвы и бросили в канал в назидание местным жителям. Другие тела свисали с деревьев и с арок колоннад, лежали на ступенях дворца, на рынках и на площади у городской тюрьмы — где бывший герцог теперь ел, спал и дрожал перед собственными подданными. Когда бы не осенние холода, запахом гниющей плоти насквозь пропитался бы весь город.

Как только герцога отправят в ссылку, трупы соберут и сожгут — то, что служит сейчас политической скульптурой, все-таки когда-то было людьми.

— Паллиако!

Гедер поднял голову. С главной площади ему сердито махал Джорей Каллиам. Отвернувшись от черепахи и трупа, Гедер мужественно захромал по мостовой. Цвет антейской знати уже застыл парадным строем на площади, дожидались лишь нескольких опоздавших вроде Гедера. Перед строем на голой земле сидели представители Ванайев, которым сохранили жизнь: тимзины — купцы и члены гильдий — и первокровные — ремесленники и городская знать. Одежду (в основном подчеркнуто имперского фасона) у них не отобрали, и они походили скорее на изысканных гостей религиозной церемонии, чем на униженных граждан завоеванного города. Содай Карвеналлен, секретарь лорда Тернигана, скрестив руки, стоял на каменном возвышении лицом к остальным антейцам. Гедер его не видел с той самой попойки — с ночи, когда Клиин сжег книгу. Гедер потрянул головой, прогоняя воспоминание, и встал в строй.

Пышные обновки бросались в глаза. Сэр Госпей Аллентот — в плаще с застежкой из кованого серебра, сверкающей рубином. Меч Зоцлу Верена вложен в ножны из драконьего нефрита и пожелтелой кости, сделанные добрую тысячу лет назад. Вокруг шеи Джорея Каллиама вьется золотая цепь, на которую не хватило бы и месячного дохода со всех владений Ривенхальма. Одежды выстираны и вычищены, сапоги сияют даже в сумраке хмурого дня: благородные антейские воины явно не прочь гордо явить миру боевые трофеи.

Гедер украдкой взглянул на тонкую трость — единственное приобретение, хоть как-то похожее на победную добычу.

— Ну и денек, — заметил он, кивая на низкие серые тучи. — С утра даже снег шел. Хорошо, что мы не в походе. Впрочем, наверное, скоро в путь? Везти дань королю?

Джорей Каллиам, не глядя на него, что-то утвердительно промычал.

— Нога лучше, — сообщил Гедер. — Гной уже доброкачественный. А у графа Хирена — слышал? Порез на руке загноился, пытались отрезать, а он и умри прямо во время операции. Сегодня ночью. Жаль его, хороший человек.

— Да, — кивнул Джорей.

Гедер попытался выяснить, с кого же он не сводит глаз, но Джорей только бессмысленно водил взглядом по толпе. Ах нет, не бессмысленно — кого-то высматривает... Гедер тоже оглядел толпу.

— Что-то не так? — тихо спросил он.

— Клинна нет.

Гедер взгляделся внимательнее. В строю тут и там зияли просветы — одних рыцарей убили, другие лежат раненые, третьих усрал с поручением лорд-маршал. Каллиам прав: сэра Алана Клинна должен стоять во главе своего отряда, а вместо него, гордо вздернув подбородок, красуется перед строем сэра Госпей Аллинтод.

— Может, заболел? — спросил Гедер.

Джорей усмехнулся, словно в ответ на удачную шутку.

Барабанная дробь возвестила прибытие лорда-маршала. Высокородные антейские воины подняли руку в приветствии; лорд Терниган, чуть помедлив для пущей важности, ответил им тем же. Оказавшиеся между ними ванайцы приняли ритуальное уничтожение молча и с достоинством. Джорей угрюмо хмыкнул — Гедер, проследив его взгляд, увидел Клинна рядом с секретарем маршала, на том же каменном возвышении. Шелковая рубашка, темно-красные штаны и черный шерстяной плащ подобали скорее государственному мужу — никак не воину.

У Гедера екнуло сердце.

— Нас оставят здесь? — тихо спросил он.

Джорей Каллиам не ответил.

— Лорды Антеи! — Голос Тернигана разнесся по площади не так гулко и мощно, как обычно: лорд-маршал охрип от простуды. — Выражаю вам благодарность от имени короля Симеона. Ваше мужество отвратило от империи угрозу, Антея вновь незыблема, как и прежде. Теперь мы возвращаемся в Кемниполь с данью, которую Ванайи задолжали антейской короне. Зима на пороге, а путь неблизок, выступим до исхода недели. Сэр Алан Клинн назначается протектором Ванайев до тех пор, пока король Симеон не назовет постоянного правителя. Все, кого сэра Алан вел в битву, остаются здесь под его началом.

Отдав приказания, Терниган кивнул сам себе и обратил взор на ванайцев, сидящих на мостовой. Пока он пересказывал предысторию антейских претензий к Ванайям и оправдывал захват города военными традициями и соглашениями шестивековой давности между давно сгинувшими династическими ветвями и независимыми парламентами, Гедер пытался уложить в голове происходящее.

Значит, в Кемниполь ему не вернуться по меньшей мере до весны — а может, и вовсе никогда. Он окинул взглядом низкое хмурое небо, и деревянные дома под острыми крышами, тесно жмущиеся вдоль улочек, и широкий канал с баржами и лодками, снующими

от города к реке и обратно. Приключение закончилось. Жить придется здесь. Тысяча неотчетливых планов — наведаться в Кемниполь, вернуться в Ривенхальм к отцовскому очагу — рассыпались на глазах.

Терниган сошел с возвышения, взял у секретаря запечатанное письмо и вручил его Алану Клинну, протектору Ванайев. Выступив вперед, тот вскрыл печать и огласил полномочия, которыми наделил его лорд-маршал. Гедер покачал головой. Каждая фраза лишь усугубляла отчаяние: он и не подозревал, как сильно мечтал отделаться наконец и от кампании, и от Алана Клинна.

Пока Клинн вещал, что все расы Ванайев для него равны и что верность Антее будет вознаграждена, а изменники жестоко поплатятся, рана Гедера ныла все больше. Восхваления в адрес Антеи и лично короля Симеона заняли еще добрый час, от нетерпения изнывал не один только Гедер. Под конец Клинн поблагодарил лорда-маршала за назначение, официально принял должность и вскинул руку в воинском приветствии. Строй немедленно разразился ликующим криком — в восторге не столько от речи, сколько от ее завершения. Ванайцы наконец встали, разминая затекшие ноги, и принялись обсуждать новости, как купцы на зеленом рынке.

Гедер оглядел имперских аристократов — кое-кто завидовал Клинну и новой роли его подчиненных, сэр Госпей Аллентот чуть не светился от счастья.

Джорей Каллиам, глубоко задумавшись, направился прочь, Гедер едва за ним поспевал. — Нас сослали, — наконец буркнул он, когда прочие антейцы остались позади. — Мы выиграли битву, а нас за это в изгнание. Не хуже ванайского герцога.

Джорей взглянул на него с досадой и жалостью.

— Клинн с самого начала сюда целил. Только об этом и мечтал.

— Почему? — спросил Гедер.

— Королевский наместник — это власть. Даже в Ванайях. А если Клинн хорошо себя зарекомендует, то при следующих дележах, когда город отдадут другим, его не забудут. Извини, мне нужно написать отцу.

— Конечно, — кивнул Гедер. — Я тоже своим напишу. Не знаю, правда, что им сказать.

Джорей горько усмехнулся:

— Скажи, что разграбление города ты все-таки не пропустил.

Если кто и сомневался, к кому из своих людей благоволит Алан Клинн, то сразу после отъезда лорда Тернигана все сомнения развеялись. Новый секретарь Клинна, сын влиятельного тимзинского купца, явился к Гедеру в лазарет и проводил его в новое жилище — три комнатки в тесном особнячке, который некогда служил складом и успел провонять крысиной мочой. Впрочем, здесь был камин, а крепкие стены ограждали от ветра — не то что в палатке.

Каждый день Гедер получал новый приказ от лорда Клинна: закрыть и перегородить сход к каналу, собрать с купцов дань за право рыночной торговли, доставить в тюрьму сторонника низложенного герцога в назидание горожанам. Для оглашения и исполнения приказов хватило бы и солдат, но процедура требовала, чтобы за всем следил антейский дворянин — в знак того, что аристократия Антеи печется о новообретенном городе и не оставляет его без присмотра. Выслушивая поручения одно за другим, Гедер подозревал, что еще до исхода зимы его неминуемо возненавидят все жители.

Закрыть известный публичный дом? Отряд возглавляет Гедер. Выселить из лачуги жену

и детей герцогского приверженца? Гедер. Арестовать крупного купца?..

— Могу ли я спросить, в чем меня обвиняют? — спросил магистр Иманиэль, глава Медеанского банка в Ванайях.

— Сожалею, — ответил Гедер. — Мне велено привести вас к лорду-протектору добровольно или силой.

— Велено, — горько повторил невысокий человечек. — А вести меня по всей улице в цепях?

— Часть приказа. Сожалею.

Ванайский филиал Медеанского банка ютился на боковой улице в доме, где разместилась бы средней руки семья. И даже при таких невеликих размерах он казался запустелым — только щуплый, иссохший от солнца магистр и дородная женщина, ломающая руки у порога. Магистр Иманиэль встал из-за стола, оглядел солдат за спиной Гедера и оправил рубаху.

— Полагаю, бесполезно спрашивать, когда я смогу вернуться к своим делам, — произнес он.

— Мне не сообщили.

— За что его забирать?! — воскликнула женщина. — Мы вам ничего не сделали!

— Кэм, прекрати! — прикрикнул на нее банкир. — Я убежден, что это исключительно по банковским нуждам. Если будут спрашивать — скажи, что здесь ошибка и что я отправился к благородному лорду-протектору, чтобы ее исправить.

Женщина — Кэм — закусила губу и отвела взгляд. Магистр Иманиэль спокойно подошел к Гедеру и поклонился.

— Просьба не надевать цепи будет излишней, полагаю? — спросил он. — Моя профессия по большей части держится на репутации, и...

— Очень сожалею, — повторил Гедер. — Лорд Клинн мне...

— Приказал, — договорил за него банкир. — Понимаю. Тогда давайте закончим поскорее.

На улице уже собралась толпа — весть о появлении Гедера, судя по всему, облетела город как на крыльях. Стражники выстроились по бокам, в середине шел Гедер, за ним вышагивал банкир в звякающих кандалах. На лице магистра Иманиэля застыла маска снисходительного благодушия — то ли он искусно разыгрывал храбрость, то ли впрямь ничего не страшился. Встречные, попадавшиеся им на улицах и набережных, оборачивались поглазеть на закованного в цепи банкира; Гедер, решительно постукивая тростью, старался хранить невозмутимость. К полудню весь город будет знать, кто именно арестовал магистра Иманиэля. Мысль о том, что Клинн так и задумывал, не утешала.

Сэр Алан Клинн ждал их в просторном зале, где герцог прежде давал аудиенции. Старую символику частью убрали, частью завесили знаменами Антеи, короля Симеона и рода Клиннов. Пахло дымом, дождем и мокрой псиной. Сэр Алан с улыбкой поднялся из-за стола.

— Магистр Иманиэль из Медеанского банка?

— Он самый, милорд протектор, — с улыбкой ответил банкир и поклонился. По любезному тону никто бы не заподозрил, что Клинн только что опозорил магистра в глазах всего города. — Видно, я чем-то оскорбил вашу милость и должен, разумеется, принести извинения. Если мне сообщат, в чем моя вина, то я, конечно же, впредь постараюсь не повторять ошибок.

Клинн небрежно повел рукой.

— Ничего подобного. Я всего лишь побеседовал с вашим бывшим герцогом, препровожденным в ссылку. Он сказал, что вы не пожелали дать ему денег на военную кампанию.

— Он вряд ли вернул бы долг, — ответил магистр Иманиэль.

— Понимаю.

Гедер в замешательстве взглянул на обоих. Беседа текла мирно, словно между равными, однако в глазах Клинна мерцал жесткий огонек, из-за которого все сказанное звучало угрозой. Лорд-протектор медленно подошел к столу, где еще стоял серебряный поднос с остатками обеда.

— Я читал донесения о сборе дани после падения города, — сказал он. — Суммы, взятые из вашего банка в казну короля Симеона, оказались... на удивление невелики.

— Мой прежний герцог, очевидно, имел преувеличенное мнение о моих средствах.

Клинн улыбнулся:

— Богатства где-то укрыты или вам удалось их вывезти?

— Не понимаю вас, милорд.

— Вы не возражаете, если мои люди проведут ревизию банковских книг?

— Пожалуйста, конечно же. Мы рады, что Антея наконец обрела законную власть в Ванайях, и уверены, что новый порядок послужит благоприятной основой для деловой деятельности города.

— И вы позволите осмотреть ваш дом?

— Разумеется.

Клинн кивнул.

— Вы догадываетесь, что будете задержаны до выяснения всех обстоятельств? Все, чем владеет здесь ваш банк, теперь забота Антеи.

— Я этого ожидал, — ответил магистр Иманиэль. — Однако, не в обиду вам, я все же надеялся на лучшее.

— Мир несовершенен. Мы исполняем свой долг. — Клинн повернулся к начальнику караула, стоявшему слева от Гедера. — Отведите его в городскую тюрьму. В клетку на нижнем уровне, чтобы все видели. Если кто-то попытается с ним говорить, запишите дословно и возьмите смельчака под стражу.

Банкира увели. Гедер не знал, идти ли вслед; Клинн не спешил метать в него грозные взгляды, и юноша решил, что ему положено остаться.

— Ясно, о чем речь, Паллиако? — спросил Клинн, когда банкир и стражники скрылись за дверью.

— У банка оказалось денег меньше ожидаемого?

Клинн засмеялся — Гедер так и не понял, над ним или нет.

— Деньги есть, — ответил Клинн. — Где-то лежат. И, по словам герцога, немало. Хватило бы и на наемников, чтобы выдержать осаду, и на еще одно маччийское войско, а то и больше.

— И банкир не дал герцогу денег, — кивнул Гедер.

— Не ради верности Антее, банкиры не очень-то чтят королей, — уточнил Клинн. — Важно другое. Если деньги утоплены — значит, кто-то опускал их в канал. Если зарыты — значит, кто-то копал землю. Если тайно вывезены — значит, кто-то их отправлял. И, увидев банкира в тюрьме, этот «кто-то» скорее всего занервничает и попытается откупиться.

— Вот оно что.

— Банкира арестовывал ты, поэтому в ближайшие дни держись на виду. Чтобы к тебе могли подойти. И все, что услышишь, докладывай мне.

— Разумеется, сэр.

— Вот и отлично, — кивнул Клинн. По дальнейшему молчанию Гедер понял, что можно идти.

Он дохромал до площади и присел на скамью под почти облетевшим деревом с черной корой. Нога болела, но там, где раньше сочились кровь и гной, рану уже не холодило. Юнцы на дороге — тимзины и первокровные, словно и не замечающие отличия в расах, — делали вид, что не смотрят в его сторону. Стая ворон, гомонивших среди ветвей, вдруг взмыла вверх, как облако дыма. Гедер постучал тростью по мостовой, удары отдались в пальцах.

В ближайшие дни он будет болтаться наживкой на крючке. Может, бывшие пособники банкира не преминут выслужиться перед Антеей. Может, предпочтут не высываться. А вполне вероятно, устроят неприятную случайность тому, кого считают непосредственным виновником ареста. Клинн умудрился подставить его под удар и остаться чистым: опасность на сторонний взгляд не видна.

Правда, у Гедера теперь есть несколько дней, когда можно невозбранно бродить по улицам и рынкам и честно говорить, что он выполняет приказ Клинна. Оруженосец недавно слышал, будто в южном квартале есть книжная лавка — теперь наконец можно туда зайти. В доспехе и со стражей, но ведь можно!..

Два дня Гедер, не теряя бдительности, обходил ванайские улицы, кофейни и пивные. В церкви, когда голоса хора уносились под широкие своды, он тщательно следил, чтобы никто не подсаживался к нему на скамью слишком близко. Перебирая на рынке полусгнившие тома на тележке книготорговца, он знал, что за спиной стоит солдат. На третий день к нему пришел погонщик по имени Олфрид с рассказом о караване, собранном верным союзником Медеанского банка, мастером Уиллом.

Так Гедер впервые услышал имя Маркуса Вестера.

Постоянная тревога о несметных ценностях в фургоне и о том, как бы ее не узнали под мальчишеской одеждой, отнимала все силы, Китрин мало на что обращала внимание.

— У тебя голова-то на плечах есть? — гневно спросил караванщик.

Китрин глядела в землю, щеки пылали от стыда, в горле застрял ком. На башмаках погонщиков застыла рыжая пыль с места очередной стоянки, опавшие листья на земле серебрились изморозью.

— Простите, — выдохнула она, облачко пара растаяло в холодном воздухе.

— Они же мулы! — не утихал караванщик. — За ними надо следить!.. Давно он так?

— Несколько дней, — почти не размыкая губ, пробормотала Китрин.

— Громче, парень! Давно?

— Несколько дней.

Молчание.

— Что ж. Передней подводе хватит и трех коней. Больного привяжи вон там к дереву, вместо него поставим в упряжку мою лошадь.

— Если его тут бросить, он погибнет.

— Именно.

— Он ведь не виноват! Зачем оставлять на верную смерть?

— Хорошо. Дам тебе нож, пустишь ему кровь.

Гневное молчание девушки было красноречивее некуда.

Прозрачные внутренние веки караванщика мигнули, глаза не отрывались от Китрин.

— Хочешь отстать от каравана — пожалуйста! — заявил он. — Мы и так запаздываем, не торчать же здесь только потому, что ты не умеешь следить за мулами. Решай.

— Я его не брошу! — Китрин удивилась собственным словам. И ужаснулась их искренности. Ей ведь нельзя отстать от каравана!..

— Он всего лишь мул!

— Я его не брошу, — еще решительнее сказала девушка.

— Значит, ты идиот.

Караванщик повернулся, сплюнул и пошел прочь. Китрин смотрела ему в спину, пока он не скрылся под жидкой соломенной крышей постоянного двора, давшего им приют. Выходить он, судя по всему, пока не собирался, и она вернулась в хлев. Большой из мулов стоял с опущенной головой, тяжело и прерывисто дыша. Девушка погладила его по густой жесткой шерсти — мул взглянул на нее, повел ухом и опять склонил голову.

Китрин попробовала представить, как привязывает его к дереву и уходит, оставляя погибать от болезни и холода. Или как перерезает теплое пушистое горло. А ведь ей надо довести деньги до Карса.

— Прости меня, — прошептала она. — Я же не погонщик. Я не знала.

Китрин и вправду сначала думала, что все от ее неопытности: если на каждом переходе фургон отстает от передней повозки все больше — значит, она мало понукает мулов или не умеет сладить с упряжью на поворотах. И только когда у животного открылся тяжелый влажный кашель, она поняла, что мул заболел. В доме магистра Иманиэля религиозные обряды были не редкость, однако Китрин молилась о том, чтобы мул выздоровел сам по себе.

Не помогло.

Постоялый двор — каменная развалина, которую пытался подлатать и подправить каждый, кто в ней останавливался, — торчал на склоне широкого пологого холма; здесь начиналась гряда высоких заснеженных гор на границе между Вольноградьем и Биранкурмом. На горизонте виднелись вершины — синие, как казалось из-за дальности. Через горы лежал кратчайший путь от Ванайев до Карса.

Карс. Для Китрин само название звучало чуть ли не молитвой. Карс, столица Нордкаста, город на берегу спокойного моря. Белые башни на меловых скалах, Вечерний совет, могила драконов. Главная контора Медеанского банка. Конец дороги для Китрин — беглянки, контрабандиста, погонщика... Она никогда прежде там не бывала, но теперь тосковала по Карсу, как по родному дому.

Китрин добралась бы и в одиночку. Только она не знала дороги. И не представляла, как вылечить больного мула. И как отбиваться от лесных разбойников.

Мул тяжело выдохнул и тут же закашлялся, влажно и хрипло. Китрин шагнула вперед и погладила его широкие мягкие уши.

— Что-нибудь придумаем, — сказала она не столько мулу, сколько себе. — Все наладится.

— Вероятно, так и будет, — произнес сзади мужской голос.

Ведун, мастер Кит, стоял у дверей хлева, рядом с ним женщина по имени Опал. Китрин обняв мула за шею, прижалась к нему, словно пытаясь защитить. Или получить защиту. От волнения сердце забилось чаще.

— Это и есть тот горемыка, да? — спросила Опал, протискиваясь мимо ведуна. — Такой усталый.

Китрин кивнула, стараясь не встречаться глазами с обоими. Опал скользнула к стойлу, обошла вокруг мула и приложила ухо к его боку. Затем, тихо напевая что-то незнакомое, встала на колени перед мордой и мягко раздвинула губы животного.

— Опал ухаживает за нашими конями, — объяснил мастер Кит. — Во всем, что касается четвероногих с копытами, я привык ей доверять.

Китрин кивнула, чуть не разрываясь одновременно от благодарности и от опасения быть так близко к стражникам. Опал встала и тщательно обнюхала уши мула.

— Тебя зовут Таг, да? — спросила она. Китрин кивнула. — Скажи, Таг, этого бедолагу сносило на сторону? Тебе приходилось его выравнивать?

Китрин порылась в памяти и мотнула головой.

— Хорошо, — заметила Опал и бросила через плечо мастеру Киту: — Значит, не уши, это обнадеживает. У него одышка, но влаги в легких нет. Подержать его в тепле день-другой — будет как новенький. Только нужно добыть одеял и попон.

— Два дня, — произнес мастер Кит. — Вряд ли капитан Вестер обрадуется.

Повисла тишина, лишь похрипывал мул да шелестел в ветвях утренний ветерок. У Китрин свело желудок чуть не до тошноты.

— Одним стражником больше, одним меньше — не так важно, — ответила Опал. — Я останусь с Тагом, а когда мул поправится, мы вас нагоним. Буквально пара дней. А отдельная повозка с хорошей упряжкой движется быстрее, чем целый караван.

Ведун, скрестив руки, задумался, и в душе Китрин затеплилась надежда.

— Ты справишься? — спросил ее мастер Кит. Глаза глядели очень по-доброму, голос был мягок, как полуистертый лоскут фланели.

— Да, господин, — ответила Китрин, стараясь говорить низко, по-мужски.

Ведун в ответ кивнул.

— Возможно, будет лучше, если я поговорю с остальными от твоего имени. Ты позволишь?

Китрин кивнула, и старик, улыбнувшись, зашагал обратно к постоялому двору, оставив Китрин и Опал с животными.

От облегчения Китрин почти перестала бояться. Может, все и к лучшему? Опал в кожаном доспехе и Китрин в мужской одежде вряд ли привлекут внимание, никто ничего не заподозрит. Вокруг не будет толпы погонщиков, так что маскироваться придется только перед Опал, а если они мужчина и женщина, то для Тага вполне естественно держаться от спутницы подальше.

Страх, правда, не исчез до конца. Китрин понимала его причину благодаря магистру Иманиэлю — за ужином с Кэм и Безелем он часто обсуждал какого-нибудь купца или прелата, чьи поступки не соответствовали ожиданиям, и объяснял, что за этим стоит. Китрин страшится потому, что знает больше других и понимает, насколько высоки ставки. Но если погонщик Таг везет деньги, на которые можно нанять средних размеров армию, то это известно одной Китрин, и никому иному. Значит, отставая от каравана, она рискует не больше, чем если бы вправду везла груз некрашеной шерсти. Никто не ищет ни ее, ни ценности, мул выздоровеет, ей не придется ехать до Карса одной. Все будет хорошо.

— В первый раз погонщиком? — спросила Опал.

Китрин кивнула.

— Ну, не волнуйся. Мы себя в обиду не дадим.

Китрин не сразу пришло в голову задуматься, с чего бы наемному стражнику включать в общее «мы» новичка-погонщика. Через несколько часов караван с капитаном Вестером и мастером Китом уже трогался к горам, за которыми лежала дорога на Карс.

День прошел в хлопотах: Китрин и Опал согревали хлев, растирали мула, насильно поили его странным питьем, пахнувшим смолой и лакрицей, — к ночи мул уже держал голову выше, кашель смягчился. Спать легли в хлеве, по разные стороны от ветхой жаровни, закутавшись в тонкие одеяла. Тепла от жаровни хватало лишь на то, чтобы не замерзнуть.

В темноте снаружи крикнул какой-то зверь или птица, потом все стихло. Китрин, с завистью прислушавшись к медленному ровному дыханию стражницы, подложила руку под голову и закрыла глаза, уговаривая себя уснуть. Напряженное тело вздрагивало, в мозгу роились мысли о сотнях опасностей, подстерегающих в ночи. Вдруг бандиты, нападавшие на караван, вернуться, изнасилуют их с Опал, убьют, заберут деньги банка? Вдруг Опал обнаружит сокровища и в припадке алчности перережет ей горло? Вдруг мул расхворается еще больше и ей придется торчать здесь в осеннем холоде?

Китрин не уснула до самого рассвета. Голова болела, по спине будто прошлись молотом. В сером утреннем сумраке Опал, напевая под нос, вновь разожгла огонь, и обе женщины подошли осмотреть больное животное. От мула уже не веяло жаром, как вчера, глаза блестели ярче, да и голову он держал увереннее. Второй мул в соседнем стойле поднял морду и всхрапнул.

— Тоже заболел? — чуть не со слезами спросила Китрин.

— Вряд ли. Скорее просто завидует нашему бедняге, ведь ему столько внимания.

— Уже пора в путь? Можно возвращаться к каравану?

— Лучше после обеда. Пусть мул наберется сил, дадим ему для начала всего полдня

пути.

— Но...

— Мы здесь бывали. Еще до перевала нагоним своих. Караван остановится в Беллине и вышлет вперед разведчиков.

Название отдавало чем-то смутно знакомым. Опал, взглянув на Китрин, повторила:

— Беллин. Торговый городок у самого перевала. Ты вправду не знаешь караванных путей?

— Не знаю, — сердито буркнула Китрин и сама устыдилась.

— Беллин — мелкий городишко, но путников там привечают. Мастер Кит нас однажды туда привез на месяц. Люди приходят и уходят, каждые несколько дней публика сменяется, никто не живет подолгу. Для нас — то же самое, что разъезжать по дорогам, только разъезжать нигде не надо.

Холодный ветер взметнул охапку соломы, в жаровне вспыхнули угли, и заплясало тонкое пламя. Мозг от усталости плохо работал. Что стражникам делать месяц среди проезжих торговцев, купцов и миссионеров? Охранять их внутри городских стен, где нет опасности?..

— Я выйду, — сказала Китрин. — Надо... надо проверить фургон.

— Да, а то вдруг исчез, — с готовностью кивнула Опал.

Наедине со стражницей девушке было гораздо проще, чем в толпе погонщиков каравана. Следить приходилось только за одной парой глаз, и Китрин временами могла расслабиться и побыть сама собой, а не возницей Тагом. Когда настало время двигаться в путь, Китрин почти не замечала, что она не одна: Опал легко болтала за двоих, по большей части о том, как запрягать повозку и править мулами. Девушка подозревала, что Таг уже взвыл бы от нравоучений, но сама впитывала советы как губка и за полдня уразумела добрую сотню премудростей, о которых прежде и не догадывалась. К вечеру, когда пришла пора заночевать на широком лугу у дороги, она набралась знаний больше, чем за все предыдущие недели пути от Ванайев.

Ее переполняла признательность к стражнице, однако заговорить она не решилась, боясь, что не сможет остановиться. Благодарность повлечет за собой дружбу, дружба потребует признаний — и ее тайна перестанет быть тайной. Поэтому за ужином Китрин просто подкладывала Опал лучшие куски, а для ночлега уступила ей место помягче.

Они лежали в темноте на тюках шерсти. Луну и звезды заволокло облаками, стусился мрак. Китрин снова не могла сомкнуть глаз — в измученном мозгу мелькали беспорядочные мысли, сон пришел не сразу. Ближе к полуночи Опал вдруг прижалась к ней всем телом, и Китрин в ужасе вздрогнула: на нее пытаются напасть? К ней пристают? И то и другое? Нет, ее спутница в полусне лишь искала тепла, и Китрин, как ни тянуло ее к нагретому боку Опал, отодвинулась подальше, чтобы та случайно не обнаружила, что рядом с ней женщина.

Сейчас, в ночной тьме, оставшиеся до Карса недели пути казались Китрин вечностью, обостренному воображению мерещилось, словно бочки и ящики слишком проступают под толстым слоем тюков. Банковские книги, шелк, табак, пряности, каменья и драгоценные безделушки — от страха и ответственности перехватывало дыхание, будто кто-то давил на грудь. Задремав перед самым рассветом, Китрин во сне увидела, будто стоит на скале, а у края бездны толпится сотня младенцев, которых она изо всех сил удерживает от падения.

Она проснулась от собственного крика. И обнаружила, что землю покрыло снегом.

Крупные рыхлые хлопья, сероватые на фоне белоснежных облаков, летели с неба и

оседали на деревьях, кора под ними казалась совсем черной. Драконий нефрит скрылся под снежным слоем, дорога угадывалась лишь как просвет между стволами, горизонт исчез. Опал уже запрягала мулов.

— Разве можно по такой дороге ехать? — с ужасом спросила Китрин, даже забыв изменить голос.

— Если не хочешь тут зимовать — то придется.

— А не опасно?

— Застрячь здесь — намного опаснее. Затяни вон ту подпругу, пальцы от холода не гнутся.

Китрин слезла с повозки и помогла с упряжью, немного погодя фургон двинулся в путь. Широкие железные колеса вязли в снегу, от мулов шел пар. Опал, не спрашивая, завладела вожжами и кнутом, Китрин понуро сжалась рядом.

— Счастье хоть, что в такую погоду бандитов не будет, — покачала головой стражница, глядя на снегопад.

— Если это счастье, то что ж тогда несчастье? — горько спросила Китрин. Поймав в ответ удивленно-веселый взгляд Опал, она вдруг поняла, что впервые за весь путь попыталась пошутить. Краска залила ей лицо, и стражница рассмеялась.

В Беллине было всего с полдюжины строений, остальной город ютился внутри широкой скалы, в сером камне которой виднелись окна и двери, сделанные тысячи лет назад отнюдь не рукой человека. Вокруг печных труб, косо торчащих из стен, темнели пятна сажи, снег оттенял вырезанные на склоне рунные письмена, каких Китрин прежде не встречала. Вершины, невидимые в пелене снегопада, смутно проступали сквозь метель исполинскими тенями. На занесенной снегом земле чернели знакомые повозки каравана, коней погонщики успели увести внутрь. Китрин помогла Опал поставить фургон на место, распрячь мулов и отвести их в стойло.

Стражники сидели в комнате, сгрудившись вокруг высокого очага: Микель, Шершень, мастер Кит, Смитт. При виде вошедших Сандр заулыбался во весь рот, а тралгут — помощник капитана — приветственно поднял широкую ладонь, не отрываясь от разговора с длинноволосой Кэри. Опал так шумно радовалась встрече с друзьями, что частица ее веселья передалась и Китрин.

— Должно же быть хоть что-то! — настойчиво заявила Кэри, и Китрин поняла, что беседа идет давно и фраза звучит не впервые.

— Ничего нет, — громыхнул Ярдем. — Женщины малы ростом и слабы, и нет такого оружия, которое превратит этот недостаток в достоинство.

— О чем разговор? — поинтересовалась Опал, садясь у огня. Китрин опустилась рядом с ней на скамью и лишь потом поняла, что именно так они и сидели на передке фургона. Мастер Кит усмехнулся и покачал головой.

— Подозреваю, что Кэри предпочтет оружие, отвечающее ее природным качествам, — предположил он.

— Например, малому росту и слабости, — ввернул Сандр.

Кэри, не повернув головы, запустила в него комком глины.

— Короткий лук, — сказала она.

— Лук так просто не натянешь, — возразил Ярдем, чуть ли не оправдываясь. — С пращой легче, но не намного. Копье бьет дальше, но нужны мускулы. Кинжал не требует

сил, но годен только для ближнего боя. Крупная сильная женщина лучше маленького слабого мужчины, но женского оружия в природе не существует.

— Должно быть хоть что-то, — не уступала Кэри.

— Ничего нет, — пожал могучими плечами Ярдем.

— Женские уловки, — подсказал Сандр с ухмылкой, и Кэри запустила в него очередным комком глины.

— Как твои мулы, Таг? — спросил мастер Кит.

— Лучше, — кивнула Китрин. — Гораздо лучше. Спасибо Опал.

— Да не за что, — отмахнулась та.

— Я рад, что все удалось, — сказал мастер Кит. — Я волновался, что ты нас не нагонишь.

— Зря волновались, — прозвучало вдруг сзади.

Китрин обернулась, и грудь ее сжало от беспокойства. В комнату вошел капитан Вестер в засыпанном снегом кожаном плаще — волосы спутаны, лицо покраснелось от холода, словно капитана отхлестали по щекам. Сдвинув брови, он подошел к огню.

— С возвращением, сэр, — произнес тралгут.

Капитан лишь кивнул.

— Насколько я понимаю, разведка закончена и новости нехороши, — предположил мастер Кит.

— Хороших я и не ждал, — хмуро бросил Маркус Вестер. — Караванщик собрал остальных, рассказывает. Через перевал не пройти. Ни сейчас, ни в ближайшие месяцы.

— Что?! — вскрикнула Китрин, забыв обо всем, и тут же прикусила язык.

— Снег выпал рано, а мы шли неспешно, — продолжал капитан, не обращая на нее внимания. — Не повезло. Возьмем в аренду склад, перенесем товар, снимем жилье. Мест мало, простора не ждите. В Карс двинемся весной.

Весной?.. Китрин будто хлестнули плетью. Перед глазами плясали языки огня в очаге, по спине ползла струйка от талого снега, в горле рос крик отчаяния — если дать ему волю, вместе с ним хлынут слезы, и их потом не остановишь. Несколько месяцев в мальчишеской одежде. Перенести груз из фургона на склад и потом обратно — и при этом себя не выдать. Вместо нескольких недель пути — месяцы.

«Я этого не выдержу», — только и билось в мозгу.

Стемнело рано, опустошить успели лишь половину повозок, и караванщик чуть не грыз кулаки от досады. Маркус был спокоен. Снежная буря пришла с запада, со стороны Биранкура: караван отделен от нее горами, сильной непогоды Беллину не достанется. Все будет хорошо, опасность не грозит. По крайней мере от снежной бури.

Ярдем устроил так называемых стражников отдельно — в двух крошечных комнатках с общей печкой, зато в центре города, внутри скалы. В завитках и извивах тесаного камня плясали отражения огня, стены казались живыми. Маркус сбросил промокшие кожаные сапоги и со стоном привалился к стене. Прочие толпились здесь же: кто-то отдыхал, кто-то перебрасывался шутками, кто-то делил лучшие места для ночлега — настоящие стражники вели бы себя так же, только шутили бы грубее. Даже Ярдем слегка расслабился — а с ним такое бывало не часто.

Однако Маркус отдыхать и не думал.

— Все сюда, — объявил он. — Будем совещаться. Задача поменялась, и лучше обсудить все заранее, чем потом наткаться на сюрпризы.

Разговоры стихли. Мастер Кит сел к огню, его жесткие седые волосы застыли вокруг головы, как облако дыма.

— Не понимаю, какая выгода каравану, — сказал он. — Кормить нас до весны и платить даже за самое скромное жилье — сумма немалая.

— Скорее всего караванщик потеряет в деньгах, но это его забота, не наша. Мы здесь не за прибылью следим. А за безопасностью. На дороге наше дело — охранять от бандитов. На зимовке — не баламутить народ, не затевать интрижек, не провоцировать ревность и зависть, не слишком плутовать в картах.

Смитт, актер на все роли, сотворил постное лицо.

— Мы изображаем стражников или мамушек-кормилиц?

— Мы делаем все, чтобы караван дошел до Карса в целости и сохранности, — ответил ему Маркус. — И если надо — охраняем его от нас самих.

— Мм, отличная реплика, — вставила хрупкая Кэри. — «И если надо — охраняем его от нас самих»!

Маркус нахмурился.

— Они сочиняют новую пьесу, — пояснил мастер Кит. — Комедию о том, как актеры подрядились играть стражников каравана.

Ярдем хмыкнул и дернул ухом — то ли от досады, то ли от удовольствия, а скорее всего от того и другого разом. Маркус предпочел не обратить внимания.

— У нас почти два десятка возниц, — продолжал он. — И караванщик с женой. Вы несколько недель за ними наблюдали, вы их знаете. Кто из них ненадежен?

— Тот, что с оловянной рудой, — предположил Смитт. — Нарывается на драку с самого нападения бандитов, до весны без приключений не дотянет. Его бы унять — или женщину подложить, или осадить покрепче.

— Мне он тоже не нравится, — кивнул Маркус, мимолетно порадовавшись тому, что актеры более восприимчивы, чем его обычные воины: сейчас это придется кстати. — Кто еще?

— Полукровка-дартин, — вступила Опал, старшая из актрис. — Норовил сбежать от

проповедей караванщика при любом случае. Почти как вы, капитан. Если его так и кормить священными текстами каждый день, он озвереет.

— Девчонка в накладных усах, — добавил тощий Микель. — Слишком уж хрупка.

— Точно, — поддакнула Кэри.

— И еще неизвестно, что она там везет, — с готовностью откликнулась Опал. — Стоит кому подойти к фургону — дергается, как кошка. Даже говорить о нем не хочет.

Маркус вскинул ладонь, призывая к тишине.

— Кто-кто? — с нажимом переспросил он.

— Девчонка в накладных усах, — повторил мастер Кит. — Та, что называет себя Таг.

Маркус взглянул на Ярдема. Судя по гримасе, тралгут был изумлен не меньше его.

Капитан поднял бровь: ты знал? Звякнула серьга — Ярдем мотнул головой: нет!

«И еще неизвестно, что она там везет»...

— Ярдем, за мной, — скомандовал Маркус, натягивая сапоги.

— Слушаю, сэр.

Возницы и караванщик размещались в отдельном лабиринте туннелей и комнат. Маркус шагал через пропитанные дымом галереи и общие гостиные, Ярдем маячил за плечом, остальные стражники — или актеры, кто теперь разберет, — шли позади след в след, словно дети, играющие в «делай как я». С каждой комнатой, в которой не оказывалось Тага, плечи Маркуса напрягались все больше, он перебирал в памяти предыдущий путь — случаи, когда он говорил с мальчишкой или когда Тага упоминал караванщик. Слишком мало, почти ничего. Мальчишка всегда держался так, чтобы не привлекать внимания к себе и — главное — к фургону.

Последняя из комнат выходила окнами на темные, покрытые снегом холмы. За спиной Маркуса уже гудели взволнованные голоса — погонщики наперебой спрашивали, что случилось. Холодный влажный воздух веял то ли дождем, то ли снегом. Горизонт прочертила молния.

— Его здесь нет, сэр.

— Вижу.

— Уехать она не могла, — сказала сзади Опал. — Она толком не знает, как править фургоном: мулы просто идут вслед за передней повозкой, и все.

— Фургон, — кивнул Маркус, выходя в ночной мрак.

Еще не разгруженные подводы каравана, занесенные снегом на добрые пол-локтя, стояли у низких каменных складов. Маркус двинулся между ними, и при свете зажженных сзади факелов его тень, дрогнув, заплясала на боковине фургона с шерстью. Скамью возницы занесло снегом пальца на два, не больше. Маркус уперся ногой в железную петлю у колеса, подтянулся наверх и откинул полог. Таг лежал, свернувшись на тюках калачиком, как кошка. Теперь, когда капитан знал правду, он разглядел и криво приклеенные усы, и неровно выкрашенную шевелюру: то, что раньше казалось тощим бестолковым мальчишкой из первокровных, теперь предстало его взгляду как девушка циннийских кровей.

— Ч-что... — начала было она посиневшими от холода губами.

Маркус схватил ее за плечо и вздернул на ноги.

— Ярдем?

— Слушаю, сэр, — раздался голос у борта фургона.

— Лови! — Маркус перебросил ему взвизгнувшую девушку, Ярдем крепко ухватил ее за плечи и шею. Девушка, отчаянно крича, извивалась всем телом, от какого-то удара Ярдем

даже раз крикнул. Маркус, не обращая внимания на борьбу, перебирал намочшие и пахнущие плесенью тюки с шерстью, один за другим сбрасывая их на землю. Девушка зашлась было в крике и вдруг затихла; ладонь Маркуса наткнулась на что-то твердое.

— Факел, — велел он.

Вместе с факелом на фургон влез мастер Кит с непроницаемым лицом. В свете пламени Маркус потянул на себя один из ящиков — ларец черного дерева с железным замком и жесткими кожаными петлями. Полоснув по петлям кинжалом, он всунул клинок между корпусом и крышкой.

— Осторожнее, — предупредил мастер Кит, глядя, как Маркус налег на кинжал.

— Поздно, — бросил капитан. Замок с треском отскочил, ларец открылся. Внутри, заполняя его до краев, переливались тысячи стекляшек. Нет! Не стекляшек — драгоценных камней. Гранаты, рубины, изумруды, алмазы, жемчуга... Маркус взглянул в дыру между занесенными снегом тюками шерсти — еще ящики. Десятки.

Мастер Кит смотрел на него расширенными от изумления глазами.

— Что ж, — коротко кивнул Маркус и отпустил крышку. — К делу.

Остальные стражники уже толпились вокруг Ярдема, который по-прежнему удерживал пленницу, готовый в любой миг перехватить ей горло и отключить сознание. Несмотря на слезы, подбородок девушки был вызывающе вздернут. Маркус подцепил за край клееные усы, потер их между пальцев и бросил на землю. Рядом с огромным тралгутом девушка казалась почти ребенком. В ее глазах читалась мольба, и в груди Маркуса что-то опасно шевельнулось — не гнев, не ярость, даже не горечь. Память. Живая и яркая до боли. Он заставил себя отвернуться.

— Пожалуйста, — умоляюще произнесла девушка.

— Кит, — бросил он. — Уведите ее внутрь. В наши комнаты. Не давать ни с кем говорить. Даже с караванщиком.

— Как скажете, капитан, — кивнул актер.

Ярдем ослабил хватку и, не сводя глаз с девушки, отступил на шаг, готовый в любой миг скрутить ее снова, если вздумает отбиваться. Мастер Кит протянул к ней руку.

— Пойдем, дитя. Ты среди друзей.

Девушка в нерешительности переводила взгляд с Маркуса и Ярдема на мастера Кита и вновь на Маркуса. В глазах слезы, но ни единого всхлипа — такая знакомая манера... Маркус тряхнул головой, прогоняя воспоминание. Мастер Кит с девушкой двинулись к жилью; актеры, словно по привычке, последовали за главой труппы, оставив воинов наедине.

— Фургон, — бросил капитан.

— Никого не подпущу, сэр, — рявкнул Ярдем.

Маркус прищурился, глядя на падающий снег.

— Сколько ей лет, по-твоему?

— Цинна-полукровка... Трудно сказать, — пророкотал тралгут. — Шестнадцать, семнадцать...

— И мне так показалось.

— Мериан сейчас было бы столько же.

— Около того.

Маркус взглянул на скалу. За прорезанными в камне окнами мелькали огни, высеченные вверху старинные руны залепило снегом — по-ночному темным на фоне черной стены.

— Сэр?

Маркус обернулся. Тралгут уже сидел на передке фургона, для тепла наворачивая на себя шерстяное полотно, как кочевник из страны Пу'т.

— Все, что случилось в Эллисе, тут ни при чем. Решайте бесстрастно. Она не ваша дочь. В груди Маркуса шевельнулась тревога, как беспокойный младенец во сне.

— У меня нет дочери, — ответил он и шагнул в темноту.

Стакан теплого сидра, участливые слова мастера Кита — и через полчаса история была как на ладони. Медеанский банк, гибель юноши-возницы, отчаянная авантюра с переправкой драгоценностей в Карс. Добрую половину рассказа девушка заливалась слезами: уехав из Ванайев, она оставила единственный в жизни кров и принявших ее людей, пусть и не родных.

Маркус слушал ее скрестив руки, хмурые брови ни разу не дрогнули. От него не ускользнула ни уверенность ее голоса, когда она упомянула векселя и обращение капитала, ни привычка отводить волосы со лба, даже если они не свисают на глаза, ни сжатые, будто в попытке защититься, плечи. Погонщик Таг не стоил его внимания. Китрин бель-Саркур — совсем другое дело.

Когда девушка умолкла, он оставил ее с актерами и, взяв под локоть мастера Кита, повел его по узким каменным переходам, пронизывающим каменное нутро Беллина. Горевшие на поворотах свечи, едва рассеивая мрак, лишь смутно обозначали направление ходов, путь приходилось чуть ли не нащупывать. Маркусу, правда, и не хотелось торопиться.

— Вы знали? — спросил он.

— Я знал, что она переодетая девушка.

— И не сказали.

— Я не был удивлен. Опыт подсказывает, что люди меняют роли довольно часто. Взять хотя бы мою роль при караване.

Маркус медленно выдохнул.

— Хорошо. Надо известить караванщика. Нам нельзя здесь оставаться.

— Не хочу вас задеть, капитан, но почему бы нет? Разве для каравана что-то изменилось? Теперь мы знаем правду и могли бы помочь девушке сохранить инкогнито. Спрятать груз до весны и потом двинуться дальше, как ни в чем не бывало.

— Не выйдет.

— Почему, капитан?

Маркус остановился на крутом повороте. В отблесках единственной свечи резные стены будто дышали жизнью, ловя каждое слово, лицо актера в неверном свете казалось маской из тусклого золота и мрака.

— Так не бывает. Большие богатства — всегда кровь. Кто-нибудь из нас может польститься на деньги. А если и нет — за повозкой наверняка охотятся.

— А как ее найдут, если никто не знает, что искать? — спросил мастер Кит.

Маркус отметил про себя, что актер не отмел возражений о корысти и возможном предательстве.

— Ну, например, разнесется слух о караване, где охранником — герой Градиса и Водфорда, а ведун — повелитель деревьев, который умеет отводить стрелы.

Мастер Кит помрачнел — значит, дальнейших объяснений не потребуется.

— Я вас нанимал для другого, — сказал Маркус, — но сейчас вы мне нужны.

Мастер Кит сжал губы и надолго умолк, а затем, повернувшись на месте, пошел дальше

к комнатам караванщика. Маркус ступал следом, какое-то время в полумраке разносился лишь звук шагов.

— Что вы намерены делать? — помолчав, ровным голосом спросил мастер Кит.

Маркус кивнул сам себе: что ж, по крайней мере ему не ответили «нет».

— Идти к югу. На запад путь закрыт из-за снега, на востоке столкнемся с преследователями. С севера — Сухие Пустоши. Объявим, что пути на Карс ждать невыгодно и лучше продать товар на рынках Маччии или Гилеи. Двинемся к востоку, потом свернем на юг.

— Я не знаю дорог к югу ближе, чем...

— Не дорогами. Забыть про драконьи дороги, идти проселками и тропами до Внутреннего моря, там есть путь вдоль берега, он почти не замерзает. До Биранкура — четыре недели, если по холоду. Если дорогу развезет — пять. Вооруженных бандитов, лезущих через границу, там не любят, так что наших преследователей скорее всего развернут обратно. Еще неделя — и перед нами Порте-Олива. Крупный город, вполне подходящий, чтобы затеряться в нем до весны. А если дороги позволят — можно сразу двинуться в Нордкост, до самого Карса.

— Обходная дорога, подозреваю, выйдет длинной, — заметил мастер Кит. Коридор вывел их к перекрестку нескольких туннелей, где висела на кованой железной скобе масляная лампа. Остановившись под ней, мастер Кит повернул к капитану спокойное и строгое лицо. — А другой выход вы рассматривали?

— Я не знаю других выходов.

— Мы все могли бы наведаться к фургону, набить кошельки драгоценностями и исчезнуть как дым. Остальное перенести на склад, пусть делают что хотят.

— Может, так было бы и разумнее, но мы здесь не для этого. Наша работа — охранять караван, пока он не дойдет до места.

Глядя, как на лице актера проступают скептицизм и мрачное удовлетворение, Маркус понимал, что в этот самый миг решается судьба всего предприятия. Если старик откажется, выхода не будет.

Мастер Кит пожал плечами.

— Значит, насколько я понимаю, нам остается известить караванщика, что его планы изменились.

К полудню караван уже двигался по дороге под низким серым небом. Маркус ехал впереди. После ночи, заполненной знакомыми кошмарами, раскалывалась голова. Кровь и пламя, предсмертные крики женщины и девочки, уже двенадцать лет как обратившихся в прах, запах паленых волос... Кошмары, после которых он вскакивал, зовя Алис и Мериан — жену и дочь, — оставили его много лет назад. Тогда он надеялся, что навсегда. Однако теперь они вернулись — неизвестно, надолго ли.

Что ж. Выдержал прежде — выдержит снова.

Караванщик сидел рядом, облачка их морозного дыхания вырывались то в унисон, то вразнобой. С занесенных снегом деревьев за ними следили вороны, нахохлившись и сгорбленные, как старики. Снег, хоть и мокрый, был всего в локоть высотой. Когда они свернут с драконьей дороги, будет хуже.

— Не могу поверить! — в сотый раз повторил караванщик. — Мне даже не сказали!

— Решили, что вы не контрабандист, — откликнулся Маркус.

— Зато решили, что я дурак!

— Я тоже, — кивнул Маркус и, наткнувшись на обалделый взгляд тимзина, поспешил объяснить: — Нет, это не я решил, что вы дурак, а они решили, что я дурак!

Караванщик печально умолк.

За спиной таяли в дымке скалы Беллина, зима обещала быть скверной. На ночном привале, пока в стремительно сгущающихся сумерках погонщики ставили палатки, Маркус прошел по лагерю вместе с Ярдемом. Разговоры при виде их смолкали, улыбки делались фальшивыми. Злоба пропитывала людей, как масло — фитиль, и заботой Маркуса было проследить, чтобы нигде не вспыхнула случайная искра. Все как он ожидал.

У палатки капитана стояла Китрин.

Погонщик Таг исчез, словно и не бывало. Актеры помогли смыть краску с волос, лицо без усов казалось почти неестественно чистым. Из-за юного возраста и примеси циннийской крови девушка выглядела нескладной, однако ближайшие несколько лет обещали превратить ее в привлекательную женщину.

— Капитан Вестер, — начала она и запнулась. — Я... я не успела сказать, как вам благодарна.

— Я всего лишь исполняю свои обязанности.

— Все равно! Я о большем и мечтать бы не смела... Спасибо вам.

— Опасность еще не миновала, — бросил Маркус резче, чем хотел. — Доберемся до места — тогда и будешь благодарить.

Девушка зарделась — словно розовые лепестки рассыпались по снегу — и, неловко кивнув, пошла к фургону. Проводив ее глазами, Маркус покачал головой. Ярдем, по-прежнему стоя рядом, кашлянул.

— Эта девушка — не моя дочь, — сказал Маркус.

— Верно, сэр.

— Мне нет резона защищать ее больше, чем остальных в караване.

— Конечно, сэр.

Маркус прищурился на облака.

— Туго мне придется.

— Именно так, сэр.

Королевская охота мчалась сквозь густой снегопад, за которым почти не слышался лай гончих. Доусон Каллиам припал к взмыленной шее коня, распластавшегося по воздуху; внизу неясным пятном мелькнул и пропал мерзлый ров. Вновь коснувшись земли, конь понесся вперед быстрее ветра. Позади раздались голоса. Не услышав среди них знакомых интонаций короля, Доусон не обернулся. Слева из снежной пелены вынырнула серая лошадь в охотничьем уборе из красной кожи. Фелдин Маас. Остальные скакали вплотную следом — неясные тени среди снежного сумрака. Доусон прижался к коню и вонзил шпоры в бока.

Матерый олень уже дважды чуть не ушел от охотников и своры, однако Доусон, с детства изъездивший холмы Остерлингских Урочищ вдоль и поперек при любой погоде, знал все тайные пути и ловушки. Олень успел повернуть к тупиковому ущелью — выхода оттуда нет. Убьет его, конечно, король Симеон, а в нынешней скачке охотники соперничали за право первым настичь добычу.

Нижние ветки сосны, зеленеющие на фоне белого сумрака, ясно указывали, куда помчался олень. Доусон взял в сторону, Фелдин Маас и прочие не отставали. Кто-то крикнул, собаки залаяли громче. Доусон, стиснув зубы, несся вперед.

Справа что-то вынырнуло — не серое. Белый жеребец без убора, на всаднике ни шлема, ни шапки, зато по рыжим волосам безошибочно, как по гербу, узнается Куртин Иссандриан. Доусон вновь пришпорил коня, тот рванул вперед — слишком быстро: равномерный, дробный галоп сбился. Пока конь пытался восстановить ритм, белый жеребец устремился вперед и обошел Доусона, а через миг с ним поравнялся Фелдин Маас на своем сером.

Пробеги олень еще тысячу шагов, Доусону удалось бы отстоять честь победы, но обреченное животное остановилось в расщелине слишком близко. Две собаки, упавшие замертво, лежали у его копыт, псари криком и хлыстами отгоняли остальную свору. У оленя был надломлен рог и окровавлен бок, левая задняя нога пропиталась кровью там, где особо яркий пес пытался вцепиться в лодыжку. Пятнистая шкура была изодрана, как рубище странника. Олень, тяжело дыша, повернулся к преследователям — Куртину Иссандриану и отставшим на полшага Доусону и Фелдину Маасу.

— Отлично исполнено, Иссандриан, — горько бросил барон.

— Красивое животное, да? — спросил победитель, словно не слыша.

Олень и вправду был великолепен: даже перед самой смертью, измученный скачкой и загнанный в тупик, он смотрел гордо. В глазах читались смирение и ненависть — но ни тени страха. Иссандриан, вынув меч, отсалютовал животному, и олень, словно принимая приветствие, склонил голову. На поляну вылетели еще шестеро всадников с гербами своих родов — они не скупилась на громкие проклятия, под ногами их прыгали с лаем собаки.

Затем на поляне появился его величество.

Король Симеон скакал на рослом вороном жеребце, по черным поводьям вились алые и золотые шнуры, черный кожаный доспех с серебряными заклепками увенчивался черным шлемом, прикрывающим кривой королевский нос и слегка дряблые щеки. Рядом с отцом ехал на пони принц Астер, гордо выпрямив спину в излишне просторных, на вырост, латах. Личный егеря принца держался сзади, за ним следовал исполин-ясурт в зелено-золотом, под цвет чешуи, доспехе.

Доусон охотился с Симеоном издавна — с тех пор, как они были юнцами помладше

Мааса и Иссандриана, — и, единственный из придворных, барон не мог не заметить, как ссутулился в последнее время король. Следом россыпью скакала остальная свита — обычные бездельники, которым интереснее сплетничать и мчаться наперегонки в ясный день, чем участвовать в настоящей охоте. Над толпой реяли знамена знатных родов: на поляне в Остерлингских Урочищах собрался весь двор Кемниполя.

Егерь-ясурут легко вытащил из-за спины копье и подал его королю Симеону, в руках которого оно сразу показалось несоразмерно огромным. Ясурут дал знак, и псы помчались на оленя, отвлекая его взгляд. Король Симеон нацелил копье, пришпорил коня — и устремился на жертву. От удара наконечник глубоко вошел в шею, олень попятился и упал; Доусону на миг показалось, что в глазах мелькнула не столько боль, сколько удивление — смерть, пусть и предсказуемая, все равно оказалась неожиданной. Рука короля Симеона с годами не утратила твердости, глаза глядели по-прежнему зорко: олень умер мгновенно, добивать стрелой не понадобилось. Когда егеря отозвали собак и подняли кулаки, подтверждая смерть животного, толпа разразилась ликующим кличем, в который влился и голос Доусона.

— Кто настиг жертву первым? Кому принадлежит честь? — спросил король, когда егеря кинулись свежевать тушу. — Иссандриан? Или ты, Каллиам?

— Под конец шли вровень, — сказал Иссандриан. — Мы с бароном прискакали одновременно.

Фелдин Маас, скривившись в усмешке, соскочил с коня и отправился осматривать убитых собак.

— Вовсе нет, — бросил Каллиам. — Иссандриан меня обогнал, ему и принадлежит честь.

«И не нужно мне твоих одолжений, даже мелких», — мысленно добавил он.

— Значит, Иссандриана и восславим! — кивнул король Симеон и крикнул во всеуслышание: — Иссандриан!

Охотники отсалютовали — кто сжатым кулаком, кто воздетым мечом. Над толпой полетело имя победителя. Назавтра грядет пир, в очаге Доусона будет жариться оленина, Иссандриану отведут почетное место... У барона перехватило горло.

— Что с тобой? — тихо, чтобы не услышали другие, спросил король.

— Ничего, ваше величество, — пробормотал Доусон. — Ничего.

Часом позже, на пути к замку, барона нагнал Фелдин Маас. С самого падения Ванайев и разгрома маччийского подкрепления Доусон усиленно делал вид, что новости из Вольноградья его не касаются, однако загадка продолжала его мучить.

— Лорд Каллиам! — окликнул Маас и перебросил ему что-то похожее на веточку — обломок рога, красного от собачьей крови. — Невеликая честь лучше, чем никакой, правда? — улыбнулся Маас и, послав лошадь вперед, скрылся с глаз.

— Невеликая честь, — мрачно выдохнул Доусон. Слова тут же превратились в облачка белого пара.

По дороге к замку крупные, рыхлые хлопья снега постепенно превратились в тонкую крупу; сквозь низкие облака, поредевшие и рваные, на востоке проступили горы. В воздухе повеяло дымком, на юге поднялись спиральные башни Остерлингских Урочищ. Камень — гранит и драконий нефрит — сверкал на солнце, увешанные гирляндами зубчатые стены казались великанами, нарядившимися для праздника.

Доусону как хозяину надлежало следить за приготовлением оленины. Хотя вся

обязанность сводилась к тому, чтобы полчаса постоять на кухне с веселым видом, барону отчаянно не хотелось смешиваться с толпой слуг и собак, и он, отойдя к широкой каменной лестнице рядом с печами, остановился на площадке неподалеку от разделочных столов. У стен остывали вынутые из жара пироги и хлеба, стараястряпуха втыкала павлиньи перья в свиной рулет, которому придали форму птицы и залили блестящей глазурью. Жаркий воздух наполнился ароматом запеченного изюма и жареных цыплят. Егеря внесли тушу, и четверо молодых поваров принялись натирать мясо солью, мятными листьями и сливочным маслом, вырезать оставшиеся железы и жилы. Доусон глядел хмуро: еще недавно олень был так прекрасен и благороден, а теперь...

— Муж мой!

Позади стояла Клара с тем любезным выражением лица, которое обычно принимала в минуты крайнего утомления, грозящего перейти в изможденность. Блестящие глаза и углубившиеся ямочки на щеках ввели бы в заблуждение любого — кроме тех, кто знал ее всю жизнь.

— Жена моя, — откликнулся Доусон, готовый проклясть весь двор за один ее усталый взгляд.

— Можно тебя отвлечь? — Она отступила на шаг, приглашая в дальний зал. Барон закусил губу от досады — не на жену, а на то домашнее бедствие, ради которого его призывают. Он коротко кивнул и шагнул было вслед за Кларой в тихий сумрак относительного уединения, как вдруг его окликнули.

— Вы что-то уронили, милорд.

У лестницы стоял один из младших егерей — молодой, с крепким подбородком и открытым лицом, одетый в геральдические цвета Каллиама. Он протягивал барону окровавленный кусок рога. Слуга, окликающий барона Каллиама, как ребенка, потерявшего игрушку... Доусон нахмурился, руки сами собой сжались в кулаки.

— Как ваше имя? — спросил он, и молодой человек побледнел при одном звуке его голоса.

— Винсен, сэ. Винсен Коу.

— Вы не из моих людей, Винсен Коу. Собирайте вещи, и чтоб к ночи вас здесь не было.

— М-милорд?

— Добиваетесь, чтоб вас высекли? — рявкнул Доусон.

Кухня, шумевшая внизу лестницы, вмиг затихла — все разом взглянули на говорящих и тут же потупили глаза.

— Нет, милорд, — ответил егерь.

Доусон, повернувшись, шагнул в сумрак коридора, Клара не отставала. Она и не думала его укорять — в тени лестницы она прильнула к нему и зашептала почти в самое ухо:

— Симеон, когда вернулся, спросил горячую ванну. Я не стала выгонять всех из синих комнат и велела приготовить дом Андры. У восточного крыла, помнишь? Там гораздо удобнее, и трубы устроены хитроумно, не дают воде охлаждаться.

— Отлично, — кивнул Доусон.

— Я приказала никого не пускать — кроме тебя, конечно. Тебе ведь нужно с ним побеседовать, я знаю.

— Не могу же я нарушить омовение короля!

— Отчего бы нет, милый? Скажи, что я по забывчивости тебя не предупредила. Я упомянула, что после охоты ты предпочитаешь именно те ванны, все очень правдоподобно.

Разве что король начнет расспрашивать слуг, и они скажут, что ты пользуешься синими комнатами. Но визнавать тайком — слишком грубо, не в характере Симеона. Как ты думаешь?

Доусон даже не подозревал, что у него на душе такой тяжкий груз. Был.

— Чем я заслужил такую несравненную жену?

— Ничем, тебе просто повезло, — произнесла Клара со слабой улыбкой, на миг мелькнувшей поверх вежливой маски. — Ступай, пока он не вышел. А о том егере, на которого ты накричал, я позабочусь. Незачем ему было соваться под горячую руку.

Дом Андры стоял внутри замковых стен, рядом с часовней, отдельно от прочих зданий. Циннийская поэтесса, именем которой назвали дом, жила здесь, когда Остерлингские Урочища были резиденцией некоего короля, поощрявшего искусство меньших рас, а Антеей звалось родовое гнездо незначительной аристократической фамилии, до которого пришлось бы скакать целых полдня к северу. Стихи, сложенные Андрой, не пережили минувших столетий, и единственным ее следом в мире оставался небольшой домик, носящий имя поэтессы, с вырезанной в камне надписью у входа — DRACANI SANT DRACAS, — значени которой за давностью позабылось.

Король Симеон лежал в ванне из кованой бронзы, сделанной в форме широкой дартинской руки; длинные пальцы «руки» загибались к ладони и выпускали воду из труб, что были скрыты под самыми когтями. На полочке, устроенной на большом пальце, стояла каменная чаша с мылом, окно из цветного стекла окрашивало теплый воздух в зелено-золотистые тона. У задней стены выстроились слуги — кто с мягкими полотенцами, кто с мечами для защиты королевской особы. Доусон переступил порог, и король поднял взгляд.

— Простите, сир, — произнес Доусон. — Я понятия не имел, что вы здесь.

— Ничего, старина. — Симеон махнул слугам. — Я знал, что захватываю твое убежище. Садись. Побудь в тепле, а как отопрею ноги — уступлю тебе место.

— Благодарю, сир, — кивнул Доусон, садясь на принесенный слугами табурет. — Раз уж так случилось, я бы хотел обсудить кое-что наедине. Это касается Ванайев. Лучше уж услышать от меня, чем от других.

Король выпрямился, и двое мужчин на миг перестали быть властелином и подданным, обратившись вновь в Симеона и Доусона — двух высокородных юношей, полных достоинства и гордости. Нынешнее презрение Доусона к ванайской кампании и ярость из-за судьбы сына, вынужденного служить под командованием Алана Клинна, были общеизвестны, однако сейчас он представил их королю в новом свете, чтобы на фоне гнева и убежденности в своей правоте вернее подойти к признанию. Симеон внимал, слуги с тем же тщанием старались ничего не слышать. На лице короля, таком родном и знакомом, любопытство сменялось удивлением, разочарованием и, наконец, шутливым отчаянием.

— Не трогай Иссандриана и его клику, с огнем играешь. — Король имперской Антеи откинулся на спинку ванны. — И все-таки жаль, что ничего не вышло — у меня заметно поубавилось бы головной боли. Ты знаешь, что такое Эдфордская хартия?

— Что-что?

— Эдфордская хартия. Это такой кусок пергамента, отысканный неким священником в делях библиотеки в Севенполе. Там упомянут глава фермерского совета при короле Дюррене Белом. И север, размахивая старинной хартией, требует созвать новый фермерский совет. Любой, чей урожай позволяет сделать взнос, будет иметь право голоса.

— Ты серьезно? — спросил Доусон. — Может, они и по дворцам будут разъезжать на мулах? И пасти коз в садах Кингшпиля?

— Не наводи их на мысль, — усмехнулся король, протягивая руку к чаше с мылом.

— Это пустая угроза, они на такое не пойдут.

— Старина, ты и не представляешь, насколько разобщен двор. Иссандриан среди черни популярен: если они возьмут власть, достанется и ему. А поскольку Клинт со своим кошельком сейчас в Ванайях, у меня не так уж много способов на что-то влиять.

— Не хочешь же ты...

— Нет, фермерского совета не будет. Но нужно перемирие. В середине лета я отправляю Астера воспитанником к Иссандриану.

С кончиков исполинских пальцев капала вода, легкое облачко пара затмевало свет. Король Симеон, сидя в ванне, невозмутимо намыливал руки, пока до барона доходил смысл фразы.

— Иссандриан станет регентом, — хрипло выговорил Доусон. — Если ты умрешь до совершеннолетия Астера, Иссандриан станет регентом.

— Еще неизвестно. Но он предъявит права.

— Он попытается тебя убить. Это государственная измена.

— Это политика, — ответил Симеон. — Я надеялся, что Терниган оставит Ванайи за собой, однако старый болван слишком независимо мыслит. Он знает, что союзники Иссандриана входят в силу, и умудрился оказать им услугу, не перебегая в их лагерь. Теперь и мне, и им придется его ублажать — он будет сидеть в Кавинполе, окруженный лаской со всех сторон.

— Симеон! Куртин Иссандриан тебя убьет!

Король откинулся назад, темная вода покрыла плечи, на поверхности закружилась пена.

— Не убьет. Пока у него мой сын, он может повелевать мной как хочет, ничуть не обременяя себя монаршими заботами.

— Тогда сломи его. Я тебе помогу. Найдем сторонников — прежние порядки многим памятливы, люди заждались дела. За нами пойдут.

— Да. Только куда?

— Симеон, старина, нельзя упускать случай! Антее нужен сильный король, и ты способен им стать. Не отправляй сына к Иссандриану!

— Время еще не пришло. Иссандриан идет в гору, противостоять ему сейчас — только разжигать вражду. Подождем, пока споткнется. Мое дело сейчас — не допустить, чтобы мы ступили на путь дракона. Королевство, не обремененное гражданской войной, будет для Астера отличным наследством.

— Даже если это не истинная Антея? — с болью в голосе спросил Доусон. — Что за честь владеть королевством, проигравшим свое наследие самовлюбленным юнцам?

— До того как Терниган отдал Иссандриану Ванайи, я бы с тобой согласился. Но что за честь затевать битву, которую не можешь выиграть?

Доусон взглянул на свои руки. Костяшки пальцев с возрастом распухли, кожа потрескалась от холодов. В нос ударил стойчивый запах мыльной пены — друг детства, король и повелитель, вздыхал и кряхтел, по-старчески ворочаясь в ванне. Где-то в комнатах Куртин Иссандриан и Фелдин Маас произносили тосты в честь друг друга, пили вино Доусона и смеялись. Щеки барона вдруг занемели, и он заставил себя разомкнуть стиснутые зубы.

Что за честь затевать битву, которую не можешь выиграть? Вопрос все еще висел в воздухе. Доусон постарался, чтобы в голосе не прозвучало разочарование.

— А в чем же тогда честь, мой господин?

Драконьи дороги кончились, мир превратился в кашу из снега и грязи. Фургон то и дело подскакивал на кочках и ухабах, мулы оскальзывались, колеса со скрипом и грохотом продирались сквозь месиво, оставленное передними повозками. Китрин, сжимая поводья онемевшими пальцами, то и дело бросала взгляд на долины, которые все чаще встречались между холмами, и на редкие леса, переходящие в низкий заснеженный кустарник и заросли ежевики. Земли вокруг Вольноградья, цветущие по весне пышной зеленью, сейчас представляли глазу нескончаемой снежной пустыней.

Позади осталось поле с гниющими стогами сена, навевающее горькие мысли о возможной судьбе хозяина, и виноградник с бесчисленными рядами шпалер, с которых безжизненно свисали черные лозы. Порой вдалеке, почти на грани видимости, мелькал заяц-беляк, время от времени показывались олени — и тут же исчезали с глаз, стоило кому-то из возниц или стражников пустить стрелу в надежде добыть свежего мяса. Китрин ни разу не видела, чтобы стрела попала в цель.

Холод не отступал, дни становились короче.

Красный диск солнца уже клонился к западному горизонту, и караванщик велел остановиться на ночевку у заброшенной мельницы. Китрин подогнала фургон к самому берегу замерзшего пруда, распрягла заляпанных грязью мулов и, задав корма, вычистила им шкуру. Подошедшая Опал взглянула на нее с одобрением.

— Глядишь, сделаем из тебя честного погонщика.

Китрин улыбнулась, обветренные щеки обожгло как огнем.

— Погонщика — может быть, а вот честного — это вряд ли.

Брови старшей подруги поползли вверх.

— Еще одна шутка? Мир перевернулся! — воскликнула она. — Ужинать будешь?

— Скорее нет. — Китрин придирчиво оглядывала копыта одного из мулов: замеченная вчера ранка не исчезла, но и не углубилась. — Не хочу к ним.

— К кому?

— К остальным. Меня недолюбливают. Если бы не я, сидели бы сейчас в Беллине у теплой печки. А капитан...

— Вестер? Да, временами он сущий медведь, я и сама не знаю, что о нем думать, — почти игриво сказала Опал. — Но уж кусаться-то он не будет, это точно. Разве что сильно попросишь.

— Все равно, — покачала головой Китрин. — Лучше посижу в фургоне.

— Тогда я принесу тебе еды.

— Спасибо, — произнесла девушка и вдруг вновь окликнула: — Опал!

— Да?

— Спасибо тебе!

Стражница с улыбкой присела в шутливом реверансе и направилась к мельнице — там уже разожгли огонь, из каменной трубы вился тонкий дымок. По снегу вокруг Китрин заплясали золотистые и алые сполохи, потом вдруг все разом посерело. Китрин укрыла мулов попонами и запалила отдельный костер. Опал принесла ей тарелку тушеных овощей и пшеничные хлебцы — и тут же вернулась в дом, откуда неслись громкие голоса и музыка. Китрин шагнула было за ней, но передумала и села обратно.

Пока она ела, на небо высыпали звезды; бледно-голубой свет луны, приближающейся к третьей четверти, казался еще ярче из-за белизны снега. Мороз крепчал, и Китрин придвинулась ближе к огню — холод пробирал до костей. Позже, когда капитан с тралгутом уйдут на разведку, а остальные лягут спать, она проберется на мельницу и найдет угол прикорнуть. А потом, старательно избегая любопытных взглядов, проглотит завтрак и поскорее вернется к фургону. Караванщик не упускал ни минуты драгоценного дневного света, так что времени на шутки и болтовню оставалось не так уж много. Темные холодные часы перед сном — самую страшную часть дня — Китрин проводила сама с собой, в думах и воспоминаниях.

Она пыталась петь песни или вспоминать театральные представления, на которые ее водили как воспитанницу банка, — и все равно неизменно возвращалась мыслями к обеденным беседам магистра Иманиэля, который не упускал случая поэкзаменовывать ее на знание банковских тонкостей. Разница между подарком за услуги и официальной ссудой, парадокс о партнерах, приходящих к взаимно неприемлемому решению, выгоды единовременного договора и выгоды возобновляемого контракта — все эти премудрости служили ей в детстве игрушками, и теперь, в трудный час, Китрин обращалась к ним за отрадой и утешением.

Она оценивала стоимость каравана и вычисляла, сколько они выручили бы в Карсе и на сколько дороже или дешевле им пришлось бы продавать товар в Порте-Оливе, чтобы покрыть стоимость двух переходов. Вспоминала Беллин и высчитывала, обогатится ли город, если установит пошину на проезд или проживание. На каком этапе будет выгоднее бросить повозки на произвол судьбы, чем тащить караван дальше. Прав ли был магистр Иманиэль, вкладывая деньги в пивоварню и одновременно страхуя ее от пожара. При отсутствии хоть сколько-нибудь правдивых данных все размышления были для Китрин лишь игрой — но игрой самой знакомой и желанной.

«Банк, — говорил магистр Иманиэль, — это не только золото и серебро. К ним должно прилагаться знание. Кому доверять и кому нет, у кого есть неизвестные другим сведения, как представить себя перед нужными людьми в нужном свете...» Экзаменуя сама себя, Китрин как наяву видела перед собой и банкира, и Кэм, и Безеля — живых и смеющихся, оставшихся где-то позади, в далеком городе, в счастливом для нее времени. А если и не счастливом, то хотя бы родном и уютном.

Хотя ночь становилась все холоднее, комок в груди постепенно таял, напряженное тело мало-помалу расслабилось. Подбросив в костер веток потолще, Китрин смотрела, как пламя сначала замирает под тяжестью дерева, а затем взвивается с новой силой. Жар согревал руки и лицо, обернутая вокруг тела шерстяная ткань не давала замерзнуть.

В голове привычно кружились мысли. А если банк станет предлагать более крупную ссуду тем, кто досрочно расплатился по предыдущему займу? Тогда заемщики получают больше денег, а банку скорее достанется прибыль. «Не забывай, — прозвучал в ушах голос магистра Иманиэля. — Если дело выгодно всем сторонам — значит, ты чего-то не учла». Стало быть, она не видит всех последствий...

— Китрин!

Сандр, пригнувшись, вынырнул из теней между повозками — ближайший мул, вскинув голову, выдохнул облако пара и вновь уснул. Парень уселся рядом, звякнуло что-то металлическое, красноречиво булькнуло вино в бурдюке.

— Неужели? — покачала головой Китрин, и Сандр расплылся в улыбке.

— Мастер Кит бранить не будет. Вина накупили еще в Беллине, когда запасались на зиму, а теперь тащим его за собой через полмира. Пусть скажет спасибо, что мы облегчим ему повозку.

— Только заработаешь неприятностей...

— Вот еще! Никогда.

Сандр, не снимая перчатку, открыл бурдюк и протянул девушке. Даже самый запах винных паров согрел ее сразу же, а когда густое крепкое вино коснулось языка и пролилось в горло — стало тепло, словно она проглотила огонек от свечи. Вкус был не сладкий, но как-то по-особому насыщенный.

— Боже! — выдохнула она.

— Хорошее, да?

Китрин улыбнулась и отхлебнула побольше. И еще. Тепло разлилось по телу, дошло до рук и ног. Она неохотно отдала бурдюк Сандру.

— Это не все, я для тебя кое-что припас.

Сандр вынул из-под плаща полотняный мешок — от ткани пахло пылью и плесенью, что-то внутри мешка звякнуло. Глаза парня блеснули в темноте.

— В задней кладовой нашел. И еще кучу всего. Вернее, нашел Смитт, а я у него выменял, для тебя.

Сандр вытащил из мешка потертый кожаный ботинок со шнуровкой. К подошве крепилась странная конструкция из ржавого металла, тусклая и потемневшая, и только острое, как нож, лезвие сияло по всей длине свежезаточенным краем.

— На коньках раньше каталась?

Китрин помотала головой. Сандр вытащил из мешка две пары ботинок, серо-бесцветных в скудном свете. Девушка отпила из бурдюка еще глоток.

— Слишком большие, пришлось насыпать песка. С песком удобно — лежит себе под ногой и не мешает, а тряпочная стелька только сбивается. Примерь.

«Не хочу», — пронеслось в голове Китрин, но Сандр, неизменно довольный собой, уже снимал с нее сапог. Ботинок оказался холодным, твердая кожа давила щиколотку. Сандр затащил шнуровку и принялся за другую ногу.

— Я научился кататься в Астерилхолде, — сообщил он. — Два... нет, уже три года назад. Я только пришел в труппу, мастер Кит нас привез на зиму в Калтфель — там холодно, плевки на лету замерзают, представляешь? И ночи бесконечные. Зато там ледяное озеро посреди города, с берега на берег катись в любом месте. На озере-то мы и пропадали все время. Там еще каждый год строят зимний город на льду — дома, таверны и все такое. Как настоящий.

— Правда?

— Ну!.. Вот, вроде все. Теперь и я переобуюсь.

Китрин отхлебнула еще глоток из изрядно опустевшего бурдюка. Тепло от крепленого вина дошло до самых пальцев ног и рук, прилило к щекам, в голове зашумело от нахлынувшей радости. Сандр, кряхтя, шнуровал коньки, лезвия то и дело со скрипом цепляли землю. Китрин с трудом верила, что из такой неуклюжей конструкции может выйти толк, однако Сандр наконец приладил оба ботинка, косолапо дошагал до пруда, оттолкнулся от берега — и вдруг волшебным образом обратился в воплощенную грацию и изящество. Ноги легко скользили по поверхности, лезвия со звоном резали лед, тело преобразилось, руки двигались, как у танцовщика.

В мгновение ока он добрался до другого берега и, возвращаясь обратно, крикнул:

— Коньки хорошие! Выходи, попробуй!

Еще поток, затем другой — для удачи, — и Китрин ступила на лед. Холодный воздух хватал за щеки, но не обжигал. Лодыжки водило из стороны в сторону. Она попробовала оттолкнуться, как прежде Сандр, но тут же шлепнулась носом вниз.

— В первый раз всегда трудно, — рассмеялся парень, лихо затормозив рядом с ней. — Давай руку, я покажу.

Уже через минуту — колени согнуты, руки в стороны — она ступила на лед и на этот раз не упала.

— Не иди! Скользи! — подбадривал ее Сандр. — Одной ногой отталкивайся, другая пусть едет.

— Легко тебе говорить, ты уже умеешь.

— Сейчас — умею. А в первый раз получалось намного хуже, чем у тебя.

— Льстец.

— Честно! Нет, не так. Ага. Да! Правильно!

Китрин наконец уловила нужное движение и заскользила по льду. Не так изящно и уверенно, как Сандр, но вполне прилично. Лунные полосы — белые, серые, черные — замелькали под ногами, ночь вокруг пахла крепким вином и кружилась речным водоворотом. Сандр, издав победный клич, схватил Китрин за руку, и вдвоем они полетели по мельничному пруду, оставляя белые полосы следов.

С берега донеслось одобрение зрителей: один из мулов всхрапнул и дернул ногой. В ушах Китрин свистел ветер, улыбка не сходила с лица, комок в груди растаял как сон, как чужое воспоминание. Китрин упала еще раз-другой, но все казалось забавным, мир плясал и кружился — лед под ногами превратился в небо и облака, она летела по нему как на крыльях. На середине пруда, остановившись на стонущем под ее весом льду, девушка присела в неуклюже-осторожном реверансе, и Сандр захлопал в ладоши.

— Догоняй! — крикнул он. — Туда и обратно!

Словно пущенная из лука стрела, он полетел к дальнему берегу, Китрин за ним. Ноги болели, сердце стучало, как катящийся с горы камень, онемевшее от холода лицо застыло маской. Сандр оттолкнулся от берега и, чуть не задев ее по пути, понесся назад, прямо к фургону. Китрин, развернувшись, полетела вслед. На середине пруда потемневший лед начал проседать, но она проскочила мимо и почти догнала Сандра.

Конек уткнулся в снег и мерзлые стебли камыша, синий от лунного света берег подскочил и ударил Китрин в лицо, у нее перехватило дыхание. Сандр лежал рядом, его щеки горели так, будто их отхлестали. Удивление и беспокойство на его лице показались ей донельзя забавными — вновь обретя дыхание, она расхохоталась.

Сандр, засмеявшись вместе с ней, подбросил в воздух пригоршню снега — хлопья разлетелись вокруг, как пушинки одуванчика. Он перекатился к Китрин, к самому ее плечу, и прижался губами к ее губам.

«Ого», — только и пронеслось у нее в голове, а в следующий миг она уже целовала его в ответ.

Вопреки ожиданиям Китрин все случилось легко и просто — он обнял ее и прижался всем телом, вдавливая ее в снег, который совершенно не охлаждал. Его рука проникла под куртку, затем под толстый свитер, коснулась кожи, и Китрин — словно наблюдая со стороны — почувствовала, как прогибается ее тело, устремляясь навстречу прикосновению,

и услышала свое прерывистое дыхание.

— Китрин, — выговорил Сандр. — Ты... ты должна знать...

— Не надо.

Он замер, отстранился, покаянно убрал руку с ее груди.

Китрин чуть не взорвалась от нетерпения.

— Я не о том! Говорить ничего не надо!

Представления об отношениях полов у нее были самые общие. Кэм всегда толковала об этом строго и сурово, наставляя и предупреждая. И еще во время весенних карнавалов Китрин видела плясунов, танцующих на освещенных факелами улицах нагишом — в одних лишь масках, прикрывающих лицо. Так что никакого особого волшебства она не ждала. И все же, расстегивая пояс и стягивая штаны из грубой ткани, она спрашивала себя, этим ли занимался Безель с другими девушками. Не с ней. У них все происходило так же? Говорят, в первый раз больно, — интересно, как будет?.. Бледные бока Сандра цветом почти сливались со снегом, он, по-прежнему лежа, сосредоточенно пытался расцепить коньки.

«Я его не люблю, ну и что», — только и успела подумать Китрин, как вдруг откуда-то раздался рев, низкий и мощный. Сандра подбросило вверх, глаза его расширились от изумления. Китрин, нащупывая пояс, судорожно соображала, с чего вдруг парня подняло в воздух — неужели гигантская птица рухнула с неба и взвилась обратно с ним в когтях?..

Капитан Вестер отбросил Сандра в сторону и, пока тот неуклюже катился по снегу, выхватил меч и бросился на него, изрыгая проклятия на трех языках. Китрин уже стояла на коленях, спешно натягивая одежду.

— Я не насильно! — визгливо крикнул Сандр, пытаясь вскочить. Его по-прежнему вздыбленный член смешно болтался в воздухе. — Я не насильно!

— Мне-то что? — взревел Вестер, указывая мечом на полузасыпанный снегом бурдюк. — Напоил до бесчувствия и полез, а теперь просишь медаль за примерное поведение?!

— Я не пьяна, — заявила Китрин и вдруг поняла, что это неправда.

Вестер не обратил на нее внимания.

— Не тронь ее, приятель. А то что-нибудь тебе отрежу. Молись, чтобы палец с руки.

Сандр раскрыл было рот, но только жалобно всхлипнул.

— Прекратите! — заорала Китрин. — Оставьте его в покое!

Вестер обернулся к ней, полыхая яростью. Высокий, вдвое шире ее в плечах, с грозным клинком в руке — одного этого ей хватило бы, чтобы замолчать, но опьянение, стыд и злость толкнули ее вперед.

— Кто вы такой, чтоб ему приказывать? Решать, что ему можно и что нельзя? И с чего вы вдруг приказываете мне?

— Я спасаю твою жизнь. Делай как велено, — рявкнул в ответ Вестер, и Китрин привиделась тень замешательства в его глазах. — Не допущу, чтобы ты стала шлюхой!

Слово обожгло как огнем, Китрин сжала кулаки до боли. К щекам прилила кровь, в ушах стучало, голос сорвался чуть ли не на визг.

— Он не виноват!

Вестер уставился на нее, словно впервые увидел. Замешательство его только усилилось, он сдвинул брови, однако губы чуть дрогнули, словно в улыбке. И тут же лицо исказилось страданием.

— Капитан, — пророкотал новый голос, и из темноты возник тралгут.

— Не вовремя, Ярдем, — бросил Вестер.

— Я так и понял по крикам, сэр. Солдаты подходят.

В мгновение ока Вестер преобразился — сосредоточенное лицо, прямые плечи. Китрин разозлилась: отвлекаться от нее в разгар пререканий, пока она не успела настоять на своем!..

— Где? — спросил Вестер.

— Стоят лагерем восточнее нас, за хребтом, — ответил тралгут. — Десятка два. Знамя антейское, палатки ванайские.

— Принесла нелегкая. Их разведчики нас заметили?

— Наверняка.

— А тебя?

— Нет.

Наконец сквозь опьянение до Китрин дошло, в чем дело, и былая ярость улетучилась. Вестер, который уже вышагивал туда-сюда рядом с ее фургоном, окинул взглядом качающегося на коньках Сандра, занесенный снегом бурдюк и пруд с белыми следами коньков на льду.

— Сандр! — велел он. — Позови мастера Кита.

— Слушаюсь, — кивнул парень и неловко заковылял к мельнице.

Вестер отрешенно вложил меч в ножны; взгляд его, словно что-то выискивая, блуждал по берегам пруда. Китрин молча ждала, сердце билось где-то в горле. Бежать им нельзя, драться против двух десятков солдат — самоубийство. А вся доброта Вестера к Китрин наверняка испарилась после стычки.

Молчание тянулось бесконечно. Наконец Вестер глубоко вздохнул.

— Нужна метла, — сказал он.

Холодный предрассветный ветер тронул стены палатки, огонек масляной лампы задрожал. Гедер наклонился, тихо пробормотал проклятие и вытянул фитиль повыше. Лампа хоть и вспыхнула сильнее, но тут же стала коптить, пришлось фитиль постепенно убирать. Теперь огонь светил ярче прежнего, и выцветший чернильный текст стал если не четким, то хотя бы разборчивым. Зябко обхватив себя руками, Гедер склонился к книге.

И было так, что в те последние дни три великие силы вступили в войну, замешенную на крови и устрашающих искусствах, так что немыслимых размеров каменные корабли бороздили небо, железными шипами умерщвляя драконов на лету, а в глубинах нашелся способ скрываться от врагов до полного изглаживания из памяти и потом нападением застигать их врасплох, и еще отравленные мечи убивали и господина, и раба. Среброчешуйчатый Морад, безумнейший и могущественнейший из вступивших в войну собратьев, измыслил тайное средство, какого мир прежде не знал, и в высоких горах к югу от Хаакапела (то есть, как подозревал Гедер, от нынешнего Халлскара) и к востоку от Сэммера (Гедер почти не сомневался, что в пятом полесе так называли Кешет) сотворил Праведного Слугу, которому никто не может лгать и наущениям которого никто не может противостоять долго, и знак его был — восемь расходящихся лучей, как восемь сторон света, где не скроется никакая ложь, и в этом великий Морад нашел свою тайную силу.

Гедер потерял глаза. Толстые пожелтевшие страницы книги пахли плесенью и странно сладким клеем, которым клеили переплеты полтысячи лет назад. Найдя книгу в лавке ванайского старьевщика, Гедер восхитился, однако в процессе перевода восторг изрядно приутих.

Автор заявлял, что данный труд — перевод более древнего текста, который он скопировал с давно утраченного свитка, восходящего к первым временам после падения драконьей империи. Дальше автор пускался в длинные тривиальные умствования, от которых у Гедера сводило челюсти. Остальная часть книги подавалась как историческая истина, что Гедера несколько разочаровало, а хуже всего — автор, надеясь придать тексту налет старинности, злоупотреблял длинными сложными фразами, из-за чего каждую страницу приходилось брать с боем. Пока Гедер добирался до глаголов, смысл прежде сказанного успевал улетучиться из памяти.

Будь он в Ванаях, книга осталась бы недочитанной. Однако сэр Алан Клинт, протектор Ванайев, услышал о караване, тайком вывезшем из города сокровища, и вознамерился обнаружить его во что бы то ни стало. Он разослал приближенных по драконьим дорогам, ведущим в Карс, и поскольку честолюбие побуждало каждого продвигаться в поисках все дальше, вскоре Джорей Каллиам оказался у Сухих Пустошей, Фаллон Броот — на морской дороге к Элассе, а Гедер Паллиако с двумя десятками полумятежных солдат-тимзинов — среди мерзлой грязи на южной оконечности Вольноградья.

За недели блужданий по сельским колеям и охотничьим тропам отряд Гедера встретил три каравана — мелкие обозы по три телеги каждый, тащившие обычную зимнюю поклажу в

ближайшие городки. В промежутках Гедер успел возненавидеть хлюпающие грязью дни и стылые морозные ночи, и поскольку общество солдат его отнюдь не радовало, трактат о способности драконов распознавать ложь оказался единственным развлечением. Каждый вечер, пока солдаты горланили песни и осыпали проклятиями зимний холод, Гедер укладывался спать пораньше, а утром, поднявшись вместе с кашеваром, читал и переводил, погружаясь в собственный мир и всячески отгораживаясь от внешнего.

У дверей послышались шаги, и на пороге возник оруженосец с тимзином — помощником Гедера. Оруженосец тащил поднос: овсянка с изюмом в точеной костяной миске и глиняная бутылка горячей маслянистой жидкости, которую полагалось считать свежим кофе. Тимзин вскинул руку в воинском приветствии. Гедер, освобождая стол для подноса, закрыл книгу.

— Что сказали разведчики? — спросил он.

— Повозки так и стоят, — ответил тимзин. — Идти туда часа два, не больше.

— Значит, спешить незачем, — бодрее, чем хотелось, заявил Гедер. — Передай остальным: после завтрака сворачиваем лагерь и выходим. К полудню разделаемся.

— А потом?

— На юго-запад, — пробурчал Гедер, жуя кашу. — Дальше по той же дороге.

Помощник кивнул, вскинул руку, повернулся на каблуках и вышел. Гедеру в его жесте померещилось презрение — может, просто потому, что он ожидал его увидеть. Пока он завтракал, швы палатки проступили четче, в лагере послышались голоса, заржали лошади, от кухни донесся стук топора по поленьям. Небо снаружи постепенно стало из черного серым, затем голубовато-бледным — солнце сулило лишь свет, не тепло. Едва слабые утренние лучи хоть как-то смягчили мороз, Гедер взобрался в седло и повел отряд вперед. Найденный разведчиками караван по крайней мере насчитывал приличное число повозок.

И все же Гедер не надеялся ни на что, кроме очередного бесплодного обыска под хмурыми взглядами местных погонщиков.

Пока не наткнулся взглядом на тралгута.

Тот сидел на крайней подводе с непроницаемым лицом, интерес выдавали лишь выставленные вперед уши. Вспомнив, что у Вестера в помощниках тоже тралгут, Гедер окинул взглядом жмущиеся к старой мельнице повозки. Сведения о караване, везущем сокровища, ему давали обрывочные, количество никто толком не помнил, да и сгрудившиеся в кучу повозки не так-то просто сосчитать, однако число примерно совпадало. Сердце Гедера забилося сильнее.

По дороге к ним уже шел тимзин в толстой шерстяной хламиде. Гедер дал знак, и шесть лучников рассыпались цепочкой по ширине дороги. Тралгут подался вперед и дернул ухом.

— Ты начальник каравана? — спросил Гедер.

— Да, — ответил тимзин. — А вы кто такие?

— Я лорд Гедер Паллиако из Ривенхальма, уполномоченный короля Симеона и имперской Антеи. Откуда караван?

— Из Маччии. Туда же и возвращаемся. Дороги в Беллине занесло снегом.

Гедер взгляделся в черные глаза тимзина. Прозрачные внутренние веки закрылись и открылись — тимзин мигнул не мигая. Гедер не знал, верить ли сказанному. Вряд ли в Вольноградье один-единственный караван с охранником-тралгутом. Может, тревога была ложной...

— У вас здесь привал?

— Ось у подводы вылетела, только что приладили. А в чем дело?

— Кто здесь начальник стражи?

Караванщик отвернулся, сплюнул и указал на человека, прислонившегося к какой-то из повозок. Первокровный с бледным приятным лицом, пшеничного цвета волосы тронуты сединой, широкие плечи, от всей фигуры веет сдержанной силой. Может, Маркус Вестер. А может, один из тысячи других.

— Как его зовут?

— Таг, — ответил караванщик.

Солдат за спиной Гедера что-то тихо сказал, другой так же неразборчиво ответил. К затылку Гедера прилила кровь — тимзин то ли лжет, то ли нет, а он тут мечется в сомнениях как дурак.

— Выведи стражников на дорогу, — велел он караванщику. — И поставь возниц каждого у своей повозки.

— С чего бы?

Кто-то за спиной хохотнул. Стыд Гедера перерос в ярость.

— С того, что иначе тебя прикончат! — проорал он. — А за то, что посмел задавать вопросы — все оружие и доспехи выложить на дорогу! Стражникам стоять в десяти шагах! И если кто утаит хоть хлебный нож — твой труп склюют вороны!

Внутреннее веко открылось и закрылось. Караванщик повернулся и тяжело зашагал к повозкам.

Гедер жестом подозвал помощника.

— Выставь людей вокруг. Если кто попыбует сбежать — взять живым. Если не получится — мертвым. Обыскать все, до последнего гвоздя.

— Мельницу тоже? — спросил помощник.

— Я сказал — все.

Тимзин кивнул и дал знак солдатам. Гедер окинул взглядом повозки, гнев и стыд сменились беспокойством. Караванщик перекинулся словом с начальником стражи. Начальник поднял глаза на Гедера, нахмурился, пожал плечами и отвернулся. Если они готовы дать отпор — сейчас самое время, и церемониться с ним не будут. Гедер дернулся в стремени, толком не зажившая рана в бедре заныла от одного предчувствия. У повозок рядом с мельницей все разом зашевелились. Сколько у них солдат? Если в караване богатство Медеанского банка, то каждый возница вооружен мечом или луком. А коли в повозках спрятаны лучники, его вмиг засыплют стрелами. У Гедера от страха свело живот. Стараясь не показать виду, он повернул коня и отъехал к дальнему концу отряда.

Судя по лицам солдат, его маневр никого не обманул.

Из-за повозок первой показалась женщина-стражница, которая охапкой, как дрова, дотащила десяток мечей до указанного Гедером места и с грохотом бросила на землю. Следом вышел тощий парень, по возрасту едва годившийся в стражники, с двумя ненатянутыми луками и закинутыми на спину колчанами. Малообещающее шествие продолжалось, безнадежная гора оружия и доспехов росла, и наконец десятеро стражников и буйноволосый ведун вышли на дорогу, отсчитали десять шагов от сваленного в кучу оружия и встали на открытом месте, поеживаясь от ветра.

— Вперед, — скомандовал Гедер.

Солдаты с мечами наготове двинулись к каравану. Погонщики стояли у подвод — кто хмурился, кто улыбался, кто в замешательстве бросал взгляды по сторонам. Гедер объехал

вокруг плотно сдвинутых повозок; отовсюду несся шум обыска: яростные и жалобные голоса, стук дерева, звяканье металла о металл. На его глазах солдаты вывалили из повозки железные слитки, кто-то поскреб поверхность — вправду ли железо? — и, сплюнув, вернулся к повозке.

Перевалило за полдень, крепчающий ветер срывал с места рыхлый снег, взвихривая поземку вокруг щиколоток. Солдаты перебрали весь товар, заглянули под повозки, осмотрели коней и мулов и теперь обыскивали мельницу. Гедер, спешившись на краю мельничного пруда, окинул взглядом пустые подводы, застывших на месте погонщиков, бессильное солнце на водянистом небе... Девушка-возница — болезненного вида, бледная и светловолосая — сидела, сжавшись, рядом с лежащими на земле рулонами шерсти и делала вид, что не смотрит на Гедера. Он знал, что в ее глазах он лишь напыщенный аристократ, застрашавший погонщиков, и едва поборол в себе желание подойти и объяснить, что он вовсе не то, чем кажется. Что он — другой.

Отвернувшись, он зашагал вдоль берега, стараясь забыть взгляд девушки. Ветер гнал по льду снежную пыль, как барашки волн, на тонкой поверхности проступали белые полосы: какой-то дурак катался на коньках — счастье, что не провалился. Гедер как-то читал трактат о том, за сколько времени погибают в ледяной воде люди каждой из тринадцати рас. Нет, не каждой. Потому что утопленцы не...

Гедер остановился едва ли не раньше, чем осознал причину. На краю пруда, на самом льду, намело низкий сугроб. Следы от коньков под ним исчезали, а потом выходили с другого края, как будто на коньках проезжали прямо сквозь снег. А может, когда проезжали — снега там еще не было... Гедер подошел ближе: странный сугроб не схватился ледяной корочкой, как остальные, а лежал мягко, будто наметенный метлой песок. Гедер огляделся: стражники стояли в дальнем конце каравана, его собственные солдаты толпились у дверей мельницы. Он обошел сугроб вокруг.

Ледяную гладь прочерчивали глубокие трещины, что-то черное квадратное торчало на пол-ладони над поверхностью. Гедер, присев, смахнул снег и обнаружил ларец, полуутопленный во льду и сверху присыпанный снегом. Рядом под тонкой ледяной коркой виднелись еще ларцы, скрытые искусно наметенным снегом. Он поднял глаза. Девушка-возница успела вскочить с места и теперь стояла со стиснутыми руками, вытянув шею в попытке его разглядеть. Гедер достал кинжал и вскрыл замок. Топазы, нефрит, изумруды, жемчуг, золотая и серебряная филигрань — тонкая, как морозный рисунок на стекле. Гедер отпрянул было от неожиданности — и вдруг понял. В груди запольхало жаром, словно от летнего солнца, тело облегченно расслабилось, лицо расцвело улыбкой.

Он нашел. Нашел пропавший караван и тайное сокровище Ванайев! С Гедером Паллиако, идиотом на побегушках, покончено навсегда: теперь ему не стыдиться ни округлившегося живота, ни пристрастия к чтению! Наконец-то! Его имя полетит в Кемниполь к королю Симеону в золотой карете, влекомой лошадьми с рубинами на уздечках! Его будут восхвалять при дворе, славить и воспевать в высших кругах королевства!

Нет. Конечно, не его. Потому что восхвалять в Кемниполе будут Алана Клинна.

Алана Клинна, который не упускал случая унизить Гедера. Который сжег его книгу.

Гедер глубоко вздохнул и закрыл крышку. Через миг вновь открыл, выгреб две полные горсти камней и ссыпал за пазуху — они легли вокруг живота поверх ремня, туго стягивающего рубаху. Он запахнул куртку, прикрывая выпятившиеся места, вновь закрыл крышку и присыпал ее снегом. Его вдруг затопила радость — темная, всеобъемлющая,

несравнимая с прежней. Поднявшись, он пошел обратно к коням и впервые за долгое время не принуждал себя держать голову выше. Девушка не сводила с него глаз, и Гедер, подходя, кивнул ей как старинному другу или любовнице. Как сообщнику. Мимолетным жестом он поднес палец к губам: никому не говори!

Глаза девушки расширились от изумления, она коротко кивнула: не скажу! Гедер ее чуть не расцеловал.

Помощник-тимзин с солдатами уже успел обыскать всю мельницу. Когда вошел Гедер, солдаты разом смолкли, но юношу теперь это мало волновало. Внутри пахло плесенью и дымом, на полу виднелись следы и пятна после ночи, проведенной здесь погонщиками. У дальней стены стояла метла с мокрыми прутьями, каменный пол под ней потемнел от натекающей воды. Гедер сделал вид, что не заметил.

— Что нашли? — спросил он.

— Ничего, милорд, — ответил помощник.

— Теряем время без толку. Собирай людей. Пора в дорогу.

Помощник оглянулся. Один из солдат — молодой тимзин в черной чешуе, сверкающей, как от полировки, — пожал плечами.

— Милорд, мы не обыскали подвал. Если хотите...

— Ты вправду веришь, что мы что-то найдем? — спросил Гедер и, не дождавшись ответа, добавил: — Если честно?

— Если честно — нет.

— Тогда собирай отряд, и в путь.

Караванщик со своего табурета нетерпеливо хмыкнул. Гедер повернулся к нему.

— От имени империи и короля приношу извинения за неудобства, — произнес он, склонив голову.

— Ничего страшного, — хмуро буркнул караванщик.

Снаружи солдаты уже выстроились походным порядком. Гедер осторожно влез в седло — пояс выдержал: камни слегка впелись в кожу, но ни один не выпал. Стражники каравана с хорошо разыгранным равнодушием смотрели, как Гедер салютует мечом и пришпоривает коня. С каждым неторопливым шагом он чувствовал, как расслабляется спина. Солнце теперь светило в глаза, почти ослепляя его, и Гедер оглянулся, пересчитывая солдат — не отстал ли кто, все ли здесь. Все.

На подъеме Гедер остановился, помощник подскочил ближе.

— Можем разбить лагерь там же, где вчера, милорд, — сообщил он. — А утром двинуться на юго-запад.

Гедер покачал головой.

— На восток.

— Милорд?

— Едем на восток, — повторил Гедер. — Гилея недалеко, переждем несколько дней в тепле, а потом вернемся в Ванайи.

— Мы возвращаемся? — спросил помощник чуть ли не изумленно.

— Почему бы нет, — силясь не улыбнуться, бросил Гедер. — Все равно ничего не найдем.

«Зимние дела». От одних этих слов веяло безысходностью.

С самой длинной ночи до первой оттепели антейские аристократы сидели по замкам или присоединялись к королевской охоте. Возвращались к женам и любовницам, вникали в успехи подрастающих сыновей, пересчитывали доход с владений. Зима для высокородных — время домашнего покоя, отдыха у камина. При всей любви к Кемниполю Доусон, пробираясь сквозь выстуженные, пропахшие дымом улицы, чувствовал себя частью племени мелких придворных, купцов и прочего сброда. Однако дело того стоило, и оскорбление своему достоинству он сносил стойко.

И не он один.

— Не понимаю, почему вы так ненавидите Иссандриана, — сказал Канл Даскеллин, барон Ватермарк, протектор Нордпорта и чрезвычайный посол его величества в Нордкосте. — Он, конечно, самовлюбленный красавчик, но если считать грешниками всех гордецов и честолюбцев, то святых при дворе не окажется.

Доусон откинулся на спинку кресла. Залы Медвежьего братства поражали безлюдьем. Сиденья и подушки, обтянутые плотным шелком и кабральской парчой, пустовали; в комнатах, призванных даровать прохладу знойным летом, тут и там стояли жаровни. Служанки, которые обычно сбивались с ног, бегая по поручениям членов братства, теперь маячили в дверях и переходах в ожидании слова или знака. Летом в просторных удобных залах собиралась добрая сотня самых именитых сынов империи — выпить вина, выкурить трубку, обсудить государственные дела. Теперь, стоило Доусону чуть повысить голос, стены вторили гулким эхом.

— Дело не в характере, а во взглядах, — ответил он. — Маас и Клиинн не лучше, но Иссандриан держит их в узде.

— Разница во взглядах вряд ли оправдывает... что? Заговор?

— Взгляды рано или поздно переходят в действия. Чтобы добиться власти, Иссандриан, Маас и прочие не прочь опереться на самую низшую публику.

— Фермерский совет?

— И это тоже, — кивнул Доусон. — Если они намерены отстаивать права толпы, то долго ли ждать, пока толпа начнет отстаивать сама себя? У нас и так ограничения — на рабов, на служанок-постельниц и холопов на господской пашне, причем все введены недавно, на нашем веку! И виной тому разные Иссандрианы, заигрывающие с работным людом, купцами и шляхами.

Канл Даскеллин протяжно выдохнул. Тусклый зимний свет, падающий на его темную, почти по-лионейски смуглую кожу, не давал толком разглядеть лицо, однако Доусону хватило и того, что Даскеллин не стал спорить. И наверняка у него есть свой интерес, иначе он отказался бы от встречи.

— Самое время истинному духу Антеи пробудиться, — продолжал Доусон. — Эти псы думают, что они заправляют всей охотой. Их пора окоротить, и если мы будем дожидаться, пока принц Астер отправится под кров Иссандриана...

Молчание завершило фразу красноречивее всяких слов. Даскеллин дернулся в кресле и пробормотал проклятие.

— Вы уверены, что король так и сделает?

— Я слышал от него самого, — ответил Доусон. — Симеон прекрасный человек и прекрасный король, но ему нужны верные соратники. Он ждет случая поставить Иссандриана на место. И я ему этот случай обеспечу.

В проходе за его спиной послышались голоса и тут же стихли, на улице зацокали подковы. Канл вынул из кармана небольшую глиняную трубку и поднял руку. Служанка подошла к нему с тонкой свечой и, как только показался первый голубоватый клуб ароматного дыма, исчезла из виду. Доусон ждал.

— Каким образом? — спросил Даскеллин жестко, как на допросе.

Доусон улыбнулся: битва наполовину выиграна.

— Лишить Иссандриана силы. Отозвать Алана Клинна из Ванайев, рассорити Иссандриана с крестьянами. Разъединить приспешников.

— Мааса и Клинна?

— Для начала. У него есть и другие последователи. Но этого недостаточно. Их влияние так велико из-за разобщенности тех, кто еще помнит, что такое благородная кровь.

Даскеллин глубоко затянулся, огонек в трубке вспыхнул и вновь померк.

— Это и есть ваш заговор, — произнес он наконец.

— Верность королю — не заговор, — уточнил Доусон. — А настрой всей жизни. То, что мы должны демонстрировать постоянно. А мы проспали, и псы забрались в дом. И кому, как не вам, Канл, об этом знать.

Даскеллин постучал по зубам глиняным чубуком трубки и прищурился.

— Говорите, — кивнул Доусон. — Что бы ни было — говорите.

— Хранить верность королю Симеону — одно. Стать орудием Каллиамов — совершенно другое. Да, меня беспокоят перемены, которых добивается Иссандриан с кликой. Однако менять одного честолюбца на другого — не выход.

— Вы хотите убедиться, что я не Иссандриан?

— Да.

— Какие вам нужны доказательства?

— Если я помогу отозвать Клинна из Ванайев, обещайте, что не обернете дело к личной выгоде. Все знают, что ваш сын служит под командованием Клинна. Джорей Каллиам не должен сделаться протектором Ванайев.

Доусон моргнул.

— Канл... — начал было он, но, встретив прищуренный взгляд Даскеллина, осекся. Когда он вновь заговорил, его голос прозвучал неожиданно жестко. — Богом и антейским престолом клянусь: после отставки Алана Клинна мой сын Джорей не станет протектором Ванайев. Более того, клянусь, что никто из моего рода не получит выгоды от ванайских событий. А вы, друг мой, поклянетесь ли в том же?

— Я?

— У вас ведь там родственники. Или я должен думать, будто вы поддерживаете короля только ради выгоды?

Даскеллин сочно захохотал — рокочущий смех раскатился по залу так, что зима на миг отступила.

— Господь прослезился, Каллиам! Да вы нас всех сделаете образцом бескорыстия!

— Поклянетесь? — настаивал Каллиам. — Присоединитесь к тем, кто предан королю Симеону и ставит возрождение традиции выше собственной славы?

— Верные слуги трона, — с улыбкой произнес Даскеллин.

— Да, — по-прежнему жестко ответил Доусон, несокрушимый как кремль и твердый как сталь. — Верные слуги трона.

Даскеллин вмиг протрезвел.

— Вы всерьез?

— Именно, — подтвердил Доусон.

Темные глаза скользнули по лицу Доусона, будто силясь проникнуть сквозь маску. А затем — как и в предыдущие полдесяток раз, когда Доусон говорил с такими же людьми, разделяющими его стремления, — смуглое лицо осветилось гордостью, Даскеллина переполнили отвага и чувство причастности к великому и благому делу.

— Тогда да, — тихо сказал он. — Клянусь.

Разлом, видимым образом делящий город на части, был не единственным знаком размежевания. По обе стороны от мостов аристократия жила в просторных особняках у широких площадей, а прочий народ ютился в тесных улочках и проулках. Живешь к северу от площади Кестрель — ты высокопоставленный вельможа. Держишь конюшни у южных ворот — кровь в тебе благородная, но богатство ты изрядно поистратил. Город скрывал тайны, известные лишь его обитателям, и даже деление на улицы не отражало всего разнообразия: самые бедные из горожан искали убежища в старых руинах под городом и влачили дни во тьме и нищете, едва защищенные от зимней стужи.

Темные камни мостовой побелели от инея и снега, запряженные в повозки мулы двигались медленно и осторожно. Кони опасливо переступали копытами, боясь поскользнуться; лошадей, сломавших ногу, забивали тут же, на улице. Кемнипольская зима не позволяла даже приказать, чтобы карета дожидалась у дверей, но Доусон был так рад исходу встречи с Даскеллином, что не подумал сетовать. Служанка подпоясала на нем плащ из темной кожи с серебристой прошивкой и с крючками из гелиотропа, и Доусон, надев широкополую шляпу, вышел на улицу. До дома, где его ждала Клара, предстояло добираться пешком.

Все отрочество он провел в Кемниполе: днем сопровождал отца на церемониальные встречи, а вечера проводил в пирушках, веселясь и распевая песни с такими же соседскими юнцами. Даже сейчас, спустя десятилетия, заснеженные мостовые хранили его тайны. Он прошел по узкому проулку, где Элиайзер Брейниако бегал нагишом, проиграв ему пари в тот день, когда обоим исполнилось четырнадцать. Затем миновал кишачий клопами квартал, где селились полунищие тимзины и ясуруты. Прошел под Морадовой аркой, где обезумевший последний дракон-император погиб от когтей собрата; арка из драконьего нефрита возносилась почти до высоты самого Кингшиля и поражала хрупкостью и тонкостью работы — в пору было дивиться, как она не ломается от легчайшего ветерка. Остался позади и публичный дом, куда отец привел Доусона в десятый день рождения и купил ему первую в жизни ночь с женщиной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Небо, обратившееся в сплошное белое облако, благосклонно сияло над городом, рассеивая тени. С повозки булочника, едущей с рыночной площади, упала корзинка с миндалем, невесть откуда набежавшая детвора расхватала орехи раньше, чем возница успел вымолвить слово. С западной стены можно было взглянуть сверху на широкие равнины Антеи — как Бог на дольний мир. Город, совершенный и безупречный, вмещал в себя всю историю от падения драконов до возвышения Белого Пророка и дальше до бунтов рабов,

после которых Антея восстановила империю первокровных здесь же, в Кемниполе — городе, некогда выстроенном драконами. Здешние камни хранили в себе память многих столетий, целых эпох.

И сейчас, впервые за всю жизнь, Доусон начал дело, которое впишет его имя в историю любимого города. Доусон Каллиам, барон Остерлингских Урочищ, который очистил королевский двор от скверны и указал Антее достойный путь. Каллиам, который собрал под свои знамена защитников правого дела и уничтожил силы хаоса, грозящие переменой жизни.

Бессмертный город так и звал упиваться воспоминаниями и мечтами о будущем, утвержденном его собственной рукой, — о будущем, где не он, а Куртин Иссандриан и Фелдин Маас будут ради зимних дел пробираться по заледеневшим улицам вместо уютных посиделок у домашнего камина, — и Доусон отдался на волю фантазий. И не заметил предвестий нападения, даже если они были.

Дорога изгибалась по краю мыса; на треугольной площадке, где две широкие улицы сходились в одну, беседовали трое мужчин в темных шерстяных плащах. Доусон шагал не сворачивая, в уверенности, что горожане расступятся перед придворным вельможей, однако трое, хмуро глядя на него, не двигались.

Грезы о будущем тут же исчезли, Доусон разозлился. Впрочем, его ведь могли просто не узнать... Ближайший из троих откинул плащ и вытащил широкий изогнутый кинжал, остальные постороились — и не успел барон пренебрежительно хмыкнуть, как бандит с кинжалом кинулся ему навстречу. Доусон, нащупывая меч, отступил, но даже толком не вытащил клинок из ножен — стоявший слева головорез ударил в локоть утяжеленной дубинкой. Рука тут же онемела, меч упал на заледеневшую землю. Первый бандит взмахнул кинжалом, лезвие рассекло кожаный плащ и вонзилось Доусону в грудь. Барон вскрикнул и отскочил назад.

На дуэль это никак не походило: у противника ни легкости, ни изящества, ни даже представлений о чести, ни малейшей дуэльной выучки — бандит держал кинжал, как мясник на бойне. Его подручные с дубинами окружили Доусона, словно боялись, что он повернется и побежит, как перепуганная свинья. Барон выпрямился и на миг приложил руку к порванному плащу — на перчатке осталась кровь.

— Ты ошибся последний раз в жизни, — рявкнул Доусон. — Не знаешь, на кого напал.

— Знаю, милорд, — ухмыльнулся бандит и вновь ударил, целясь в живот. Доусона спасла лишь многолетняя выучка — он, подавшись назад, отступил в сторону, клинок прошел мимо. Головорез с дубинкой, стоявший слева, ударил его в плечо, и Доусон, оседая на колени, впервые заподозрил, что перед ним не простые уличные грабители. Ловушка была предназначена лично для него.

Правый громила угрожающе покачивался вперед-назад, занеся дубинку для удара в голову. Доусон вскинул руку — и вдруг громила застонал и исчез. Убийцы обернулись: на мостовой извивался незнакомец в сером охотничьем плаще, зажатый мощными руками громилы. Через миг хватка ослабла, незнакомец вскочил, держа в руке короткий окровавленный меч. Громила лежал без движения.

— Лорд Каллиам! — крикнул незнакомец и перебросил ему меч.

Доусон не сводил глаз со взмывшего в воздух стального клинка. Время вдруг замедлилось — он разглядел и потертую кожаную рукоять, и выточенный по центру дол. Протянув руку, барон подхватил меч в воздухе и, по-прежнему стоя на коленях, отбил занесенную над ним дубинку.

Лежащий на земле громила застонал, приподнялся было на локте и вновь рухнул в растекающуюся лужу крови.

Доусон вскочил на ноги. Двое убийц со страхом переглянулись: пусть барон ранен и его спаситель безоружен, пусть число нападающих лишь сравнялось с числом жертв — но бой троих против одного становился почти равной битвой, и бандитов это явно обескураживало. Головорез с дубинкой отступил на шаг, готовый бежать, и Доусон презрительно усмехнулся. Труссы.

Он вскинул чужой меч — молниеносно, жестко, мощно. Противник, шагнув назад, неловко отбил удар. Справа от Доусона бандит с кинжалом рванулся к безоружному незнакомцу. Боль в ранах вдруг утихла, холод от стынущей на груди крови вызвал у Доусона зловещую улыбку. Бандит с дубинкой отпрянул, Доусон подался вперед — колени согнуты, упор сбалансирован, тело готово к броску. При следующем замахе врага он ринулся вперед, поднырнув под бьющую руку: дубинка хлестнула по ребрам, зато враг получил удар мечом — резкий выдох вырвался изо рта облачком пара. Меч угодил в панцирь, скрытый под плащом бандита, и удар оказался не смертельным — однако противник пошатнулся, и Доусон, двинув его каблуком в щиколотку, с размаху ударил рукоятью в лицо. Захрустел хрящ.

Убийца навалился на барона всей тяжестью, пытаясь его свалить; подошвы Доусона заскользили по льду, почти не находя опоры. Явно рассчитывая на свой перевес, убийца не ослаблял хватку, однако он недооценил решимости Доусона.

Барон бросил меч, левой рукой схватил бандита за волосы и вдвинул согнутый большой палец в глазницу. Под пальцем что-то обмякло и растеклось, бандит заорал от страха и боли, и Доусон оттолкнул его прочь — тот рухнул на колени, зажимая руками выдавленный глаз и сломанный нос.

Оставшийся бандит с кинжалом и спаситель Доусона — безоружный, с выставленными вперед руками — кружили один вокруг другого. Из левого предплечья незнакомца сочилась кровь, алые капли падали на белый снег и черные камни мостовой. Собиралась толпа — мужчины, женщины, дети жадно глядели на происходящее, не смея вмешаться. Доусон пинком опрокинул на землю стонущего безглазого головореза и стащил с его руки петлю дубинки. В глазах бандита с кинжалом мелькнула паника, и Доусон крутанул дубинку в воздухе, принаравливаясь к ее весу.

Бандит тут же кинулся бежать, вздымая сапогами фонтанчики снега. Толпа, пропуская его, расступилась: никто не хотел попасть под удар кинжала — крестьяне, рабочий люд, невольники давали уйти от возмездия такому же простолюдину, как они сами. Доусон даже не нашел в себе сил на них разозлиться: трусость и стадная сплоченность вполне в характере простонародья. Винить их — все равно что винить овцу за то, что она блеет.

Первый убийца лежал на земле неподвижно, вокруг него дымилась кровь. Второй головорез с дубинкой тоже затихал, сознание меркло. Спаситель Доусона, присев на корточки, разглядывал раненую руку. Молодой, массивные руки и плечи, стриженные ножом волосы. Лицо показалось Доусону знакомым.

— Я обязан вам спасением, — выговорил он, с удивлением обнаружив, что задыхается. Незнакомец покачал головой.

— Я опоздал, милорд. Слишком уж далеко держался.

— Слишком далеко? — повторил Доусон. — Вы за мной следили?

Молодой человек кивнул, избегая смотреть барону в глаза.

— Почему?

— Так велела ваша жена, милорд. Когда вы меня выгнали, она взяла меня на службу. Велела вас охранять. А я не справился.

Да, конечно же. Младший егеря на кухне, который вернул ему тот оскорбительный обломок рога, заляпанный собачьей кровью. Винсен Коу — так он тогда назвался. Доусон никогда после не спрашивал у Клары, как она обошлась с юношей: понятно, что она не могла отменить гласный приказ мужа и восстановить егеря в прежней должности. А признать, что он поступил тогда несправедливо, Доусону не позволяла честь.

— Вы ошибаетесь, — сказал барон.

— Милорд?

— Я вижу вас впервые. И никогда не выгнал бы такого мужественного и способного человека.

— Нет... То есть конечно, милорд.

— Ну вот и решено. Ступайте со мной, займемся вашими царапинами.

Коу не двинулся с места.

— А мой меч, милорд?

— Да, он еще может нам пригодиться. — Доусон указал на лежащий в снегу меч, заляпанный кровью и грязью. — Я, кажется, распугиваю всех порядочных людей.

Пламя и кровь. Мериан кричит от боли, страха, ярости — сразу от всего, как могут только дети. Не сводит с него глаз, тянет ладони к отцу...

Маркус попытался стряхнуть оцепенение, простереть к ней руки — и вдруг проснулся.

Крики погибших отдавались эхом в холодном воздухе. Маркус привстал, в полусне еще надеясь увидеть пшеничные поля и величавые ветряные мельницы Эллиса, однако наткнулся взглядом на широкое, усыпанное звездами небо Биранкура. За спиной, на востоке, смутно проступали черные громады гор. Ни намека на рассвет. Запах паленого, преследовавший его во сне, сменился остро-сладким ароматом ледяных лилий и слабым солоноватым веянием — отголоском далекого моря.

Маркус откинулся на постель, дожидаясь, пока сон рассеется, и привычно занялся телом. Первым исчез комок в горле, затем отпустило в груди. Постепенно растаяла тупая, как от удара кулаком, боль в животе. Осталась лишь всегдашняя пустота под ложечкой — и значит, теперь можно было вставать.

Давние боевые шрамы. Солдаты теряли в битвах руку или ногу, кто-то лишался глаз... Маркус остался без семьи. И если у старых солдат ноющие кости предвещали дождь, то ему сейчас грозило иное ненастье — временное, как всякое ненастье. Ничего. Все минует. Дурные сны приходят не навсегда.

Караван спал — и мулы, и погонщики. На склоне холма светился во тьме огонек не ярче звезды, только желто-красный, а не голубой. К нему-то и направился Маркус. Сухая трава скрадывала шаги, разбегались из-под ног полевые мыши. На фоне костерка вырисовывался силуэт Ярдема Хейна — тралгут сидел к огню спиной, чтобы не слепило глаза. Рядом виднелась незнакомая фигура. Маркус, приблизившись, различил слова.

— Форма? Форма души? — переспросил мастер Кит. — Как это?

— А вот так. У души есть форма, — ответил Ярдем, широкими ладонями обрисовывая что-то в воздухе. — И она влияет на судьбу. Когда в жизни сталкиваешься с выбором — решение зависит от формы души, а из решений и поступков складывается судьба.

Маркус шаркнул ногой по земле, чтобы его услышали.

— Доброе утро, капитан, — откликнулся Ярдем не глядя.

— Морочишь нашему ведуну голову суевериями?

— Так точно, сэр.

— Осторожнее, Кит, — предупредил Маркус, ступая в тусклый круг света. — Ярдем когда-то был проповедником.

Мастер Кит поднял брови и перевел вопросительный взгляд с Маркуса на Ярдема. Тралгут красноречиво пожал плечами.

— Плохо кончилось, — пояснил он.

— Сейчас речь не о вере, — сказал мастер Кит. — Надо сказать, сама идея меня завораживает. А ваша душа — какой она формы?

— Свою-то я не видел, — ответил Ярдем.

Маркус сел, тепло от огня обняло спину. Падающая звезда прочертила небо с востока на запад и погасла едва ли не раньше, чем капитан ухватил ее глазом. Пауза становилась неловкой.

— Да ладно, — бросил Маркус. — Расскажи ему, если хочешь.

— Рассказать мне что? — спросил мастер Кит.

— Я видел, какой формы душа у капитана. Я был в Водфорде в день битвы. Он объезжал войско, проскакал мимо меня, и я... И я заметил.

— Какой же она формы? — поинтересовался мастер Кит.

— Круг, стоящий ребром на земле.

— Что, по-вашему, это значит?

— Что когда капитан внизу — он поднимается, а когда наверху — падает.

— Ему понадобилось волшебное озарение, — заметил Маркус. — А большинство знает и так.

— Неужели так всегда? — не унимался мастер Кит. — Если бы Бог захотел изменить форму чьей-то души...

— Бога я не видел, — перебил его Ярдем.

— Но вы в него верите.

— Я не знаю, верю или нет.

Мастер Кит помолчал, раздумывая.

— А вы, капитан? — спросил он. — Говорят, вы некогда были благочестивы.

— Я перестал верить в любых богов. Из милости.

— Из милости к кому?

— К богам, — ответил Маркус. — Считать, что они не могли создать мир получше — чистое бессердечие. Еда у нас осталась?

Незаметно начало светать: четче стали на фоне звезд тени восточных гор, затем тонкие полоски облаков окрасились в розовое и золотое. Свет просачивался незаметно, как туман из-под земли. Неясные сгустки мрака мало-помалу приняли вид знакомых повозок, на дальнем краю лагеря загремели котлы — жена караванщика принялась готовить утреннюю кашу и свинину в медовом соусе. Из тьмы проступили кусты и деревья, река и холмы. Пока Ярдем по утреннему обыкновению тренировал стражников, Маркус отправился обходить лагерь, старательно делая вид, что все повозки в караване для него равны и ни одна не важнее прочих.

Девушка — Китрин — занималась тем же, чем остальные: чистила мулов, завтракала, отскребала забившуюся в колесные ступицы грязь. Если нужна была помощь, спрашивала Опал или мастера Кита. Никогда не обращалась ни к караванщику, ни к Маркусу. И не заговаривала с Сандром — а тот обходил ее стороной, будто ему запретили приближаться к ней под страхом смерти. Оно и к лучшему.

Маркус незаметно разглядывал Китрин. Ей явно полегчало с тех пор, как караван выехал из Ванайев. Или, если уж быть точным, из Беллина. Однако под глазами залегли темные тени, а движения оставались неловкими, словно от крайней усталости.

Караванщика Маркус обнаружил у передней повозки: тот сидел на корточках перед разложенным на земле пергаментом — картой южного Биранкура, сто лет как устаревшей, но по-прежнему верно отображавшей драконьи дороги. Его жена, покончив с завтраком, запрягала повозку.

— День, — буркнул караванщик. — От силы полтора. И выйдем обратно к нормальной дороге.

— Отлично.

— Еще три дня — и вот вам Порте-Олива. Вы там бывали?

— Раз или два, — ответил Маркус. — Хороший зимний порт, больших холодов там не

бывает. А поставленный королевой наместник не дерет непомерных налогов.

— Значит, там и остановимся.

— К ранней весне дороги на Карс уже просохнут.

— Мне-то что, — пробормотал караванщик, сворачивая карту. — Доберемся до Порте-Оливы — и делу конец. Караван дальше не пойдет.

Маркус нахмурился и скрестил на груди руки.

— Уговор был другой. Я подряжался довести обоз до Карса.

— Вы подряжались охранять караван, — уточнил тимзин. — А куда он идет и где остановится — решать мне. В Порте-Оливе товар можно сбыть: оттуда есть торговые пути даже в Кабраль и Герец, не то что в здешние биранкурские города. Корабли в Лионею, морская торговля с Дальней Сирамидой... Груз, который мне доверили, там без труда продается.

— Груз, который вам доверили, — со значением повторил Маркус, придавая словам иной смысл.

— А что мне до остального? — Караванщик вздернул подбородок. — Вас не устраивает, что я отказываюсь опекал незаконный груз?

— Насколько я слышал, у Медеанского банка нет представительства в Биранкуре. Вы предлагаете посадить девушку на гору денег и оставить без всякой защиты? Может, и табличку ей на шею повесить?

Караванщик бросил сложенную карту на сиденье повозки и принялся взбираться наверх. Его жена виновато взглянула на Маркуса и отвела глаза.

— Эта ваша девушка, которая не дура пьянствовать, ввязываться в контрабанду и заигрывать со стражниками, уж как-нибудь за себя постоит, — заявил караванщик. — С тем антейским придурком нам сказочно повезло, но это не значит, что повезет и в следующий раз.

«А следующий раз наверняка будет» — произносить эти слова даже не было нужды.

— Послушайте моего совета, — продолжал караванщик. — Возьмите плату, что вам причитается, седлайте коня и скачите подальше от этой девчонки, покуда от нее не останется только воспоминание. От таких людей одни неприятности.

— От каких именно? — разозлился Маркус.

— От банкиров, — ответил караванщик и сплюнул под ноги.

* * *

Порте-Олива стояла на уступе горы, высящемся над широкой мелководной бухтой, так что море защищало город с трех сторон даже в самый отлив. Рифы и песчаные отмели несли опасность судам, и местные лодочники зарабатывали на жизнь, проводя корабли из океана в городскую гавань и обратно. За свою тысячелетнюю историю Порте-Олива ни разу не покорилась силе — хотя дважды ее удалось соблазнить. К городу вела драконья дорога, некогда проложенная по вершинам холмов; склоны давно размыло временем, и теперь повозки катились по широким и пологим каменным аркам, из-под которых мало-помалу уходила земля.

Ближе к городу дорога стала более оживленной. Вместо темно-чешуйчатых тимзинов, привычных для Ванайев, в здешней толпе наряду с немногочисленными первокровными в

обилии попадались бледные, почти бесплотные цинны и низкорослые куртадамы с лоснящимся мехом, униженным бусинами. Все чаще попадались в толпе мечники в крученых медных ожерельях, по-биранкурски одетые в зеленое и золотое, — гвардейцы ее величества: хотя резиденцией королеве служили более крупные северные города Сара-сю-Мар и Порте-Силена, охрану в Порте-Оливе несла королевская стража. Маркус глянул на караванщика — тот как раз наклонился к одному из старших гвардейцев, словно бы желая перекричать шум толпы. Несколько монет перешло из рук в руки, и караван без видимых причин двинулся быстрее, обгоняя пеших путников и ручные носилки. Чуть погодя вокруг замелькали попрошайки и нищие — и Маркус понял, что караван вошел в город.

— Господин, не откажите, у меня ведь ребенок...

— Муж в плавании, корабль на три месяца задерживается, еды купить не на что...

— Господь велит быть щедрыми...

Маркус шагал вдоль повозок, пропуская слова мимо ушей, и высматривал жуликов и грабителей, обычно теснящихся в таких толпах. Стражники каравана занялись тем же: в уловках толпы они разбирались куда лучше Маркуса, и капитан лишний раз подивился тому, как ценны актеры для охранного дела. Дойдя до последней подводы, он повернул обратно. Через три повозки от него мастер Кит, нагнувшись, вложил монету в ладонь какому-то старику.

— Не потакайте! — крикнул Маркус. — Они же врут.

— Не все, капитан, — улыбнулся Кит. — Многие, но не все.

Маркус поравнялся с фургоном, везущим шерсть, и взглянул на девушку, которая так и не сменила мальчишеских одежд. Рядом с циннами, которые встречались в толпе, становилось яснее, что она не просто хрупкий подросток из первокровных: пусть волосы ее темнее, черты тверже, а кожа не так бледна — сходство с циннами было налицо. Заметив взгляд Маркуса, девушка несмело улыбнулась, но капитан отвернулся от нее с той же решимостью, что и от нищих, — и по той же причине. Чем ближе к цели, тем тяжелее сгущалось предчувствие. Разговора не миновать, причем сегодня, и единственным решением — правильным, верным, лучшим, после которого вновь исчезнут ночные кошмары, — будет ей отказать. Взгляд Маркуса упал на Ярдема: сидя на передней подводке, тот бесстрастно смотрел ему в глаза.

В давние времена, столетия назад, Порте-Оливу ограждали высокие крепостные стены. Теперь по обе стороны белокаменной ограды шумел рыночный квартал: и с северного конца арки, ведущей сквозь стену, и по другую сторону одинаковые торговцы выкрикивали все те же названия рыб свежего улова. Грозная стена, возведенная в годы войн, покоилась среди буйной толчеи, как гигантский хищник, утомленный охотой. Во внутренней части Порте-Оливы драконья дорога, расширяясь напоследок, переходила в гигантскую открытую площадь.

Толчея здесь царила не меньшая, чем на подступах к городу. На восточном краю площади возносился над толпой величественный мраморный храм высотой в пять человеческих ростов, на западном конце красовался дворец наместника, сложенный из красного кирпича и украшенный цветными стеклами. Глас Бога и длань закона: две власти, служащие престолу. Между ними, разбросанные по площади, виднелись деревянные помосты с узниками, выставленными на позор. Куртадам со слезящимися глазами и отрубленными кистями рук держал перед собой прикрученную к обрубкам табличку «Вор», вымазанная в дерьме и отбросах женщина из первокровных сидела под деревянным

символом сводничества. Трое цинн, чью бледную кожу у глаз густо облепили мухи, болтались на виселице — убийца, насильник и совратитель малолетних. Помосты служили простым и наглядным способом ознакомить чужаков с местными законами.

Караванщик исчез во дворце и вернулся через добрый час, неся в руках каменные фигурки на кожаных шнурах — их предстояло привязать к повозкам в знак того, что дорожная пошлина благополучно уплачена. Крикнув погонщикам, он повел караван по мощенной бледным камнем мостовой, которая вела во внутренний двор.

Путешествие закончилось. Маркус прошел к передней подводе.

— Можете пересчитать, — сказал тимзин, вручая ему полотняный кошель, звякнувший в руках.

— Незачем, — ответил Маркус.

Караванщик удивленно пожал плечами.

— Как хотите. Не говорите потом, что я вас обсчитал.

— Не скажу.

— Отлично.

Маркус кивнул и занялся кошелем. Отложив долю для себя и Ярдема, он, несмотря на то, что сказанное, пересчитал остаток. Все сошлось.

Труппа собралась у своего фургона, все по-прежнему в доспехах и с мечами. Дорога их частью изменила, частью оставила прежними: актеры посуровели, каждый владел мечом не хуже солдата, и при этом они хохотали и шутили не меньше, чем некогда в ванайской таверне. Сандр и Смитт соревновались, кто дольше простоит на руках, Кэри с Опал и Микелем обихаживали мулов, остроты и колкости сыпались дождем. Мастер Кит восседал на высокой скамье возницы, глядя на веселье, как милостивый святой из древних преданий. Маркус подошел к повозке.

— Кажется, мы все-таки довели дело до конца, — сказал мастер Кит. — Хоть я и не ожидал такого разнообразия событий.

— Хорошая комедия выйдет, — ответил Маркус.

— По-моему, очень похожая на жизнь.

— Да?

— В мире все смешно — но только если смотреть издалека.

— Наверное, — кивнул Маркус, передавая актеру деньги. — Чем теперь займетесь?

— Порте-Олива вроде бы не хуже других городов. Скорее всего вернемся к актерству. А для начала можно и отдохнуть. Здесь обычно много актеров-кукольников — может, удастся одного-двух взять к нам.

— Работать с вами одно удовольствие, — признался Маркус. — Все обернулось лучше, чем я ожидал, учитывая обстоятельства. Надеюсь, еще увидимся тут в городе. Мы остаемся до весны.

— Спасибо, что не кастрировали Сандра. Мне все-таки хочется когда-нибудь сделать из него актера на главные роли.

— Удачи вам с ним.

— Всего доброго, капитан Вестер. Не устаю удивляться, насколько редки люди вроде вас.

Что ж, с этим тоже покончено. Караванщик уже шел от повозки к повозке, сверяя списки и собирая подписи. У плеча Маркуса возник Ярдем.

— Нам понадобятся люди, — проронил он.

— И ведун. Войны здесь нет, кого-нибудь найдем.

Тралгут дернул звякнувшим ухом.

— А если девчонка захочет нанять нас для охраны, вы согласитесь?

Маркус глубоко вдохнул. В городе пахло конским навозом, рыбой и морской солью. Висящая в воздухе дымка затмевала небо — вместо голубого оно казалось почти белым. Капитан медленно выдохнул:

— Нет.

Караванщик уже подошел к фургону с шерстью, Китрин теперь стояла перед ним, как узник перед судьей — выпрямив спину, глядя прямо перед собой. Одна, вокруг незнакомый город: ни защиты, ни представлений о будущем.

— Тогда можно идти, — напомнил Ярдем.

Маркус покачал головой.

— Надо ей хотя бы сказать.

Караванщик двинулся дальше. Маркус глянул на тралгута, на девушку, сплюнул и пошел к ее фургону. «Сказать ей, покончить разом, — уговаривал он себя. — И забыть. И жить дальше».

Китрин встретила его тусклым, остекленевшим от усталости взглядом. Но даже сейчас, бледная больше обычного, она гордо подняла подбородок.

— Капитан.

— Мы с Ярдемом решили, что не будем тебя охранять, — сообщил Маркус.

— Ну что ж, — бесстрастно ответила девушка, как будто он сказал ей, что утром взошло солнце.

— Мой тебе совет: возьми сколько сможешь унести, остальное брось. Сядь на корабль до Лионеи или Дальней Сирамиды. Начни новую жизнь.

Караванщик свистнул, первая подвода отделилась от обоза — караван официально прекратил существование. Повозки стали со скрипом разъезжаться — к нужным рынкам, каждая в свой квартал. Тронулся в путь и актерский фургон, мулов которого Сандр и Смитт вели в поводу, расчищая перед ними дорогу. Китрин бель-Саркур — сирота и воспитанница Медеанского банка, начинающий контрабандист, почти взрослая женщина — устало смотрела на Маркуса.

— Удачи, — выговорил он и зашагал прочь.

* * *

Как и сказал мастер Кит, соляной квартал Порте-Оливы населяли куклы. Уличные кукольники торчали здесь чуть не на всех углах и, прячась за ширмой или в коробе, окликали прохожих голосами персонажей. Куклы — вроде нечестивца-ясурута Грошика и тимзинского хитреца Таракашки — сыпали избитыми расовыми шутками или, как полоумный король Ардельхумбельмуб в необъятной короне, высмеивали политиков. А некоторые — как первокровный Станнин Афтеллин, мечущийся в любовном треугольнике между флегматичной дартинкой и водящей его за нос цинникой, — мешали в кучу и политику, и расовые насмешки, и непристойности.

Другие персонажи предпочитали более знакомые зрителям поводы. Посреди представления о жирном мяснике, который коптит окорока навозным дымом и сует в

колбасу рубленых червей, из толпы вдруг выскочила циннийка и обрушилась на кукольника с обвинениями — ему, дескать, заплатил мясник-конкурент. В другом месте четверо королевских гвардейцев с мечами и в медных витых ожерельях, глядя на сценку об изюме и принцессе-волшебнице, недобро хмурились — аллегория, в чем бы она ни состояла, явно грозила кукольнику неприятностями.

Таверна, где остановились Маркус с Ярдемом, выходила двором на набережную. По западному краю неба скользило вниз солнце, окрашивая белые стены золотом. Вода в заливе, бледно-голубая вблизи мыса, сгущалась вдали до темно-синей, почти черной. Запах солоноватого ветра и жареного цыпленка смешивался с ароматом курений, исходившим от странствующего священника. Моряки разных рас — все крепкоплечие и громогласные — сидели за широкими столами под ярко расшитыми навесами. В каждом проходе горели жаровни, согревая по-зимнему стылый воздух. Маркус сел и сделал знак служанке — та кивнула, и капитан откинулся на стуле.

— Нам нужна работа.

— Да, сэр, — откликнулся Ярдем.

— И новый отряд. На этот раз настоящий.

— Да, сэр.

— Правда, охранять придется разве что склады. А весной — караваны, что идут в глубь материка.

— Именно так, сэр.

— Что-нибудь посоветуешь?

Служанка — юная куртадамка, мягкую бледную шерсть которой сплошь унизывали по бокам золотые и серебряные бусины, — принесла им по кружке горячего сидра и поспешила дальше, Маркус даже не успел отдать деньги. Ярдем припал к своей кружке, которая в его руках сразу показалась крохотной, и пил не спеша, хмуря брови и откинув назад уши. Солнце за его спиной светило так, что болели глаза.

— Что у тебя на уме?

— Девчонка с контрабандой, сэр.

Маркус засмеялся — хоть и чувствовал, как в нем закипает злость. Ярдем, судя по движению плеч, тоже ее уловил.

— Ты думаешь, встревать между фургоном и теми, кто на него охотится — разумно?

— Нет, — ответил тралгут.

— Тогда о чем речь? Дело сделано, пора двигаться дальше.

— Да, сэр. — Ярдем отхлебнул еще сидра. Маркус ждал, что тралгут заговорит, но тот молчал. Кто-то из матросов — первокровеный, со слабым лионейским акцентом, коротко стриженный — завел непристойную песню о брачных обычаях южнецов. За крупные черные глаза южнецов называли дыроглазыми, что давало широкий простор для ассоциаций. Маркус, стиснув зубы, подался вперед, под взгляд Ярдема.

— Ты хочешь что-то сказать?

Тралгут вздохнул:

— Будь она не так похожа на Мериан, вы бы остались.

Похабная песня перешла к следующему куплету, о постельных вкусах дартинов и цинн — или, как говорилось в строке, «светляков» и «червей». Маркус метнул в певца раздраженный взгляд, стиснутые зубы чуть не хрустнули. Ярдем поставил кружку с сидром.

— Если бы тот фургон вел мужчина, — продолжал он. — Или женщина постарше. Не

похожая на Алис и не ровесница выросшей Мериам. Тогда вы нанялись бы к ним охранником.

Маркус выдавил смешок. Певец перевел дух, готовясь затянуть еще куплет. Капитан встал.

— Ты! А ну хватит! Тут люди о серьезном разговаривают.

Моряк сдвинул брови.

— А ты-то кто таков?

— Тот, кто советует тебе заткнуться.

Моряк было осклабился, но что-то в облике Маркуса его остановило, он побагровел и уселся спиной к обоим друзьям. Капитан глянул на Ярдема.

— Мы оба знаем: фургон будет притягивать к себе клинки и кровь, — тихо сказал он. — Столько ценностей одной кучей — тут без убийств не обойдется. И ты мне говоришь, что вмешаться в это — стоящее дело?

— Нет, сэр. Дурацкое и безрассудное. Только вы бы за него точно взялись.

Маркус потряс головой. Где-то в закоулках памяти Мериам, охваченная пламенем, тянула к нему ладони — он поднимал слабеющее тело, слышал запах паленых волос и сожженной кожи. Чувствовал, как она обмякает у него в руках. Думал, что она наконец спасена, потом вдруг понимал, отчего так безвольно она поникла. Он толком даже не знал, что из этого память, а что — сны.

Китрин бель-Саркур. Маркус представил себе ее фургон и на месте возницы — старика-первокровного, везшего оловянную руду. Или караванщика с женой. Или мастера Кита и Опал. Кого угодно, кроме самой девушки.

Он прикрыл веки пальцами и тер до тех пор, пока не заплясали в глазах цветные круги. Тихо шелестели волны, в холодном воздухе таял острый запах сидра из кружки. Маркус пробормотал ругательство.

— Найти ее, сэр?

— Да, будем искать, — кивнул капитан, бросая на стол монету. — Пока с ней чего-нибудь не стряслось.

Отряжая Гедера на поиски ценного каравана, Клинн не надеялся, что толстяк и вправду нападет на след, поэтому когда Гедер возвратился ни с чем, никому не пришло в голову заподозрить его во лжи. Въехав с солдатами в город, Гедер отчитался о неуспехе и вернулся к прежним немногочисленным повинностям: обеспечивать взимание налогов, арестовывать приверженцев прежнего режима и всячески притеснять жителей Ванайев от имени Клинна.

— Я не могу столько уплатить, — взмолился старик тимзин, увидев сумму налога. — Герцог взял с нас подать еще до войны! Два раза! А теперь и вы хотите столько же?

— Не я, — ответил Гедер.

— Но ко мне-то пришли вы!

Лавчонка, ютящаяся на темной улице, была сплошь завалена лоскутами кожи, у затянутого промасленным холстом окна стоял бронзовый манекен, задрапированный в мягкий черный плащ, — судя по запаху, кожу для него выделали совсем недавно. Тонкий плащ не защитил бы в бою: кожа была чуть плотнее обычной ткани, но явно уступала в прочности стеганому полотнищу. Зато при дворе такая вещь вызвала бы завистливые взгляды.

— Вам нравится? — спросил тимзин.

— Что вы сказали?

— Плащ. Его заказал смотритель каналов, который сгинул как раз в ночь перед освобождением. — Тимзин, подчеркнув последнее слово, приподнял чешуйчатой рукой приказ об уплате налога. — Перед освобождением города войсками благородной империи. Плащ не закончен, но у меня еще есть такая кожа, я могу перекроить его на вашу фигуру.

Гедер облизнул губы. Невозможно. Вдруг кто-то спросит, где он взял плащ? Придется сознаться. Или выдумать объяснение. Можно сказать, что добыл плащ по дешевке — например, на юге, пока патрулировал дороги по приказу Клинна. Или при обыске купил у караванщика какого-нибудь обоза.

— Вы и вправду можете его перекроить?

Тимзин с удовольствием расцвел наглой улыбкой.

— А вы можете это потерять? — кивнул он на бумагу.

Гедера на мгновение настиг отголосок радости, обуявшей его в тот день, когда он скакал прочь от контрабандистов, везя за пазухой драгоценности. Потерять одно налоговое извещение. Что с того Клинну — чуть меньше золота в сундуке и чуть меньше бравады в отчетах, отсылаемых в Кемниполь. Зато кожевник продержится еще год: стоило бы ему просто попросить о милости — и Гедер с легкостью «потерял» бы бумагу, даже без всяких новых плащей.

А кроме того, двадцать серебряных монет, не полученные Клинном, по сравнению с потерей каравана — дождинка в океане.

— Отбирать у честного человека право трудиться никому не выгодно, — изрек Гедер. — Я думаю, все можно уладить.

— Тогда встаньте на табурет. Я посмотрю, как лучше уложить драпировку на вашей фигуре.

Зима в Ванайях выдалась сухой. Тонкий лед и темная, почти неподвижная вода в каналах стояли на целый локоть ниже меток, показывающих высший уровень воды. Палые

листья кружились у подножия стен, в садах и парках торчали голые стволы деревьев. Сосульки, свисающие с деревянных крыш, все больше истончались, новый снег так и не выпадал. Дни веяли холодом, ночи несли мороз. Оттепели, плеск весенних ручьев, пробуждение жизни — все придет только с весной, теперь же везде царили то ли сон, то ли смерть.

Вернувшись после истории с караваном, Гедер заперся дома, вытащил тканый кошель, купленный в Гилее, и высыпал драгоценности на постель. Мерцающие в тусклом свете камни и украшения, способные обеспечить Гедеру пристойную жизнь в Ванайях, таили в себе угрозу. Пытаться их здесь продать — значит рисковать тем, что камень или изделие кто-нибудь узнает. А если Клиинн или кто-то из его фаворитов заметит, что у Гедера появились деньги, тогда и вовсе жди беды.

Поэтому он послал оруженосца продать только самые неприметные камни — три круглых граната и алмаз в простой серебряной оправе. В кошеле, принесенном оруженосцем, звякало серебро, бронза и медь, там же блестели два тонких золотых диска — податливых, хоть сгибай пальцами. Для Гедера — целое состояние. И сейчас, собираясь вечером по давно задуманному делу, он переложил часть монет в сумку, где уже лежала книга.

Академия выходила окнами на узкую площадь. В лучшие дни сюда приводили детей низших дворян и богатых купцов — нанять учителей, записаться на занятия. Резная дубовая арка вела в галерею, хранящую имена ученых и священников, которые читали здесь лекции в течение полутора веков со дня основания академии. Пахло воском и сандаловым деревом; в солнечных лучах, просеянных сквозь высокие горизонтальные окна, посверкивали зависшие в воздухе пылинки. Где-то рядом звучный мужской голос декламировал стихи. Гедер глубоко вдохнул здешний воздух.

Сзади слышались шаги. Служитель — хрупкий южнец с огромными черными глазами, заслонявшими пол-лица, — держался с боязливым почтением.

— Чем могу служить, милорд? Вам... вы что-то хотели?

— Мне нужна ученая консультация. Оруженосец сказал, что лучше всего идти в академию.

Южнец моргнул.

— Я... То есть, милорд... — Служитель запнулся и через миг взял себя в руки. — В самом деле?!

— Да.

— Вы пришли не с арестом? И не за податью?

— Нет.

— В таком случае, милорд, позвольте вам помочь. Не угодно ли пройти вот сюда?

В небольшой комнате сбоку от входного зала Гедер присел на деревянную скамью, за десятилетия истертую до гладкости. Голос, читавший стихи, звучал здесь тише, так что слов было не разобрать. Ослабив пояс, Гедер поерзал на сиденье, вспоминая, как ждал некогда собственных учителей, и отмахнулся от невесты откуда всплывшей боязни не ответить урок.

Дверь отворилась, в комнату робко ступил ученый из первокровных. Гедер вскочил.

— Добрый вечер. Меня зовут Гедер Паллиако.

— В городе ваше имя известно, лорд Паллиако. Тамаск мне сказал, будто бы вам нужен консультант?

— Да. — Гедер вытащил книгу. — Я переводил эту книжку, но здесь все как-то

неотчетливо. Я бы хотел, чтобы мне нашли что-то похожее, только другое.

Ученый взял книгу осторожно, словно яркую, но незнакомую бабочку, и перелистнул страницы. Гедер нетерпеливо заговорил:

— Там пишут о крахе драконьей империи. В историческом ключе. А мне хотелось бы ознакомиться с умозрительным трактатом.

Шелест ветхих страниц смешивался с доносящимся издали голосом и с шепотом ветра за окнами. Ученый, приблизив книгу к глазам, нахмурился.

— Что вы предлагаете, лорд Паллиако?

— Я куплю любую книгу об этой эпохе. Если они продаются — я заплачу сверху. Если можно только скопировать — я найму писца, но тогда консультанту достанется меньше. Меня интересует все о падении драконов, особенно... Там есть фраза о Праведном Слуге — мне бы хотелось узнать о нем подробнее.

— Могу я спросить о причине, милорд?

Гедер открыл было рот, но не сразу нашелся с ответом. Он никогда прежде об этом не говорил — было не с кем, да и незачем.

— Потому что там речь... об истине, — отважился он. — И предательстве. Мне интересно.

— Не нужны ли вам риторические рассуждения на ту же тему? У нас есть прекрасное исследование о природе истины — Асиния Секундус, эпоха Второго захвата Алфина.

— Философия? Могу взглянуть, но мне больше подошел бы трактат.

— Да, вы говорили. Умозрительный трактат, — с едва заметным вздохом произнес ученый.

— Вас что-то не устраивает?

— Нет-нет, милорд, — выдавив улыбку, заверил собеседник. — Сочтем за честь вам помочь.

* * *

Моя точка зрения такова: в отсутствие подлинных документов эпохи нам остается изучать деяния тех, кто позже претендовал на мантию драконьей империи, и по деяниям судить о примерах, которым они следовали. Лучший из таких примеров — загадочная осада Аастапала. Непосредственное изучение руин так и не выявило, кем был разрушен город: наступающими войсками великого дракона Морада или, что более спорно, находившимися в городе войсками его собрата по кладке, Иниса.

При явной недостаточности прямых свидетельств мы можем обратиться к более признанным фактам за последующую тысячу лет. Нам известно, как действовал великий полководец-ясурт Маррас Тока в четвертой кампании Священного Очищения, а также Антипат Линникский, именуемый Хараррсин Пятый, в битве за Ашен-Дан и королева Эрратианпадос при осаде Кажамора. В каждом из этих случаев полководец военного времени, претендующий на родство с последним драконом-императором, предпочел разрушить город, чтобы не отдать его под власть врага. Если, как я пытаюсь показать, они сознательно следовали примеру последней великой войны драконов, то мы должны предположить, что

Аастапал был разрушен Инисом, решившим не уступать город Мораду, а не самим императором, как гласит общепринятая версия.

Гедер поднял голову. Доводы его не убеждали. Во-первых, две битвы из трех ему были неизвестны, а во-вторых, после падения драконов история знала столько боев, войн и осад, что какую версию ни выдвигай — батальных примеров хватит на любую. Подбери другие сражения и других вождей — и докажешь обратный случай. А уж на родство с драконами претендовал и вовсе каждый третий тиран.

И все же, пусть с оговорками, оборот рассуждений в тексте завораживал: если сведений нет и факты утрачены навсегда — можно искать отголоски в других событиях и по ним восстанавливать прошлое. По кругам на поверхности озера видеть, куда упал камень. Гедер, встрепнувшись, окинул взглядом комнатушку: чернила еще есть, а вот куда подевалось перо... Он метнулся к охалке хвороста у жаровни, схватил тонкую щепку и, вернувшись к раскрытой книге, обмакнул грубое острие в черную, как ночь, жидкость. Рука бережно вывела на полях: «По кругам на воде видеть, куда упал камень».

Довольный, он откинулся на стуле. Найти бы теперь хоть какие-то упоминания Праведного Слуги...

— Милорд, вам на пир к лорду Клинну, — напомнил появившийся в дверях оруженосец.

Гедер вздохнул, кивнул и бросил щепку в огонь. На пальцах остались чернила, пришлось вымыть руки — хотя мысли блуждали далеко. Оруженосец облачил его в парадные одежды и новый кожаный плащ, чуть ли не силой довел до дверей и выпроводил на улицу.

В Кемниполе главным праздником зимы была годовщина восшествия на престол короля Симеона. Королевский выбор падал на одну из знатных семей — которой один вечер празднования мог обойтись в сумму, сравнимую с полугодовым доходом, — и двор слетался на пир, как вороны на поле битвы. Гедер бывал на таких застольях дважды и оба раза возвращался домой чуть не больной от обилия еды и вина.

В Ванаях сэр Алан Клинн решил поддержать обычай, устроив грандиозный пир и принудительные народные празднества.

Парадные светильники, зажженные в узких улочках, отбрасывали странные тени, резкие тимзинские голоса где-то выводили песни под аккомпанемент флейт и барабанов. Толстощекая женщина катила по улице бочку, гулко бьющуюся о камни мостовой.

Гедер прошел мимо ванайских женщин и мужчин в лучших нарядах; на покрасневших от ветра лицах застыло одинаковое выражение вежливой радости. В домах по всей улице горел свет, двери стояли гостеприимно распахнутыми настежь — но нигде ни флагов Антеи, ни фейерверков. Год назад ванайцев не очень-то заботило, в какой такой день король Симеон принял корону, и стоит антейским солдатам уйти — ванайцы забудут дату с той же беззастенчивой легкостью, с какой приняли нынешние торжества. Не праздник — подделка. Как олово, выдающее себя за серебро.

В прежнем герцогском дворце Клинн отвел под застолье длинный зал для приемов, в которой расположилась антейская знать. Здесь оведал лица нагретый воздух, на столах громоздились традиционные антейские блюда — оленина в мятном соусе, паштет из форели на обжаренных хлебцах, вываренные в вине цепочки колбас. Звон голосов оглушал; выкрики, приветствия, вопросы и ответы громом отражались от высоких сводчатых потолков. Певцы, перекрикивая один другого, расхаживали между столами в надежде выманить у захмелевших антейцев побольше монет. Старый слуга с красно-серой — цветов Клинна — повязкой

проводил Гедера к тесноватому столику подальше от огромного камина, в котором пылало и брызгало искрами чуть не целое дерево. Плащ снимать Гедер не торопился — тепло от очага сюда почти не доставало.

Юная рабыня подала ему тарелку еды и широкую хрустальную чашу с темным пивом, пахнувшим дрожжами. Посреди разгула и кутежа он безучастно что-то жевал, раздумывая об истине и предательстве, войнах и истории. Высокий стол, за которым рядом с Аланом Клинном сидели Госпей Аллентот и полдюжины прочих фаворитов, казался не более чем кораблем на дальнем горизонте. Гедер даже не заметил, как рядом появился Давед Броот, и поднял глаза только тогда, когда тот плюхнулся на скамью.

— Паллиако, — кивнул младший Броот.

— Приветствую, — буркнул Гедер.

— Шикарный плащ. Новый?

— Недавний.

— Тебе идет.

Исчерпав темы для беседы, Броот взял тарелку и принялся усиленно набивать рот, хотя и без видимого удовольствия. Гедер даже слегка позавидовал такой методичности. Через считанные минуты, когда к столу подходили Джорей Каллиам и сэр Афенд Тиллиакин — еще двое нелюбимцев Клинна, — Броот уже послал за второй тарелкой.

— И как твой отец на это смотрит? — спросил Тиллиакин, усаживаясь рядом с Джореем.

Тот покачал головой.

— Выводы делать пока не время. — Джорей принял у слуги тарелку с олениной и кувшин вина. — Слишком рано.

— А все-таки этот банкир, магистр Иманиэль, на волю теперь выберется не скоро, — продолжал Тиллиакин. — Лорд Клинн, поди, места себе не находит — такой караван упустить.

Все драконы, все обжорство, все круги на воде тут же выветрились у Гедера из головы. Он припал к пиву, заслоняясь чашей и соображая, как бы незаметно выпытать у друзей, о чем речь, — как вдруг его опередил Броот.

— Вы о письме Тернигана?

— Отец Джорея в столице, все знает, а из Джорея и слова не вытянешь.

Гедер прокашлялся.

— Терниган прислал письмо? — Голос прозвучал выше и резче, чем хотелось.

— Величиной с полкниги, если верить рассказам, — засмеялся Тиллиакин. — Сундуки с добычей, которые Клинн отправлял ко двору, кое-кто счел слишком легкими. И Терниган желает знать причины. Насколько я слышал — он пришлет своего человека, чтобы сверить отчеты Клинна и посмотреть, не присвоил ли он лишнего.

— Этого пока не будет, — сказал Джорей. — По крайней мере еще никого не послали.

У Броота поползли вверх брови.

— Значит, все-таки слышал, — кивнул Тиллиакин. — Так и думал, что ты что-то скрываешь.

Джорей сочувственно улыбнулся:

— Я ничего толком не знаю. Отец сказал, что при дворе недовольны ванайской кампанией — вроде бы она не так прибыльна, как ожидалось. Но это пока придворные сплетни, Клинна король еще ни в чем не обвинил.

— Но и не оправдал ведь? — наседал Тиллиакин.

— Нет, — подтвердил Джорей. — Не оправдал.

— Терниган его не отзовет, — пробурчал Броот, жуя очередную порцию колбасы. —

Тогда ведь оба будут выглядеть идиотами.

— А если отзовет — то уж скоро, ждать не придется. Интересно, кого поставят на его место? — Тиллиакин со значением посмотрел на Джорея.

Гедер переводил взгляд с одного на другого, мысли метались, как сорвавшийся с цепи пес. Настойчивые усилия Клинна взыскать как можно больше налогов теперь предстали в новом свете. Может, он не только хотел посильнее отравить жизнь Гедеру — все собранное наверняка шло в Кемниполь вместо богатств, исчезнувших вместе с караваном. Клинн пытался вернуть себе расположение короля.

В такую добрую весть почти не верилось. Потому что если это правда, если стараниями Гедера сэра Алан Клинн и впрямь попал в королевскую немилость...

— Мне кажется, из Джорея выйдет отличный герцог для Ванайев, — заявил Гедер.

— Раны Господни, Паллиако! — чуть не задохнулся Броот. — Только не вслух, кругом люди!..

— Прошу прощения, — пробормотал Гедер. — Я всего лишь хотел...

От главного стола донесся шум — полдюжата комедиантов в шутовских костюмах жонглировали кинжалами, в мелькающих клинках отражалось пламя камина. Сидевшие за столом посторонились, освобождая место для представления, и Гедеру стало видно Алана Клинна. Сквозь плотное облако клинков Гедер заметил и зажатые плечи, и преувеличенно радостную улыбку, и затравленный взгляд. Если все правда — то именно он, Гедер Паллиако, тому причиной. И более того: Клинн никогда об этом не узнает. Не проследит, откуда пошли круги по воде.

Гедер рассмеялся и захлопал в ладоши, усиленно делая вид, будто его захватило представление.

Вечер с катанием на коньках и наступивший после него день, полный бессильного страха, остались в прошлом, теперь все ночи Китрин стали похожи одна на другую. Сначала — безмерная усталость. Позже, когда свернешься калачиком среди тюков шерсти — благословенные минуты отдыха. Дальше — глаза бессонно распахнуты, судорожно мечутся мысли, бешено бьется сердце. Воображение рисует молодого толстяка антейца, который снова нашел спрятанные ларцы, только на этот раз позвал солдат. Сандр убит, Опал зарезана, мастер Кит пронзен стрелами — алые капли стекают на снег. Маркус Вестер отдает Китрин солдатам, те в обмен отпускают караван. А потом... потом солдаты принимаются за Китрин. Оттого, что всего воображаемого не случилось, страх обретал некую сверхъестественную мощь — будто нежданное спасение наложило на Китрин долг, расплатиться за который выше ее сил.

Чтобы отвлечься, она вспоминала магистра Иманиэля, банк, законы торговли, принципы страхования, хитрости и тонкости — все, что напоминало о доме. Сон все равно не приходил, но иллюзия того, что мир подчинен законам и им можно управлять, делала холодные бессонные ночи более сносными. При первых рассветных лучах на Китрин вновь наваливалась усталость, тяготящая плечи как кованый доспех, однако приходилось вставать и собирать силы на очередной невыносимый день. К прибытию в Порте-Оливу явь смешалась с бредом, на краю зрения то и дело мелькали красные пляшущие зверушки, в мозгу кружились мысли одна невероятнее другой — что банковские книги надо для безопасности съесть, что у мастера Кита выросли крылья и он упорно их прячет от окружающих, что Кэри собирается ее убить из ревности к Сандру...

О Порте-Оливе на южной границе Биранкура Китрин знала только по рассказам. Говорили, что город живет торговлей — за счет караванов с востока, доходящих сюда через Вольноградье, и за счет кораблей с запада, предпочитающих обходить стороной берега Кабраля, где свирепствуют пираты. Главный же доход Порте-Олива получала как промежуточный порт на пути между Лионеей и Наринландией. Магистр Иманиэль называл Порте-Оливу «всеобщим запасным вариантом» — и по тону было понятно, что роль не так уж плоха. Китрин представляла себе город с непростыми нравами и обостренным местным гонором.

Даже сам въезд в Порте-Оливу был странен: долгий путь по холмам и заснеженным дорогам, а потом вдруг рядом с фургоном возникает мальчишка-куртадам, лоснящийся, как выдра, и начинает кланяться милостыню, а вокруг невесть откуда появляются здания. Кроме Ванайев и Порте-Оливы, настоящих городов Китрин не видела, и эти два различались во всем: вместо деревянных ванайских построек здесь каменные дома, вместо каналов с пресной водой — соленое море. Город предстал скопищем узких улочек с высокими белыми арками, где витал смешанный запах навоза и морской соли и слышались голоса чистокровных цинн, щебечущих как птицы. Китрин даже помнила, будто караван проехал сквозь туннель в высокой стене — как в старых сказках про мертвецов, попадающих из одного мира в другой, — но был ли то сон или явь, Китрин не знала.

И даже не помнила, как наняла Маркуса Вестера с Ярдемом в личные охранники, и уж точно не представляла, зачем она это сделала.

Капитан мерил шагами каменный пол. На тюфяке у стены похрапывал Ярдем Хейн.

Китрин, очнувшись от дремоты, в сотый раз оглядела две полутемные комнатухи. В жаровне потрескивал огонь, бросая красно-оранжевые отсветы на дальнюю стену, пахло сосновым дымом. Окно, затянутое скобленным пергаментом, пропускало тусклый грязный свет. Ларцы, с такими предосторожностями вывезенные из Ванайев, громоздились вдоль стен, как товар в дешевой лавке, самое ценное — примерно десятую часть, больше не влезло — переложили в тяжелый железный сейф.

Китрин села на постели. Тело ломило, зато в голове почти прояснилось.

— Доброе утро, — вежливо кивнул Маркус Вестер.

— Долго я спала?

— Часа три. Полдень еще не скоро.

— Еда есть?

— Колбаса с ужина. — Маркус мотнул головой в сторону покоробленной дубовой двери, что вела во вторую комнату.

Китрин поднялась. В прежней жизни после трех часов сна она едва продержалась бы до вечера, теперь же любой сон казался роскошью.

В задней комнатухе, не имевшей окон, девушка зажгла огарок свечи. На дощатом настиле громоздились банковские книги — душа и память ванайского банка, — рядом высился грубый дубовый стол с кувшином воды и куском сероватой колбасы. От жестяного ночного горшка в углу шла вонь; Китрин справила нужду и, высыпав в горшок горсть-другую углей, закрыла крышку. От колбасы она ничего хорошего не ждала, однако отрезанный кусок оказался на удивление неплох: мясо пахло яблоками и чесноком, и Китрин, опершись о стол, принялась жевать.

Такая жизнь продолжалась вот уже почти две недели. Маркус охранял сокровища днем, Ярдем ночью, в городе старались показываться как можно реже. Сидели в полутьме — при тусклом свете из окна, в отблесках жаровни или свечей — и выходили разве что в соседнюю комнатуху. Еду покупали на деньги капитана: все, что он выручил от продажи шерсти, фургона и мулов, поместилось в небольшой кошель, который лежал теперь у входной двери. Мулов продали задешево — Китрин решила, что та женщина из первокровных лучше о них позаботится.

По мулам Китрин скучала.

Она провела рукой по грязным обвисшим волосам, оглядела одежду — ту самую, в которую ее обрядили в банке, когда она стала погонщиком по имени Таг.

— Мне нужна одежда, — сказала Китрин, выходя обратно в большую комнату. — Не до весны же это носить.

— Хорошо, — кивнул капитан. — Только не отходи далеко, пока не осмотришься. И не привлекай к себе внимания. Чем меньше людей знают, что мы здесь, тем безопаснее.

Он говорил каждый раз одно и то же, будто Китрин могла забыть прошлые наставления. Тралгут, шевельнувшись во сне, вздохнул. Китрин сунула кошель в карман и открыла дверь — дневной свет обрушился на нее как ливень.

— Китрин!

Девушка обернулась. Капитан перемешивал клинком угли, по-прежнему озабоченно глядя на Китрин.

— Осторожнее там.

— Я знаю, чем мы рискуем, — ответила она и шагнула на улицу.

Соляной квартал мало чем отличался от лабиринта. Двухэтажные дома стискивали

улучки так, что проходим едва хватало места разойтись, изгибы холма определяли всю застройку — вдаль ниоткуда не глянешь, из отходящих от перекрестка проулков любой может оказаться тупиком. Воздух полнился голосами куртадамов, цинн и первокровных, и если где-то муж кричал на жену — эхо разносило гневные интонации, пусть и с размытыми от дальности словами, по всему кварталу.

В окнах и дверных проемах то и дело мелькали дети — гибкие, как кошки. Оттепель последних дней растопила грязный снег; остались черные лужи, подернутые тонким ледком. Кроме той дороги, по которой шла Китрин, в город наверняка вели тысячи проулков, но других путей она не знала и потому предпочитала никуда не сворачивать. Подойдя к знакомому перекрестку пяти дорог, она выбрала ведущую на северо-восток улицу, которая шла к главному рынку и морским докам — источнику всех доходов Порте-Оливы.

Вместо рынка на открытой площади, как в Ванайях, здешняя торговля кипела в многочисленных крытых галереях, соединенных переходами. На подступах к торжищу грубый булыжник мостовой сменился светлыми плитами, над головой вознеслись своды, соединенные, как ладони в молитве, а между их каменными и железными пальцами открывались в небо огромные окна, струящие свет внутрь галерей. Мужчины и женщины пели и играли на флейтах, кукольники разыгрывали нехитрые сценки, в которых мелькали имена местных купцов и политиков. Слуги из дворцов и богатых домов проталкивались сквозь толпу, придерживая на головах ивовые корзины с припасами для обедов знати. Мелкие ростовщики — ничтожная рыбешка по сравнению с монстром вроде Медеанского банка — расставляли на зеленом сукне весы и гири, моряки и путешественники приходили с берега поглазеть на суету, потолкаться среди публики. Торговцы расхваливали товар: хлеб и рыбу, мясо, холст, пряности, советы по духовному самосовершенствованию, — всякий раз в новом сочетании.

Каждое утро, еще до рассвета, торговцы выстраивались у больших павильонов в ожидании гвардейцев ее величества, доставлявших узорные железные ларцы из дворца наместника. Каждый торговец платил пошлину и вытаскивал из ларца билет с указанием, в какой из тысяч ниш и палаток ему сегодня торговать. Никому из ростовщиков, пекарей, мясников и фермеров не позволялось сохранять за собой постоянное место. По крайней мере официально. Китрин видела действие всего дважды, но почти не сомневалась: такая четко отлаженная напоказ система, призванная убеждать публику в честности выбора, наверняка не обходится без подкупа.

Готовясь к долгим поискам, она купила себе мешочек подогретого на огне изюма и медовых орешков, однако лавка портного нашлась почти сразу — всего в пяти нишах от того места, где Китрин ее видела прежде. Лавкой заправлял чистокровный цинна — высокий, тонкий и бледный, с перстнями на всех пальцах и с зубами такими острыми, будто их специально наточили. В центре полукруга из пяти столов стоял шестой, с лучшим товаром. Китрин замедлила шаг и окинула взглядом три платья, словно из любопытства. Цинна, стоя в стороне, кричал на женщину из первокровных — та, скрестив на груди руки, метала в него яростные взгляды. Между ними стоял ящик светлого дерева, потемневший от воды.

— Посмотри! Только посмотри, всю краску размыло водой! — кричал торговец.

— Не я же их с лодки сталкивала!

— И не я!

— Ты подписал контракт на десять платьев — вот тебе десять платьев!

— Я подписывал контракт на платья, которые можно продать!

Китрин подступила ближе. Платья, простые на вид, явно побывали в морской воде, ткань пошла желто-синими, местами бледно-розовыми разводами, по всей поверхности виднелись белые пятна, словно кто-то бросил сверху горсть песка. Цинна, сощурившись, смерил девушку раздраженным взглядом.

— Тебе что-то нужно?

— Платье, — ответила Китрин, жуя изюм. В ответ на недоверчивый взгляд она достала из кармана кошель и открыла его перед торговцем — серебряные монеты блеснули в солнечном свете.

Купец пожал плечами.

— Выбор у меня хороший, — начал он и, отвернувшись от по-прежнему разъяренной фурии, взял платье со среднего стола. Бело-голубое, с вышитыми рукавами, оно казалось сотканным из лавандовых лепестков. Купец разгладил ткань. — Самое лучшее. Дороговато, но того стоит. За сто двадцать серебряных монет ты красивее не найдешь на всем рынке. Подгоним по фигуре бесплатно, разумеется.

Китрин покачала головой.

— Вы его не продаете.

Торговец, который уже укладывал платье на стол, замер от неожиданности.

— Вы его не продаете, — повторила Китрин. — Оно здесь для того, чтобы следующее казалось дешевым. Какое вы предлагаете после? Розовое? Если начальная цена сто двадцать, то за розовое вы просите... сколько? Восемьдесят?

— Восемьдесят пять, — мрачно отозвался цинна.

— Тоже, конечно, неоправданно дорого. Я дам вам сорок пять — покроете стоимость и возьмете немного прибыли.

— Сорок пять?!

— Хорошая цена. — Китрин отправила в рот еще пригоршню изюма.

У купца слегка отвисла челюсть, фурия у ящика презрительно фыркнула. Китрин вдруг почувствовала тепло в груди, как от первого глотка крепкого вина, и улыбнулась — впервые за много дней.

— А если отдадите за сорок, я вам помогу продать с выгодой вон те. — Она кивнула на испорченные платья.

Торговец, скрестив руки на груди, отступил — Китрин испугалась было, что перемудрила, однако в глазах цинны мелькнул интерес.

— И что ты предлагаешь с ними сделать?

— Сорок.

— Докажи.

Китрин, подойдя к ящику, перебрала платья. Все одного фасона, дешевая ткань, оловянные крючки, нитяные петли, узкая вышитая полоса на рукавах и по вороту.

— Из каких стран сюда возят меньше товаров? — спросила она. — Из Халлскара?

— Да, оттуда мало что бывает, — согласился купец.

— Тогда замените крючки серебряными, вот тут у ворота пришейте стеклянные бусины. Три или четыре, поярче, чтобы бросалось в глаза.

— Серебро и бусы? На эти тряпки?

— Именно. С серебром и бусами они уже не тряпки. Назовите это... не знаю... халлскарское солевое окрашивание. Новый способ, очень редкий. Уникальные платья, единственные на всем рынке. Просите двести монет серебром, торгуйтесь до ста пятидесяти.

— Да неужто столько заплатят?

— А почему бы нет? Когда у товара нет аналогов, его цену никто не знает. Значит, можно продать за сколько угодно.

Цинна покачал головой — задумчиво, но без недоверия. Брови фурии ползли по лбу все выше. Китрин не спеша вытащила из мешочка медовый орешек и, дав цинне подумать несколько мгновений, добавила:

— Если хоть один человек этому поверит, вам окупятся десять платьев сразу — со всеми крючками, бусинами и остальным. А если поверят двое...

Купец перевел дух.

— Ты знаешь о платьях поразительно много.

«Да ничего я не знаю о платьях», — чуть было не отмахнулась Китрин. Торговец хохотнул и, схватив розовое платье, с картинной досадой бросил его девушке.

— Сорок, — объявил он и повернулся к фурии. — Видала? Посмотри на это лицо. Опаснейшая женщина.

— Верю, — кивнула фурия. Китрин, улыбаясь, отсчитала монеты.

Спустя час она шла по полуоткрытым переходам главного рынка, локтем прижимая к себе новое платье, туго сложенное розовым свертком, — и мир вокруг был добр и прекрасен. Платье нужно будет подогнать по фигуре, но это не важно. Больше, чем обновке, Китрин радовалась тому, что ее называли опаснейшей женщиной.

Солнце только начало клониться к западу, и Китрин направилась к городским баням — провести час среди горячей воды и пара. И потратить монету-другую на бальзам от вшей и блох, которыми она обзавелась в дороге и потом здесь, в тесных комнатушках. Бани стояли на северной стороне широкой площади, где вздымались в небо высокие, как деревья, колонны, неизвестно для чего предназначенные, — крыши над ними не было так давно, что колонны покрылись бороздками от дождей. Открытые участки площади застилала коричневая, мертвая после зимы трава, на ошестинившихся кустах застряли сухие листья и клочки ткани. Китрин прошла мимо повозки, с которой торговали горячим супом, и мимо тощего куртадама с парой марионеток, танцующих на полу возле нищенской миски. На другой стороне площади бродячий театр только что разложил свой фургон и превратил его в сцену, к немалой досаде двух стоявших рядом кукольников. Над головами кружили голуби. Несколько циннийских женщин шли по площади — бледные, хрупкие и прекрасные, с голосами, звенящими, как музыка, и в платьях, колышущихся, как водоросли в морском приливе. Китрин захотелось за ними понаблюдать — но так, чтобы ее не заметили. Она никогда толком не знала чистокровных цинн, а ведь ее мать была такой же, как эти женщины.

Циннийки повернули к широкой лестнице, ведущей к баням. Китрин двинулась было за ними, как вдруг замерла, услышав знакомый голос.

— Стойте!

Она повернулась.

— Остановитесь! И подойдите ближе! Услышьте сказание об Алерене Убийце и драконьем мече! Кому недостает храбрости, пусть идет прочь!

На сцену фургона вышел старый актер — торчащая вперед борода, высоко зачесанные волосы, яркие театральные одежды. Его голос гремел над площадью, завихриваясь вокруг огромных колонн. Мастер Кит. Ведун. Никаких сомнений. Китрин подошла ближе, не веря своим глазам. Десяток горожан остановились, привлеченные словами актера, вокруг тут же

столпились другие. Китрин замерла на траве, не сводя с фургона изумленных глаз. На сцену вышла Опал в платье, которое делало ее на десяток лет моложе, затем выступил Смитт в шляпе простого работяги и с нордкостским выговором. Следом появился Шершень в золоченом доспехе, а за ним — с повелительным видом, словно ему принадлежит весь мир, — Сандр. Китрин смеялась от восторга и хлопала в ладоши, за ней остальные зрители. Микель и Кэри, стоящие среди публики, радостно ей закивали. Поймав взгляд Кэри, Китрин жестом изобразила вынимаемый из ножен меч и затем кивнула на сцену: мол, я же считала вас охранниками, а вы актеры? Кэри кокетливо повела головой, присела в едва заметном реверансе — и вернулась к работе: подбадривать криками Алерена Убийцу и освистывать Оркуса, повелителя демонов.

На продуваемой зимним ветром площади было зябко; к концу первого акта у Китрин замерзли уши и покраснел нос. Плотнее запахнув одежду, она обхватила себя руками, однако уходить и не думала. Иная реальность раскрывалась перед ней, как цветок по весне: стражники каравана, с которыми она провела целые месяцы, обратились вдруг в актеров, а актеры — в персонажей пьесы, и когда Алерен Убийца вонзил отравленный меч в живот Оркусу, от Сандра и мастера Кита в ее памяти осталась лишь полузабытая тень, почти вытесненная новым обликом людей на сцене. Наконец раздались негромкие, но сердечные аплодисменты, и Китрин бросила несколько медяков на сцену, где уже дождем плясали монеты от остальных зрителей.

Как только сцену разобрали, Опал с Микелем и Смиттом, радостно улыбаясь, подошли к Китрин — поделиться новостями. Да, они актеры, и в караване только изображали стражников. Кэри даже произнесла начальный монолог пьесы, которую они сочинили по следам приключений. А Китрин шепотом, чтобы никто не подслушал, рассказала о том, что живет в двух комнатухах с Маркусом и Ярдемом, — и Опал тут же пустилась сыпать непристойными шутками так, что Смитт смущенно зарделся, а остальные вконец изнемогли от хохота.

Сандр, грозно насупившись, не отходил от фургона и старательно делал вид, что не смотрит в их сторону. Китрин, улизнув от развеселой компании, подошла к нему сама — вдруг он обиделся, что она смеется с другими и не обращает на него внимания.

— Надо же, как вышло, — улыбнулась она. — И ты молчал!

— Да, — буркнул Сандр, глядя в сторону.

— Я и не знала. А ты отлично играешь!

— Спасибо.

Послышался голос мастера Кита, и Сандр налег на веревку — сцена поднялась на ребро, встав вплотную к борту фургона. Отвязывая веревку, Сандр мельком взглянул на Китрин и сразу отвел глаза.

— Дел много, надо закончить. Я пойду.

Китрин отступила на шаг, вся радость испарилась.

— Извини, — выдохнула она. — Я не хотела...

— Ничего, — пробормотал Сандр. — Я... мне надо...

Он мотнул головой и, нырнув под перекладину, которую тащил Смитт, зашагал прочь.

Китрин обернулась к площади. Молочно-белое небо уже не казалось таким приветливым, и Китрин толком не знала, что делать: то ли вернуться к актерам, то ли уйти. Кто она здесь — желанный гость или помеха? Ей вдруг стало нестерпимо стыдно за потрепанную одежду и грязные волосы.

— Дело не в тебе, — произнес сзади женский голос: Кэри обошла ее сзади и теперь стояла рядом. Та самая Кэри, которая выпытывала у Ярдема про подходящее для женщины оружие. Кэри, которая закидывала лук на плечо так, будто прошла десяток войн. Кэри, которую Китрин совсем не знала.

— Какое дело?

— Сандр. — Кэри кивнула куда-то в дальний конец площади. — Он теперь на главных ролях, а стоит актеру попасть в главные — он на первые годы становится порядочной свиньей.

Там, куда мотнула головой Кэри, стоял с лучезарной улыбкой Сандр, окруженный тремя девушками в простой одежде. Одна из них тронула его за руку — пальцы мелькнули как крылья бабочки, что боится присесть на цветок. Сандр, улыбнувшись девушке, скользнул взглядом по ее груди.

— Я и говорю — дело не в тебе, — повторила Кэри.

— Мне все равно, — выдавила Китрин. — Он мне не нужен. Просто я не знала... Тебе есть я думала...

— Мы все так думаем в первые несколько раз. Я тебе сочувствую. И ради тебя всыплю песка ему в пиво.

Китрин заставила себя рассмеяться сквозь знакомый комок в груди — она даже не заметила, когда он появился.

— Незачем. Его не изменишь, таков он по природе.

— Мудрые слова, сестра моя. Хочешь, пойдём с нами? На закате играем еще одну пьесу, на этот раз у дворца наместника.

— Нет, — выпалила Китрин и, чтобы сгладить резкость, добавила: — Нет, мне нужно в баню, а после скорее домой, пока капитан не встревожился.

— Ну, тогда удачи тебе. Тревога — часть его природы. Тревога или как минимум настороженность: родился таким... Рада была тебя повидать.

Китрин, кивнув, зашагала вверх по широкой лестнице. Из банных дверей валил пар, слышались голоса — кто-то спорил, кто-то пел. Челюсть болела от усилий, Китрин заставила себя разжать зубы. И вдруг повернула прочь. Мелькнуло смутное желание добежать до фургона, посмотреть — с кем разговаривает Сандр, не глянет ли в ее сторону. Может, если...

От песка, поднятого холодным ветром, увлажнились глаза, пришлось смахнуть слезы. По дороге домой Китрин зашла в таверну и выпила кружку такого же крепленого вина, какое Сандр принес тогда к пруду, только нынешнее не шло с тем ни в какое сравнение.

— Что случилось? — бросил капитан Вестер, когда она вошла. — Тебя долго не было.

— Ничего, — ответила она. — Все хорошо.

Кавинполь казался Доусону Каллиаму уродливым. Город торчал враскорячку над рекой Удер, уперев ноги в берега, заставленные серо-красными домами. Питались здесь луком и рыбой, выловленной в водах, куда выходили сточные канавы. Из-за морозов, многократно сменявшихся оттепелью, на мостовых тут и там зияли лужи полумерзлой грязи, в которых оскальзывались кони. И в центре этого великолепия, отделенное от города высокой стеной, красовалось хваленое поместье лорда Тернигана, больше похожее на заурядный сад с лужайками. В любой другой год Доусон, без сомнения, предпочел бы остаться дома с Кларой и любым из приехавших на зиму сыновей, чем тащиться в Кавинполь ради королевской охоты.

Нынешней зимой, правда, охота была иная. Прирученные олени и выращенные в курятнике перепела несколько Доусона не привлекали, зато частных бесед с королем здесь добиться куда проще, особенно если сам король их желает.

— Проклятие, Каллиам. Я пытаюсь сохранить мир, а ты убиваешь людей на улицах?

Потолок королевской приемной, выгнутый сводом и изрядно закопченный, терялся высоко в тени, огромные окна из стекла и железа хвастливо глядели на город. Вычурно-безвкусная архитектура была призвана олицетворять славу и силу — под девизом «Или величие, или комфорт, но одно из двух».

Доусон взглянул на друга детства. Нынешняя зима заложила горькие складки в углах монарших губ и убелила виски первым инеем — а может, Доусон просто не позволял себе раньше замечать, как стареет и слабеет король. Усыпанные камнями одежды Симеона — и даже сам венец — казались более легковесными, чем осенью, словно власть и величие стали пустой формой, как сухой кувшин без воды.

Доусон знал, что и Симеон, и этикет сейчас требовали лишь одного ответа: «Простите, сир».

— Каждый раз, когда в Кемниполе забивают свинью, проливается кровь куда более благородная, — ответил Доусон. — То были головорезы Иссандриана.

— Есть свидетельства?

— Доказать, конечно, не могу, но мы оба знаем правду. Если не Иссандриан, то Маас, разница невелика. Будь они обычными уличными громилами, тебе не пришлось бы в голову меня отчитывать.

Повисло молчание. Симеон поднялся, подошвы сапог шаркнули по каменному полу. Дрогнули гобелены — королевские охранники несли молчаливую стражу. Доусон предпочел бы остаться с королем наедине: стражники, конечно, всего лишь слуги, но они ведь люди...

— Ваше величество, — официально произнес он, — по-моему, вы недооцениваете верность ваших подданных, в том числе мою собственную. Я всю зиму провел в частных беседах с высокородными вельможами Антеи. Сторонников у вас гораздо больше, чем у Иссандриана с его сворой.

— Иссандриан и его свора — тоже мои подданные, — проронил Симеон. — Я мог бы возразить, что сеять смятение — значит действовать против меня.

— Мы — за тебя, Симеон. Те, с кем я говорил, объединились во имя короля. И я мечтаю только об одном — чтобы ты был с нами.

— Если я объявлю войну нескольким аристократам лишь потому, что у них сейчас есть

сила...

— Разве я об этом? Симеон, я потратил месяцы на лесть и обещания всем, кто имеет хоть какое-то влияние на Тернигана. Он готов отозвать Клинна из Ванайев и ждет лишь твоего согласия.

— Если я сейчас встану на чью-то сторону, дело кончится кровопролитием.

— А если не встанешь, то королевство ждет вечный мир и счастье? Не смеши.

— Драконы...

— Драконы погибли не из-за войны. А из-за того, что войну никто не возглавил. Семье нужен отец, королевству — король. Ты должен быть во главе событий, а если нет — люди выберут другого вождя. И вот тогда-то останется одно: путь дракона.

Симеон покачал головой, и в его глазах отразилось пламя камина. За окнами кружил зимний ветер, поднимая снежинки, похожие на частички пепла.

— Семье нужен отец, — повторил король то ли с удивлением, то ли с горечью. — Когда Элеора умирала, я обещал позаботиться о нашем сыне. Не о принце — о сыне.

— Как ни крути, Астер принц.

— Не будь он принцем, он все равно был бы моим сыном. У тебя есть дети. Ты меня понимаешь.

— У меня три сына и дочь. Барриат — капитан корабля на службе у лорда Скестинина, Викариан учится на священника, Джорей сейчас в Ванаях. Элисия три года назад вышла замуж за старшего сына лорда Аннерина, с тех пор я о ней почти не слышал. И никто из них, Симеон, не заставил меня исполниться робости. — Помолчав, Доусон добавил мягче: — А с тобой что произошло?

Симеон усмехнулся:

— Я стал королем. Пока мы играли во власть на дворцовых лужайках и на полях битвы, все было прекрасно. Потом отец умер, игры кончились. Клика Иссандриана — не единственная моя забота. Халлскар опять стал привечать бандитов. В Нордкосте грядет очередная война за наследство, и Астерилхолд поддерживает обе стороны. Из Эстинфорда присылают слишком мало налогов — то ли кто-то ворует, то ли у фермеров непорядок. А ведь Астеру скоро этим управлять.

— Не так уж скоро. Мы немолоды, но сил нам пока хватит. А выход тебе известен не хуже, чем мне. Найди людей, которым можешь довериться, и доверься.

— Взамен Иссандриана с его кликой предлагаешь себя с сообщниками? — холодно спросил король.

— Да. Именно так.

— Лучше держись в стороне. Пусть затеянное Иссандрианом развалится изнутри.

— Не развалится.

Король Симеон взглянул на Доусона — в глазах мелькнул то ли гнев, то ли радость, то ли отчаяние. Доусон медленно опустился на одно колено в знак подчинения королю, однако вздернутый подбородок и расправленные плечи таили в себе вызов. «Вот моя верность. Заслужи ее».

— Тебе пора идти, старина, — вымолвил король. — Я должен отдохнуть перед пиром. И подумать.

Доусон встал, молча поклонился и вышел.

Несуразный замок лорда Тернигана целыми столетиями возводили бесчисленные зодчие, явно враждовавшие друг с другом во взглядах на архитектуру. В результате

получился лабиринт. Неожиданно возникали на пути дворики и площади, бесконечно петляли переходы и галереи, огибая давно разрушенные препятствия, — только и жди кинжального удара из темного закоулка.

Королевский прислужник накинул на Доусона черный шерстяной плащ, уложил на плечах складки и поклонился. Барон вышел во двор, направляясь к отведенным ему покоям, Винсен Коу шагал следом. Доусон не проронил ни слова, егерь тоже молчал, лишь поскрипывала в такт шагам кожа перевязи. Они пересекли двор, миновали череду навесных галерей и перешли через ровный широкий мост, с которого их чуть не снесло ветром, как воробьев в ненастье. Доусон намеренно выбирал неудобные — то есть менее людные, а то и вовсе пустынные — пути: если Иссандриан и Маас хотят его смерти, незачем облегчать им задачу.

Терниган по доброте отвел Каллиаму отдельный дом, некогда принадлежавший королевской фаворитке. От каменных стен веяло грубой чувственностью, сады вокруг, наверняка буйно цветущие по весне, сейчас топорщились голыми ветками. Однако в случае опасности дом давал надежное убежище, чего Доусон не мог не оценить.

Сбросив в передней плащ и отпустив телохранителя, барон вошел в полутьму натопленных комнат, где витал запах мятного чая и слышался женский плач.

На краткий миг ему почудилось было, что плачет Клара, однако голос жены Доусон знал слишком хорошо — плакал сейчас кто-то другой. Он пошел на звук, потом расслышал и утешающий голос Клары, доносящийся из будуара давно почившей фаворитки. Клара сидела на низком диване, ее кузина Фелия — баронесса Эббинбау и жена ненавистного Фелдина Мааса — на полу, припав головой к коленям кузины. Встретив взгляд мужа, Клара тут же покачала головой, не прерывая утешительных речей, и Доусон, отступив, направился в кабинет: выкурить трубку, выпить виски и заняться поэмой, которую начал сочинять совсем недавно. Клара появилась только через час и без лишних церемоний уселась к нему на колени.

— Бедняжка Фелия, — вздохнула она.

— Домашние неурядицы? — Доусон погладил жену по волосам. Она забрала у него трубку и глубоко затянулась.

— У ее мужа неприятности из-за моего мужа.

— Ее муж пытается убить твоего.

— Знаю, но не напоминать же ей об этом, когда она вся в слезах. И кроме того — ведь ты выигрываешь? Вряд ли она умоляла бы о пощаде, не будь Эббинбау под угрозой.

— Она умоляла о пощаде?

— Ну, не прямо в таких выражениях, — ответила Клара, слезая с колен Доусона и даже не пытаясь отдать трубку. — Но не будь угрозы, она бы и рта не раскрыла. Впрочем, наверняка Фелдин не знает о ее приходе, так что не пытайся включать ее в свои расчеты и интриги. Иногда напуганная женщина — это просто напуганная женщина.

— Я не планирую ничего, что облегчит ей жизнь, — полушутливо заметил Доусон. Клара, пожав плечами, отвела глаза, и барон добавил более серьезно: — Сочувствую. И тебе, и ей. Если тебя это утешит.

Клара, в тусклом свете казавшаяся совсем юной, лишь молча втягивала в себя дым из трубки.

— Наши миры расходятся, муж мой, — наконец заговорила она. — У тебя — твои драгоценные войны, у меня — мирные радости. И войны явно перевешивают.

— Войны — тоже часть жизни.

— Да, я знаю. Однако помни: все войны кончаются. Оставь что-нибудь и для мирной жизни. Не все твои враги — враги.

— Ты говоришь бессмыслицу, любимая.

— Нет, — возразила Клара. — Просто я вижу мир не так, как ты. Вы с Фелдином друга друга ненавидите, но Фелия, как и я, тут ни при чем. Однако и я с детьми, и она — под угрозой. Фелия твой враг не потому, что ей так хочется, а потому, что так выпало. И когда война завершится — вспомни о тех, кто не участвовал в битвах и при этом остался обездолен.

— Ты хочешь, чтобы я остановился?

Клара издала смешок — тихий, низкий, мурлыкающий. Струйка дыма, сорвавшаяся с губ, закружилась в свете свечей.

— Хочу ли я, чтобы солнце не садилось, пока я не велю?

— Ради тебя я сделаю что угодно.

— Ради меня ты попытаешься — и изнеможешь в попытке. Нет уж, поступай как знаешь. Только время от времени думай о том, как Фелдин будет со мной обращаться, если победит.

Доусон склонил голову. Вокруг них, словно переговариваясь между собой, потрескивали в зимнем воздухе балки и камни стенной кладки. Подняв наконец глаза, барон встретил взгляд жены.

— Я постараюсь. А если забуду?..

— Я напомню, любимый, — улыбнулась Клара. — Я ведь с тобой.

Пир в тот вечер начали за час до захода солнца и заканчивать собирались не раньше, чем догорят свечи. За высоким столом восседал лорд Терниган с женой и братом, на дальнем конце расположился Симеон и рядом с ним Астер в алом, с золотом, бархате, смущающийся от каждого вопроса леди Терниган. К ним присоединился герой дня — отличившийся на охоте ясурут-полукровка из Саракала, сын знатных родителей, которого невесть зачем занесло в Антею. Сидя рядом, он кивал в ответ на каждое слово и ничего не говорил.

На стенах висели лучшие гобелены из коллекции Тернигана, в точеных хрустальных канделябрах горели свечи из пчелиного воска, а на шныряющих между столами псах красовались попоны геральдических цветов всех знатных родов Антеи — ради увеселения публики. Доусон сидел за вторым столом, куда долетали разговоры с высоких мест, а всего через пять человек от него, на дальнем конце стола, белело лицо Фелдина Мааса: Терниган в очередной раз не стеснялся явить миру свою преданность, продажную, как уличная девка. Фелия Маас, сидящая рядом с мужем, то и дело взглядывала на Доусона влажными глазами. Доусон водил ложкой в тарелке супа — пересоленного, со слишком хлипким ломтиком лимона и слишком костлявой рыбой.

— Отличный суп, — заметила Клара. — Помню, моя тетушка — не твоя мать, дорогая Фелия, а тетя Эстрир, которая вышла замуж за того хлыща из Биранкура, — говорила, что нет лучшей приправы к речной рыбе, чем лимон.

— Я ее помню! — Фелия отчаянно уцепилась за тему родственников. — Она приезжала на мою свадьбу и еще разговаривала с таким ужасным акцентом!

Клара засмеялась, и неловкость на миг пропала.

За спиной у Доусона кашлянул король Симеон, и что-то в его голосе заставило Доусона насторожиться. Судя по тому, что Фелдин Маас застыл с полураскрытым ртом и не донес кубок до побледневших губ, он тоже расслышал в королевском голосе угрозу.

— А это все — дань твоего ванайского наместника? — нарочито небрежно спросил Симеон.

— Нет, ваше величество. Здесь почти все — семейные реликвии.

— Ах вот как. Тогда это ближе к тому, что я слышал о Клинне и его налогах. А то я чуть было не заподозрил, что ты утаиваешь от меня доходы.

Маас, побледнев, поставил кубок обратно на стол. Доусон откусил кусок рыбы и решил, что Клара, видимо, права: лимон и вправду добавляет вкуса. Король Симеон только что пошутил насчет того, что даров из побежденного города не хватит даже на устройство пира: голос звучал легко, в ответ все лишь посмеялись, а сэр Алан Клинн вернется в Антею уже к весне.

— Надеюсь, вы меня простите, — сказал Доусон. — Естество требует.

— Мы понимаем, — заявил Фелдин Маас, чуть не плюясь ядом на каждом слове. — Мочевой пузырь к старости слабеет.

Доусон развел руками — то ли принимая шутку, то ли приглашая к действию. Язви сильнее, приятель. Кусайся сколько можешь.

К выходу из пиршественного зала Доусон подошел вместе с Винсеном Коу, который молча вышагивал сзади. В широкой каменной галерее, ведущей к уборным, Доусон остановился, замер и Коу. Через миг подошел Канл Даскеллин, барон Ватермарк: темный силуэт на фоне освещенного входа в залу.

— Итак? — проронил Даскеллин.

— Да, — ответил Доусон.

— Пойдем, — кивнул Даскеллин, и оба барона двинулись к одной из уборных; Коу приотстал на почтительное расстояние. Доусон попытался представить, что будет, если отослать Коу. С одной стороны, егерь вряд ли ослушается. С другой — Коу, строго говоря, подчиняется Кларе. Неизвестно, что перевесит. Доусона так и подмывало испытать Винсена и посмотреть, на чью сторону он перевернется, однако Канл Даскеллин заговорил — и Доусон вернулся к действительности.

— Я успел переговорить с Терниганом, — сообщил Даскеллин. — Он за нас.

— Пока ветер не переменится, — заметил Доусон.

— Да, поэтому времени мало. Нужен кандидат на должность Клинна. Однако...

— Я знаю.

— Я побеседовал с нашими друзьями в Кемниполе. Доживи граф Хирен до сегодняшнего дня, его одобрили бы все без исключения.

— Кузен Иссандриана? — переспросил Доусон. — Он-то чем хорош?

— Кузен, порвавший с семьей. В любом случае уже мертвый. Был ценен тем, что Иссандриана не любил, а с нами не имел прямых связей.

Доусон сплюнул.

— Что-то мы слишком быстро решили, что не хотим в Ванаях ни врага, ни союзника.

— Тем-то и опасны заговоры. Склоняют к подозрительности.

Доусон скрестил руки. Он, конечно, мечтал бы видеть на герцогском троне своего сына Джорея: доверие между отцом и сыном сильнее любых политических расчетов, на собственную кровь можно положиться. Потому-то Доусон и поклялся этого не делать.

Ванайи нужно отобрать у Иссандриана, но если отдать их кому-то из нового союза, с таким трудом собранного Доусоном, то союз может развалиться. Такой оборот барон предвидел, поэтому с предложением тянуть не стал.

— Выслушайте, Канл, — осторожно начал он. — Ценность самих Ванайев невелика.

— Верно.

— Клинна уберут, Иссандриан потеряет ванайскую дань, однако сам город будет связан с его именем. Маас мечтал завоевать Ванайи, Клинн за них сражался и даже ими управлял. Если мы не посадим туда наместника, открыто связанного с нами, то город будут по-прежнему считать вотчиной Иссандриана.

— А кого мы можем туда посадить?

— В том-то и дело, что никого. В глазах двора Иссандриан останется связан с Ванайями. И мы теперь можем повлиять на то, как двор будет о нем говорить. Что, если наместник окажется никчемным? Стоит городу потерпеть крах из-за ошибок правления — и репутацию Иссандриана ничто не спасет.

Даскеллин остановился. В тусклом свете, доходящем сюда из пиршественного зала, смуглое лицо трудно было разглядеть.

— Там мой младший сын, — не отступал Доусон. — Он снабжал меня сведениями. В Ванайях сейчас сын Лерера Паллиако, Гедер. Клинн поручал ему самые неблагоприятные дела, его не любят и не уважают.

— Почему? Он дурак?

— Хуже — он из тех, кто знает жизнь только по книгам. Из тех, кто читает рассказ о морском походе и мнит себя капитаном.

— И вы хотите, чтобы Терниган поставил на место Клинна того самого Гедера Паллиако?

— Если хоть половина моих сведений верна, — улыбнулся Доусон, — то крах Ванайев он обеспечит лучше всех.

В соляном квартале Порте-Оливы не бывало тихих ночей. Даже в самые глухие безлунные часы на улицах не смолкал шум — песни, ругань, драки и вой диких котов. А в комнатках, которые снимали Маркус и Ярдем, в это время слышалось мерное дыхание девушки, наконец погрузившейся в сон. Маркус даже научился различать по дыханию — спит она или только пытается уснуть; правда, никогда об этом не упоминал, считая слишком уж личным.

Ярдем сидел на полу у пылающих углей жаровни — уши вперед, глаза устремлены в одну точку. Тралгут мог так сидеть целыми ночами, не двигаясь, выжидая, ничего не упуская. Никогда не засыпал на страже, никогда не томился бессонницей в часы отдыха — к зависти Маркуса, который, завернувшись в одеяло, лежал сейчас без сна.

В городе еще стояла зима, однако до начала навигации оставались считанные недели. Добраться до Карса кораблем будет быстрее, чем посуху через Биранкур, и если от корабельного капитана и команды удастся скрыть, что за груз они везут...

Что-то мягко прошуршало и тут же стихло: кожаная подошва на камнях мостовой. Ярдем выпрямился, взглянул на Маркуса, указал на матовый пергамент окна и затем на дверь. Капитан кивнул, бесшумно встал с тюфяка и осторожно приблизился к окну, Ярдем шагнул к двери. Вытаскивая кинжал, Маркус держал большой палец левой руки на лезвии — чтобы клинок, выходя из ножен, не звякнул. За спиной тихо посапывала Китрин.

Нападающие были явно опытны. Дверь распахнулась в тот же миг, как кто-то прыгнул в окно, прорвав пергамент. Маркус ударил ногой, под сапогом хрустнуло колено бандита, и пока тот пытался выпрямиться, капитан перерезал ему горло. На смену первому лезли в окно еще двое; Маркус надеялся было увидеть у них мечи, которые будут неудобны в тесной комнатке, однако бандиты держали наготове кинжалы.

Ярдем крикнул, будто поднял тяжесть, незнакомый голос взвыл от боли. Бандит слева от капитана вращал кинжалом, делая молниеносные выпады, чтобы отвлечь Маркуса и оттеснить назад, правый бандит приближался к нему сбоку. Оба крепкие, но не массивные — ясуруты или первокровные, никак не йеммуты и не хаавиркены. Маркус, не реагируя на ложную атаку, обманными движениями держал правого бандита на расстоянии, чтобы тот не зашел со спины. Левый бандит, улучив миг, когда Маркус открылся, полоснул клинком по ребрам — Маркус предпочел не заметить боли. Где-то позади хрустнула кость, никто не закричал.

— Сдаемся, — объявил Маркус и скользнул вперед, цепляя пяткой ногу правого бандита, — тот, отпрянув от нацеленного в него кинжала, споткнулся, и Маркус всадил клинок ему в пах. Оставшийся бандит, пользуясь тем, что капитан вновь ослабил защиту, рванул в атаку, опьяненный былым успехом. Маркус увернулся, клинок прошел над плечом, и капитан, опустив кинжал, схватил врага за локоть. Тот подступил ближе и навалился на Маркуса всей тяжестью, пригибая его назад. Изо рта несло пивом и рыбой, в слабом свете углей мелькнула чешуйчатая кожа и острые зубы. Стало быть, ясурут. Кинжал уперся в живот капитану: одно движение — и Маркусу вспорют брюхо, как пойманной рыбине.

— Ярдем! — позвал капитан.

— Сэр? — откликнулся тот и сразу охнул. — Да, конечно.

В левый глаз ясурута тут же вонзился кинжал, из раны хлынула кровь — черная в

сумеречном свете. Бандит напирал на Маркуса всем телом даже сейчас, полумертвый, однако силы его мало-помалу иссякли: Маркус отступил, и тело грянулось оземь.

Под разорванным окном валялись трое — мертвые или истекающие кровью. Еще один лежал у жаровни, угодившая в угли рука начинала подпекаться. Последний сползал по стене к ногам Ярдема, голова клонилась под неестественным углом. Пятеро. Сильные и опытные. Плохо дело. Хуже не бывает.

— Что происходит? — послышался сонный голос Китрин. — Что-то случилось?

— Снаружи! — предостерегающе бросил Ярдем, и Маркус расслышал удаляющиеся шаги.

— Останься, — велел капитан и выпрыгнул в покореженное окно.

Несмотря на ослепившую его ночную тьму, он ринулся вперед, следя за каждым шагом и отчаянно надеясь, что под ногу не попадет заледеневшая лужа или камешек. Он пронесся мимо чего-то крупного, дохнувшего на него животным запахом. Легкие горели, окровавленное плечо и бок холодило ветром. Тихие шаги сбились, звук сместился влево. Маркус не отставал.

Улица вынесла его на широкую площадь, и в свете звезд Маркус ухватил глазом легкую фигурку, закутанную в темный плащ с капюшоном, скрывавшим голову и волосы. Маскировка не помогла: женщина сделала шаг-другой, и у капитана не осталось сомнений — все равно что увидел лицо.

— Опал! — крикнул он. — Стой!

Актриса помедлила и вдруг помчалась вперед. Маркус ругнулся, стиснул зубы и рванул за ней. Темный город их не замечал. Опал неслась по улицам и аллеям, отчаянно пытаясь вымотать капитана или сбить его со следа. Маркус, не обращая внимания на раны, не отставал — пока наконец Опал не остановилась у широкого пруда. Рухнув на колени, она уронила голову на руки, грудь ее вздымалась, как кузнечные мехи. Маркус, нагнав ее, опустился рядом, оба хрипели от натуги. В светлых волосах Опал блеснул звездный свет.

— Нет, — просипела она между выдохами. — Это не то, что вы думаете. Поверьте.

— Не поверю, — отозвался Маркус.

— Я не знал, — покачал головой мастер Кит. — Мне бы следовало, но я не знал.

Бывший ведун Маркуса так и сидел в полосатой шерстяной пижаме и ночном колпаке — что явно свидетельствовало в пользу невиновности. Капитан застал его мирно спящим в театральном фургоне. Мастер Китап рол-Кешмет никак не походил на человека, готового сбежать с краденым золотом: Маркус готов был в этом поручиться.

Они сидели в комнатах, арендованных у пивовара, — воздух здесь навсегда пропах овсяным зерном и солодом. Стол заменяли три доски, положенные на два столбика старых кирпичей, табуреты под Маркусом, мастером Китом и обесславленной Опал по высоте сгодились бы разве что доярке, да и то с трудом. Мерцающий свете единственной свечи, принесенной мастером Китом, оставлял глаза Опал в тени. Ее заверения в невиновности, в ошибке, в том, что она собиралась только защитить Китрин, при появлении мастера Кита испарились как утренняя роса, и теперь Опал хранила мрачное молчание.

— Вы хотите сказать, что она устроила все сама и остальная труппа ни о чем не подозревала? — спросил Маркус.

Мастер Кит вздохнул:

— С Опал я путешествовал дольше, чем... чем с другими. Подозреваю, что она меня

неплохо изучила, вплоть до способности перехитрить. Капитан, случись ей хотя бы солгать — я бы знал.

— Оставьте его в покое, Вестер, — подала голос Опал. — Он ни при чем. Это все я.

Что ж, первое признание. Не такое уж радостное.

— Я только не понимаю причин. — Мастер Кит обращался уже не капитану. — Я считал, что вы с Китрин подруги.

— Сколько мне осталось? — бросила Опал. — Ты уже приглядываешься к Кэри: не пора ли ей на роль леди Каунитар. Еще лет пять — и мне подойдут только роли ведьм и бабок, а потом наступит день, когда ты бросишь меня в вонючей деревушке где-нибудь в Элассе, а сам с трупой двинешь дальше!

— Опал... — начал было мастер Кит, но актриса подняла ладонь.

— Я знаю, как это бывает. Я на сцене много лет, с тех пор как была моложе нынешнего Сандра. Всякое повидала. И даже смирилась. А потом откуда ни возьмись на нас сваливается эта девчонка со своим банком, и... — Опал пожала плечами: так актеры изображают на сцене изнеможение и покорность судьбе.

Изнеможение и покорность судьбе, отметил для себя Маркус. Никак не сожаление о содеянном.

— Что ж, — сказал он. — Это еще не все.

Мастер Кит повернулся к капитану спиной — скрыть блеснувшие на спокойном лице слезы.

— В нашей комнате пять трупов, — продолжал Маркус. — До рассвета часа три. Если идти к гвардейцам королевы, то придется рассказывать о нападении и заодно о ларцах, ради которых все затевалось. И кроме того, нам нужно переехать: приятели Опал могли разболтать новость друзьям. Повозку мы продали. А у вас есть фургон.

Рана на плече успела неприятно занеметь, порез на ребрах раскрывался при каждом глубоком вдохе. Глядя в темные глаза актера, обдумывающего малоприятный выбор, Маркус понимал, что старик может запросто отказать, и надеялся лишь, что разговор не затянется.

— Трупка, несомненно, у вас в долгу, капитан Вестер, — произнес наконец мастер Кит. — Что я должен делать?

Через час актеры вместе с Маркусом уже были в соляном квартале. Ярдем к тому времени успел оттащить мертвеца подальше от жаровни и развел новый огонь. Теперь Шершень и Смитт мрачно заделывали тканью разрывы в пергаменте, а Кэри с Сандром и Микелем придирчиво оглядывали тела, сваленные штабелем у стены. Хмурый мастер Кит сидел на перевернутой ручной тележке. Китрин, подтянув колени к подбородку, сжалась на тюфяке; на Опал она даже не взглянула, та тоже старательно избегала смотреть на девушку. Комнатка, и без того крошечная, казалась слишком переполненной.

— В восточной дамбе, неподалеку от хлебных рядов, есть проем, — задумчиво сказал мастер Кит. — Насколько я помню, место довольно открытое, да и соваться туда обычному человеку незачем, так что объяснить свое присутствие там было бы сложно. Однако найти дорогу я сумею.

— Даже в темноте? — спросил Маркус.

— Да. И если нам туда соваться незачем, то другим и подавно.

— На вид такие мирные, — заметил Микель, разглядывая тела. — Кто бы мог подумать.

— Все покойники на вид мирные, — ответил Маркус. — На то они и покойники. Их у нас пятеро, а времени в обрез. Далеко до того места?

— Нас заметят, — сказала Китрин. — И выследят. Десять человек, которые тащат куда-то пять трупов? Да разве...

Девушка, бледная больше обычного, покачала головой и опустила глаза. Остальные молчали. Обернись дело по-иному, трупов было бы только три, включая ее собственный, — Маркус видел, что эта мысль ее гнетет, но утешать не было времени. Да и слов.

— Мастер Кит, — позвала Кэри, — а если попробовать сцену праздника? Из «Шалости Андрикора»?

— Шутишь?

— Вовсе нет. — Кэри обернулась к Ярдему. — Вы можете одного нести на себе? Взвалить на плечо?

Тралгут скрестил руки и неприязненно кивнул. Мастер Кит, по-прежнему бледный, встал и, перевернув тележку колесами вниз, внимательно ее оглядел.

— Одного возьмет Ярдем, — продолжала раскрасневшаяся Кэри. — Смитт и Шершень понесут еще одного, полегче. Сандр и Китрин заберут бородача. На тележку останутся всего двое. Вы с капитаном повезете, Микель будет придерживать. А мы с Опал возьмем факелы и...

— Только не Опал, — прервал ее мастер Кит. — Она останется при нас.

— Тогда я возьму Китрин, а Опал будет помогать Сандру.

— Куда именно ты возьмешь Китрин? — спросил Маркус.

— Со мной. Отвлекать внимание, чтобы вас не заметили. — Черноволосая Кэри шагнула к тюфяку и присела рядом с хрупкой Китрин. Обняв ее за плечи, она улыбнулась. — Соберись, сестра моя. Готова к подвигу?

Китрин сморгнула слезы.

— Кит? — Маркус вопросительно посмотрел на актера.

— «Шалость Андрикора», комедия кабральского поэта, — пояснил тот. — Герцог, правитель города, умирает в борделе, и шлюхи тайно волокут его тело домой, пока жена не проснулась.

— Каким образом?

— Это ведь комедия, — пожал плечами мастер Кит. — Давайте выкатим тележку, поможете?

Факелов не было, вместо них взяли два оловянных светильника из задней комнаты. Булавками подкололи покороче платья и наполовину расшнуровали их у шеи и на спине. Волосы свисали вольными локонами, словно когда-то были уложены в прическу и теперь растрепались. Кэри накрасила Китрин губы, нарумянила щеки и грудь: в ночной тьме парочка казалась изваянной из солнечного света и игривых обещаний.

— Досчитайте до трехсот, — велел мастер Кит, обращаясь к Кэри. — Потом ступайте следом. Если подам знак...

— Затянем песню, — кивнула Кэри и повернулась к Китрин. — Расправь плечи, сестра моя. На нас должны оглядываться.

Маркус взглянул на тралгута, взваливающего мертвеца на плечо.

— Ярдем!

— Да, сэр?

— День, когда ты сбросишь меня в ров и примешь отряд?..

— Я и есть отряд, сэр.

— И то верно.

Маркус шагнул в темноту. Холод за это время усилился, выдыхаемый воздух застывал белым облачком пара, щебень на дороге казался выточенным из льда. От тележки веяло запахом смерти — слабым, кровавым, знакомым Маркусу как собственное имя. Рядом с ним, тяжело дыша от натуги, толкал тележку мастер Кит. Живые тащили мертвых по черным улицам, ведомые лишь памятью и звездным светом. Кровь на боку Маркуса уже застыла коркой, которая теперь давала о себе знать при каждом движении. Он изо всех сил толкал тележку; пальцы успели зануть, онеметь и вновь зануть. Позади он вдруг услышал голос Кэри, взвизгивший в непристойной песне, и тут же — как тростниковая флейта, вторящая трубе, — к нему присоединился голос Китрин. Капитан глянул через плечо: за квартал от них две полуодетые женщины, высоко подняв факелы, заигрывали с отрядом королевских гвардейцев. Маркус, замерев, отнял руки от тележки, и та сразу замедлила ход.

— Капитан, — тревожным шепотом окликнул его мастер Кит.

— Дурацкая идея, — бросил Маркус. — Тут не комедия, а улица — не сцена. У них мечи, у них власть. Подсовывать им женщин и надеяться на чудо...

— Что сделано, то сделано, капитан, и причина вам известна. Беритесь за тележку.

Факелы осветили фигурку Кэри, со смехом кружащей на месте, кто-то из гвардейцев накинул плащ на плечи Китрин. Маркус вдруг обнаружил, что успел вытащить кинжал. «Им нельзя доверять, — пронеслось в мозгу при виде городских стражей в зелено-золотых плащах. — Нельзя доверять».

— Капитан? — окликнул его Ярдем.

— Вперед, — скомандовал Маркус и заставил себя отвернуться.

К проему, зияющему в дамбе на восточной окраине Порте-Оливы, шла мощеная дорога — сейчас ее покрывал белый снег с черными пятнами льда, усеянный пометом чаек. Птицы гнездились в расщелинах стены у проема и на береговых уступах, сам проем шириной не больше обычной двери некогда предназначался для осадного орудия, теперь уже давно рассыпавшегося от ржавчины; враг, от которого тогда защищался город, был мертв — как и те бандиты, чьи тела вез сейчас Маркус.

Действовали быстро и без слов. Ярдем, шагнув к обрыву, сбросил с плеча труп — тот исчез в сером предрассветном тумане. Следом кинули своего Смитт и Шершень, как загулявшего дружка через порог. Затем настал черед двух трупов из тележки. И наконец до обрыва добрались Сандр и Опал — актриса ощутимо хромала под тяжестью ноши. Последний бандит тоже пропал с глаз: ни всплеска, ни стука — только шелест ветра, жалобы чаек да отдаленный рокот прибора.

— Ярдем, — позвал Маркус. — Возвращайся в квартиру. Я пойду искать Китрин.

— Слушаю, сэр, — кивнул тралгут и исчез во мраке.

— Придется еще платить штраф за Китрин и Кэри, — заметил Смитт. — Деньги у нас есть?

— Странно брать с них деньги за нарушение приличий, — усмехнулся Сандр. — В других местах наоборот — за такое доплачивают.

— Подозреваю, что мы должны сделать все возможное, — отрезал мастер Кит. — Возвращайтесь к фургону. Нам с капитаном, видимо, предстоит еще одно дело. Опал, останься с нами.

Актеры, потоптавшись на месте, потихоньку двинулись прочь. Шаги стихали; Сандр отпустил реплику, Смитт что-то буркнул в ответ — слов Маркус не расслышал. Мастер Кит и Опал стояли рядом, как темные тени на фоне окружающей мглы. Маркус пожалел, что не

видно лиц, — хотя и понимал, что сейчас на них лучше не смотреть.

— Королевским гвардейцам я ее отдать не могу, — напомнил он.

— Знаю, — кивнул мастер Кит.

— Я никому больше не говорила! О сокровищах банка знают только те, кто знал и раньше!

— Если бандиты, плавающие сейчас там внизу, кому-нибудь не рассказали, — уточнил Маркус.

— Да, — признала Опал.

— По-моему, капитан, выходов остается только два. Вы не станете обращаться к городскому правосудию. Значит, вы либо отпускаете Опал, либо нет.

— Верно, — согласился Маркус.

— Мне бы, конечно, хотелось, чтобы вы ее отпустили. Она уже лишилась места в труппе, а ваше затруднение мы вам помогли разрешить. Вы ранены, но Ярдем Хейн цел, и Китрин тоже. Нельзя сказать, что вы не пострадали, но я надеюсь, что Опал можно пощадить.

— Спасибо, Кит, — выдохнула Опал.

Маркус поднял голову, прищурился. Небо на востоке начинало светлеть, и хотя звезды над головой сияли по-прежнему ярко, самые слабые уже погасли. Еще несколько минут — и начнут таять остальные. Он слышал, будто на самом деле звезды горят всегда, только днем они не видны. То же говорили о душах умерших. Ни тому ни другому он не верил.

— Знать бы, что она не попробует нас ограбить еще раз...

— Клянусь! — ухватилась Опал за его слова. — Клянусь всеми богами, никогда в жизни!

Мастер Кит вдруг тихо застонал, будто его кто-то ударил. Маркус шагнул было к нему, однако актер заговорил — голос звучал ясно, сильно и невыразимо печально.

— Бедная, родная моя Опал.

— Кит! — отозвалась она с таким чувством, что Маркусу пришлось по-новому взглянуть и на обоих актеров, и на их прошлое.

— Она лжет, капитан. Я бы много дал, чтобы ее слова были правдой, но можете мне поверить: она лжет. Если ее отпустить, она вернется к сокровищу при первом удобном случае.

— Что ж, — кивнул Маркус. — В том-то и сложность.

Опал метнулась было назад, и когда Маркус заступил ей путь, впиалась пальцами в его глаза и неумело попыталась ударить коленом в пах.

— Нет! Он ошибся! Кит ошибся! Отпустите меня! Пожалуйста!

Отчаяние и страх, мелькнувшие в ее голосе, чуть не остановили Маркуса — он солдат, он наемный стражник! Не головорез, убивающий женщин ради удовольствия! Однако, отступив на полшага, он вспомнил Китрин — как она сидела на тюфяке, подтянув колени к подбородку, как стояла перед вооруженными гвардейцами, неловко выводя развеселую песню. Он поклялся ее защищать. Даже когда это не доставляет ни малейшей радости.

Маркус уже знал, что будет дальше.

— Жаль, что все так обернулось, — сказал он.

Гедер, разумеется, догадывался, что Клинн отводит любимчикам лучшие покои, а прочих одаривает жалкими остатками. Но о масштабах унижения Гедер даже не подозревал.

Он сидел на низком диване, обитом шелком. Из высоких окон струился в комнаты чистейший свет, как будто в небесах кто-то опрокинул кувшин с молоком. Воскурения наполняли воздух ванильно-пачулевым ароматом, над камином сверкали золотом и камнями драгоценные украшения — при взятии города их явно не пытались растащить: еще до того, как антейские солдаты ступили на улицы Ванайев, всем было ясно, что герцогский дворец неприкосновенен. И не потому, что принадлежит герцогу, а потому, что принадлежит Тернигану. А потом Клинну. А теперь, паче чаяния, и ему, Гедеру.

— Милорд протектор?

Юноша подскочил, будто его застали за постыдным делом. Обязанности дворецкого здесь исполнял раб-тимзин с белесыми, потрескавшимися от старости чешуйками. Сейчас на нем красовались цвета рода Паллиако, серый и синий — или, скорее, самое близкое к серому и синему, что удалось найти.

— Советники вас ожидают, господин, — доложил раб.

— Да. — Гедер схватился за черный кожаный плащ, перенесенный сюда из прежних комнат. — Да, конечно. Проводи.

Приказ доставили три дня назад: лорд-маршал — к отчаянию одних и радости других, хотя ни те ни другие не удивились — отозвал Алана Клинна в Кемниполь. Изумление пришло позже, при вести о том, кого же Терниган ставит вместо Клинна исполнять должность до тех пор, когда король Симеон не назовет постоянного наместника. Гедер перечел письмо добрый десяток раз, проверил печать и подпись и снова перечел. Сэр Гедер Паллиако, сын виконта Ривенхальма Лерера Паллиако, отныне назначается протектором Ванайев. Приказ Гедер по сей день носил с собой в кошеле на поясе, как храмовую реликвию — таинственную, внушающую благоговейный ужас и таящую смутную опасность.

Едва схлынула первая волна неверия, Гедер сразу заподозрил, что Клинн обнаружил его предательство и задумал таким образом отомстить. И сейчас, при входе в зал совета, где ставленники Клинна уже заняли все места, кроме его собственного, к Гедеру вернулись былые подозрения. Желудок ухнул куда-то вниз, руки задрожали, вместо крови в жилах заплескалась вода — юноша взшел на две ступени и неловко опустился в кресло. Зал некогда служил капеллой, и теперь на Гедера взирали изображения богов, в которых он не верил. Со всех сторон на него устремились враждебные взгляды, на лицах читалось либо равнодушие, либо открытое презрение. Часть кресел пустовала: преданные сторонники рода Клиннов предпочли отказаться от должности и вернуться в Антею, лишь бы не подчиняться новым приказам. Гедер отчаянно жалел, что не может последовать их примеру.

— Милорды, — начал он. Голос прозвучал сдавленно. Юноша откашлялся, перевел дух и начал снова: — Милорды, к нынешнему часу вы уже успели ознакомиться с приказом лорда-маршала Тернигана. Я, разумеется, ценю оказанную мне честь и исполнен удивления — как, разумеется, и все вы.

Гедер усмехнулся, однако встретил в ответ лишь гнетущее молчание. Он беспокойно сглотнул.

— Важно проследить, чтобы перемена власти не осложнила жизни в городе. Я просил

бы вас по-прежнему исполнять приказы и распоряжения лорда Клинна, с тем чтобы... э-э... перемены, начатые...

— Вы говорите о приказах, из-за которых Терниган отозвал лорда Клинна обратно? — спросил Альберит Маас, старший сын Эстриана Мааса и племянник Фелдина Мааса — ближайшего сторонника Клинна.

— Простите?

— Приказы, — повторил молодой человек. — Приказы лорда Клинна, о которых вы говорите, вызвали неудовольствие короля, а вы предлагаете их исполнять?

— Пока — да, — ответил Гедер.

— Смелое решение, милорд протектор.

Кто-то хохотнул. Гедера окатило стыдом и тут же гневом, он стиснул зубы.

— Когда я объявлю курс на перемены, лорд Маас, я прослежу, чтобы вас об этом известили. Ванайи предстоит поднять из нынешнего хаоса, и это потребует усилий от каждого из нас.

«Поэтому не перечь мне, иначе пойдешь очищать каналы от водорослей», — мысленно добавил Гедер. Молодой человек возвел глаза к потолку, но предпочел промолчать. Гедер медленно выдохнул. Перед ним сидели враги. Люди более опытные, с серьезными политическими связями — люди, которых обделили властью, отдав ее Гедеру. Теперь они будут вежливо говорить ему правильные слова, пусть и с издевкой в голосе, а за его спиной кивать головами и потешаться.

От унижения он взъярился еще больше.

— Алан Клинн провалил миссию. — Таких речей Гедер уж точно не готовил, и слова теперь вырывались сами собой, хлесткие как пощечины. — Лорд-маршал отдал ему Ванайи, а Клинн их упустил. И каждый из вас ему помогал. Я знаю: после нынешнего совета вы станете перешучиваться на мой счет, закатывать глаза и утверждать, что свершилась невиданная ошибка.

Он наклонился вперед, щеки пылали — кажется, от храбрости.

— Однако, дражайшие мои лорды, запомните одно. Лорд Терниган выбрал меня. Мне доверена задача положить конец недоразумению в Ванайях и сделать город сверкающей драгоценностью в венце короля Симеона. И я не намерен отступать. Если вы предпочитаете зубоскалить надо мной и порученной мне миссией — признавайтесь сразу, собирайте вещи и ползите на брюхе в Кемниполь. Только не попадайтесь мне под ноги!

Он уже кричал. Страх прошел, стыд тоже. Он не помнил, как вскочил с места, — теперь он стоял, обвинительно указывая пальцем на лордов, сидевших с округлившимися глазами и вздернутыми от изумления бровями. Судя по сжатым плечам и стиснутым рукам, им было изрядно не по себе.

«Вот и отлично, — пронеслось в голове. — Пусть поразмыслят, что за человек Гедер Паллиако».

— Если после лорда Клинна остались безотлагательные дела, доложите об этом здесь и сейчас. Если нет — завтра утром представить мне информацию о состоянии города и исполняемых вами обязанностях, а также предложения по повышению эффективности ваших действий.

Повисло молчание. В полной тишине сердце успело отсчитать четыре удара, и Гедер едва не улыбнулся от удовольствия.

— Лорд Паллиако, — подал голос кто-то с задних рядов. — Я про налог на зерно...

— Что там?

— Лорд Клинн намеревался его поменять, но не успел сообщить окончательное решение. Суть в том, что налог на свежее зерно из деревни составляет две серебряные монеты за бушель, а при продаже с городских складов — две с половиной. Местные зернохранилища обратились с просьбой.

— Сделайте две с половиной для всех.

— Слушаюсь, милорд протектор.

— Что еще?

Больше вопросов не было, и Гедер поспешно вышел из зала, пока не иссякла отвага: едва схлынет минутный гнев, сил не останется. Когда он дошел до своего — своего! — кабинета, его уже изрядно трясло, и он рухнул в кресло у окна, сам не зная, чем готов разразиться: хохотом или слезами. За окном простиралась главная городская площадь, по которой неслись сухие листья, в пустых пересохших каналах возились рабы разных рас, вытаскивая целые охапки мусора и водорослей. На краю площади с веселыми криками резвилась стайка первокровных девочек, занятых игрой. Гедеру пришло в голову, что все они теперь его собственность — рабы, дети, листья, что угодно. И на него накатила паника.

— Гедер Паллиако, лорд-протектор Ванайев, — сказал он в пустоту, надеясь, что громко произнесенные слова станут больше похожи на правду. Не помогло. Тогда он попытался представить, что нужно от него лорду Тернигану — ведь он сделал правителем именно Гедера. Тоже не помогло: все предположения выглядели неубедительно. Он в тысячный раз достал письмо, развернул, перечитал каждое слово в поисках хоть чего-нибудь обнадеживающего. Тщетно.

— Милорд протектор, — позвал от двери старик тимзин, и юноша опять подпрыгнул, на этот раз уже не так резко. — Прибыл лорд Каллиам по вашему приглашению.

— Проводить сюда, — велел Гедер. Старый слуга замялся, словно приказ как-то нарушал этикет, однако ограничился поклоном и исчез. Гедер заподозрил, что встречи в личном кабинете бывают только по каким-то особым поводам, и решил при случае поискать книгу по ванайскому этикету. Надо будет упомянуть в следующей беседе с учеными...

В кабинет вошел Джорей Каллиам в лучших придворных одеждах и церемонно поклонился Гедеру. То ли он и впрямь выглядел усталым и настороженным, то ли Гедер от беспокойства готов был приписывать собственные чувства всем окружающим. Тимзин вкатил тележку с небольшими морскими раковинами, в которых, как в тарелках, были разложены фисташки и засахаренные груши, наполнил хрустальные чаши обоих собеседников прохладной водой и удалился — дверной замок отчетливо щелкнул, друзья остались одни.

— Милорд протектор хотел меня видеть? — спросил Джорей.

Гедер через силу улыбнулся:

— Кто бы мог подумать, а? Я — и вдруг лорд-протектор Ванайев.

— Да, такого исхода никто из нас не ждал.

— Вот именно — потому-то я и хотел с тобой поговорить. Твой отец возвращается при дворе, да? И ты говорил, что с ним переписываешься?

— Да, милорд, — бесстрастно произнес Джорей, глядя прямо перед собой.

— Отлично. Я вот думал... то есть... не знаешь ли ты почему?

— Что «почему», милорд?

— Почему именно я? — Голос чуть не сорвался в жалобный вой, Гедеру стало стыдно.

Джорей Каллиам, сын Доусона Каллиама, раскрыл было рот, но тут же стиснул зубы и нахмурился — у губ и между бровями залегли морщины, он за миг словно постарел. Гедер взял с тарелки горстку фисташек и принялся их очищать, закидывая в рот одну за другой — не столько от голода, сколько от необходимости чем-то занять руки.

— Вы ставите меня в неловкое положение, милорд.

— Гедер. Пожалуйста, зови меня Гедер, а я тебя — Джорей. Если не возражаешь. В этом городе у меня нет друзей ближе тебя.

Джорей глубоко вздохнул, взгляд его смягчился.

— Что правда, то правда. К сожалению.

— Тогда скажи, что такого происходит при дворе? Зачем Тернигану именно я? Покровителей у меня нет, ванайская кампания для меня первая в жизни. Ничего не понимаю. Может, ты что-то объяснишь?

Джорей повел рукой в сторону кресла, и до Гедера дошло, что тот просит разрешения присесть. Гедер кивнул и сел напротив, зажав руки между коленями. Взгляд Джорей метнулся в сторону, будто вдоль какой-то надписи в воздухе. Гедер проглотил еще фисташку.

— Замыслы Тернигана мне, конечно, неизвестны, — начал Джорей. — Знаю только, что при дворе беспокойно. Клинн — сторонник Куртина Иссандриана, а тот в последнее время ратует за перемены, большинство из которых непопулярны. Он нажил врагов.

— И поэтому Терниган отозвал Клинна?

— Вероятно, это одна из причин. Но если власть Иссандриана при дворе пошатнулась, то Тернигану могла понадобиться фигура, не связанная с Иссандрианом. Ты сказал, что у тебя нет покровителя — наверное, поэтому он тебя и выбрал. Ведь род Паллиако не примкнул ни к одной из сторон.

Гедер часто о таком читал. Кабраль во время войн Белой Пыли привечал изгоев и из Биранкура, и из Гереца. Коорт Нкачи, четвертый регос Борхии, имел двор настолько продажный, что назначил регентом первого попавшегося фермера. В свете этих фактов назначение становится понятнее, и все-таки...

— Что ж, — неловко улыбнулся Гедер. — Остается благодарить отца, что он не появляется при дворе. И сожалеть, что твой состоит в королевской свите, я ведь всерьез думал, что именно тебе Терниган отдаст город.

Джорей Каллиам, нахмурившись, отвернулся к окну. В камине перешептывались о чем-то языки пламени. Стая голубей на площади разом взметнулась в воздух, словно гигантское крыло неведомого существа, и закружила в белом зимнем небе.

— Должность дают не из благосклонности, — наконец проговорил Джорей. — Придворные игры грязны, Паллиако. Там людей судят не по достоинствам и не задумываются о справедливости. Негодяи порой остаются у власти всю жизнь, их смерть оплакивают как потерю. Честными людьми могут разбрасываться, как монетами, потому что так выгодно. Не обязательно согрешить, чтобы тебя уничтожили. Если погубить тебя будет выгодно — погубят. И все, что здесь произошло, не твоя вина.

— Понимаю, — кивнул Гедер.

— Вряд ли.

— Я этого не заслужил, знаю. Мне случайно выпал шанс, и теперь предстоит доказать, что я его достоин. Я и не считал, будто лорд Терниган отдал мне город из уважения. И я не в обиде. Зато сейчас я это уважение могу завоевать. Я способен управлять Ванайями, добиться от них толку.

— В самом деле?

— По крайней мере могу попытаться. Наверняка отец хвастает направо и налево. Род Паллиако не занимал никаких должностей с тех пор, как мой дед был смотрителем озерных урочищ. Я знаю, отец всегда этого хотел, и раз я здесь...

— Это ведь несправедливо, — перебил Джорей.

— Конечно, несправедливо. Однако клянусь: я сделаю все возможное, чтобы с тобой сквитаться.

— Со мной? — изумился Джорей, словно Гедер вдруг вставил в беседу реплику из другого разговора.

Гедер встал, взял с подноса две чаши с водой, передал одну в руки Джорею, а другую поднял сам.

— Ванайи принадлежат мне, — сказал он со всей серьезностью, на какую был способен. Вышло похоже на правду. — И если здесь есть хоть что-то достойное, чтобы воздать тебе заслуженную честь, я это найду. Город должен был стать твоим, мы оба это знаем. Но поскольку его отдали мне, я клянусь здесь, перед твоим лицом: я никогда не забуду, что город достался мне случайно.

На лице Джорея проступила то ли жалость, то ли ужас, то ли чистое недоверие.

— Ты мне необходим, — продолжал Гедер. — Мне нужны сторонники. И от имени Ванайев и рода Паллиако заявляю: ты окажешь мне честь, став одним из них. Джорей Каллиам, ты доблестный и храбрый воин, на чьи суждения я всегда мог положиться. Согласен ли ты стать моим союзником?

Повисшая тишина Гедера слегка напугала. По-прежнему держа чашу в воздетой руке, он тихо молился, чтобы Джорей поднял свою.

— Репетировал? — спросил наконец тот.

— Немножко.

Джорей встал и поднял чашу, несколько капель выплеснулись через край на пальцы.

— Гедер, я сделаю все, что в моих силах, — сказал он. — Я не так уж много могу. И не очень-то верю, что все кончится добром. Однако я сделаю все, чтобы тебя защитить.

— Отлично, — улыбнулся Гедер и осушил чашу.

Остаток дня превратился в вереницу церемоний и заодно в испытание на прочность. Сразу после полудня начался приветственный пир, который дали Гедеру представители крупных ванайских гильдий — два десятка мужчин и женщин, норовящих перехватить друг у друга внимание и благоволение нового правителя. После пира была аудиенция с посланцем из Ньюпорта; тот целый час разглагольствовал о необходимости перемен в расценках на сухопутные перевозки, умудрившись, несмотря на все старания Гедера, так и не упомянуть, каким же образом он собирается их менять. Затем, по просьбе Гедера, главный налоговый ревизор сделал для него обзор всех отчетов Клинна, отправленных лорду Тернигану и королю. Гедер ожидал, что ему просто доложат, сколько всего золота отправлено на север, однако беседа затянулась вдвое против ожидаемого: ревизор пустился рассуждать о разнице между высокоэффективным и низкоэффективным налогом, а также между «вручением в счет причитающейся суммы» и «вручением в виде задатка» — после беседы у Гедера осталось стойкое ощущение, будто он пытается продраться сквозь книгу, написанную на незнакомом языке.

К концу дня он удалился в спальню, когда-то принадлежавшую ванайскому герцогу, — втрое более обширную, чем вся прежняя квартира Гедера. Окна выходили на сад с голыми

дубами и занесенными снегом клумбами — весной он наверняка будет похож на выросший под окнами клочок леса. Постель обогревалась хитрой системой труб от гигантского камина: восходящий воздух запускал в действие насосную установку. Устройство иногда бормотало само себе, порой прямо под лежащим Гедером, как будто пуховые перины пытались переварить что-то малосъедобное. Последние слуги вышли уже час назад, однако юноша все еще лежал без сна в полутемной, едва освещенной камином комнате: несмотря на усталость, сон не приходил. Тогда Гедер встал с постели — радуясь мысли заняться чем-то запретным, особенно если знаешь, что тебе за это ничего не будет.

Он зажег три свечи — каминное пламя слегка закоптило их дымом — и поставил у постели. Затем влез в тайник, где держал немногие личные вещи, принесенные сюда оруженосцем, и достал книгу в потрескавшейся обложке — последнюю из купленных и уже прочитанную. Пассаж, который его заинтересовал, он отметил при чтении, чтобы потом было легче найти.

«Легенды о Праведном Слуге, именуемом «Синир Кушку» на языке древней страны Пу'т, называют его последним и величайшим оружием Морада, хотя по-прежнему неясно, в какой степени он является измышлением Моратовой шпионской сети и плодом необычайных озарений, сопровождавших последнее, предсмертное безумие дракона».

Гедер уткнул палец в строку, силясь вспомнить все то, что когда-то знал о восточных языках.

Синир Кушку.

Конец Всем Сомнениям.

— Я говорю, что зло существует. — Мастер Кит удобнее перехватил прижатый к боку ларец. — А сомнения служат от него противоядием.

Ярдем взял ларец из рук старого актера и водрузил поверх груди остальных.

— Если во всем сомневаться, — возразил тралгут, — то как тогда узнаешь правду?

— Постепенно. Оставляя факт до дальнейших уточнений. Важнее задуматься о том, так ли уж хороша неколебимая бездоказательная уверенность. По-моему, нет.

Капитан Вестер что-то нечленораздельно рыкнул, как пес, готовый броситься на врага, и Китрин с трудом подавила желание вжаться в угол.

— А по-моему, — с нажимом произнес капитан, — сотрясение воздуха ненужными вопросами только замедляет работу.

— Виноват, сэ, — бросил тралгут.

Мастер Кит кивнул, молча извиняясь, и зашагал вниз по хлипким деревянным ступеням, ведущим на улицу. Сандр и Шершень, которые вдвоем тащили наверх очередной ларец с драгоценностями, прижались к стене, давая старику пройти, а Китрин, в свою очередь, посторонила, пропуская их к Ярдему, — тот устанавливал ларцы в новом жилье. Влажный прохладный ветер, пахнувший конским навозом, проникал в окно вместе с дневным светом, навевая Китрин мысли о весне.

— Он что, священником был в юности? — Маркус кивнул в сторону выхода. — Только и разговоров что о вере, сомнениях и природе истины. Как будто мы опять в караване и выслушиваем проповедь на завтрак и ужин.

— Он правильно говорит! — вступился Ярдем.

— На твой вкус.

— А может, он и вправду был священником, — пожал плечами Шершень. — Это же мастер Кит. Скажи он нам, что взошел пешком по отвесному склону, чтобы распить кувшин пива на двоих с луной, я бы поверил. Капитан, там остались два ларца размером, как этот последний, и еще болванки из воска.

— Из воска? — переспросил Маркус.

— Банковские книги, — объяснила Китрин. — Их запечатали воском, чтобы уберечь от сырости.

«И правильно сделали, — добавила она мысленно. — Иначе что с ними было бы после того, как их прятали в пруду». Воображение тут же нарисовало ей трещину в воске, и бесчисленные страницы с расплывшимися чернилами, и гниющую под защитным слоем бумагу. А вдруг книги испорчены? Что она скажет магистру Иманиэлю? А банкирам в Карсе?

— Несите все сюда, — велел Маркус. — Где-нибудь разместим.

Шершень кивнул, а Сандр уже спускался по лестнице — на Китрин он даже не глянул, и она попыталась убедить себя, что ей все равно.

Китрин отлично понимала, что от нового помещения капитан не в восторге. В отличие от квартирки в соляном квартале здешние комнаты располагались на втором этаже, и каждый шаг отдавался внизу скрипом деревянных половиц — а на первый этаж, в игорное заведение, мог войти кто угодно в любое время дня. Однако лестница, ведущая наверх, запиралась прочным замком, по прилегающим улицам не слонялись пьянчуги и бездомные,

а окна были прорезаны в голой стене без балконов и каких-либо подступов. К тому же добавочное окно выходило в проулок — туда выплескивали содержимое ночной посуды. А за едой и пивом можно было ходить в ближайшую харчевню всего в пяти домах от нового жилья.

По лестнице поднялись Кэри и Микель.

— Мальчишка на улице спросил, что мы грузим, — доложила улыбающаяся Кэри.

Китрин взглянула на капитана Вестера: тот мигом посерьезнел и, шагнув к окну, выглянул наружу.

— И что ты ему ответила?

— Мишуру и стекляшки для праздника первой оттепели. Даже открыли ему один ларец. Видели бы вы эту скривленную физиономию — мальчуган явно ожидал чего-то поинтереснее!

Кэри расхохоталась — то ли не замечая, то ли не желая замечать, как взъерился капитан Вестер. За все дни, пока они искали новое жилье и готовились перевозить сокровища ванайского банка, имя Опал упомянули всего однажды — Смитт пошутил, что она нашла отличный способ увильнуть от тяжелой работы. Никто не засмеялся.

Случившееся едва укладывалось у Китрин в голове. В то, что Опал хотела ее прикончить и забрать сокровища, верилось с трудом. В то, что капитан Вестер убил за это саму Опал, не верилось вовсе. Остальных происшествие наверняка возмутило, они не могли не возненавидеть капитана. И Ярдема. И ее, Китрин. Однако теперь они таскали ее ларцы и перебрасывались шуточками, и девушка вдруг поняла, что доверяет им, всем и каждому, — и не потому, что они в самом деле надежны и преданны, а потому, что она отчаянно желает их такими видеть.

Ошибившись с Опал, она теперь чуть ли не сознательно повторяла ту же ошибку. И понимая это, не могла толком есть и спать с самой той ночи, когда проснулась в комнате, окруженная пятью трупами.

По ступеням поднялся мастер Кит, неся охапку облитых воском книг, следом втащили последние ларцы Сандр и Шершень. Комната, заставленная грузом из фургона, едва вмещала всю компанию, Сандру досталось место рядом с Китрин. Перехватив ее взгляд, он покраснел и по-птичьи мелко дернул головой, как кивнул бы на улице случайному знакомому.

— Кажется, все, — объявил мастер Кит, отдавая книги Ярдему.

— Спасибо вам, — кивнула Китрин. — Всем вам.

— Должны же мы были хоть чем-то помочь, — встрял Смитт. — Ужасно жаль, что все так вышло.

— Да, в общем... — Китрин старательно избегала его взгляда.

— Наверное, вам пора, — обернулся мастер Кит к актерам. — Постараюсь вас нагнать чуть позже.

Актеры, откланявшись, вышли, чуть погодя через окно долетели их удаляющиеся голоса — фургон отъехал. Капитан Вестер беспокойно кружил по комнате, словно ожидал, что половицы от его нетерпеливых шагов станут тише и надежнее. Ярдем растянулся на тюфяке, втиснутом между штабелями ларцов, и закрыл глаза, набираясь сил перед наступлением ночи. Мастер Кит встал и протянул руку девушке.

— Китрин, я хотел бы с тобой прогуляться.

Она перевела взгляд с его руки на капитана Вестера и обратно.

— Куда?

— Я не назначал определенного места, просто думал пройтись.

— Хорошо, — кивнула Китрин, вкладывая ладонь в его руку.

Людское движение растекалось по городу, как потоки воды: медленно и плавно заполняло площадь, что лежала к востоку от нового жилья Китрин, и затем стремительно ускорялось в узкой улочке. У входа в игорное заведение стоял цинна, зазывающий прохожих. Не упустите случай выиграть целое состояние... Удача благоволит к смелым... Потерпели убыток в коммерции — сорвете куш в игре... Выгодные шансы для любой солидной ставки... Реплики звучали одна скучнее другой.

Сквозь толпу протискивались конные повозки, за ними шли тимзины с плоскими лопатами, собирающие навоз. Полдюжина детей с криками носились по лужам, полным грязи и нечистот. Девушка-первокровная не старше Китрин тащила тележку со свежестираным бельем; несмотря на юный возраст, у рта девушки уже залегли скорбные складки. Мастер Кит шел вперед, Китрин старалась не отставать.

Улица вывела их на площадь, которую Китрин еще не видела. С восточной стороны высился огромный храм; разносящиеся в прохладном воздухе певческие голоса славили Бога, сплетаясь в сложных гармониях, словно оба процесса были связаны воедино. Видя, что Китрин замедлила шаг, мастер Кит остановился, прислушиваясь к песнопениям; улыбка его смягчилась, стала печальнее.

— Красиво, правда? — спросил он.

— Что именно?

Актер оперся о каменный парапет и повел рукой, охватывая одним жестом и площадь, и пение, и небо над головой.

— Наверное, весь мир. Несмотря на царящие в нем трагичность и боль, он все-таки кажется мне прекрасным.

Китрин не заметила, как сжала губы — хотелось попросить прощения у мастера Кита за историю с Опал, но он будет вынужден извиняться в ответ, а ей этого не хотелось. Мысли и слова, одинаково ненужные сейчас, беспорядочно путались в голове.

— Чем вы теперь займетесь? — наконец спросила она.

Кит глубоко вздохнул:

— Полагаю, мы пока останемся здесь. Кэри, по-видимому, еще не готова к полному набору ролей, которые вела Опал, однако к концу лета, если будет исправно репетировать, вроде бы должна справиться. После ванайской войны и истории с Опал труппа изрядно поредела — может, удастся ее пополнить: знаю по опыту, что в портовые города часто стекаются бродячие актеры.

Китрин кивнула. Кит подождал было, не заговорит ли она, и после молчания продолжил:

— А еще мне потрясающе интересен твой капитан Вестер.

— Он не мой капитан Вестер. Он и не думает скрывать, что он исключительно сам по себе капитан Вестер. Совершенно ничей.

— Вот как? Значит, я ошибся.

Храмовый хорал разлился мощнее, сотни голосов взмывали и опадали, трепетно соприкасаясь друг с другом, пока Китрин не стало казаться, что сквозь них силится проступить иной глас — тихое, едва слышное веяние Бога. Мастера Кита музыка явно увлекла, и когда он заговорил, Китрин даже удивилась, что актер не потерял нить беседы.

— Судя по всему, драконы оставили миру некое наследие. Я бы сказал... пагубное.

Разрушительное по природе, призванное нести боль. Если его не остановить, оно пожрет весь мир. Я не так уж часто встречал людей, способных ему противостоять. Вестер, по моему, из таких.

— Из-за упрямства? — спросила Китрин почти в шутку.

— Да. И еще, видимо, из-за формы его души.

— Когда-то давно он был полководцем в Нордкосте. Кажется, там что-то случилось с его женой.

— Он командовал армией герцога Спрингмера в войне за наследство. И все знали, что против армий леди Тракиан никому не устоять, но капитан Вестер выиграл все сражения.

— Водфорд и Градис, — вспомнила Китрин. — Упоминают еще и... Эллис?

— Да. Поля Эллиса. Говорят, то была самая страшная битва за всю войну — никто не хотел сражения, но никто не мог отступить. Рассказывают, от капитана зависело так многое, что герцог испугался: а вдруг Вестера переманит кто-то из других претендентов на корону? Убедит поступиться верностью? И тогда Спрингмер велел убить семью капитана и обставил все так, будто это дело рук претендента-соперника. Жена и дочь Вестера погибли на его глазах — страшной смертью даже по военным временам.

— Ужасно, — выдохнула Китрин. — А что с самим Спрингмером? Я слышала, что корона ему не досталась...

— Наш Маркус выяснил правду, расквитался с виновником и исчез. Многие, наверное, думают, что он умер. Насколько я знаю, для людей вроде него ничего нет хуже, чем долгая жизнь — тогда успеваешь узнать, как мало тебе остается после отмщения. Вряд ли он питает хоть какие-то иллюзии, потому-то он и... — Мастер Кит вдруг встряхнул головой. — Прости. Не стоит пускаться в долгую болтовню. Старею, наверное. Я хотел лишь еще раз сказать, что сожалею о происшедшем и постараюсь проследить, чтобы такое не повторилось.

— Спасибо.

— И еще я хотел предложить помощь — всю, какая в моей власти, чтобы благополучно довести тебя до Карса. На мой взгляд, мы задолжали тебе гораздо больше, чем один день погрузки ларцов. Долгое пребывание в роли солдат, по-видимому, сделало нас чем-то вроде товарищей по оружию. Как ни странно.

Китрин кивнула, однако что-то заставило ее сдвинуть брови — она даже не сразу поняла причину. Церковный хорал, отгремев в последнем аккорде, смолк, тишина накрыла мир волной, и даже чайки кружили в воздухе беззвучно, раскинув в стороны неподвижные крылья.

— Почему вы извиняетесь за все, что говорите? — спросила Китрин.

Мастер Кит обернул к ней лицо с удивленно вскинутыми кустистыми бровями.

— Я не подозревал, что так делаю.

— Вот и опять... Вы никогда не говорите прямо, вечно всякие «по-видимому» и «я полагаю»... Никогда не скажете «солнце восходит утром», всегда только «насколько я могу судить, солнце восходит утром». Как будто боитесь что-то пообещать.

Мастер Кит вмиг посерьезнел, от взгляда темных глаз по спине Китрин побежал холодок — не из-за страха, а от необъяснимого чувства, будто сейчас ей откроется нечто, о чем она и не догадывается. Мастер Кит потер ладонью подбородок, звук получился тихий, домашний и совершенно прозаический.

— Удивляюсь, что ты заметила, — сказал он и тут же улыбнулся, поняв, что совершил

то же самое еще раз. — У меня есть способность говорить убедительно, моим словам верят. Я обнаружил, что не так уж это удобно. И видимо, приобрел привычку смягчать категоричность и пытаюсь обходить прямое утверждение, если не уверен в его истинности — уверен полностью, до конца. Даже поразительно, как мало находится такого, в чем я совершенно уверен.

— Странный выбор.

— Зато помогает относиться к себе несерьезно. А несерьезность, на мой взгляд, бывает благотворна.

— Жаль, не могу с вами согласиться. — Китрин сама удивилась, сколько отчаяния прозвучало в голосе. И тут же по лицу полились слезы.

Актер моргнул, нерешительно развел руки — Китрин стояла посреди улицы, стыдясь собственного плача, и не могла остановиться. Мастер Кит, приобняв, отвел девушку к ступеням храма и обернул ее плечи плащом — грубым, из дешевой шерсти, все еще хранящим запах грима. Китрин склонилась вперед, головой к коленям, и хотя печаль и страх брезжили где-то далеко, поток уже хлынул и оставалось лишь ему поддаться. Мастер Кит, положив ей ладонь между лопаток, поглаживал спину, как ребенку, которого надо успокоить. Мало-помалу плач стих, слезы высохли.

— У меня ничего не получится, — выдохнула Китрин, когда к ней вернулся голос. С тех пор как погиб Безель, она повторяла эту фразу тысячи раз для себя одной и только теперь произнесла ее вслух. Слова вышли горестными. — Я не выдержу.

Мастер Кит убрал руку, по-прежнему оставив на плечах девушки старый грубый плащ. Кое-кто из прохожих на них взглядывал, большинство не обращали внимания. Кожа старого актера пахла, как лавка пряностей. Китрин мечтала об одном — свернуться калачиком на каменных ступенях, уснуть и никогда больше не просыпаться.

— Выдержишь, — сказал мастер Кит.

— Нет, я...

— Китрин, не возражай. Послушай мой голос.

Актер вдруг словно постарел, и до Китрин не сразу дошло, что он просто не улыбается. Стали заметнее и круги под глазами, и опавшие щеки, и щетина на подбородке — почти совсем седая. Китрин ждала.

— Ты выдержишь, у тебя все получится. Нет, просто послушай. У тебя все получится.

— Вы хотите сказать, что у меня, по-видимому, все получится. Или что вы думаете, будто у меня все получится...

— Нет, я говорю что говорю. У тебя — все — получится.

На задворках сознания Китрин что-то шевельнулось, по крови пробежала рябь — как по глади пруда, когда рыба проплывает близко к поверхности. Горе никуда не делось, душу по-прежнему угнетали и страх не выполнить порученное, и ужас перед грозным жестоким миром. Однако пришло нечто новое — искоркой во мраке сознания брезжила новая мысль. *Может быть.*

Китрин потерла глаза и встряхнула головой. Солнце, оказывается, шло слишком быстро и сдвинулось дальше, чем она ожидала. Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как они с актером вышли на улицу...

— Спасибо, — тихо выдохнула девушка.

— Мне просто подумалось, что я должен что-то для тебя сделать, — устало проговорил мастер Кит.

— Нам пора возвращаться?

— Если ты готова — то да, наверное, пора.

Вечер наступил позже обычного — еще один знак, что весна не за горами. Ярдем Хейн сидел на полу, скрестив огромные ноги, и поедал с тарелки рыбу с рисом. Капитан Вестер мерил шагами комнату.

— Корабль выбрать не шутка, — бросил он, продолжая прежнюю мысль. — А то нарвемся на таких, что нас убьют, бросят тела акулам и остаток жизни проживут припеваючи в какой-нибудь Дальней Сирамиде или Лионее. Зато если идти морем, то всего одна таможня здесь и одна в Карсе. А посуху — на сборщиков пошлины наткнемся местах в пяти, не меньше.

Рыба на тарелке Китрин лежала нетронутой — желудок сводило в комок, и каждое слово Вестера отбивало аппетит еще больше.

— Давайте вернемся, — предложил Ярдем. — Доедем до Вольноградья, а оттуда на север. Или обратно в Ванайи, раз уж на то пошло.

— Без каравана, в котором можно спрятаться? — переспросил Маркус.

Тралгут, признавая правоту капитана, лишь пожал плечами. Позади вышагивающего Маркуса в свете свечи мерцали вощеные книги ванайского банка, и в голове Китрин вновь ожил недавний кошмар: а вдруг сломаны печати? А вдруг прогнили корешки?

— Можно купить рыбацкую лодку, — подал очередную идею Ярдем. — Без команды. И плыть самим, поближе к берегу.

— И отбиваться от пиратов исключительно своими могучими силами? — спросил Маркус. — Кабраль кишит вольными судами, которые грабят кого хотят, и король Сефан им только потекает.

— Значит, верных способов нет.

— Нет. А до неверных еще целые недели ждать.

Китрин поставила тарелку на пол и, пройдя мимо капитана Вестера, сняла с кипы верхнюю книгу, оглядела залитую золотым полумраком комнату и нашла короткий нож, которым Ярдем днем резал сыр. Лезвие было чистым.

— Что ты делаешь? — спросил Маркус.

— Я не знаю, как выбрать нужный корабль, или правильную дорогу, или караван, в котором можно спрятаться. Зато могу проверить, не промокли ли книги. Значит, тем и займусь.

— А потом их опять запечатывать?

Китрин не ответила. Воск, толщиной с большой палец, откалывался неохотно, под ним обнаружился слой ткани, дальше — более мягкий внутренний пласт воска и, наконец, пергаментная обертка. Сама книга сохранилась нетронутой, будто только что лежала на столе магистра Иманиэля. Китрин открыла обложку, зашелестели страницы. Знакомый почерк магистра Иманиэля казался далеким, как детские воспоминания, Китрин едва не заплакала. Суммы и условные пометки, балансы, сделки, детали контрактов и ставки дохода, подпись магистра Иманиэля и коричневая, в трещинках, кровь его большого пальца — привычные и одновременно неведомые, знаки из прежней жизни всколыхнули память. Вот вклад, внесенный гильдией хлебопеков, и тут же синими чернилами записи о выплатах — ежемесячно за все годы, пока вклад принадлежал банку. Девушка перевернула страницу. Вот запись об убытках от морских страховок в тот год, когда лионейские штормы разразились

позже обычного. Суммы ее потрясли — Китрин никогда не думала, что убыток был так велик. Она закрыла книгу, взяла нож и потянулась за следующей. На Маркуса и Ярдема, которые по-прежнему обсуждали дела, она обращала внимание не больше, чем если бы они сидели в другом городе.

Следующая книга, более старая, заключала в себе историю банка и начиналась учредительными документами; затем шли записи о сделках за многие годы, почти до дня отъезда Китрин. История Ванайев, записанная цифрами и условными пометками. Среди них — короткая, сделанная красными чернилами запись о Китрин бель-Саркур, принятой Медеанским банком под опеку до совершеннолетия, когда ей будут причитаться все средства, принадлежавшие ее родителям, за вычетом сумм на ее содержание. Всего одна строка — не длиннее, чем записи об отгрузках зерна или инвестициях в пивоваренное производство. Смерть родителей, начало единственной жизни, какую она знала, — все в немногих скупых словах.

Китрин взяла следующую книгу.

Маркус замолчал и улегся на тюфяк. Возшел месяц. Китрин читала историю банка, как письма из дома, вокруг валялись куски воска, ткань и пергамент. Сквозь восторженную память, пробужденную видом старых чернил и пыльной бумаги, в сознании проступало смутное предчувствие новой возможности. Не уверенность еще — но ее предвестие.

И, лишь проснувшись от прикосновения Ярдема, который вытащил у нее из рук книгу, она поняла, что впервые после истории с Опал она спала всю ночь без сновидений.

Края Разлома, как камень лишайником, за века успели зарости грубыми деревянными лестницами и импровизированными ступенями. Высоко наверху вздымались исполинские мосты из камня, стали, драконьего нефрита — Серебряный мост, Осенний мост, Каменный мост и почти затерянный в дымке Арестантский мост, увешанный ремнями и клетками. А внизу, где стороны Разлома сходились ближе, качались в воздухе гниющие веревочные переходы. Между двумя этими уровнями лежала история города, и каждый из слоев, громоздящихся один поверх другого, служил памятником конкретной империи и эпохе.

Доусон, закутанный в простой коричневый плащ, мог сойти за нищего из трущоб на дне Разлома или за контрабандиста на пути в тайные катакомбы, пронизывающие основание Кемниполя. Винсен Коу годился на роль напарника-заговорщика или сына. Утренний мороз замедлял шаги, от земли несло тошнотворным запахом клоак, конского навоза, гнилой еды, разлагающихся туш животных и истлевающих тел людей, малоотличимых от животных.

Наконец Доусон нашел нужную арку. Древний слоющийся камень хранил классическую форму, и хотя надпись давно стала нечитаемой, время еще не стерло ее до конца. Внутри царила непроглядная тьма.

— Не нравится мне здесь, милорд, — предостерег егерь.

— И правильно, — ответил Доусон, гордо шагнув во мрак.

Зима, не отпускающая Кемниполь из-под своей власти, все же понемногу теряла силу, под землей нарастали едва заметные звуки — шуршание первых весенних насекомых, тонкий шепот тающих ручьев, мягкое дыхание самой земли, готовой пробудиться от сна. Новое будет зреть еще многие недели, а затем вдруг все разительно за одну ночь переменится. Доусону, замершему под широким сводом бывшей ванной комнаты, вдруг пришло в голову, что и у других процессов та же суть: среди застоя, кажущегося бесконечным, начинают копиться мельчайшие предвестия — и вдруг все обрушивается, неся гибель прошлому. Барон вытащил из кармана письмо и склонился к Коу, чтобы перечитать текст при свете факела. Канл Даскеллин писал, что один из проходов будет помечен квадратом, и Доусон, прищурившись, взгляделся в темноту. Даскеллин моложе, зрение у него, должно быть, лучше...

— Здесь, милорд, — повел рукой Коу, и Доусон хмыкнул: теперь, после подсказки, метка виделась совсем отчетливо. Он шагнул в короткий коридор, снижающийся к лестнице.

— Ни одного стражника, — заметил барон.

— Мы прошли троих, милорд, — ответил Коу. — Двое с луками и еще один у западни.

— Значит, хорошо прячутся.

— Да, милорд.

— Тебя это не радует...

Егерь не ответил. Коридор уперся в каменную плиту с такой отполированной поверхностью, что пламя факела почти двоилось. Доусон, следуя собственной тени, пошел вдоль широкого изгиба, и вскоре в ответ ему замерцал встречный свет. Низкий потолок здесь поддерживали прочнейшие колонны из драконьего нефрита, в пыльном воздухе мелькали огоньки десятка свечей. В закругленном, вырезанном из камня пространстве сидел Канл Даскеллин, слева от него — старый знакомец Доусона, Оддерд Фаскеллан, справа — бледный первокровный, которого барон не знал.

— Доусон! — приветствовал его Канл. — Я уж было заволновался.

— Тому нет причин. — Доусон знаком отослал Винсена Коу обратно в тень. — Я только рад, что попал в город. Мне-то хотелось бы провести зиму в Остерлингских Урочищах.

— В следующем году, — вступил в разговор Оддерд. — Если все сложится как надо, в следующем году жизнь вернется в обычное русло. Правда, последние вести...

— Значит, есть вести? — спросил Доусон.

Канл Даскеллин указал на сиденье напротив, Доусон сел. Бледный вежливо улыбнулся.

— Мы, кажется, незнакомы, — повернулся к нему барон.

— Доусон Каллиам, барон Остерлингских Урочищ, — улыбнувшись, в свою очередь, провозгласил Даскеллин. — Позвольте представить вам решение наших проблем. Это Паэрин Кларк.

— Очень приятно, барон Остерлинг, — произнес бледный с чуть заметным нордкостским выговором. У Доусона по коже пробежал холодок: титула нет, сам не из Антеи — зачем он здесь?

— Каковы же вести? — спросил Доусон. — И как наш новый друг с ними связан?

— Он женат на младшей дочери Комме Медеана, — пояснил Оддерд. — Живет в Нордкосте. В Карсе.

— Я не знал, что мы сотрудничаем с Медеанским банком.

— Иссандриан знает о наших делах, — вмешался Даскеллин. — Не только о Ванайях. С провокации среди фермеров, о попытке лишить Фелдина Мааса его южных владений — тоже. Он знает все.

Доусон отмахнулся от новости, как от комариного звона: его больше волновало то, что этот банкир тоже все знает. Иссандриану, как ни крути, ловушки и заговоры все равно стали бы известны.

— Иссандриан упросил короля Симеона объявить игры, — добавил Оддерд. — Его поддержали Клинт, Маас и еще полдесятка сторонников. Теперь собирают средства, готовят арену, нанимают бойцов на показательные выступления. Всадников. Борхийских лучников. Ведунов. Преподносят все как празднества в честь принца Астера.

— А на деле это ввод боевых сил в Кемниполь, — вставил Канл Даскеллин.

— Блеф, ясный даже ребенку, — возразил Доусон. — Если дойдет до мятежа, Иссандриан проиграет. Для войны у него нет ни людей, ни денег.

— А! — выдохнул банкир.

Доусон вздернул подбородок, как лесной зверь при запахе гари. Канл Даскеллин взял с соседнего сиденья пачку сложенных листов и протянул барону. Бумага — дешевая, почерк — простой, без украшений. Стало быть, не сами письма, а копии. Доусон прищурился: в полумраке слова расплывались, однако при некотором усилии текст становился разборчив. «Шлю наилучшие пожелания тебе и семье»... «Наша общая двоюродная бабка, Экарина Сакиаллин, баронесса благородных земель в Сиринне»...

— Сиринна, — поднял голову Доусон. — Это в Астерилхолде.

— Наш друг Фелдин Маас имеет родню при тамошним дворе, — пояснил Оддерд. — После Астерсанского договора появилась мода на брачные альянсы — как часть мирной политики. Несмотря на давность в три поколения, связи по-прежнему живы. Маас рассылает письма родственникам: десяток их мы знаем, но могут быть и другие, послания к которым мы не смогли перехватить.

— Они обезумели, — заметил Доусон. — Если им кажется, что можно натравить Астерилхолд на короля Симеона...

— Это не все, — вступил в разговор банкир. Голос, холодный и сухой, как новая бумага, вызвал у барона безотчетную неприязнь. — Маас рассказывает им о реакционном сговоре закоснелых стариков придворных, оказывающих нажим на короля Симеона. Описывает людей, мечтающих ради собственной политической выгоды вступить в союз с врагами Антеи.

— Бред.

— Картина выходит вполне правдоподобной, — продолжал банкир. — Он утверждает, будто Маччия, приславшая помощь Ванайям, действовала по указке некоего лица, враждебного Алану Клинну. И в условиях, когда враги трона прибегают к иноземной поддержке, у него, Мааса, не остается выхода, как только воззвать к помощи Астерилхолда, дабы вступить за честь и законную власть короля Симеона и обеспечить безопасность принца Астера.

— Симеона защищаем мы! — рявкнул Доусон.

— Вам виднее, — сказал банкир.

Канл Даскеллин подался вперед, сверкнув глазами.

— Лавина тронулась, Доусон. Если клика Иссандриана добилась поддержки Астерилхолда для введения войск в Кемниполь — а я думаю, что добилась, — то они целят не в Симеона. А в нас.

— Вас уже пытались убить, — добавил Оддерд. — У этих людей нет ни чести, ни понятия о границах дозволенного. Благородным обхождением тут ничего не добьешься. Их можно только уничтожить.

Доусон, у которого голова чуть не звенела от накатившей ярости и недоверия, поднял ладони, призывая к тишине.

— А какой в этом интерес Нордкосту? — указывая на банкира, спросил он, явно подразумевая «а ты-то здесь зачем?».

Даскеллин, заслышав в голосе грозные нотки, нахмурился, однако банкир принял вопрос спокойно.

— Не могу сказать. Лорд Даскеллин наделен полномочиями посланника в Нордкосте, ему и пристало оглашать более веское мнение.

— И при этом ваш банк находится в Карсе, — напомнил Доусон почти обвинительно.

— Там находятся головная контора и один из филиалов. Однако все наши филиалы действуют независимо.

— Что это значит?

— Наш банк не связан исключительно с интересами Нордкоста, — пояснил банкир. — У нас есть тесные связи с представителями многих дворов — даже с антейским, коль скоро Ванайи перешли под ваш протекторат. К сожалению, у нас довольно строгие ограничения на выдачу займов в обстоятельствах, подобных нынешним...

— Я не взял бы ваших денег, даже случись вам подбросить чулок с монетами к моему порогу.

— Каллиам! — не выдержал Канл Даскеллин, но банкир продолжал как ни в чем не бывало:

— ...однако ради мира и стабильности мы будем рады взять на себя роль посредников, если в таковых услугах возникнет нужда. В качестве незаинтересованной третьей стороны

мы в состоянии найти подход к лицам, самостоятельное обращение к которым вы, благородные вельможи, могли бы счесть неловким.

— Нам не нужна помощь.

— Понимаю, — произнес банкир.

— Не рубите сплеча, — вмешался Даскеллин. — У Медеанского банка есть филиалы в Наринландии и Гереце. В Элассе. Если дойдет до уличных убийств, понадобится...

— Нам незачем это обсуждать, — отрезал Доусон. — У нас гости.

Банкир улыбнулся и коротко кивнул. Доусон отчаянно мечтал отменить на время весь этикет и вызвать безродного на дуэль. Банкир — тот же торговец, только по-иному выраженный: мимо людей такого ранга Доусон проходил, не поворачивая головы, однако заученно-спокойная манера, которую демонстрировал бледный, выводила из себя. Канл Даскеллин сдвинул брови так, что они сошлись на переносице. Оддерд следил глазами за всеми тремя собеседниками, как мышь при кошачьей драке.

— Паэрина Кларка и его семью я знаю долгие годы, — напряженным голосом, явно сдерживаясь, произнес Даскеллин. — И совершенно доверяю его благоразумию.

— Как мило с вашей стороны, — отрезал Доусон. — Я познакомился с ним только сегодня.

— Прошу вас, милорды, — вмешался банкир. — Я пришел огласить намерения, моя цель достигнута. Если лорд Каллиам пожелает к нам обратиться, предложение Медеанского банка остается в силе. Если нет — никто не в убытке.

Доусон встал.

— Продолжим в другой раз.

— Да. Разумеется, продолжим, — ответил Даскеллин. Оддерд промолчал; банкир, поднявшись с места, проводил Доусона поклоном. Винсен Коу без лишних слов вырос за плечом, и барон зашагал обратно по тем же ходам, ветвящимся в толще грунта под Кемниполем.

Когда они наконец вышли на улицу, ноги Доусона ныли от усталости, ярость улетучилась. Коу, окунув факел в снег, загасил огонь, на белой целине осталось грязное пятно. Доусон решил отказаться от кареты и идти пешком — не столько ради удовольствия показать Иссандриановым громилам, что он их не боится, сколько из соображений осторожности. Оставить упряжку дожидаться на краю Разлома — все равно что вывесить табличку. Правда, остальные союзники осторожностью не сильно отличались — о чем только думал Даскеллин?..

Окоченевший от холодного ветра и погруженный в размышления, он умудрился не заметить во дворе дома чужой экипаж, который ждал у конюшен. Старый тралгут, раб-привратник, при виде хозяина беспокойно дернул ухом.

— С возвращением, мой господин. — Раб поклонился, звякнула серебряная цепочка. — Час назад прибыл посетитель, мой господин.

— Кто?

— Куртин Иссандриан, мой господин.

Сердце Доусона внезапно сжалось, в жилах запела кровь. Зимний холод, разочарование от встречи с Даскеллином — все разом исчезло. Барон взглянул на Винсена Коу; тот был потрясен не меньше его.

— И ты его... впустил?

Раб-тралгут, сжавшись от страха и отчаяния, склонил голову.

— На этом настояла ваша супруга, господин.

Доусон, вытащив меч, взлетел по лестнице, прыгая через три ступеньки. Если Иссандриан хоть пальцем тронул Клару, он сейчас получит самую краткую и кровавую революцию в мировой истории. Доусон сожжет кости врага на площади и помочится на пепел.

У портика его догнал Коу.

— Найди Клару, — велел барон. — Отведи в ее покои. Убей любого чужака, кто сунется.

Егерь коротко кивнул и исчез в путанице коридоров — стремительный и бесшумный, как ветер. Доусон, неслышно шагая по собственному дому с мечом в руке, за ближайшим углом наткнулся на служанку, которая только ахнула при виде вооруженного хозяина. Псы, поскуливая и рыча, подбежали к нему у входа в оранжерею и пересекли порог вместе с ним.

Иссандриан сидел в западной гостиной, глядя на огонь в камине. Волосы, длинные не по нынешней моде, лежали на плечах львиной гривой, вызолоченные светом пламени. Заметив меч, Иссандриан не пошевелился, лишь вздернул брови.

— Где моя жена? — спросил Доусон. Сзади зарычали собаки.

— Не знаю. Она привела меня сюда дожидаться вашего возвращения, больше я ее не видел.

Доусон сощурился, пытаясь уловить подвох. Иссандриан взглянул на собак, скалящих зубы, потом вновь на Доусона. Ни малейшего страха в глазах.

— Если она вам нужна безотлагательно, я могу подождать.

— Ради чего вы пришли?

— Ради блага королевства. Мы искушенные люди, лорд Каллиам. И оба хорошо знаем, к чему ведет избранный нами путь.

— Не понимаю, о чем вы.

— О том же, о чем все. Иссандрианова клика против Каллиамовой, а между ними мечется король Симеон, не зная, к кому примкнуть.

— Я не позволю так отзываться о его величестве в моем присутствии.

— Вы позволите мне встать, лорд Каллиам? Или честь велит вам спускать собак на безоружного?

Усталость в голосе Иссандриана охладила Доусона. Он вложил меч в ножны и сделал знак псам. Те, умолкнув, отступили. Иссандриан поднялся. Высокий — выше, чем помнил его Доусон, — уверенный, спокойный. И более царственный, чем сам Симеон.

— Может, хотя бы поговорим о перемирии?

— Если у вас есть что сказать, говорите.

— Прекрасно. Жизнь меняется, лорд Каллиам. Не только здесь. В Халлскаре готовы низложить короля и выбрать нового. Саракал и Эласса пошли на уступки купцам и фермерам. Власть, которой в свое удовольствие распоряжалась знать, постепенно слабеет, и, чтобы Антея благополучно влилась в новую эпоху, мы тоже должны измениться.

— Я слышал эти песни. Мне не нравится мотив.

— Не важно, нравится он нам или нет. В мире грядут перемены. И нам остается либо их принять, либо попытаться остановить их поток.

— Значит, ваш фермерский совет был самоотверженным деянием в пользу короны, да? И ваше собственное возвышение тут ни при чем? Придумайте что-нибудь более правдоподобное, шито белыми нитками.

— Фермерский совет могу сделать вашим. Хотите? Если я отдам его под ваш контроль, примете?

Доусон отрицательно качнул головой.

— Почему? — спросил Иссандриан.

Барон, повернувшись, указал на собак, сидевших настороже за его спиной:

— Взгляните на них, Иссандриан. Отличные псы, не правда ли? Я их взял еще щенками. С тех пор слежу, чтобы их кормили. Даю им кров. Временами позволяю спать на моем ложе и греть мне ноги. Неужели я должен одеть их в мое платье и посадить с собой за стол?

— Люди не псы, — сказал Иссандриан, скрещивая на груди руки.

— Неправда. Три года назад мой крестьянин забрался в дом к своему соседу, зарезал хозяина, изнасиловал жену и избил детей. Неужели я, по-вашему, должен дать ему судейскую власть? И позволить огласить его собственный приговор? Или следует прибить его гвоздями к бревну и бросить в реку?

— Вы говорите о другом.

— Вовсе нет. Мужчины, женщины, собаки, короли... У каждого свое место. Мое — при дворе, следовать гласу и воле короля. Место фермера — на ферме. Если вы скажете владельцу свинарника, что ему полагается кресло в суде, вы поставите под удар все общество, а вместе с ним и мое право судить действия свинаря. Потеряв одно, лорд Иссандриан, мы потеряем все.

— Мне кажется, вы ошибаетесь.

— Вы подослали ко мне уличных убийц. Так что меня мало интересует, что там вам кажется.

Иссандриан, прижав к глазам ладонь, кивнул, словно от боли.

— То был Маас. Вам, должно быть, все равно, но я о покушении не знал. Мне рассказали только потом.

— Меня это не интересует.

Противники замолчали. В камине потрескивал огонь; собаки, не зная толком, для чего их здесь держат, беспокойно подергивались.

— Неужели нет путей к согласию? — спросил Иссандриан, и по суровости тона стало ясно, что ответ ему известен.

— Откажитесь от своих планов и намерений. Распустите клику. Принесите мне голову Фелдина Мааса на острие копья и отдайте его земли моим сыновьям.

— Значит, нет, — улыбнулся Иссандриан.

— Нет.

— Позволяет ли вам честь беспрепятственно выпустить меня из дома?

— Моя честь этого требует. Если вы не тронули мою жену.

— Я пришел побеседовать. И в мыслях не было причинять зло вашей супруге.

Доусон отошел в глубь комнаты и щелкнул пальцами, отзывая собак с пути врага. На пороге Иссандриан задержался.

— Верьте или нет, но я не изменял короне.

— И все же вы заигрываете с Астерилхолдом.

— А вы ведете переговоры с Нордкостом, — бросил Иссандриан и вышел.

Доусон опустил в кресло. Любимая сука, главная в собачьей стае, подошла и, поскуливая, ткнула лбом в его ладонь, он машинально потрепал ее за уши. Подождав достаточно, чтобы дать Иссандриану время выйти из дома, Доусон встал и направился в

покои жены. Клара сидела на диване, сжав руки на коленях. Расширенные глаза, бледное лицо — все говорило о страхе и напряжении.

— Где Коу? — с порога спросил Доусон. — Я же его отправил...

Клара указала рукой за спину мужа: егерь стоял в тени, за открытой дверью, сжимая в одной руке обнаженный меч, в другой — грозного вида кривой кинжал. Враг, который оказался бы на месте Доусона, даже не успел бы понять, отчего умер.

— Отлично, — кивнул ему барон. В полутьме он так и не разглядел, вправду ли щеки Коу залил румянец или ему только показалось. Доусон повел рукой в сторону порога и, дождавшись, пока егерь выйдет, закрыл за ним дверь.

— Прости, любимый, — тут же заговорила Клара. — Когда доложили о лорде Иссандриане, я даже не успела сообразить. Я просто велела устроить его поудобнее. Не оставлять же его ждать на крыльце, как мальчишку-рассыльного. Я решила, что коль ему надо с тобой поговорить — пусть уж лучше поговорит. Мне даже в голову не пришло, будто он мог замыслить...

— Пока нет, — успокоил ее барон. — Но если явится снова — не впускай. И никого из связанных с Маасом — тоже.

— Если приедет Фелия, я не сумею ей отказать. Не могу же я делать вид, что ее не существует.

— Не впускай даже ее, любовь моя. После. Не сейчас.

Клара утерла глаза кулачком — торопливо, грубовато, так что сердце Доусона дрогнуло. Он сжал ее колено, пытаясь хоть как-то ободрить.

— Значит, тучи сгустились? — спросила она.

— Иссандриан собирает бойцов. Ведунов. Дело может дойти до кровопролития.

Клара глубоко вздохнула:

— Ну что ж.

— Все кричат, что защищают интересы Симеона, но сохрани нас Бог, если объявится хоть кто-то, кому хватит смелости повести за собой остальных. Астерилхолд и Нордкост наперебой лезут подкупить обе партии и мечтают каждый посадить свою марионетку на Рассеченный Престол. — Доусон кашлянул. — В этой борьбе необходимо победить сейчас, пока перевес на нашей стороне.

— Мятеж? — Сердце Гедера ухнуло в пятки. — С чего вдруг мятеж?

— Люди голодают, милорд протектор, — доложил сэр Госпей Аллинтот. — Фермеры давно уже увозят в Ньюпорт все зерно.

Гедер прижал ладонь к подбородку, стараясь не выдать дрожи. Ему, конечно, что-то говорили о фермерах и отгрузках зерна, но весть затерялась на фоне бесчисленных хлопот, каких требовало управление городом. А теперь гневные голоса, сталкиваясь в общем реве, бушевали на площади за окнами, как гигантский костер. Против Ванайев, стремясь ослабить город, кто-то явно плел заговор — тайный враг, прячущийся в тени. Возможно, Маччия готовилась отвоевать город у Антеи, пользуясь минутной неразберихой. Или изгнанный герцог набирал союзников среди фермеров.

Мысли Гедера летели, обгоняя одна другую, как несомые ветром сухие листья.

— Кто за этим стоит? — изо всех пытаюсь казаться спокойным, спросил он.

Госпей Аллинтот кашлянул.

— Полагаю, такова реакция на ваше решение повисить пошшины на ввоз зерна, милорд. При всей дальности пути фермерам теперь выгоднее продавать хлеб там, поскольку в Ньюпорте пошшина ниже.

— То есть они ради выгоды позволяют Ванайям голодать? — переспросил Гедер. — Так не пойдет. Надо послать войска. Перехватить зерно и привезти сюда.

Аллинтот еще раз кашлянул. То ли его грозила свалить чахотка, то ли он пытался скрыть смех.

— При всем уважении, милорд. Даже если не учитывать ничего иного, вывод войск из города — не лучший способ погасить мятеж. Возможно, милорду угодно будет рассмотреть вопрос о снижении пошшины до прежнего уровня? Или даже, принимая во внимание тяжесть обстоятельств, немного ниже?

— И уменьшить подать, отправляемую в столицу на благо короны?

— При прежнем уважении, милорд. Пока Ванайи не получают зерна, мы не получаем и пошшины. Для отправки в столицу и без того собрано меньше, чем вы запланировали.

Рев на площади усилился. Гедер, вскочив с кресла, метнулся к окну.

— Прах их всех побери! Замолчать, что ли, не могут?

Толпа роилась уже на самой лестнице, ведущей к дворцу, — две или три сотни людей, размахивающих кулаками, камнями и дубинками. Два десятка стражников в антейских доспехах стояли недвижно, выставив перед собой клинки и пока не снимая со спин луков. Гедер разглядел Джорея Каллиама, который вышагивал между солдатами. Толпа качнулась вперед, затем отступила.

— Я с ними поговорю, — решил Гедер.

— Милорд?

— Объявите людям, что я выхожу. Я все им объясню и пообещаю навести порядок.

— Как пожелаете, милорд. — Госпей Аллинтот отвесил поклон и вышел.

Гедер велел слугам принести черный плащ, взятый некогда взамен налога. Знакомый запах шуршащей кожи придавал ему смелости, покрой по-прежнему восхищал. Спускаясь по отполированным деревянным ступеням широкой лестницы, юноша размышлял о том, что плащ в изрядной степени заменяет ему маску: прекрасно сшитый, броский и внушительный,

он привлекает к себе внимание и тем самым скрывает Гедера от людских глаз.

По его кивку две дрожащие служанки-тимзинки открыли двери, и Гедер ступил за порог. Теперь, когда он стоял за спинами стражников, а не взирал на толпу из высокого окна, шеренга солдат казалась тоньше, а толпа огромнее. При виде правителя народ разом ахнул и разразился воплем, потрясая кулаками и дубинами. Сотни поднятых к нему лиц, сотни разверстых ртов с оскаленными зубами...

Гедер, судорожно сглотнув, шагнул вперед.

— Что ты делаешь? — прошипел Джорей Каллиам.

— Не волнуйся. — Гедер поднял руки, призывая толпу к тишине. — Послушайте! Послушайте!

Первый камень прилетел, словно наколдованный ведуном. Темное пятнышко на фоне неба, меньше птицы, поднялось над задними рядами, странно зависло в воздухе — и лишь в последний миг Гедер, опомнившись, понял, что камень летит прямо в него. Удар отбросил его назад, мир на мгновение отдалился и затих, зрение померкло. Потом воздух взорвался гулом, толпа ринулась вперед, и сквозь рев прорвался единственный голос — Джорея Каллиама:

— Готовь луки! Стоять!

Стрела, пущенная с площади, со свистом пролетела над головой Гедера, ударилась в стену дворца и разбилась в щепки. Кто-то крепко подхватил Гедера под локоть и потащил вверх по лестнице. Левую щеку дергало, рот наполнился кровью.

— Ступай за дверь и не высовывайся! — крикнул Джорей. — И не подходи к окнам!

— Ладно, — кивнул Гедер. Над ним просвистел еще один камень, и юноша припустил вперед, под защиту крепких дворцовых стен. Рабыни, едва пропустив его внутрь, тут же захлопнули двери и уложили в скобы поперечный деревянный брус. Гедер присел на ступеньку, обхватив руками колени, и прислушался к нарастающим крикам на площади. Что-то грохнуло, следом заголосила женщина. Гедер вдруг заметил, что качается вперед-назад, и усилием воли принудил себя остановиться. Рядом возник оруженосец с влажным лоскутом в руке и принялся стирать кровь с его лица.

Через несколько минут, показавшихся часами, звуки насилия стихли, и Гедер, выждав время, кивнул рабыням. С дверей сняли брус, юноша выглянул наружу. На площади теперь стояли одни антейские солдаты, у подножия дворцовой лестницы лежали пять трупов, вокруг которых разлилась кровь, неприлично яркая в полуденном свете. Лучники замерли на тех же местах, держа стрелы на тетиве, но луков не натягивали. В центре площади стоял Джорей Каллиам с десятком мечников; он что-то говорил, однако до Гедера доносился лишь ритм его речи, слов не было слышно. Юноша повернулся и зашагал обратно в свои покои. Кто-то умудрился добросить камень до одного из окон, осколки стекла теперь блестели на солнце.

Все вышло не так. Ему, Гедеру, дали шанс снискать себе славу, а он терпит полный разгром. И даже не понимает причин — знает лишь, что из-за его приказов возникли два осложнения, каждое из которых вдвое серьезнее начальной задачи. Солдаты его не ценят, горожане презирают. Чтобы управлять непростым городом вроде Ванайев, у него нет ни опыта, ни нужных союзников. Может, Терниган отзовет его обратно, как Клинна? Предстать перед судом и даже получить наказание лучше, чем сидеть в Ванайях...

Если бы только не разочарование на отцовском лице. И не фальшивые слова ободрения, которые непременно последуют. «Ты сделал что мог, мой мальчик, я все равно тобой

горжусь»... Отец наверняка постарается защитить Гедера от позорной славы, а это тяжелее всего. Уж лучше смерть от рук разъяренной толпы. Собственное унижение, какое угодно болезненное, он переживет. Смотреть на унижение отца будет выше сил. Значит, он обязан найти выход. Обязан.

На служанку, вошедшую с щеткой и совком, чтобы убрать осколки стекла, Гедер едва взглянул. В разбитое окно задувал холодный ветер, однако юноша так и не велел застеклить раму. У него есть кожаный плащ. Он защитит от холода. А если и нет — какая разница...

Свет от окна полз по стене, наливаясь алым по мере того, как солнце клонилось к закату. Слуга из первокровных вошел в комнату, помедлил в нерешительности и принялся разводить огонь в камине. У Гедера затекли ноги, однако он не двигался с места. Тот же слуга чуть погодя вернулся с куском кожи и заделал окно. В комнате стало темнее.

Если Терниган не заплатит за поражение Гедера — будет нечестно. Ведь это Терниган поставил его управлять городом без советников, без поддержки верных людей. Если уж кому и стыдиться происшедшего в Ванайях — то именно лорду-маршалу. Хотя, конечно, этому не бывать. Ведь если карать Тернигана за то, что положился на Гедера, то надо карать и короля Симеона за то, что он доверил власть Тернигану. Так что вину возведут на одного Гедера, и с этим ничего не поделать.

И все же планы Тернигана оставались непонятны. Приказ изумил всех, даже сам Гедер додумался до правдоподобной разгадки только с помощью Джорея Каллиама. Назначение казалось абсурдным, в правильности выбора были убеждены лишь двое — Гедер и лорд Терниган. Они единственные верили в успех...

Или нет. Вдруг в успех не верил никто? С самого начала?

— Ничего себе, — громко сказал пустой комнате Гедер.

Он повернулся — колени от долгого стояния подкосились, и юноша, припадая на обе ноги, доковылял до кресла у камина. Мозг лихорадочно работал. Ему столько раз говорили, что Ванайи — пешка в более крупной игре, и только сейчас он это понял.

Первое: как ни больно признавать, Гедер никоим образом не годится в градоначальники.

Второе: Терниган поставил его управлять Ванайями.

Третье: Терниган не дурак.

Значит, Терниган — по неким причинам, ради неких интриг — сознательно стремился свергнуть Ванайи в хаос. А Гедер оказался подходящей жертвой.

Разбитая губа треснула от улыбки. От смеха выступила кровь.

«Ваше величество, — начиналось письмо, — как протектор Ванайев я вынужден заключить, что политическая обстановка при дворе делает долгосрочную власть в Ванайях невозможной».

Гедер еще раз пробежал страницу глазами. За ночь он набросал полдюжину вариантов письма, от гневных обвинений до самоуничижительных покаяний, окончательную же форму он позаимствовал из грамоты, которую Маррас Тока послал королю Халлскара несколько столетий назад. Полный ее текст содержался в одной из книг, и стиль — в меру эмоциональный и в меру неброский — вполне соответствовал цели. Чтобы не отягощать совесть даже отдаленным намеком на плагиат, Гедер изрядно переделал текст, однако структура изначального послания проступала даже сквозь измененные строки. Трактат с цитированной грамотой Марраса Токи так и лежал на столе, и Гедер — с легкой душой, как

никогда за последние недели, — пролистал его заново. Найдя нужный абзац, он подчеркнул ключевую фразу.

«...Астапал был разрушен Инисом, решившим не уступить город Морату...»

Взгляд упал на надпись, сделанную собственной рукой Гедера: «По кругам на воде видеть, куда упал камень».

Конечно. По возвращении в Кемниполь на это еще будет время. В отличие от Алана Клинна — который вряд ли понял, что лишился города в результате предательства, — Гедер отдает себе отчет в происходящем и не намерен отступать: он докопается до мотивов Тернигана и до всей подоплеки дела. Но не сейчас. Позже.

За долгие ночные часы Гедер извелся. В голове стучала мысль о том, как бессовестно его использовали, как поставили в заведомо проигрышную позицию — и как жестоко поплатятся за это виновные. Слезы сменялись яростью, книги в руках — отчетами от советников, отчеты — сказаниями по истории Ванайев. Изредка приходил короткий сон.

— Милорд, — окликнул его оруженосец. — Вы меня звали?

— Да. — Гедер встал. — Три приказа. Во-первых, вот письмо. Найди самого быстрого всадника: письмо должно попасть в Кемниполь как можно скорее.

— Слушаю, милорд.

— Во-вторых, вот кошель. Знаешь ученого, с которым я разговаривал в академии? Купи у него все книги, какие есть. Принеси сюда и упакуй вместе с моими вещами. Мы уезжаем из Ванайев, книги я беру с собой.

— Уезжаем, милорд?

— В-третьих, извести советников: я встречу с ними через час. Кто опоздает — велю выпороть, так и передай. Выпороть и присыпать раны солью.

— С-слушаю, милорд.

Оруженосец, коротко кивнув, вылетел за дверь. Гедер улыбнулся, ему слегка полегчало. Зевая и потягиваясь, он вышел в коридор, навсегда оставляя позади свои покои во дворце ванайского герцога. Беспокойная ночь не сказалась ни на легкой походке, ни на бодром настрое. Воздух веял тихим предвестием весны, полупрозрачный утренний свет разливался по камням мостовой, где еще вчера бушевали мятежники. На дальнем конце площади кто-то из особо отчаянных ванайцев выставил чучело Гедера — огромное пузо, копия черного плаща, вместо головы тыква с мастерски вырезанной идиотской рожей. К шее привешена табличка: «Накорми нас или освободи». Гедер, словно приветствуя двойника, коротко и жестко кивнул.

Приближенные собрались в той же бывшей капелле, где выслушивали его первую речь. Многие взъерошены со сна, Джорей Каллиам как никогда хмур. Госпей Аллентот, скрестив руки и вздернув подбородок, стоит позади — наверняка решил, что на него возведут вину за вчерашний мятеж.

Гедер, и не подумав сесть, выступил вперед.

— Милорды, — решительно начал он. — Благодарю, что пришли, несмотря на ранний час. Мне как лорду протектору принадлежит право и обязанность отдавать вам приказы сегодня, в последний день нашего пребывания в Ванайях.

Он на миг замолк, давая слушателям осознать сказанное. Взгляды тут же оживились, от смятения разгладились морщины на лбах, кто-то закрутил головой. Гедер кивнул.

— К вечеру все войска должны стоять за городскими воротами, готовые выступить в Кемниполь. Продовольствия у нас, как я понимаю, не много, поэтому позаботьтесь, чтобы

сперва уложили припасы, а уж потом новообретенное имущество. Это не разграбление города.

— А что же тогда? — спросил Альберит Маас.

— Не перебивать, Маас. Я пока еще лорд-протектор. Лорд Аллентот, будьте добры проследить за каналами: их надо перекрыть и оставить без воды. И железные калитки на улицах тоже запереть.

— Какие калитки?

— Широкие калитки у начала каждой улицы.

— Да, милорд, я знаю. Я имел в виду — какие из них нужно запереть?

— Все до единой. Лорд Каллиам, поручаю вам городские ворота. Никого не впускать и никого, кроме нас, не выпускать. Чтоб ни один горожанин не сбежал.

— Мы уходим из города?

— Я вынужден заключить, что политическая обстановка при дворе делает долгосрочную власть в Ванайях невозможной. Вы все видели старания лорда Клинна и видели, к чему они привели. Я читал историю Ванайев. Знаете, сколько раз город переходил под власть Антеи? Семь. Самое долгое — на десять лет, в правление королевы Эстейи Третьей. Самое краткое — на три дня, в Междущарствие. И каждый раз его отдавали по конвенции или жертвовали им ради выгоды. Из этого ясно, что город потерян для политики. При нынешней обстановке, сложившейся в Антее, мы просто повторяем историю.

— Ему-то откуда знать про обстановку в Кемниполе? — пробормотал кто-то довольно громко, но Гедер сделал вид, что не расслышал.

— Как протектор Ванайев я должен содействовать не благу города, а благу Антеи. Если бы я счел, что наше дальнейшее присутствие в Ванайях принесет пользу короне, я бы остался здесь сам и оставил всех вас. Однако исторические книги говорят, что город неоднократно стоил жизни многим достойным и благородным мужам без сколько-нибудь ощутимой пользы для Рассеченного Престола. И, исполняя должность, доверенную мне лордом Терниганом от имени короля Симеона, я пришел к выводу, что Ванайи невозможно удержать без серьезных потерь. И написал об этом королю Симеону — гонец с письмом, где приводится обоснование моего решения, уже скачет драконьей дорогой в Кемниполь.

— Как, просто взять и уехать? — возмущенно переспросил Маас. — Отдать Ванайи врагу? Любому, кто окажется ближе?

— Нет, разумеется, — ответил Гедер. — Ванайи мы сожжем.

* * *

Город погиб на закате.

Случись ванайцам догадаться заранее, недавний мятеж на площади показался бы всем детской забавой. Однако ни осушенные каналы, ни вынесенные на улицы дрова, уголь и масло, ни укрепленные дополнительной охраной городские ворота не вызвали особых подозрений — горожане согласно решили, что им просто мстят за камень, угодивший в голову Гедеру. А поскольку публичные казни были в Ванайях привычным делом, то судьба нескольких мятежников, которых поймают и сожгут, мало кого тревожила. И лишь когда антейские войска, промаршировав по улицам, покинули город, до ванайцев дошел смысл происходящего — однако было уже поздно.

Деревянные дома, доски которых промасливали для защиты от влаги, и узкие улочки, перегороженные калитками, и самодовольная уверенность в том, что город выживет только потому, что выживал и раньше, — история Ванайев обернулась против самих Ванайев. Город был лишь пешкой в крупной игре.

Гедер сидел на небольшом табурете, оставшемся во дворце после сэра Алана Клинна; сиденье — натянутый между опорами кусок кожи — казалось узковато, но собственный походный стул был еще неудобнее. Вокруг стояли ближайšie из советников.

Наступал миг, который Гедер мысленно репетировал не единожды. Как только все будет кончено, он встанет и своей властью официально объявит, что Ванайи больше не нуждаются в протекторате, а потом отдаст приказ выступить в поход. Будет похоже на сцену из старых сказаний. Советники и командиры, стоящие вокруг, беспокойно поглядывали на Гедера, словно не веря, что он всерьез намерен выполнить угрозу.

На его глазах, в сотне шагов впереди, захлопнулись ворота Ванайев, золотые в лучах закатного солнца. Гедер встал.

— Перегородить выход, — велел он.

Приказ нарастающим эхом прокатился от вестника к вестнику, устремляясь к воротам. Ждавšie там верные люди тут же принялись за дело, и меньше чем за минуту выход был надежно закрыт — ворота, конечно, еще можно было выломать напором изнутри, но времени для этого у Ванайев уже не оставалось.

— Пустить огненные стрелы, — негромко, словно беседуя сам с собой, проронил Гедер.

Команда разнеслась по рядам. Два десятка лучников зажгли стрелы и подняли луки, небо прочертили тонкие полоски, мерцающие как светлячки. И второй раз. И еще дважды. Точно так же, дождавшись приказа, выпустят стрелы другие лучники в геральдических цветах Гедера, стоящие сейчас вокруг всего города. Гедер сел. В мечтах все вершилось мгновенно — однако наяву солнце уходило все дальше за горизонт, золотое сияние растворялось в серых сумерках, а признаков пожара все не было. Юноша чуть было не велел лучникам повторить залп, как вдруг наконец заметил первый клуб дыма, который поднялся над городом и начал расти — медленно, слишком медленно. Ожидание явно затянется.

Дым сгустился, повеявший ветер развернул грязное облако в сторону Гедера. С южной стороны возник второй дымный столб — черный язык, вытянувшись ввысь, поймал последние лучи закатного солнца и на миг окрасился алым. Гедер поерзал на сиденье. Холодало, однако за курткой посылать не хотелось. Из-за бессонной ночи накатывала усталость, он едва не падал.

Долгое время ничего не происходило. Немного дыма. Дальние отзвуки голосов. Вспыхнувший пожар вряд ли погасишь, но вдруг?.. И все же дымные клубы разрастались, мало-помалу заполняя ночное небо над Ванайями, — а затем внезапно, словно войдя в полную силу, пожар захватил весь город.

Понеслись вопли, визг и вой. Гедер, конечно, ожидал шума, но не предполагал, что крики так напомнят ему о проклятом мятеже — неужели все было только вчера? В нынешнем многоголосом гуле, правда, не слышалось злобы, одна лишь животная паника. Он уловил движение среди солдат: кто-то из ванайцев умудрился выскользнуть из города, и стражники, верные повелению, принялись расправляться с беглецами. Гедер, тронув рассеченную губу, напомнил себе о чучеле на площади. Ванайцы начали первыми. Не его вина, что они теперь гибнут.

Дым, подсвеченный снизу заревом пожара, взвивался над городом огромными клубами,

затмевая луну. Языки огня, поднимаясь у самой стены, плясали по верх крыш и устремлялись в небо. Послышался гул — низкий и ровный, как звук марширующей армии, потом задрожала земля, и Гедер невольно огляделся — что это, обвал? Или атака? Он даже успел вообразить себе чудом уцелевшего последнего дракона, спрятанного под Ванайями и теперь разбуженного пламенем, как вдруг понял, что гул — всего лишь отзвук бушующего в городе огня.

Ворота дрогнули, изгибаясь от жара, на стене показались силуэты тех, кто пытался сбежать. На краткий миг, внезапный и четкий, как при вспышке молнии, пламя вдруг высветило женщину — Гедер так и не разглядел, какой расы. Она воздевала руки, пытаясь жестами что-то сказать, и Гедер вдруг чуть не дернулся послать кого-нибудь ей на выручку — однако женщина уже исчезла. Очередной порыв пламени добрался до полупустых зернохранилищ, и взметнувшаяся хлебная пыль взорвалась с громовым треском, заглушившим прочие звуки.

Гедер сидел, глядя на город расширенными от изумления глазами, вокруг дождем сыпались ошметки пепла. Жар от погибающего города обжигал лицо, как раскаленное солнце пустынь. Еще нынешней ночью он предвкушал, как будет сидеть и смотреть на гибнущий город — до конца. И не знал, что Ванайи будут гореть не один день.

Ничего он не знал. Ничего.

— Уходим, — сказал он. Никто не услышал. — Хватит уже! Уходим!

Приказ передали по рядам, и антейская армия отступила от пекла. Гедер успел отбросить всякую мысль о заготовленных жестах и патетической риторике: на фоне содеянного меркли любые слова. Он вернулся в палатку, занятый одной мыслью — не слишком ли близко к городу разбит лагерь, не перекинется ли пожар через стены, не доберется ли до него самого.

Он отослал оруженосца и рухнул на постель. От усталости не было сил пошевелиться, в ушах не смолкал страшный рев пламени. Перед недвижным взглядом, уставленным в крышу палатки, плясала хрупкая женская фигурка с воздетыми руками, гибнущая в пожаре. Прижав руку ко рту, Гедер вгрызся в ладонь до крови, пытаясь не слышать огненного гула.

Дым десяти тысяч людей поднимался в небо.

Весть о гибели Ванайев обрушилась на Порте-Оливу, как морской вал. На главном рынке, в порту, в харчевнях и на постоянных дворах, на лестнице кирпично-стеклянного лабиринта, служащего дворцом наместнику, — везде кипела молва; история дополнялась новыми вестями с моря и суши, а то и просто домыслами. Ванайи горели три дня. Антейцы перегородили ворота и убивали каждого, кто пытался сбежать, а перед уходом осушили каналы — чтобы нечем было гасить огонь — и разлили по улицам ламповое масло, целыми бочками. От жара лопались камни. Запах пожара относил ветром до самой Маччии, закаты сделались кроваво-алыми. Обугленные тела до сих пор перегораживают дамбы в Ньюпорте.

Китрин прислушивалась к вестям с той же жадностью, с какой здешние нищие высматривали на мостовой оброненные монетки. Сперва она отказывалась верить — города не гибнут за одну ночь, знакомые ей улицы и каналы не могут разрушиться от одних слов рассказчика, даже если он антейский воин. Однако с каждым пересказом, с каждым новым голосом, повторяющим те же слова, неверие испарялось. Даже если истории были отголоском одна другой, все вместе они не могли не убеждать.

Ванайи погибли.

— Грустишь? — спросил Сандр.

Китрин сидела на краю актерского фургона, свесив ноги, как ребенок на слишком высоком стуле. Вокруг кишела полуденная толпа. Девушка проводила глазами тонкого как тростинка циннийского мальчика с бесцветно-соломенными волосами, пробирающегося в тесном людском потоке. От солоноватого морского запаха воздух казался холоднее. Ответ не приходил. И все же Китрин попыталась объяснить.

— Сама не знаю. Нет, наверное. Трудно жить среди вот этого, — она кивнула на толпу вокруг, — и чувствовать чужую смерть. Я знаю, что магистр Иманиэль погиб. Кэм, наверное, тоже. И все мальчишки, которые играли на улицах. И от этого порой грустно. Но когда я думаю о том, что погибло все — и овощной рынок, и дворцы, и плоскодонные баржи, все-все, — то чувствую... как бы это назвать... отрешенность?

— Правильное слово, — кивнул Сандр, как будто понял.

— У меня теперь нет знакомых. Я прожила всю жизнь в Ванайях, там меня знал почти каждый — кто я, что за человек... А теперь они все погибли, к Ванайям меня ничто не привязывает. Капитан Вестер, Ярдем Хейн, ты, труппа мастера Кита — кроме вас, меня никто не знает.

— Трудно тебе, — сочувственно промолвил Сандр, беря ее за руку.

«Да нет же, это самое лучшее во всей истории, — пронеслось в голове Китрин. — Когда тебя никто не знает, можно быть кем угодно».

— Сандр! — окликнул юношу мастер Кит. — Пора.

— Иду! — Сандр вскочил на ноги и мягко улыбнулся Китрин той улыбкой, которую обычно приберегал для сцены. — Подождешь конца пьесы?

Девушка кивнула. Все равно идти некуда. А кроме того — интересно, с чего это Сандр переменил к ней отношение. Должно быть, какая-нибудь красotka ему отказала, и теперь он заигрывает с Китрин, чтобы залечить раненое самолюбие. Наверняка после сцены у мельничного пруда он считает ее легкой добычей. Китрин толком не знала, вправду ли она легкая добыча. И главное, желает ли ею быть.

Она спрыгнула с фургона и присоединилась к зрителям.

Микель успел замешаться в толпе, не особо стараясь прикидываться местным. Встретившись с ней взглядом, он улыбнулся, Китрин кивнула в ответ. Смитт и Шершень опускали сцену. Цепи, звякнув, встали на место, и на подмости вышел мастер Кит — уже не в одеждах Оркуса, повелителя демонов: без Опал пьесу об Алерене Убийце и драконьем мече играть перестали. Теперь с плеч мастера Кита свисал переливающийся голубой плащ, зеленые чулки держались подвязками из ярко-желтых лент, а на ногах красовались уморительного вида башмаки.

— Приве-е-ет! — протянул мастер Кит комичным фальцетом. — Я сказал — привет, эй вы! Да-да, вы, в такой чудесной шляпе! Остановитесь, куда вам спешить? И вы, там сзади, подойдите ближе, увидите кое-что интересное. А? Точно-точно. И...

Мастер Кит замер, лицо свело от ужаса. Китрин, вздрогнув, чуть не обернулась посмотреть.

— Нет-нет, только не вы, — тем же фальшивым голосом пропел мастер Кит, и его рука мелькнула в воздухе, как вспорхнувший воробей. — Вы — идите себе дальше.

Зрители — которых должны были заводить Китрин с Микелем — засмеялись сами по себе: у фургона уже стояло с полдесятка зевак. Для «Проклятия невесты» хватало и одной актрисы, фривольную комедию с переодеваниями мастер Кит слегка переделал под условия Порте-Оливы: вместо короля в пьесе упоминали королеву, вместо злодея-йеммута с накладными плечами и фальшивыми клыками теперь выскакивал на сцену Смитт в увешанной бусинами овечьей шкуре — к удовольствию публики, которая радостно узнавала карикатуру на куртадама. Китрин хлопала в ладоши и смеялась, не столько показывая пример толпе, сколько добавляя веселья в уже готовый настрой.

В конце, когда актеры раскланивались под скромным дождем из сыплющихся на сцену монет, Китрин вдруг удивленно обнаружила, что вокруг царит все та же, прежняя жизнь. Прятаться в Порте-Оливе, ждать по ночам ограбления...

И знать, что Ванайев больше нет.

Сандр выпрыгнул из фургона, стирая влажной тряпицей краску с лица. Подчеркнутые гримом глаза и рот делали его моложе — а может, он просто выглядел по возрасту, хотя обычно старался казаться бывалым и выдавшим виды.

— Хорошо сыграли, — улыбнулся он.

— Да, — согласилась Китрин.

— Пойдем угощу обедом, если хочешь.

За его плечом Китрин увидела нахмуренное лицо Кэри, следящей за ними из фургона, и попробовала взглянуть на себя ее глазами. Сандр, первый актер труппы. Китрин, наивная простушка. А может — Сандр, член труппы, и Китрин, причина смерти Опал. Поджатые губы, нахмуренные брови — Кэри недовольна ею или Сандром?..

«Выясняй», — донесся до Китрин голос магистра Иманиэля то ли из памяти, то ли из небытия.

Китрин, чуть согнув руку у пояса, слегка качнула ладонью. Кэри помахала в ответ и, указав на Сандра, кивнула: «Он всерьез?» Значит, история с Опал ни при чем — иначе бы Кэри только улыбнулась и помахала. Китрин, к своему удивлению, облегченно вздохнула и, глядя на Кэри, пожала плечами. Актриса закатила глаза и скрылась в фургоне.

— Что? — Сандр оглянулся через плечо. — Я что-то пропустил?

— Нет, просто Кэри выглянула. Ты вроде говорил про обед?

В харчевне, что стояла поблизости от новой квартиры Китрин, имели обыкновение подавать особое блюдо из курицы с соленой морковью, которое, по словам хозяина, отлично шло к темному пиву. Сандр заплатил пять лишних монет за отдельный стол с длинной скамьей, отгороженный от общего зала складчатой тканью, слишком грубой для гордого звания портьеры. Поставив на стол жбан темного пива и широкую кружку крепленого вина для Китрин, парень уселся за стол, его колено уверенно коснулось ноги девушки. Китрин поразмыслила было, не отодвинуться ли, но вместо этого отхлебнула изрядный плоток вина, радуясь обжигающему вкусу. Сандр улыбнулся и припал к пиву.

Китрин понимала, что все происходящее — лишь сделка. Сандр намерен провести время в тех забавах, которые только что высмеивал во фривольной пьесе, и за это готов предложить еду и выпивку, внимание и сочувствие. И еще — знает он об этом или нет — некоторый опыт. Скрытый обмен магистр Иманиэль упоминал неоднократно, каждый раз с презрительной гримасой: банкир предпочитал четкое исчисление монетой. Китрин, сидя в теплой харчевне и потягивая крепкое вино под солоноватое мясо, не так уж склонна была с ним согласиться. В нечеткости тоже есть своя прелесть.

— Ужасно, что Ванайи погибли, — начал Сандр с того же, что и перед спектаклем.

Зачем? Видимо, желая напомнить Китрин, что она нуждается в ободрении и дружеском плече. И желая придать ценности тому, что собирается предложить. Однако начинать второй раз ту же тему — ошибка. Мог бы и разнообразить тактику: например, принизить стоимость Китрин. Дурно отозваться о ее одежде или прическе, показывая, что лечь с ней в постель — не такая уж награда. Впрочем, он рисковал бы тем, что она обидится и не пойдет на сделку. Или сделает вид, что обиделась, и заставит его поднять цену.

— Китрин, — окликнул он, и девушка пришла в себя.

— Извини. Я задумалась.

— Пиво хорошее. Ты тут раньше бывала?

— Давно собиралась. Но все время что-то отвлекало.

— Хочешь попробовать?

— Давай.

Китрин ожидала, что он даст ей отхлебнуть из своего жбана, однако Сандр поднял руку, подзывая слугу, и велел принести кружку пива для Китрин. Вкус был густым и насыщенным, спиртовая горечь терялась в замысловатой игре ароматов — совсем не похоже на ясный, терпкий вкус вина. Как там говорил капитан Вестер? «Напоил до бесчувствия и полез»? Да уж, разнообразием стратегий Сандр явно не блещет.

— Я не помню родителей, — сказала она. — Меня воспитывал банк. Покупал одежду, нанимал учителей...

— Опекунов ты, наверное, любила? — поддержал ее Сандр сочувственным голосом, продолжая роль утешителя, и чуть сильнее прижался к ней бедром.

Китрин все же задумалась над вопросом.

Любила ли она магистра Иманиэля? Видимо, да. Уж точно любила Кэм и страдала по Безелю. И оплакивала всех, когда пришли первые вести. Однако слезы были недолги: несмотря на то что горе никуда не делось, помимо него в душе нарастало нечто иное — жутковатое предчувствие нового будущего.

— Наверное, — наконец выговорила она.

Сандр взял ее за руку и жалостливо сдвинул брови.

— Я так тебе сочувствую!

Глаза Китрин, к ее собственному удивлению, наполнились слезами.

Сандр, склонившись к ней, осторожно коснулся ее щек обшлагом рукава — утирая слезы, которые сам же и вызвал. При виде такого лицемерия Китрин возмутилась, и вопросов больше не осталось.

— Капитан Вестер! — воскликнула она.

Сандр мигом отбросил ее руку, как ядовитую змею, и осторожно выглянул из-за занавески.

— Где?

— Вошел в зал рядом. Беги, Сандр! Пока он тебя не увидел!

Парень сглотнул, дернул головой и, сорвавшись со скамьи, шмыгнул к задней двери. Китрин, поглядев вслед, потянула к себе его жбан с пивом — в конце концов, курицу ведь к пиву и подавали. Пока девушка пила, мысли бродили сами по себе. На Сандра она не злилась, но и уважения к нему не испытывала. Может, в другой раз она бы и позволила ему доиграть роль — хотя бы для того, чтобы посмотреть, чем все кончится. Однако мастер Кит явно собирался осесть на некоторое время в Порте-Оливе, а Китрин не представляла, когда и как отсюда выберется: при таких условиях роман с Сандром только осложнит дело. К тому же — вдруг она забеременеет? Тогда вообще все пойдет прахом. Лучше уж ни во что не ввязываться, чем потом расхлебывать. И все же ее не оставляло любопытство; память вновь рисовала ей вечер у мельничного пруда, обжигающий кожу снег, тяжесть тела Сандра...

Покончив со второй кружкой пива, она вернулась к вину. Выпивка, обычно призванная расслаблять мозг, действовала странно — напряженность ушла, вечный ком в груди слегка смягчился, прибавилось чуть уверенности, но разум был ясным, чуть ли не яснее обычного. Где-то на краю сознания, почти за гранью, бродили необъятные мысли, мозг что-то выстраивал и анализировал с такой скоростью и изяществом, что сама Китрин не могла за ним уследить. Она поела соленой моркови, допила вино и взяла еще кружку пива.

Из харчевни она вышла уже совсем на закате, когда Порте-Олива погрузилась в серый сумрак. Горели, помигивая, уличные светильники, прохожие ускоряли шаг, спеша попасть домой до темноты. В воздухе веяло уже не столько зимним холодом, сколько весенней прохладой. Китрин отдалась течению толпы, влекущей ее по улице, в голове сами собой перекачивались, складывались и рассыпались мысли. Каким зрелым кажется Сандр в спектаклях и каким юным вне сцены. Как сиротливо стало на душе после смерти магистра Иманиэля и Кэм, как отчаянно хочется заполнить пустоту — и какой странно далекой, почти чужой, кажется собственная боль. Как неотвратимо надвигается путешествие в Карс — снова скрытничать и осторожничать, пряча от сторонних глаз богатство, которое она не крада. Как удивительно проследживать судьбу банка по цифрам и условным пометкам в банковских книгах — от учредительных документов до последних записей о бегущей из города аристократии. Как вероломна оказалась Опал и как надежен капитан Вестер. Китрин вдруг припомнила слова мастера Кита о форме души Маркуса — интересно, а у ее собственной души какая форма?..

Мимо торопливо проскользнула циннийка в развевающихся розово-золотых одеждах, с лицом бледнее луны. Из темного переулка залаяла собака. Прошли три куртадама, позвякивая бусинами на шкуре, буркнули что-то непонятное и разом засмеялись — она даже не глянула. Прямо над головой уже светились окна квартиры: если на нее нападут, стоит только позвать — и капитан Вестер с Ярдемом Хейном мигом придут на помощь. Приятно чувствовать себя в безопасности, даже если это только иллюзия.

На самом верху лестницы до нее донесся резкий скрип половиц — капитан Вестер мерил шагами комнату. Она открыла дверь и наткнулась на его хмурое лицо.

— Долго же тебя не было.

Китрин пожалала плечами.

— Сколько ты выпила?

Китрин прошла к тюфяку и села рядом с тралгутом. От Ярдема пахло вольными полями и мокрой псиной, она еле удержалась, чтобы не потрепать его по широкой спине. Капитан Вестер, не отрывая от нее глаз, ждал ответа.

— Не помню точно, — сказала Китрин. — Платила не я. По большей части.

Вестер вздернул бровь.

— Скоро оттепель. Пора решать, — произнесла девушка твердо, ничуть не запинаясь.

— Верно. — Капитан сложил руки на груди. В сумерках он выглядел моложе — не так выделялись морщины на лбу и седина на висках. Китрин вспомнила, что Опал считала капитана привлекательным, и задумалась, нравится ли он ей. Она делила с ним жилье не одну неделю — а если считать дорогу, то и не один месяц. Интересно, какой вкус у его губ — как у Сандра?.. Встряхнув головой, Китрин почти разозлилась на себя за фантазии.

— Каким бы способом ни добираться до Карса, — начала она, — нас все равно могут убить и забрать деньги.

— Скажи что-нибудь новенькое, — бросил капитан Вестер.

— Значит, надо забрать деньги самим. — Все, о чем Китрин размышляла целый вечер, выстроилось вдруг в голове ясно и четко. — И пустить их в дело.

— Самое лучшее — взять сколько сможем и исчезнуть.

— Нет, — покачала головой девушка. — Забрать их целиком.

Тралгут рядом с ней дернул ухом. Капитан Вестер отвел взгляд.

— Если забрать все целиком, ничего не изменится: деньги все равно придется или прятать, или охранять. Только за нами еще будут охотиться твои дружки из Карса. Так что ничего нового ты не придумала. Поговорим завтра, когда протрезвеешь.

— Нет, послушайте. Мы уже пытались протащить сокровища контрабандой. Вы сами говорили: столько денег нельзя спрятать от чужих глаз, нельзя уберечь от посягательств. Опал тому примером. Значит, их не надо прятать.

Вестер с Ярдемом молча переглянулись, капитан вздохнул. Китрин встала и прошла к освобожденным от воска книгам — шаг был совершенно тверд, и когда она взяла в руки том в черном кожаном переплете, руки не дрожали. Открыв книгу на первых страницах, Китрин вручила ее капитану.

— Учредительные документы, — пояснила она. — Нам надо сделать копию, только указать не Ванайи, а Порте-Оливу. Тут на доброй сотне бумаг есть подпись магистра Иманиэля и отпечаток его большого пальца, можно взять какой-нибудь маловажный договор и из него сфабриковать учредительное письмо. Представить документы наместнику, уплатить пошлину, раздать взятки, а потом вложить в дело весь капитал.

— Вложить, — повторил Вестер с той же интонацией, как если бы сказал «сожрать».

— Шелк, табак и пряности я могу передать для комиссионной торговли. Даже если их украдут у купцов, банку будет возмещена стоимость. То же можно сделать с драгоценностями. Или продать их напрямую, за деньги, и дальше выдавать средства в виде кредитов. Или вложить в какой-нибудь местный бизнес. Некоторую часть надо оставить себе — процентов пять. Если за мной будет имя Медеанского банка, то незачем ждать торговых

судов из Наринландии: пока они сюда доберутся, я девять десятых всех сокровищ успею обратить в бумаги, совершенно бесполезные для кого угодно другого. А остаток охранять будет проще, на него мало кто польстится.

— Ты точно пьяна, — сказал Вестер. — Воровать — это брать ценности и с ними исчезать.

— Я не собираюсь воровать. Я собираюсь все сохранить. Этим и занимаются банки. Они не хранят ценности так, чтобы их мог стащить любой, кто вломится в хранилище. Банки вкладывают их в дело. Если потерпишь убыток или кто-то украдет ценности, пущенные в оборот, у тебя все равно останется доход и прежние договоренности, можно все восстановить. А у нас — даже если ничего не выйдет, что тогда? Нас бросят в тюрьму?

— В тюрьме ничего хорошего, — пророкотал Ярдем.

— В тюрьме лучше, чем валяться убитым на дне моря, — заявила Китрин. — Если делать как я говорю, шансы сберечь деньги увеличиваются, а убытки от возможного провала уменьшаются.

— Ты хочешь забрать деньги, которые тебе не принадлежат, и открыть собственный филиал того самого банка, который обкрадываешь? — напряженно переспросил капитан Вестер. — Банк ведь узнает, к тебе явятся.

— Конечно, — кивнула девушка. — К тому времени как они явятся, у меня будет не только вся прежняя сумма, но и полученная с нее прибыль. Если я все сделаю правильно.

На лице капитана застыло недоверие пополам то ли с восхищением, то ли с яростью.

— Да послушайте же меня! — топнула ногой Китрин. — Послушайте мой голос, капитан. У меня — все — получится.

— Осторожнее, — предупредил Маркус.

— Я и так стараюсь, сэр.

— Значит, старайся лучше.

Предыдущие семь попыток лежали между ними на полу: контракты и соглашения, заключенные мертвыми уже людьми по поводу погибшего в пожаре имущества. Однако на каждом, как и сказала Китрин, красовалась подпись магистра Иманиэля из Ванайев и кровавый отпечаток его большого пальца. Теперь пергамент предстояло окунуть в воск так, чтобы покрыть только подпись и отпечаток. Затем поместить страницу в топленый жир с солью — смягчить чернила, которые через день уже можно оттирать специальным камнем, после чего пергамент следовало выдержать в моче, чтобы обесцветить помарки. На готовом листе останется лишь написать тщательно составленный Китрин текст — и получить письмо, подписанное и заверенное бывшим главой банка. Который, по заготовленному рассказу девушки, предвидел гибель города от рук антейцев и придумал хитрый план повторно основать филиал банка, теперь уже в Порте-Оливе, через посредство Китрин.

Если удастся покрыть воском нужный участок пергамента.

Маркус, наклонившись вперед, коснулся пальцами края страницы.

— Ты, главное...

— Сэр!

— Что?

Тралгут закинул уши назад, так что серьги оказались на самом затылке.

— Ступайте вон в тот угол, сэр.

— Да я же...

— Ступайте.

Маркус, не попав пальцами по пергаменту, крикнул и отвернулся. Меньшая из комнат над игорным заведением, и без того небольшая, теперь была разгорожена ларцами надвое. Весенний ветер, разгуливающий за окнами, то и дело грохотал ставнями, отчего мир казался бурным и тревожным. Маркус уже давно не встречал весну в южных портах и успел отвыкнуть от густого соленого запаха гавани, навевающего мысли о несвежей рыбе. Китрин в одежде погонщика сидела на табурете, рядом примостилась Кэри, в двух шагах от них стоял мастер Кит, скрестив руки на груди.

— Уже лучше, — кивнул старый актер, — но теперь тебя слишком заносит в обратное. Будто ты что-то тащишь. Не воображай груз, просто попробуй двигаться, как будто на тебе тяжелый шерстяной плащ.

— Тут слишком зажато. — Кэри коснулась ладонью спины девушки. — Расслабься и перенеси опору вот сюда.

Китрин нахмурилась, в углах рта залегли полумесяцем тонкие складки.

— Как будто грудь слишком тяжелая, — подсказала Кэри.

— А, — выдохнула Китрин с облегчением. — Поняла.

Встав с табурета, она шагнула к мастеру Киту, развернулась и опять села. Маркус толком не понял, что изменилось в ее движениях, просто она стала совсем другой. Более взрослой. Мастер Кит и Кэри с улыбкой переглянулись.

— Лучше, — кивнул актер. — Несомненно лучше.

— Наверное, пора пройти до площади, — предложила Кэри.

— Не возражаю. — Мастер Кит отступил назад, почти вплотную к Маркусу, и обе женщины, взявшись за руки, проскользнули к лестнице. — Ниже в бедрах, — бросил вдогонку актер. — Уйди ниже в бедра. Не шагай от колена.

Проскрипели и стихли ступени — Кэри с Китрин вышли на мостовую, на лестницу взметнулся порывом ветер, внизу хлопнула дверь. Маркус выдохнул и присел на освободившийся табурет.

— Насколько я вижу, у нее все идет хорошо, — заметил мастер Кит. — От природы она не так уж мастерски владеет телом, но по крайней мере она его не боится. Я бы сказал, что это половина успеха.

— Отлично, — кивнул Маркус.

— И шрамы на больших пальцах вроде бы заживают правильно. Надеюсь, будут хорошие мозоли, как будто Китрин подписывает контракты не первый год. Раны присыпали чем — известью?

— Золой с медом, — ответил Маркус. — Эффект тот же, а риск заражения меньше.

— Верно. Я подумал, что представить ее на три четверти цинниейкой — хорошая мысль. Если она ближе к чистым циннам, то плотность сложения, которая в ней от первокровных, может сойти за зрелость.

Мастер Кит привалился плечом к стене, темные глаза скользили по Маркусу, словно актер читал книгу.

— А вы-то, капитан, что думаете обо всем деле?

— Не нравится мне эта затея. Не нравится весь план, не нравится подделка документов. Не нравится, что Китрин втянула в дело и вас, и трупку. Ничего не нравится.

— И все же вы, как я вижу, ей помогаете?

— Я не знаю другого выхода. Разве что набить карманы драгоценностями и сбежать — еще остались такие грезы.

— А почему вы от них отказываетесь? Ларцы — вот они. Я бы сказал, что такую плату вы более чем заслужили.

Маркус горестно усмехнулся и, уперев локти в колени, качнулся вперед. Из противоположного угла удовлетворенно фыркнул Ярдем — восковой слой на этот раз лег как положено.

— Без последствий не обойдется, — процедил Маркус. — Она ведь не может просто присвоить богатство. Это как прийти в Кабраль и между делом заявить, что ты теперь новый градоправитель Упурт-Мариона и тебе принадлежат все портовые сборы. На что повлияет такой ее ход — неизвестно. К концу весны в любом торговом доме и при любом монаршем дворе будут судачить о том, зачем Комме Медеан вкладывает деньги в Порте-Оливу. Сюда ведь замешаны и отношения между Биранкуром и Кабралем, и перевозки из Карт-Хадата... Почему здесь до сих пор не было филиала? Вдруг его запретила королева? Не удивлюсь, если мы прямо сейчас, сами того не зная, нарушаем десяток соглашений и договоренностей.

— Не спорю, — кивнул мастер Кит. — Риск вполне очевиден.

— Мы готовы сделать смелый и неожиданный ход от имени банка, обладающего немалым богатством и влиянием. И ни на миг не задумываемся о том, как сам банк воспримет вмешательство в свою политику.

— Потому-то вам и не нравится вся затея?

— Да, — кивнул Маркус.

Мастер Кит опустил глаза. Притихший было ветер налетел очередным порывом, ударил в окна, взвихрил воздух.

— Почему вам не нравится затея, капитан?

Кольнула досада, затем появилось холодное, почти болезненное ощущение верного ответа, скользнувшего в сознание. Маркус потер ногу, на пальцах осталось ощущение грубой ткани. Руки казались старше, чем на самом деле; в памяти всплыла давняя, самая первая кампания — тогда руки были сильными, молодыми, умелыми. Теперь шрамов на них столько же, сколько и кожи. Ноготь большого пальца на правой руке когда-то рассекло надвое, костяшки пальцев увеличились, мозоли пожелтели. На ладони, если взглядеться, до сих пор заметны белые точки там, где когда-то в руку вгрызлись собачьи зубы — целую жизнь назад...

— Китрин знает об опасностях, но их не понимает, — произнес Маркус. — Повтори ей все, что сказал вам сейчас, она опровергнет каждый аргумент, пункт за пунктом. Скажет, что спасенный от гибели капитал — исчерпывающее оправдание для затеянного. Что ни главная контора банка, ни остальные филиалы не ответственны за действия Китрин, поэтому для банка получить даже часть средств — несомненная выгода, ведь деньги считались окончательно пропавшими.

— И все же, — не отступал мастер Кит.

— Я знаю, как защитить ее от разбойников и грабителей. Знаю, как сражаться с пиратами. Я не знаю, как защитить Китрин от нее самой, а ведь большей опасности, чем она сама, для нее нет.

— Трудно бывает, да? Когда уходят из-под опеки.

— Я ее не опекаю.

— По-моему, это неправда, хотя вы можете попытаться меня переубедить. Назовите три решения, какие она приняла до этого. За то время, что вы ее знаете.

За плечом актера возник Ярдем Хейн, вытирающий пальцы о серый лоскут. У Маркуса мелькнула надежда, что разговор уйдет в сторону, однако по спокойному лицу тралгута стало ясно, что тот пришел слушать, а не говорить.

— Она купила платье, — вздохнул Маркус. — И захотела ходить на ваши представления.

— Значит, два? — спросил мастер Кит.

— Выбрала рыбу на обед.

— А раньше, при других ваших нанимателях, такое бывало? Подозреваю, что вам Китрин кажется не хозяйкой, подрядившей вас для охраны, а маленькой девочкой, случайно попавшей в речную стремнину. Она вам платит?

— Нет, — пророкотал тралгут.

— Не лезь, — отрезал Маркус. — Заплатить она не могла. У нее нет своих денег. Богатство ей не принадлежит.

— Теперь у нее, возможно, появится золото. И способность принимать решения более важные, чем покупка платья или выбор между рыбой и курицей. Если ее план сработает, она будет сама выбирать жилье и меры защиты — если сочтет их нужными — и будет решать тысячи вопросов, связанных с банком. Подозреваю, что вы и тогда будете рядом с ней, опекая и защищая. Но только как наемный охранник.

— Каковым я до сих пор не был? — спросил Маркус.

— Каковым вы до сих пор не были, — согласился мастер Кит. — Будь вы просто

охранником, вы бы спросили мнение Китрин, прежде чем убить Опал.

— Она бы сказала не убивать.

— Потому-то, думаю, вы и не спросили. И вы боитесь тех времен, когда вам придется подчиняться ее решению, даже если оно, по вашему мнению, неверно.

— Она совсем еще юная девочка.

— Все женщины когда-то были девочками. Китрин. Кэри. Королева Биранкура. Даже Опал.

Маркус пробормотал проклятие. На улице, окликая прохожих, драл глотку зазывала игорного дома — не упустите случай выиграть целое состояние, выгодные шансы для любой ставки...

— Неприятная вышла история с Опал, — сказал Маркус.

— Да, я вас понимаю. Мне тоже неприятно. Я ее знал долгие годы и много с ней общался. Однако с характером не поспоришь: Опал оставалась собой и поступала как умела.

— Вы были любовниками?

— Когда-то давно.

— Вы вместе играли на сцене, вместе скитались по городам, она была частью труппы.

— Да.

— И вы дали мне ее убить.

— Да. По-моему, ответить за собственный поступок — деяние, в котором присутствует определенное достоинство. И расплата приоткрывает некую истину. А я стараюсь относиться к истине как можно уважительнее.

— То есть Китрин имеет право делать что хочет, даже ошибаться.

— Если вы так поняли мои слова — да.

Ярдем дернул ухом, звякнули серьги. Маркус знал — тралгут думает одно. «Она не ваша дочь»...

Капитан уперся ногой в штабель ларцов — богатство погибшего города. Драгоценные камни, украшения, шелка и пряности пошли в уплату за то, чтобы их владельцы успели сбежать из обреченных Ванайев. Спасти от огня. Однако всех этих сокровищ не хватит, чтобы воскресить хоть одного мертвого. Даже на день.

Так какой в них смысл?

— План Китрин не так уж плох, — признал Маркус. — Но мне никто не запретит его ненавидеть.

— Могу только уважать такой подход, — улыбнулся мастер Кит. — Значит, пора готовить масляную смесь для будущих учредительных документов Медеанского банка в Порте-Оливе? Пока женщины не вернулись?

Маркус вздохнул и поднялся с табурета.

Наутро Маркус шагал рядом с Китрин. Воздух, по-прежнему стылый, уже не вырывался паром изо рта. Мужчины и женщины трех самых многочисленных в городе рас спешили по своим делам как ни в чем не бывало, словно и не отличались друг от друга формой глаз, строением тел и цветом кожи. Из-за прядей утреннего тумана, ползущих по главной площади, драконий нефрит казался серым. Городские преступники, выставленные на всеобщее обозрение, дрожали от холода. Двое первокровных казнены за убийство, в колодках сидит цинныйка — злостный неплательщик, рядом за колени подвешен с трудом дышащий куртадам — за контрабанду. Маркус взглянул на Китрин: та чуть замедлила шаг.

Интересно, чем здесь карается то, что они задумали? Уж точно здешняя судебная практика с таким не сталкивалась...

Широкие, окованные медью дубовые двери во дворце наместника уже стояли распахнутыми, через них текли два ручейка посетителей — один внутрь, другой наружу. Китрин вздернула подбородок. Дома Смитт тронул гримом ее лицо — едва заметные серые тени на веках, серовато-розовые румяна. Черное платье обрисовывало бедра — фасон скорее для замужней женщины, чем для юной девушки только что из отцовского дома. На вид ей можно дать тридцать. Или пятнадцать. Сколько угодно.

— Идемте со мной, — сказала она.

— Не шагай от колена, — напомнил Маркус, и девушка, замедлив ход, принялась размеренно подниматься по кирпичным ступеням.

Внутри дворца солнечный свет, просеянный цветными стеклами, разливался по полам и лестницам красными, зелеными и золотыми пятнами, окрашивая лица всех, на кого попадал отблеск. Маркус словно очутился в волшебном гроте из детских песен, только вместо рыбок здесь были служащие городского совета. Китрин вдруг длинно и напряженно вздохнула, и Маркусу на миг показалось, что она сейчас уйдет — повернется на каблуках, сбежит и оставит позади всю нелепую авантюру. Однако вместо этого Китрин шагнула вперед и тронула за руку проходящую куртадамку.

— Простите, — обратилась к ней девушка. — Как мне найти префекта по коммерческим делам?

— На верхнем этаже, госпожа, — ответила куртадамка с мягким южным выговором. — Он тоже цинна, как и вы. Стол с зеленым сукном, госпожа.

— Благодарю.

Китрин повернула к лестнице; куртадамка перевела глаза на Маркуса, и тот, проходя, кивнул. В роли телохранителя он чувствовал себя неловко: в здешней толпе временами мелькали королевские стражники, однако личной охраны капитан ни у кого не заметил — интересно, а настоящий Медеанский банк привел бы его во дворец или оставил снаружи?..

На верхней ступеньке Китрин остановилась, Маркус тоже. Столы префектов стояли вперемешку по всему залу, словно карапуз-гигант разбросал их, как игрушки. Ни рядов, ни проходов — каждый стол под углом к остальным: если в расположении мест и была система, то Маркус ее не понимал. Китрин, кивнув сама себе, жестом велела ему не отставать и нырнула в кишачий людьми хаос. Пройдя треть зала, она подошла к крытому зеленым сукном столу, за которым восседал цинна в коричневой рубаше, перебирающий кипу пергаментных грамот. Здесь же торчали миниатюрные весы с гирьками, выстроенными, как солдаты в карауле.

— Чем могу? — привычно начал цинна.

— Я пришла представить учредительные документы, — ответила Китрин.

Сердце Маркуса ускорило бег, как перед битвой; капитан, нахмурившись, скрестил руки.

— Какой вид деятельности, госпожа?

— Банковское дело, — обыденно ответила Китрин.

Префект воззрился на нее, будто увидел впервые.

— Если вы об игорном доме...

— Нет. Филиал банка с главной конторой в Карсе. Вот бумаги, благоволите взглянуть.

На протянутых девушкой документах Маркус тут же разглядел и потеки старой мочи, и

потемневший кусок там, где страницу покрывали воском. Префект только посмеется, кликнет королевскую стражу, и все будет кончено раньше, чем успело начаться...

Цинна взял пергамент осторожно, словно тот был сделан из тончайшего узорного стекла, и, сдвинув брови, начал пробегать глазами текст, как вдруг замер и взглянул на девушку.

— М-меде... Медеанский банк?..

Бледное лицо префекта вспыхнуло. Маркуса поразила воцарившаяся вмиг тишина — разговоры стихли, все глаза устремились на Китрин.

Префект судорожно сглотнул.

— С ограниченными полномочиями или исключительными?

— В письме говорится об исключительных полномочиях, — ответила Китрин.

— Верно, верно. Полноправный филиал Медеанского банка, с неограниченной свободой действий...

— Вас это удивляет?

— Нет-нет... — Глаза префекта забегали по пергаменту, отыскивая имя. — Нет, госпожа бель-Саркур, просто нам не сообщили. Если бы наместник ожидал вашего появления, он встретил бы вас лично.

— Это не обязательно, — заметила девушка. — Деньги вносить здесь, вам?

— Да, — засуетился цинна. — Да, прекрасно. Сейчас я тут...

Следующие полчаса казались вечностью — Китрин беседовала с префектом, обходя острые углы и парируя ненужные вопросы; из банка доставили средства, которые после проверки были приняты, о чем составлена необходимая расписка; на листе тончайшей розовой бумаги цинна вывел текст окончательного документа, оттиснул печать и поставил подпись, поверх которой расписалась Китрин. Затем префект подал ей короткий серебряный нож, и девушка, словно в тысячный раз совершая привычное действие, рассекла подушечку большого пальца и прижала к странице. То же сделал и цинна.

Все было кончено. Китрин сложила розовый лист бумаги, сунула в висящий на поясе кошель и, спустившись по лестнице дворца, вышла на площадь. Маркус шагал следом. Солнце успело прогнать туман, на улицах по-прежнему стоял привычный шум.

— Теперь мы — банк, — подытожила Китрин.

Маркус кивнул, отчаянно желая ввязаться в бой или хотя бы обрушиться на кого-нибудь с угрозами: напряжение, испытанное во дворце, требовало выхода. Китрин, запустив руку в кошель, вынула горсть монет.

— Возьмите. — Она протянула монеты Маркусу. — Наймите еще охранников. Теперь эти деньги — мои, можно тратить. Я думаю, надо человек двенадцать, но решайте сами. Понадобятся ночная стража и дневная и еще люди для охраны товаров при переноске. Не для того я везла шелка из самого Вольноградья, чтобы они достались здесь уличным грабителям. И еще я присмотрела несколько мест, более подходящих для конторы банка, чем комнатухи над игорным заведением.

Маркус взглянул на монеты — первые деньги, уплаченные ему Китрин. Значит, только что произнесенные слова — первый настоящий приказ. Горячая волна, поднявшаяся в груди, удивила самого Маркуса.

Чем бы ни кончилась сегодняшняя затея, какие бы ни грянули последствия — эта девушка все-таки совершила то, на что отважились бы считанные единицы. Девушка, которую прошлой осенью он знал как бестолкового ванайского погонщика мулов.

Теперь он ею гордился.

— Что-то не так? — обеспокоенно спросила Китрин.

— Нет, госпожа, — ответил Маркус.

Парад Иссандриана, начавшись от края города, гигантской змеей прополз по нижнему рынку и затем по широкой королевской дороге к северу, миновал ворота Кингшилия и свернул на восток, к арене. Улицы кишели подданными короля Симеона — верными сторонниками Рассеченного Престола, изо всех сил тянущимися на цыпочки в попытке взглянуть на рабские расы, готовые обратить Антею в марионетку Астерилхолда. Слитный гул множества голосов походил на рокот прибоя, запах тел грозил перебить нежные ароматы весны. Кто-то из Иссандриановой клики заплатил зевакам в толпе, чтобы те несли знамена, прославляющие игры и принца Астера. Доусон со своего места успел разглядеть красивое синее полотнище с вышитым серебряной нитью именем принца, поднятое на шестах вверх ногами, — истинный символ Иссандрианова мятежа: слова аристократов, брошенные в толпу, не умеющую их прочесть.

Для знати заранее возвели специальные платформы, порядок которых определялся благородством крови, и место каждой семьи красноречиво говорило о том, на чьей стороне она выступает, так что расстановка сил при дворе читалась с одного беглого взгляда. Зрелище глаз не радовало. Вокруг короля и принца теснились знамена доброй дюжины родов, большинство принадлежали клике Иссандриана — здесь вилял даже серо-зеленый флаг Фелдина Мааса. Над всеми возвышался король Симеон в бархате и черном норковом мехе; глядя на процессию, он умудрялся сохранять улыбку.

По улице шагала колонна ясурутских лучников, бронзовая чешуя которых, начищенная маслом, сияла на солнце металлическим блеском. В руках они несли знамена Борхии, сделанные из содранных шкур. Доусон прикинул на глаз количество — десятка два — и отметил ясурутов в памяти. Лучники встали перед королевским помостом и отсалютовали королю Симеону и его сыну. Принц Астер ответил приветственным жестом и улыбкой, предназначенной всем прежним и будущим отрядам.

— Иссандриан безжалостен, — бросил Доусон. — Если уж метишь на принцев трон, то хотя бы постыдись, не увешивай его ленточками.

— Бога ради, Каллиам, не так громко! — одернул его Оддерд Фаскеллан. За их спинами хохотнул Канл Даскеллин.

На дорогу тяжело выступили пятеро йеммутов с бивнями, выкрашенными зеленой и синей краской. Ни доспехов, ни оружия — от окружающей толпы первокровных их отличал только гигантский рост. Пятерка, остановившись перед королем, воздела руки в приветствии; после ответного жеста принца Астера один из йеммутов выкрикнул громовой варварский клич — остальные четверо присоединились, и голоса, наложившись один на другой, сплелись в общем звучании. Плащ Доусона взметнуло легким ветром, встрепенулись и закачались деревья вдоль дороги, воздух со всех сторон загремел тем же кличем. Голоса крепи, стоящий в середине йеммут поднял огромный мясистый кулак, закружился легкий смерч.

Стало быть, ведуны. Доусон сделал очередную пометку в уме.

— Как по-вашему, Иссандриан ударит раньше, чем начнутся игры? — осведомился Даскеллин небрежным тоном, словно спрашивая, будет ли дождь.

— Удара может и не быть вовсе? — спросил Оддерд.

— Скорее во время игр, — заметил Доусон. — Однако можно ждать чего угодно.

— Подумайте еще раз над предложением Паэрина Кларка, — посоветовал Даскеллин.

— Не стану, — ответил Доусон.

— А ведь придется. Разве не видите, что происходит? Если мы решили этому противостоять, нам нужны союзники. И коль уж быть честными, то и золото. Вы знаете способ все это добыть? Я — знаю.

Мимо шел отряд мечников — полсотни воинов в ярко отполированных доспехах Элассы: половина черно-чешуйчатые тимзины, половина — большеглазые южнецы. Тараканы и ночные кошки. Расы, созданные служить драконам, теперь маршировали в самом сердце империи первокровных.

— Если мы не способны победить как антейцы, мы заслуживаем поражения, — заметил Доусон.

По ошеломленному молчанию за спиной Доусон понял, что зашел слишком далеко.

Он пересчитал мечников и добавил их к общему количеству.

— Я начал действовать потому, что вам поверил, — сказал Даскеллин. — Только я не обещал лечь в вашу могилу.

— Там что-то... — начал было Оддерд, но Доусон не дослушал.

— Если победа будет зависеть от того, за сколько мы продадимся, то мы ничем не лучше Мааса и Иссандриана с Клинном. Так что да, Канл, я лягу в гроб за Антею. И ей одной останусь верен.

Лицо Даскеллина посерело.

— Вы так говорите из страха. Поэтому я извиняю...

— Замолчите оба! — рявкнул Оддерд. — Там что-то происходит!

Доусон проследил его взгляд. На королевском помосте пожилая женщина, одетая в цвета Кингшиля, преклонила колено перед королем Симеоном, рядом с ней стоял юноша в кожаном доспехе, сером от дорожной пыли. Принц Астер, забыв о параде, смотрел на отца. Губы короля двигались, и даже издали Доусон разглядел ужас на лице Симеона.

— Что за юноша? — спросил Канл Даскеллин, ни к кому конкретно не обращаясь. — Кто привез королю вести?

На деревянных ступенях платформы послышались шаги, и за спиной Доусона возник Винсен Коу. Даже кланяясь Оддерду и Канлу, он не отрывал глаз от барона.

— Меня прислала ваша жена, милорд. Вас ждут дома.

— Что случилось?

— Ваш сын вернулся. С новостями из Ванайев.

— Он... что сделал?... — переспросил Доусон.

— Он сжег Ванайи, — повторил Джорей, наклонившись со скамьи вперед и почесывая пса за ухом. — Разлил по улицам масло, закрыл ворота и сжег город дотла.

Год, проведенный Джореем вне дома, немало его изменил — сейчас, в оранжерее, Доусон ясно видел, что сын повзрослел. Скулы заострились, как у бывалых воинов в походах, а улыбка, раньше готовая засиять в любой миг, теперь исчезла вовсе. Плечи устало сутулились, от одежды веяло запахом конского пота и немытого солдатского тела. Как из сна всплыла мысль, что Джорей и Коу могли бы сойти за двоюродных братьев. Доусон встал, пол под ногами странно качнулся. Барон подошел к окнам и выглянул в сад. В тени еще лежали остатки снега, первая зелень смягчала черноту стволов. У дальней стены белым и розовым цвели вишни.

Гедер Паллиако сжег Ванайи...

— Ему даже не пришлось грабить город, — добавил Джорей. — Времени не было. Он отправил гонца накануне, я столько лошадей загнал, чтобы опередить...

— Ты почти успел, — услышал Доусон свой собственный голос.

— Знает ли он, что ты содействовал назначению Гедера?

Барон не сразу понял вопрос, а когда до него дошло — у него был наготове встречный.

— А почему Паллиако сжег город? Он целил в меня?

Повисла тишина, Джорей не отрывал взгляда от блестящих глаз собаки, словно ведя с ней неслышимый диалог.

— Вряд ли, — наконец ответил он неуверенно. — И без того все шло плохо. Гедер отдавал неверные приказы, последствия не замедлили сказаться. Он знал, что его никто не принимает всерьез.

— Он сжег один из городов Вольноградья из чистого стыда?

— От унижения. Он был оскорблен. И кроме того — пока не знаешь, как оно случится на деле, все воспринимаешь по-другому.

Один из псов тихо зарычал. На ветку дерева опустилась птица, глянула на беседующих и вновь упорхнула. Доусон приложил пальцы к холодному окну оранжереи, стекло тут же запотело. Мысли метались. Шагающий по Кемниполю поток воинов и наемных убийц, которым Иссандриан заплатил деньгами из Астерилхолда. Вежливое, бесстрастное лицо Паэрина Кларка, банкира из Нордкаста. Гнев Канла Даскеллина. А теперь еще и сожженный город.

Слишком многое пришло в движение, причем без всякой видимой связи.

— Поворот круче некуда, — заметил барон.

— Гедера потом как подменили, — продолжил Джорей, будто не слышал. — Он всегда держался особняком, только прежде ходил в шутах. Над ним все потешались, он почти не замечал. А потом всем стало не до смеха. И ему тоже.

Джорей не отрывал глаз от окна, однако взгляд был устремлен вдаль, на что-то более важное, чем комната и весенние деревья за окном. Доусон хорошо знал такую опустошенность, чреватую болью, и отогнал прочие мысли. Сын нуждается в его помощи — значит, державные дела, пусть и требующие внимания, подождут.

Доусон сел. Джорей мельком взглянул на отца и отвел глаза.

— Расскажи, как было, — попросил барон.

Джорей улыбнулся одними губами и покачал головой.

— Я бывал на войнах, — не отступал Доусон. — Видел, как гибнут люди. Я знаю, какую тяжесть ты в себе носишь. Пока не выскажешься — она не уйдет.

— Ты не совершал того, что совершили мы, отец.

— Я убивал людей.

— Мы убивали детей. Женщин. Стариков, вся вина которых лишь в том, что они жили в Ванайях. А мы их убили. Перекрыли воду и подожгли город. Когда они лезли через стену, мы их резали. — Голос Джорея дрожал, глаза широко раскрылись от ужаса. — На нашей совести чудовищное злодеяние, отец.

— А ты думал, война не такова? Мы мужчины, Джорей. Не мальчишки, которые, помахав палками, объявляют злого колдуна побежденным. Мы исполняем то, чего требуют долг и честь, и наши деяния нередко чудовищны. Я почти в твоём возрасте участвовал в осаде Аннинфорта. Мы заморили жителей голодом. Не пожар — медленная болезненная

смерть тысяч людей. А слабые умирают первыми. Дети. Старики. Мы принесли в город чуму. Лорд Эргиллиан послал всадников по всей округе — найти больных. Кого нашли, тех объявили послами и отправили в город. Их убили, но болезнь успела распространиться. Каждый день к воротам подходили женщины с младенцами на руках, упрашивая нас забрать хотя бы детей. Обычно мы даже не глядели. А иногда брали ребенка и убивали прямо на глазах у матери.

Джорей побледнел, и барон, подавшись вперед, положил ладонь на колено сына — как в детстве. На миг Доусона охватила горечь: сын-подросток на глазах становится взрослым, и этот разговор — копия того, какой давным-давно случился у Доусона с отцом, — тоже часть взросления. Ребенок должен уступить место мужчине. Так потеря становилась осмысленной. И переносимой. Больше Доусону было не под силу.

— Аннинфорт тогда восстал против трона, — добавил он. — И должен был пасть. А для этого — отчаяться. Младенцы, которых приносили к воротам, были на грани голодной смерти, они бы не выжили. И если дети, которых мы убивали — которых убивал я сам, — приближали конец хоть на неделю, то я поступал правильно. И я страдал ровно так же, как ты сейчас.

— Я не знал.

— Я тебе не рассказывал. Мужчины не переключают груз на плечи детей. Я не рассказывал об этом и твоей матери — такая ноша не для нее. Ты меня понимаешь?

— В Ванайях было по-другому. Их незачем было уничтожать.

Доусон открыл было рот, чтобы сказать что-нибудь мудрое и утешительное, однако мысли вдруг выстроились воедино чуть ли не со щелчком. Ванайи. Иссандриан. Вооруженные наемники, наводняющие Кемниполь под смехотворным предлогом воздать честь принцу Астеру. Осадные войска, приведенные с юга Гедером Паллиако.

— Да, — только и выдохнул Доусон.

— Отец...

— Где Паллиако? Здесь?

— Нет, вместе с войском. Им еще неделя пути.

— Слишком долго. Нужно раньше.

Доусон вскочил и, распахнув дверь, кликнул Винсена Коу. Егерь, должно быть, стоял наготове. Первые указания — самые простые: найти прочих. Не только Канла Даскеллина, но и полдюжины остальных союзников Доусона. Времени мало, а победа пока под вопросом. Винсен ни о чем не спрашивал, только отсалютовал и исчез. Обернувшись к сыну, барон увидел замешательство в его глазах — и поднял руку, предотвращая вопросы.

— Мне нужна от тебя еще услуга. Отдохнешь позже, мой мальчик. Жаль нагружать тебя заботами, но от этого зависит судьба престола.

— Я исполню что нужно.

— Привези ко мне Гедера Паллиако. Как можно скорее.

— Хорошо.

— Джорей... Кажется, гибель Ванайев нас спасла.

Гости Доусона пожаловали самое большее через час. Кроме Оддерда и Даскеллина, пришли граф Ривермарк и барон Нурринг — остальных не оказалось дома, и Коу отправился их искать. Однако хватило и этих. Пятеро вельмож, держащие в руках все знатные семейства и стратегически важные земли, теперь сидели, стояли или — как Канл Даскеллин —

беспокойно расхаживали вдоль стены, так и не сменив парчовых одеяний и вышитых шляп, надетых ради Иссандрианова парада. Клара прислала двух служанок; поднос, нагруженный огуречной водой и копченым сыром, с тех пор так и стоял нетронутым в углу.

После прибытия ванайского гонца уже успели разнестись слухи. Доусон видел проступившую на лицах неуверенность, его собственное напряжение стало едва ли не осязаемым. Если действовать — то срочно, пока при дворе толком не поняли, что значит принесенная гонцом весть. Пока Симеон не собрался с духом.

Доусон поднял ладони, как священник перед паствой.

— Разрушение Ванайев... — начал было он и остановился. — Принесение Ванайев в жертву явилось нам как свет факела в мрачайший час ночи. Спасение Рассеченного Престола теперь не за горами.

Повисла пауза.

— Вы с ума сошли, — наконец совладал с собой Даскеллин.

— Пусть говорит, — возразил граф Ривермарк, и Доусон благодарно кивнул.

— Судите сами. Всем известно, что Гедер Паллиако изначально не ладил с Аланом Клинном, ближайшим союзником Иссандриана. Он сумел потеснить Клинна с поста правителя Ванайев...

— Он? Он сумел? — переспросил Даскеллин.

— ...и вместо того чтобы использовать свой пост для личного обогащения и придворных интриг, он принял решение. Смелое и принципиальное.

— Гедер Паллиако, — встрял Даскеллин, проводя рукой по волосам, — дешевый фигляр, которого мы возвысили ради того, чтобы превратить взятие города в фарс и попортить репутацию Иссандриана. Паллиако — молокосос, весь его военный опыт — выдернуть из ноги стрелу и тут же рухнуть с коня. А теперь он еще и кровавый тиран! К сегодняшнему вечеру Иссандриан соберет добрый десяток свидетелей, готовых поклясться, что назначение Паллиако было делом наших рук, и одним из свидетелей, бесспорно, выступит лорд Терниган. И мы не сможем ничего отрицать.

Доусон видел смущение в глазах остальных, и сжатые плечи, и опущенные головы. Если ответить гневом на гнев, все выльется в перебранку между ним и Даскеллином и цельность клана пойдет прахом. Барон улыбнулся.

— Отрицать? — переспросил он. — Да я буду гордиться правом сидеть рядом с Паллиако! Вы что, не видели сегодняшнего парада? Не понимаете, что в эту самую минуту несколько сотен верных антейцев под предводительством Паллиако маршируют по направлению к Кемниполю?

— Не понимаю, — признался Оддерд.

— Дело представим так, — продолжал Доусон. — Когда Паллиако обнаружил, что Иссандриан ведет на Кемниполь вооруженную армию, он решил бросить свои войска на защиту престола. И вместо того чтобы отдать Ванайи врагу, он решился на деяние, свидетельствующее о железной решимости. Он не грабил город, забирая последние медяки. Он не сбыв его с рук в обмен на налоговые послабления. Он сжег его, как воин из древних легенд. Как сами драконы. Кто в целой Антее сравнится с ним в силе и в чистоте намерений? Кто еще способен совершить то, что сделал Паллиако?

— Но ведь игры разрешил сам король. А эта армия, призванная нас спасти, из кого состоит? Половина — люди Иссандриана, остальные питают к Паллиако в лучшем случае презрение, — скривился Даскеллин. — Детские сказки.

— Его не презирают. Его боятся. И если мы станем повторять это погромче и почаще, то испугается и Иссандриан. А поскольку от этого зависит наша жизнь, предлагаю попрактиковаться хором.

— Вот как, оказывается, выглядит отчаяние, — не сдержался Даскеллин. Доусон не ответил.

— Если Иссандриан пойдет против нас — все увидят, что Паллиако прав. Если не пойдет — значит, боится Гедера. В любом случае Иссандриан теряет изрядную долю власти над королем. А мы достигаем цели, не продавая себя Нордкосту и Медеанскому банку. Это несказанная удача, милорды, и отказываться от нее глупо. Однако обнародовать свою версию надо сейчас, сегодня. Когда придворные разойдутся на ночь, в постели они должны шептать то, что мы им расскажем. Если дать мнению устояться, переломить его будет в сотню раз тяжелее.

— А если Иссандриан повернет все против этого мальчишки Паллиако? — спросил барон Нурринг.

— Тогда кинжал, направленный вам в живот, вонзится в брюхо Паллиако. И попробуйте меня убедить, что вы на это не согласны.

Бедра Гедера стерлись чуть не в кровь и горели огнем, спина болела. Весенний ветер доносил с гор запах снегов и льда. Рядом шли конные и пешие воины — последнее напоминание о ванайской кампании. Никто не пел, никто не обращался к Гедеру, кроме как за распоряжениями, да и то лишь из-за необходимости упорядочить движение нескольких сотен солдат, повозок и коней в последние дни похода. Даже в тесной ванайской квартире, где единственным его собеседником был огнеглазый оруженосец, а день был заполнен тошнотворными поручениями Алана Клинна, Гедер не мог в полной мере оценить, что такое одиночество в толпе.

Он знал, что с него не сводят глаз. Знал, что осуждают. Никто, конечно, не произнес и слова — ни один не встал и не сказал в лицо, что Гедер чудовище, что он хуже любого преступника. В том, правда, не было необходимости: Гедер и так все понимал. Долгие дни и холодные ночи, пока войско шло от Ванайев на север, в ушах его гудело пламя пожара, во сне перед глазами плясали черные фигурки на фоне огненного зарева. Его поставили защищать Ванайи, а он... Если король Симеон прикажет убить его прямо в тронном зале, это будет только справедливо.

Он пытался развлечься книгами, но даже легенды о Праведном Слуге не затмевали постоянного гнетущего вопроса: какова будет воля короля? В лучшие дни Гедер воображал, как король Симеон сходит с Рассеченного Престола, монаршей ладонью касается заплаканных глаз Гедера и дарует высочайшее прощение. В черные дни ему виделось, как король велит отправить его в Ванайи и привязать к столбу среди мертвецов, чтобы его труп пожирали вороны, слетающиеся на тела ванайцев.

Воображение, мечущееся между крайностями, бесконечно рисовало череду мрачных картин. И когда драконья дорога подошла к знакомым горам и долинам, мимо которых Гедер проезжал сотни раз, он вдруг обнаружил, что каждый новый вариант смерти и унижения пробуждает в нем какую-то мрачную надежду. Сожгут? Поделом. Посадят в городскую тюрьму и забросают нечистотами и дохлыми крысами? Заслужил. Любая — любая! — кара будет лучше, чем нынешние муки и безмолвные терзания.

Наконец на горизонте замаячила гигантская скала, на которой возвышался темнокаменный Кемниполь, из-за дальности слегка подернутый синью. Даже Кингшпиль отсюда виделся лишь как тонкий луч света. В одиночку до города можно доскакать за день, всем войском оставалось идти еще дней пять. Королевские ведуны наверняка их уже заметили. Гедер в тоске и ужасе не сводил взгляда со столицы, страх захлестывал его сильнее с каждой лигой.

Земли, окружающие Кемниполь, числились среди лучших в мире — темная почва орошалась речной водой и до сих пор хранила плодородную силу, полученную тысячу лет назад, во время гремящих здесь битв. Даже сейчас, в самую скудную пору, когда только сошел снег, земля пахла изобилием и будущим урожаем. Драконья дорога становилась все оживленнее: пастухи гнали козы стада от зимних низинных пастбищ к западным горам, крестьяне вели на поля волов — начиналась пахота и сев. Сборщики налогов, каждый с горсткой лучников и мечников, спешили за податью в окрестные городишки. Одинокие всадники на хороших конях попадались здесь крайне редко, и когда на дороге показался серый жеребец, скачущий навстречу, Гедер сразу понял, что это за ним. Поднявшееся

беспокойство улеглось лишь после того, как всадник натянул поводья: Гедер с облегчением узнал Джорея Каллиама.

Оставив войско идти своим путем, Гедер свернув вслед за другом на обочину. Джорей подогнал серого так близко, что кони чуть не лупили друг друга хвостами по мордам, а колено Гедера почти упиралось в седло Каллиама. На посеревшем от усталости лице Джорея ярко блестели глаза — настороженные и внимательные, как у высматривающего добычу ястреба.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что случилось? — спросил Гедер.

— Тебе надо ехать вперед. Немедленно.

— Король велел?

Джорей покачал головой:

— Нет. Мой отец. Ты нужен срочно.

Гедер провел языком по пересохшим губам и оглядел череду повозок на дороге. Кое-кто из мечников и возниц делал вид, что не замечает стоящих на обочине друзей, остальные не скрывали любопытных взглядов. С тех пор как Гедер оставил позади мертвые Ванайи, Кемниполь был для него вожделенной целью, сулящей конец страданиям. Теперь же, когда столица неумолимо приближалась, Гедеру хотелось отсрочить встречу.

— По-моему, это опрометчиво, — начал он. — Мне не на кого оставить командование, а если я...

— Передай полномочия Брооту. Он не гений, но провести войско по хорошей дороге — много ума не надо. Вели ему встать лагерем за городом, у восточных ворот, и дожидаться твоего приказа. Только запрети ему — слышишь? — запрети распускать армию.

— Тут... есть еще моральная сторона, — замялся Гедер. — Вдруг войско подумает, что я сбежал...

Взгляд Джорея был красноречивее некуда, и Гедер пригнул голову, пытаясь скрыть запывавшие щеки.

— Тогда надо найти Броота, — пробормотал он.

— И захвати лучшие одежды, — добавил Джорей.

Передавая Брооту наказ Джорея, Гедер успел пересесть на гнедого мерина, отдохнувшего за утро, и теперь, оставив позади первое в жизни подначальное ему войско, Гедер летел вперед на молодом резвом скакуне, сопровождаемый Джореем Каллиамом. До города было слишком далеко, гнать галопом было незачем, но Гедер ничего не мог с собой поделать — конь стелился по воздуху, ветер бил в лицо, давая хотя бы видимость свободы.

На ночь остановились в хижине на краю проселочной тропы, отходящей от драконьей дороги. Сил хватило лишь на то, чтобы почистить коней, и Гедер, свалившись в сон без сновидений, проснулся лишь утром. Джорей уже подтягивал подпругу на мерине, и друзья пустились в путь едва ли не раньше, чем Гедер успел прогнать остатки дремы.

Впереди вставал Кемниполь.

Южная дорога поднималась к городу круче остальных, зеленая полоса драконьего нефрита вилась по скалистому склону, как брошенная ребенком лента. Каменная порода внизу, изъеденная временем и ненастьем, временами пропадала из виду, так что целые петли дороги оставались без опоры и на добрую сотню шагов повисали в воздухе, — тогда путешественникам приходилось усиленно смотреть под ноги. Пещеры и хижины, вытянутые в ряд по краю скалы, соединялись с дорогой деревянными мостами, холодный весенний

ветер дул не со стороны, а снизу — с равнины — или сверху, от города. Постоянная боль в ногах не давала Гедеру глядеть по сторонам, да и скала перегораживала вид, так что он заметил выросший перед глазами Кингшпиль и городскую стену чуть ли не на последнем повороте. Огромные сияющие арки и высокие башни казались сотворенными из воздуха, словно город был соткан из снов.

Южные ворота — узкая щель в серой каменной громаде — раскрыли перед Гедером створки из кованой бронзы и драконьего нефрита, сразу за воротами стояло около десятка всадников на боевых конях и в украшенных эмалью латах того же цвета, что и конский доспех.

С приближением Гедера и Джорея всадники выхватили мечи, на клинках засверкали солнечные блики. Сердце Гедера забилося, как лисица в ловушке: вот он, тот миг, которого он ждал и боялся. Джорей кивнул, давая ему знак ехать вперед; Гедер так и не понял, почему на губах Джорея играет улыбка, но разбираться было некогда. Гедер сглотнул, стараясь не выказать страха, и поехал сдаваться, думая лишь о том, что зря не надел свой кожаный плащ.

Там, где дорога проходила сквозь стену, из тени выступила одинокая фигура, сразу приковавшая к себе общее внимание. Мужчина, первокровенный, немолод. Серые виски, тонкое умное лицо. Пешком, но держится так, что кажется выше всадников... Гедер послал коня вперед и, лишь приблизившись, понял, что перед ним отец Джорея. Те же глаза, тот же овал лица — перед ним стоял Доусон Каллиам.

— Лорд Паллиако, — обратился к нему старший Каллиам.

Гедер кивнул.

— Для меня великая честь приветствовать вас в Бессмертном городе, — торжественно произнес барон и вдруг крикнул: — Слава!

Всадники воздели мечи в воинском салюте. Гедер прищурился: он никогда не видел, как знатных людей ведут на королевский суд, но такого уж точно не ожидал. Откуда-то послышался стройный хор голосов, взметнувшись в долгом приветственном кличе. И уж что совсем странно — с чистого синего неба посыпался снег.

Нет! Не снег. Лепестки цветов... Гедер взглянул наверх — и встретил взгляды сотен людей, выстроившихся на городской стене. Юноша неуверенно помахал рукой, и толпа в вышине разразилась криком.

— За конем присмотрит Коу. Нас ждут носилки, — сообщил Доусон.

Гедер помедлил, не сразу поняв его слова, однако через миг до него дошло. Он слез с мерина, даже не задумавшись, кто такой Коу, и отец Джорея повел его в полутьму между городскими стенами.

На носилках, задрапированных в цвета Каллиамов, по обеим сторонам красовались серые и синие полотнища — цвета Паллиако. Два бархатных сиденья расположены одно против другого; на одно из них, спиной по ходу дороги, опустился Доусон. Гедер отвел со лба клочок грязных волос, пытаясь скрыть дрожь в утомленных скачкой ногах. У деревянных ручек ждали восемь тралгутов, из бойниц и отдушин по всей длине городской стены на него смотрели сотни улыбающихся глаз.

— Ничего не понимаю, — признался Гедер.

— Мы с друзьями устроили праздник в вашу честь. Такова традиция для полководца, вернувшегося с победой.

Гедер медленно огляделся. В желудке сгустилась тяжесть, нависший над головой воображаемый камень покачнулся, как молодое деревце под ураганным ветром.

— С победой? — повторил Гедер пересохшими губами.

— Вы пожертвовали Ванайями, — пояснил Доусон. — Смелое и бестрепетное решение. Такого подвига королевство не видело на протяжении поколений. И мечты многих устремлены к тому, чтобы в Антею вернулась подлинная доблесть.

В памяти Гедера возникла женщина, стоящая на стене погибшего города, и языки пламени за ее спиной. В ушах отозвался эхом рев огня, и видение исчезло. И это была — победа?..

Широкие тралгутские руки коснулись его локтя, помогая забраться на сиденье. Носилки качнулись и двинулись вперед. Гедер не отводил взгляда от Доусона.

За южными воротами открылась площадь — Гедер не раз заставлял здесь суетливое скопище попрошайек, торговцев, стражников, волов, повозок и уличных собак. Теперь же он чувствовал себя мальчишкой, попавшим в героический Кемниполь своей мечты. Еще одна цепь почетного караула, три сотни зрителей со знаменами рода Паллиако, справа на помосте группа людей в златотканых одеждах и вышитых плащах: барон Ватермарк, рядом с ним юноша в узнаваемых геральдических цветах — вряд ли лорд Скестинин, скорее его наследник — и еще десяток полужнакомых лиц. А дальше, в самом конце, с поднятой головой и со слезами на глазах — отец Гедера, явно гордый триумфом сына.

Толпа двинулась вслед носилкам, рассыпая горсти цветочных лепестков и завернутые в узорную бумагу мелкие сласти. Гул множества голосов заглушил бы любую попытку разговора, так что Гедеру оставалось лишь изумленно взирать на лорда Каллиама.

На пересечении полудюжины дорог поблизости от Кингшиля носилки приостановились. Из каждого окна трех-четырёхэтажных домов торчали лица, люди свешивались через подоконники, лишь бы взглянуть на Гедера. Девушка где-то в вышине распустила свернутый в ладони клубок лент, и концы, развеваясь, заплясали в воздухе. Гедер помахал ей рукой, от счастья кружилась голова.

Несмотря на содеянное, он — герой! Именно потому, что отважился на поступок! Ему даровали не просто облегчение — помилование, прощение, оправдание! Гедер воздел руки, всей грудью впитывая восторг толпы, и думал лишь о том, что если это сон, то лучше уж умереть, чем пробудиться.

— Решение было трудным, — громко заявил Гедер, склоняясь над столом. — Уничтожить город — чудовищное деяние, и выбор дался непросто.

— Конечно, — согласно кивнул второй сын барона Нурринга. — В том-то и дело! Что за доблесть — выбрать легкий путь? А вот оказаться на распутье и принять решение...

— Радикальное решение, — уточнил Гедер.

— Именно, — поддакнул юнец. — Радикальное решение.

Празднество устроили в городских владениях Доусона, почти не уступающих роскошью бальным залам и садам главного поместья — и это при том, что в стенах Бессмертного города земля стоила втрое дороже таких же территорий вдали от столицы. Под высокими сводами тут и там горели свечи; тонкие шнуры, на которых висели светильники из дутого стекла, почти терялись в тени. Широкие двери, отворенные в сады, впускали в дом запах рыхлой земли и первоцветов. Пир и танцы шли своим чередом, полдесятка высочайших аристократов уже успели один за другим взойти на помост, дабы воздать хвалу Гедеровым достоинствам, явленным в Вольнограде.

В его деянии не было слабости, робости и продажности, которым так давно подвержены

антейские военачальники, говорили они. Гедер Паллиако не только выказал себя героем перед Вольноградьем и всем миром — он продемонстрировал пример всем соотечественникам. Его поступок напомнил антейцам, на какие героические деяния может подвигнуть людей чистый, непорочный нрав.

Даже сам король прислал Гедеру гонца с приветственным письмом.

Кружили голову и аплодисменты, и знаки восхищения от людей, прежде едва достаивавших его кивком, и бал. Танцев Гедер обычно избегал, однако жена Доусона, Клара, настояла, чтобы герой праздника прошел с ней хотя бы круг, и к концу он даже почти перестал спотыкаться. Правда, после следующих проходов с более юными незамужними аристократками ноги болели уже нестерпимо, так что танцевать Гедер больше не решился. Джорей привез ему вожденный черный плащ, который в сгущающемся ночном холоде пришелся очень кстати. Пиво и вино лилось рекой.

— Качество настоящего вождя... — начал Гедер и тут же потерял мысль. — Качество вождя...

— Прощу прощения, — вмешался его отец. — Гедер, мальчик мой!

Гедер встал, и его собутыльник, кивнув, нетвердыми шагами направился прочь.

— Время позднее, не для стариков, — пояснил Лерер Паллиако, — но не мог же я уйти, тебя не повидав. Ты превзошел самые смелые мои чаяния. О нашей семье с таким почтением не говорили уже, наверное... да попросту никогда.

— Я пойду с тобой, — заявил Гедер.

— Нет! Нет-нет. Это твоя ночь, веселись и радуйся.

— Разговор с тобой — самая большая радость, — ответил Гедер, и взгляд отца смягчился.

— Ну хорошо.

Вместе они отыскиали леди Каллиам и выразили глубочайшую благодарность за прием. Разговор, правда, повернулся так, что они сами выслушивали благожелательные слова и под конец остались в уверенности, что вечер был приятной встречей ближайших друзей, с которыми, к сожалению, не часто выпадает видеться. Леди Каллиам настояла, чтобы их отвезли домой в знакомых Гедеру носилках: на ночных улицах беспокойно, да и не подобаает таким гостям идти пешком. Джорей подошел к Гедеру почти у самых дверей и протянул руку. Гедер, пожимая ее, чуть не прослезился.

Пока рабы-тралгуты тащили носилки по темному городу, Гедер, задрав голову, смотрел на рассыпанные по небу звезды. Вдали от ликующей толпы ощущение легкости изрядно померкло, юноша с удивлением обнаружил, что страх не исчез, разве что ослаб и стал привычным.

Отец откашлялся.

— Ты идешь в гору, сынок. Несомненно.

— Вот уж не знаю.

— Поверь мне. Я слышал сегодняшние разговоры. Ты вклинился в придворные дела, а они сейчас на сложном повороте. Тебе грозит опасность стать символом, уж не знаю чего. — Голос отца звучал легко, однако Гедер распознал знакомый поворот плеч — как у человека, готового принять удар.

— Я не придворный бездельник, — ответил Гедер. — С удовольствием вернусь домой и засяду за книги, что привез. Для тебя там тоже есть. Я начал переводить эссе о последних драконах — вроде бы оно написано через считанные века после падения Морада. Тебе

понравится.

— Конечно, — кивнул Лерер.

Передний тралгут подал знак, и носилки сделали изящный вираж на крутом повороте, лишь слегка накренившись.

— Лорд Клинн не пришел сегодня на празднество, — добавил Лерер.

— Я его и не ждал. — На миг в памяти Гедера всплыл мельничный пруд и ларцы с драгоценностями, которые спасли бы Клинна от разжалования. — Подозреваю, ему не так уж приятна вся суматоха. Он ведь правил Ванайями, а потом впал в немилость. Каково ему слышать такие славословия в мой адрес?

— Да. Конечно, ты прав. Лорд Терниган тоже не показывался.

— Его могли куда-нибудь услать.

— Верно, да. Конечно, так и есть.

На темной улице жалобно тявкнула собака. Ветер, приятно овевавший разгоряченное лицо во время бала, теперь ощутимо охлаждал.

— На придворных торжествах всем присутствовать не обязательно, — добавил Гедер. — Я даже и стольких собравшихся не ожидал.

— Да-да, конечно. Много народу, правда?

— Да.

Вновь повисла пауза. У Гедера болела спина — после такой скачки и танцев завтра наверняка будет ломить все тело.

— Гедер...

— Мм?

— Не доверяй этим людям, будь осторожен. Они часто не те, кем кажутся. Даже когда они принимают твою сторону, не теряй головы.

— Хорошо.

— И не забывай, кто ты. Кем бы тебя ни хотели сделать — не забывай, кто ты есть на самом деле.

— Хорошо.

— Вот и отлично. — Лерер Паллиако казался не более чем тенью на фоне тени, и лишь глаза блестели в звездном свете. — Вот и молодец.

Маркус, расставив руки, склонился ниже; рукоять меча, выточенного из черного дерева, блестела от пота. Застывший напротив парнишка из первокровных — в бойцовских штанах и с серьезным взглядом — переступил с ноги на ногу. Маркус ждал. Парень провел языком по губам и двинул мечом.

— Не спеши, — предостерег Маркус.

Воздух над ареной был жарким, плотным и удушливым. Крики бойцов почти заглушали шум воды в трубах, подведенных к ваннам. Сражающихся набралось десятка два, по большей части куртадамы и первокровные; среди них выделялись двое тимзинов да еще Ярдем Хейн — запыхавшийся и мокрый от пота. Ни одного цинны.

Парнишка дернулся, решившись на атаку. Меч он держал на отлете, по-восточному — значит, прошел какую-никакую школу. Маркус отвел удар и шагнул под левую руку противника; тот повернулся, Маркус рубанул клинком сверху вниз. Парнишка отбил удар так яро, что мечи отскочили друг от друга, и Маркус, перекинув клинок в левую руку, сделал низкий выпад, следя за реакцией партнера.

Тот, осмелев после двух отбитых ударов, покрепче ухватил меч, сделал неловкий финт вправо и бросил тело влево. Маркус привычно отбил атаку и с размаху двинул мечом по грудной клетке парня — натертый мелом тренировочный клинок оставил на теле полосу от нижнего ребра до ключицы.

— Следующий! — крикнул Маркус.

— Больше никого, сэр, — доложил Ярдем.

— Благодарю, капитан Вестер, сэр! — отчеканил парнишка. Кожа по всей длине удара покраснела и начала вспухать, и Маркус почувствовал мимолетное сожаление: всерьез бить противника он все-таки не собирался.

— И тебе спасибо, сынок. Ты молодец.

Парень расплылся в улыбке.

Маркус, подтянувшись на руках, выпрыгнул за ограждение арены; тело болело от плеч до самых пяток, и капитана это только радовало. Ярдем перебросил ему тряпицу — вытереть пот с лица и шеи. Они отбирали людей в отряд уже третий раз. Сегодняшние претенденты, как и все предыдущие, составляли довольно пестрое сборище. Одни пришли от отчаяния — никаких навыков боя, зато непомерная тяга убивать. Другие — только для удовольствия побахвалиться, что дрались на арене с самим Маркусом Вестером. И лишь немногие пришли потому, что знали дело и нуждались в работе, так что клич Маркуса пришелся им кстати.

Именно из таких и был крепкий куртадам в золотисто-серой шкуре и с кабральским выговором. Маркус, поймав взгляд Ярдема, повел головой в сторону претендента, Ярдем кивнул.

— Ты, — окликнул куртадама капитан. — Забыл твоё имя, дружище.

— Ахариэль, — ответил куртадам. — Ахариэль Аккабриан.

— Хорошо сражаешься. Как тебя занесло в Порте-Оливу?

— Нанялся в наринландский отряд. По большей части гарнизонная служба, только вот командир зачастил на ночь к пехотинцам. Пошли слухи, кто-то обиделся, я решил уйти. Думал податься в Вольноградье — после ванайского пожара там народ долго будет пуглив. Да услышал, что вы набираете людей.

— Тут гарнизонной службы не будет, — предупредил Маркус.

Куртадам пожал плечами.

— Я решил, что вам-то опыта не занимать. Водфорд, Градис и все такое. Если вам эта работа по нутру — то и для меня сойдет.

— Да ты оптимист, — усмехнулся Маркус. — Если условия тебе подходят, берем.

— Кабы не подходили — стал бы я вас отвлекать от дела.

— Значит, включаем тебя в список караульных. Приходи завтра.

Ахариэль отсалютовал, повернулся и зашагал прочь.

— Мне он нравится, — заметил Маркус. — Немногословен.

— Как раз что нужно, сэр.

— Хорошо иметь полноценный отряд. Как в старое доброе время.

— Да, сэр.

Маркус бросил тряпицу на ограждение.

— Пора идти?

— Уже скоро, — кивнул Ярдем.

На улицах Порте-Оливы в эти летние дни царили зной и суголока. На углах толпились нищие, от тесноты было едва ли не жарче, чем от щедрого морского солнца. Пахло океаном, медом, горячим маслом и тмином. Сменились и одежды: ни курток, ни плащей. Цинны — мужчины и женщины — плыли по улицам в воздушных одеяниях, из-за которых тонкие тела казались совсем бесплотными, как у теней или духов. Куртадамы сбрили шерсть, так что почти не осталось места для бусин, набедренные и нагрудные повязки едва создавали видимость приличия. Впрочем, Маркус больше следил за первокровными, которые из многослойных зимних одежд переоделись в ярко-зеленое, желтое и розовое. Длинные рубахи сверкали по бокам прорезями, сквозь которые к обнаженной коже проникал ветер, а вместе с ним и любопытные взгляды. Каждый день походил на праздник.

Маркусу это не нравилось.

Все слишком напоминало о его собственной юности, когда он не отличал любовь от вожделения. Память о прошлом неминуемо вела и к более поздней поре — к встрече с синеглазой девушкой по имени Алис. Ухаживание, героические рассказы, бледные цветы. Ночи томления, после которых наступила иная ночь, озаренная вешней луной, — одно яблоко на двоих, и поцелуй у водопада, и конец томлениям. Женщина, созданная для него, само совершенство. Будь мир справедлив и добр, она была бы рядом и поныне.

Мериам сейчас вошла бы в возраст такого же смятения плоти, и Маркус тоже оказался бы бессилён призвать ее к мудрости, как некогда его отец не сумел обуздать его самого. Хотя нет. Нынче она уже успела бы безрассудно выскочить замуж совсем юной, и в следующем году он уже трепал бы внука за щечки. Потому-то Маркус и не любил Порте-Оливу — слишком уж много здесь навевалось мыслей о несбывшемся. Впрочем, по той же причине Маркус недолюбливал и весь мир. И потому предпочитал не сидеть без работы — она помогала отвлечься от ненужных мыслей.

Вопрос о том, где устроить постоянную контору банка, решил сам собой после того, как Китрин поговорила с дочерью хозяина, державшего игорное заведение на первом этаже их дома. Дочь годами уговаривала отца отойти от дел, оставалось лишь довести начатое до конца. Ширина помещения позволяла устроить что-то вроде небольшой казармы для стражников, в подвале стоял железный сейф, вделанный в камень и утопленный в грунт. И теперь там, где некогда процветал игорный дом, со скромным изяществом расположился

Меданский банк Порте-Оливы. В день, когда прежний хозяин подписал необходимые бумаги, Китрин велела немедленно перекрасить стены в самый чистый белый цвет, какой только могла найти, а на улице, где раньше цинна-зазывала тянул свои унылые песни о ставках и выигрышах, теперь красовалась широкая жестяная чаша с черноземом, откуда тянулись к солнцу тонкие зеленые стебли и широкие листья полудюжины тюльпанов, вот-вот готовых зацвести.

— Сразу к ней? — кивнул Ярдем на ступени, ведущие на второй этаж — в комнаты, которые теперь безраздельно принадлежали одной Китрин. Маркус покачал головой.

— Сначала приготовиться.

Толстая деревянная дверь когда-то открывалась в общий зал с высокой стойкой в конце. Теперь стойку убрали, а на аспидной доске вместо ставок писали имена новых стражников, нанятых Маркусом, и расписание караулов. Сейчас все четверо новоприбывших ждали в бывшем игровом зале и вышучивали пешеходов, мелькающих в узких решетчатых окнах. При виде Маркуса смех разом стих, и новенькие — двое первокровных, куртадамка и юнец-тимзин, которого Маркус взял исключительно по наитию, — вытянулись в струнку.

Наверху скрипели доски: Китрин вышагивала по комнате.

— Мешок готов?

— Так точно, сэр! — отчеканила куртадамка.

Маркус кивнул, все мысли вдруг улетучились. У куртадамки, широкобедрой и широкоплечей, руки не уступали толщиной ногам, черная лоснящаяся шкура была даже темнее чешуи юнца-тимзина, а имя... имя... Эдир? Эден?

— Энен, — громыхнул Ярдем. — Ты берешь деньги. Барт и Коризен Маут идут спереди и сзади. Мы с капитаном — по бокам.

— А я? — спросил юнец тимзин, мигнув прозрачными внутренними веками. С тимзином было проще: его не сговариваясь прозвали Жуком.

— Останешься здесь и в случае чего разбудишь остальных, — велел Маркус. Жук сразу скис, и капитан добавил: — Если кто надумает взять сейф, то нападут, пока мы в отлучке. Дверь никому не открывай, держи ухо востро. Твое дело опаснее нашего.

Жук коротко отсалютовал, Энен постаралась не улыбнуться. Двое первокровных подошли к сундуку и принялись выбирать оружие — по возможности самое действенное из всего, что королевские гвардейцы позволяли носить на улицах. Маркус, повернувшись, пошел обратно к отдельной лестнице, ведущей в комнаты Китрин, Ярдем не отставал.

— Я этих имен никогда не запомню, — посетовал Маркус.

— Вы так всегда говорите, сэр.

— Да?

— Точно.

— Хм. Что ж, буду знать.

Квартирка, казавшаяся такой крошечной и загроможденной, пока в ней теснились он сам, Ярдем, Китрин и сложенное штабелями достояние Ванайев, теперь стала приличным жильем для нового главы Меданского банка. Прежние небольшие комнаты — задняя с постелью и письменным столом и передняя, для посетителей, с уединенным чуланчиком сбоку — слегка переменялись: тонкие шторы на окнах, маленькая иконка в углу, низкий лакированный столик, заваленный старыми отчетами об отгрузках товара и копиями накладных. Новыми штрихами создавалось впечатление, будто хозяйка вовсе не так юна; убранство квартиры — как и все, что делали для Китрин мастер Кит и его труппа —

походило на театральный костюм, и Китрин он оказался впору.

— Мне надо поговорить с кем-нибудь из портовой канцелярии, — объявила Китрин вместо приветствия. — Корабли из Наринландии на подходе, нужно определиться. С ними связана чуть не половина торговых сделок в городе.

— Попробую что-нибудь устроить, — пророкотал Ярдем.

— Куда сегодня? — спросил Маркус.

— Пивоварня за городской стеной. С хозяйкой я познакомилась в харчевне. Гильдия позволила ей заменить чаны, а у нее нет столько денег.

— То есть мы даем ссуду.

— Хозяйка не имеет права брать ссуду под проценты, — пояснила Китрин, накидывая на плечи легкую шаль с бусинами и драпируя ее так, как учил мастер Кит. — Таковы правила гильдии. Но ей позволено брать деньги от компаньонов. Так что мы покупаем часть ее предприятия.

— Вот как, — кивнул Маркус.

— Если она не вернет деньги, мы можем вступить во владение ее производством. А если найти подходящего бочара и пару-тройку харчевен, то получится увязать дело в ладную цепочку и осчастливить всех участников, причем очень надолго.

— Надолго, — повторил Маркус, пробуя слово на вкус.

— И кроме того, вкладывать деньги в пивоварение — безусловная выгода, — добавила Китрин. — Магистр Иманиэль так и говорил. Спрос на пиво никогда не иссякнет.

Китрин оглядела комнату, поджала губы и кивнула — скорее себе самой. Все трое вышли на лестницу, Китрин заперла дверь. На улице стайка ребятишек гоняла пинками старый бурдюк и что-то наперебой кричала, у входа в контору Китрин чуть не столкнулась с каким-то куртадамом. Маркус молча добавил к списку неотложных дел новое: сделать внутреннюю дверь. Выходить на улицу, чтобы попасть из одного помещения в другое, — такое вполне годилось, пока нужна была секретность. Теперь же путь через улицу — ненужный риск.

Двое первокровных, Коризен Маут и Барт, над чем-то смеялись, однако при виде троицы разом посерьезнели. Энен стояла наготове: за плечами небольшой кожаный мешок с деньгами, руки свободны, на поясе изогнутый кинжал и утяжеленная дубинка. Выйдя на улицу, все шестеро выстроились в привычный порядок. Тесные людные улицы с их приближением замирали: жители Порте-Оливы жались к стенам домов, безропотно пропуская отряд и лишь вдогонку окидывая его любопытными взглядами. Даже нищие держались подальше — в этот раз подступили двое-трое самых смелых, да и те целили в Китрин: к Энен, несущей деньги, сунуться никто не посмел. Отряд вышел через северные ворота к предместью, улицы стали шире и многолюднее — в толчее Маркусу приходилось удваивать внимание. Со всех сторон неслась вонь от сточных канав и запах людского пота.

Пивоварня помещалась в двухэтажном здании, опоясывающем узкий двор с собственным колодцем. Широкие двери стояли отворенными; из темных углов, где торчали чаны и бочки, пахло дрожжами. Хозяйка — циннийка настолько дородная, что могла бы сойти за первокровную, — вышла навстречу, улыбаясь всем как родным.

— Магистра Китрин! Входите, входите!

Маркус, глядя, как расцеловываются Китрин с хозяйкой, кивнул Энен, та стряхнула с плеч кожаный мешок и передала его Китрин с таким видом, будто та и есть владелица банка. Из новых стражников никто и не подозревал, что банк совсем не то, чем кажется.

Китрин взяла мешок и знаком велела Маркусу и прочим остаться во дворе. Капитан коротко кивнул, и Китрин с хозяйкой, взявшись за руки, исчезли в полутемных глубинах помещения, беседуя как давние подруги. Юный цинна не старше Жука, опоясанный тонким кожаным фартуком, вынес стражникам по кружке свежего пива — более сладкого, чем любил Маркус, но с приятным, почти хлебным послевкусием. Маркус позволил троим новеньким присесть на каменное ограждение колодца, а сам, поймав взгляд Ярдема, показал глазами на противоположную сторону двора. Тралгут, опустошив кружку, неторопливо перешел через двор и присоединился к капитану.

— Хорошее пиво, — заметил Маркус.

— Ага.

— Как тебе ее план?

Ярдем в задумчивости дернул ушами назад, потом вперед. Маркус знал, что ответ тралгута уже изменился из-за самого вопроса: к плану, в котором Маркус не стал бы сомневаться, Ярдем относился по-иному.

— Вроде все идет как нужно, — проронил наконец тралгут. — В подвале драгоценностей еще многовато, но бойцов хватает, любое шальное нападение отразим. Я не очень-то разбираюсь в делах, но сдается мне, что Китрин не успокоится, пока не заработает денег столько же, сколько тратит, или около того.

— Чтобы потом, когда сюда нагрянет начальство из Карса, сумма более-менее соответствовала, — докончил за него Маркус. — Тогда Китрин просто вручает им деньги и умывает руки, никто не в убытке.

— Да, вроде так и задумывалось, — осторожно ответил Ярдем.

— Ты всерьез веришь, что она отдаст деньги банку?

Ярдем вытянул длинные мощные ладони, потом бросил тоскливый взгляд на пивоварню, будто она одна и мешала ему жить в свое удовольствие. Маркус молча ждал — тихо надеясь, что тралгут с ним не согласится, но уже зная, что этого не будет.

— Она попытается оставить деньги себе, — признал наконец Ярдем.

— Да. Хотя сама пока об этом не подозревает. Китрин хорошо управляется с банком. Может, даже слишком. И она не из тех, кто отказывается от любимого дела.

Ярдем неторопливо кивнул.

— Как она собирается все проверить? — спросил он.

Маркус отхлебнул пива, прокатил жидкость во рту и выплюнул на камни двора. Десяток голубей снялись с крыши и закружились в широкой синеве неба.

— Я сейчас не понимаю и половины ее идей, — признался он. — А ты?

— Я тоже.

— Понятия не имею, что она затеет. Может, она и сама не задумывается. Но когда увидит такую возможность — точно не упустит. И даже не посмотрит, хороши или дурны для этого способы.

После возвращения в Кемниполь жизнь завихрилась вокруг Гедера, как речная вода вокруг валуна. Дни были заняты приемами в благороднейших домах Антеи, вечера — празднествами, славящими ванайскую победу и грядущий день рождения принца Астера. Сразу же после неожиданного возвышения он стал замечать среди многоцветных придворных одежд черные кожаные плащи — копию его собственного. Аристократы, прежде не замечавшие весь род Паллиако, теперь являлись с визитами, и отец явно чувствовал себя выбитым из колеи: внезапные перемены, даже радостные, слишком уж смахивают на бедствие.

Цветущая весна омрачалась лишь тем, что вместо уютных домашних ночевок Гедер каждый вечер несся в лагерь за городскую стену, боясь опоздать к закрытию ворот, и спал в походной палатке. И его все так же преследовали кошмары.

— Не понимаю, отчего бы не распустить ванайскую армию, — заметил Гедер, намазывая утренний тост яблочным маслом. — Если я не отдам приказа о расформировании, его отдаст лорд Терниган.

— Он не осмелится, — возразил Канл Даскеллин, барон Ватермарк. — Как минимум до тех пор, пока чужеземные войска не уберутся из города.

— Это оскорбление для короны, — поддакнул Маррисин Эстерот, граф Магрифелл. — Вооруженный сброд на улицах Кемниполя! Среди них даже ни одного первокровного! Уж не знаю, зачем Куртин Иссандриан притащил сюда рабские расы. Дай ему волю — в следующий раз, верно, чествовать принца Астера будут свиньи и обезьяны.

Вокруг беседующих раскинулись сады, окружающие особняк Канла Даскеллина. В лучах позднего утреннего солнца золотые нарциссы кивали от веяния ветерка, к востоку от садов виднелась громада заново отделанной арены, стены которой выкрасили алым и белым. Игры в честь принца начнутся только завтра, однако первые выступления шли уже несколько дней — травля медведей, показательные бои, состязания лучников. По мере их размаха росла и напряженность Гедера, как плотный тяжелый зной в безоблачный день перед грозовой ночью.

— А эта вонь от йеммутских ведунов! — фыркнул Оддерд Фаскеллан, виконт Эшерих и смотритель Белой Башни. — Да у меня глаза слезились, даром что стоял на помосте. А южнецы!

Тусклолицый сосед Гедера по столу — его называли Паэрин Кларк, без всякого титула — прильнул к чаше, словно пытаясь скрыть за ней лицо, зато остальные одобрительно закивали и захмыкали.

— Они женятся на собственных сестрах! — вставил Маррисин Эстерот и хлебнул сидра. — Не их грех, конечно, то воля драконов. Чтобы блюсти чистоту породы, как у охотничьих собак.

— Правда? — переспросил Гедер. — Я читал в одном трактате, что это легенда, пущенная Идиккийским союзом после второго изгнания. Как и миф о том, будто тралгуты пожирают детей, а дартины отравляют колодцы.

— То есть вы считаете, что тралгуты не едят младенцев? — переспросил Маррисин Эстерот и расхохотался вместе с остальными. К ним присоединился и Гедер.

Разговор перешел на другие дворцовые дела: растущие волнения в Саракале, движение

за создание фермерского совета, слухи о второй войне за наследство в Нордкосте. Гедер больше слушал, чем говорил, однако его слова встречали вниманием — одно это опьяняло не меньше сидра. Когда слуги унесли последние блюда, Гедер откланялся. Такая же встреча ждала его и завтра, и послезавтра. И еще неофициальный бал нынче вечером, специально устроенный в тот же день, что и пир сэра Фелдина Мааса в честь короля Симеона. Гедер знал об этом от Альберита Мааса, который с явной неохотой просил у него позволения уехать на пир. Гедер не возражал: на празднествах в честь ванайской победы он по виду вельмож успел заключить, что превознесший его альянс и многочисленнее, и мощнее. Так отчего бы не сделать великодушный жест?

Близящееся к зениту солнце пригревало все сильнее, тепло растекалось под Гедеровым плащом, давая ощущение мягкости и уюта. Он шагал по черным булыжным мостовым, почти так же уверенный в себе, как сразу после назначения на ванайский пост. Какой-то простолюдин с длинной грязной бородой при виде Гедера юркнул в проулок. Молодая красавица с нежной кожей цвета топленого молока улыбнулась ему из носилок, которые тащили рабы. Гедер улыбнулся в ответ; на повороте красавица обернулась взглянуть на него еще раз.

Восточные ворота Кемниполя при строительстве сделали шире южных, над ними поднималась гигантская, высотой чуть ли не с Кингшпиль, арка из тесаного камня. Стук подков и грохот колес смешивались здесь с выкриками мелких торговцев, пахло пометом — животные унавоживали улицы быстрее, чем арестанты успевали вычищать грязь. Под грубыми деревянными вывесками расхаживали зазывалы, выкрикивая новости за плату: такой-то мясник вымачивает мясо в воде и продает на вес; выяснено, что вспышка дурной болезни идет из притона в кожевенном ряду; потерялся мальчик, просят вернуть за вознаграждение, — обычные городские сплетни. Гедер пропускал их мимо ушей, не пытаясь вдумываться: за каждый слог уплачено, проще считать все враньем. Он замедлил шаг у лотка, где мрачный одноногий тралгут продавал засахаренную лаванду и медовые орехи, и бросил торговцу монетку — тот схватил ее прямо на лету.

За стенами Кемниполя до горизонта простирались северные равнины — сплошь зеленая трава и кустарник, ни единого деревца: все, что годилось на дрова, вырублено много поколений назад. Немногие холмы поднимались плавными волнами, как зыбь на спокойном море. Ванайская армия стояла лагерем чуть восточнее ворот, в тени городских стен. По совету Джорея Каллиама Гедер приказал сохранять боевой порядок и не расслабляться — так что в лагере теперь имелось укрепленное ограждение, часовые, собственная кухня и дежурный командующий. Фаллон Броот, барон Зюдерлингских Взгорий, встретил Гедера у входа в лагерь.

— Что слышно? — спросил он. — Есть вести от Тернигана?

— Пока нет.

— Я, конечно, все понимаю, но промедли он и дальше — на играх не останется приличных мест.

— Можно обратиться к королю Симеону.

— А может, отдашь приказ сам? — предложил Броот, скривив рот, так что дернулись длинные усы.

— Ну уж нет, — ответил Гедер.

Броот издал лающий смешок.

— Ну тогда заступай на командование. Ухожу отдыхать. Маас нынче устраивает пир,

моя очередь развлекаться.

— Сегодня еще и неофициальный бал, — как можно небрежнее проронил Гедер.

— Да какой из меня танцор, — отмахнулся Броот. Гедер, провожая его глазами, задумался, на какое из празднеств придет та красавица с нежной кожей.

Оруженосец после ночи успел прибраться в палатке, однако книги и принадлежности для перевода оставил на месте. Гедер уселся за походный стол, раскрыл потрескавшийся кожаный переплет трактата, с которым бился не первый день, и пролистал тонкие ветхие листы до того места, где остановился накануне.

Обретение этого оружия в горах Синир позволило соединенным войскам Халлскара и Саракала ограничить вмешательство Борхии и со временем вернуть земли, отданные по договору пять поколений назад. Несмотря на это, ни выборные короли Халлскара, ни родовые вожди Саракала не предприняли совместных попыток обнаружить остальные тайники. Традиционно считается, что причиной такого безмерного упущения стал некий сверхъестественный ужас, связанный с долиной. Безымянный писец Атианского аббатства предполагает, что артефактом, вызвавшим такой ужас, мог стать тайник с охваченными спячкой драконами, помещенный в долину Дракисом Грозовраном или праведным слугой дракона Морада, однако вероятнее будет предположить, что поиски остановила чума, распространившаяся по окончании борхийских завоеваний. К тому же в горных условиях любые поиски ограничивались летними месяцами и возможностью исключительно пешего передвижения. Последнее обстоятельство позволяет мне предпринять более тщательное и систематическое исследование видов обуви в древнем Халлскаре, к каковому я перейду в следующей главе.

Горы Синир. Синир... Слово казалось знакомым, однако Гедер не помнил, где его встречал. Точно недавно. И точно в связи с Праведным Слугой.

Легенда, когда-то выбранная для развлечения, становилась все более любопытной. В темные предрассветные часы, разбуженный привычными кошмарами, Гедер доставал книги и принимался отыскивать нужные упоминания и обдумывать тончайшие детали перевода — тогда стихал гул пожара в ушах и вновь приходил сон.

Что за оружие упоминают трактаты, Гедер так и не понимал, ясно было одно: оно использовалось в последней войне драконов и с ним связана некая магия, помогающая безошибочно отличить правду от лжи. Два найденных комментария об испорченной или зараженной крови ничего не проясняли, поскольку неизвестно, к чему относились: то ли к обрядам и чарам, с помощью которых Морад создавал Праведного Слугу, то ли к способу действия оружия, то ли к легенде, выдуманной противниками Морада, пережившими своего врага.

Местность, упоминаемая в связи с загадочным оружием, несомненно, находилась в восточных горах и пустошах, граничащих с Халлскарком, Борхией, Кешетом и Пу'том. И хотя территория для поисков — по большей части почти непроходимая — была огромной, Гедер надеялся ее сузить сличением времени свидетельств и выяснением того, как менялись границы государств и народов в ходе веков. Например, одна из книг помещала Праведного Слугу в восточный Кешет, но называла местность древним именем. Другая упоминала восток Борхии, а название давала чуть более позднее. Если проследить, как менялась

граница между Кешетом и Борхией за упомянутые века, то можно получить область протяженностью в четыре дня конного пути с севера на юг. А если в границах этой области есть местность, называемая Индише, то она и даст искомую точку.

Впервые в жизни Гедер начал набрасывать план собственного трактата. Глава о древней обуви Халлскара, конечно, вряд ли пригодится — но ведь никогда не знаешь, пока не попробуешь! И Гедер, тяжело вздохнув, оперся на локти и углубился в книгу. Стиль оставлял желать лучшего, однако повествование мало-помалу захватывало. Эволюция мыска обуви как способ выяснить расовый состав придворных чрезвычайно впечатляла, особенно с учетом того, что Тириский-адан в свое правление последовательно уничтожил летописи как минимум за шесть веков. Предположение, что в некий период истории Халлскардом правили не хаавиркены, а огнеглазые дартины, изумило Гедер донельзя. Он так увлекся книгой, что даже не заметил криков в лагере и очнулся лишь тогда, когда в палатку ворвался оруженосец.

— Милорд! — выпалил дартин. — Там в городе!.. Что-то случилось!..

Подняв голову от книги, Гедер по инерции прикинул, как выглядел бы его оруженосец в халлскарском тронном одеянии из кожи и золота, однако рев голосов и лязг металла привели его в чувство, накатила волна страха. Вскочив из-за стола, Гедер вылетел из палатки; перед глазами стояла картина кемнипольских стен, охваченных дымом, в ушах привычно ревел гул ванайского пожара. Давед Броот, сын Фаллона, бежал через равнину в окровавленной рубахе.

— Кто-нибудь помогите ему! — крикнул Гедер звенящим от напряжения голосом. — Он ранен! Помогите!

К Даведу уже бежали, и Гедер огляделся в поисках места битвы. Дыма нет. Огня тоже. Где-то близко крики. Шестеро солдат уже тащили Даведа на сплетенных руках, как на носилках, и Гедер поспешил навстречу. Раненый протянул руку.

— Лорд Паллиако!

— Я здесь.

Солдаты остановились.

— Гладиаторы... Гладиаторы захватывают ворота...

— Что?

— Гладиаторы с арены. У ворот. Пытаются закрыть...

Восстание, — пронеслось у Гедера в голове. Восстание на улицах Кемниполя.

А через миг он понял — не восстание. Государственный переворот.

— К ведуну его, — приказал Гедер солдатам. — А сами хватайте оружие. Сигнал к построению! Тревога!

В лагере воцарилась растерянность, потом неверие и страх, однако войско наконец выстроилось в боевой порядок. Оруженосец поднес Гедеру меч и доспех. Юноша схватился было за меч, потом передумал и потянулся за доспехом.

— Некогда! — рявкнул выросший рядом Фаллон Броот, чуть не мечущий молнии. — Если ворота закроют, от нас никакого проку. К черту защиту, скорее!

Гедер нервно сглотнул. Колени подкашивались. Собственный приказ к атаке он услышал почти со стороны, а затем с мечом в руке вместе с Фаллоном Броотом и десятком ванайских ветеранов побежал через поле к восточным воротам. Черный кожаный плащ бился за плечами, как крылья летучей мыши, меч тяготил руку. У самых ворот дыхание окончательно сбилось, грудь болела. И в этот миг ворота под гигантской восточной аркой

Кемниполя начали закрываться.

— Ко мне! — крикнул Гедер, бросаясь вперед. — Ванайи, ко мне!

Передние воины с Гедером во главе ударились в сужающееся пространство между створками, как горсть сухих горошин, брошенных в окно: сначала самые быстрые, потом двое-трое вместе и, наконец, одним ударом остальные. Площадь, через которую Гедер шел всего два часа назад, изменилась неузнаваемо. Вместо повозок и экипажей мостовую заполняли трупы, у опрокинутого стола с медовыми орешками и засахаренной лавандой стоял строй ясурутских лучников, посверкивая золотистой чешуей. Разом запели луки, и солдат слева от Гедера с воплем рухнул наземь.

— Вперед! — крикнул Гедер. — Остановить их! Вперед!

Солдаты, склонив головы и вопя на ходу, устремились в атаку. Справа на них уже летел отряд йеммутов в стальных доспехах, с огромными двуручными мечами наготове — из-за клыков, выкрашенных в цвет крови, враги походили на чудовищ из страшных снов. Один поднял широкую голову и завыл, в крике слышались какие-то слова. Гедер взглянул на отступающих лучников, на несущихся в атаку йеммутов, опять на лучников.

У груди мелькнул широкий длинный клинок, Гедер отскочил. Йеммут, раза в полтора выше обычного первокровного и в плечах шириной с телегу, при виде Гедера с ухмылкой размахнулся и рубанул клинком воздух, заставляя отступить. Слева еще одно гигантское лезвие, попав между пластинами доспеха, пронзило кого-то из ванайцев, кровь брызнула Гедеру на грудь и в лицо. Сзади кто-то закричал.

Противник Гедера занес клинок, готовясь рубануть как топором. Гедер поднял меч, зная, что не сможет отразить выпад, — и вдруг кто-то, пронесшись рядом, ударил всем телом в йеммута. Тот, оступившись, покачнулся.

— Давай, Гедер! — крикнул Джорей. — Руби!

Гедер, взмахнув мечом, ринулся вперед. Клинок вошел неглубоко, но успел прорубить кожаный доспех. Йеммут взревел. Джорей отскочил назад, Гедер вновь замахнулся, обманчиво целя в монстру в живот, где доспех тоньше, и тут же ударил в бедро. Йеммут огромной ладонью отбросил его прочь, однако Джорей Каллиам вонзил клинок в исполинскую руку, хлынула кровь. Монстр завыл, бросил меч и схватился за кисть, пытаясь зажать рану, подоспевший Гедер рубанул йеммута по колену — раз, и другой, и третий, как будто валил дерево.

Йеммут, споткнувшись, рухнул на землю и поднял руки, сдаваясь на милость победителя. Гедер огляделся.

Створки ворот замерли на середине пути, в проход между ними вливался поток ванайских воинов. Ясурутские лучники исчезли, четверо йеммутов лежали поверженными, еще полдесятка пытались отбиться от нацеленных в них антейских мечей. Джорей Каллиам, согнувшись пополам, тяжело дышал, изо рта сочилась кровь, обагренные губы изогнулись в усмешке.

— Не знали, с кем связываются, — прохрипел он сквозь пену крови. Гедер улыбнулся.

* * *

— Так, — протянул Лерер Паллиако, облокотившись о балконные перила. — Так-так.

— Южные ворота они все-таки захватили, — добавил Гедер. — Захлопнули, а потом

расшибли механизм. До сих пор открыть не можем.

Юноша пожал плечами. Сумерки сгущались, на небе проступали звезды. Все празднества и балы отменены королевским указом, после вооруженного мятежа и кровопролития улицы города патрулируют королевские гвардейцы. Король Симеон созвал приближенных в Кингшпиль и установил комендантский час: всякий, кого застанут на улице между закатом и рассветом, будет убит без предупреждения. Дома заперты и забаррикадированы, на городских стенах дежурит стража на случай пожара. На арене, отремонтированной к праздничным играм в честь принца Астера, красуется десяток гладиаторов, повешенных на импровизированных виселицах. Еще два десятка брошены с мостов и валяются непогребенными на дне Разлома.

От страха и ужаса, наполнившего город, изменился чуть ли не сам воздух. Все казалось хрупким, балансирующим на грани катастрофы. Гедер понимал, что опасность грозит и ему тоже, однако радостный настрой не желал уходить. Как же — вооруженный мятеж в столице, подавленный лично Гедером Паллиако! Если его чествовали за сожжение Ванайев, то какой славой оденут теперь! От одной мысли голова шла кругом.

— Еще, я слышал, лорд Терниган распустил ванайскую армию, — заметил Лерер Паллиако.

— Солдаты рвались защищать свои дома и семьи. Не будь приказа от лорда Тернигана — я бы сам их отпустил.

Отец, вздохнув, покачал головой. В окне виднелся Кингшпиль, возносящийся над Кемниполем — а значит, и над целым миром. Освещенные окна мерцали, как звезды или армейские походные костры. Лерер Паллиако хрустнул пальцами.

— Страшное время. Невероятно страшное.

— Долго оно не продлится, — заметил Гедер. — Все позади. Гладиаторов нет, а если где появятся — их схватят. Город спасен.

— Остались те, кто их нанял. Кто устроил мятеж. Имена слишком громкие, таких людей не повесишь. Я смолоду держался подальше от двора, не заводил знакомств, не вступал в союзы. Теперь вот думаю — наверное, зря. Только сейчас уж слишком поздно исправляться.

— Отец, — прервал его Гедер, однако Лерер кашлянул и поднял ладонь.

— Войско расформировано, сынок. Ты можешь идти куда пожелаешь. И делать что захочешь. Разумнее будет уехать из Кемниполя. На время. Пока все не уляжется.

Впервые после битвы радужный настрой Гедера слегка померк, юноша окинул взглядом погруженные в ночную тьму дома и улицы. «Отец шарахается от каждой безобидной тени. Бояться нечего. Мы победили. Переворот предотвращен».

Нынешний переворот. На этот раз.

— Дома сейчас, наверное, безопаснее всего, — предположил Гедер. — Я обдумываю трактат, тебе тоже будет интересно. Там надо рассортировать географические указания по эпохам и соотнести их с современными картами, и тогда...

— Не в Ривенхальме, — отрезал Лерер.

Гедер замолк.

— Уезжай из Антеи. Ты слишком глубоко увяз в политике. В делах, смысла которых мы не понимаем. Сначала Ванайи, теперь гладиаторы... Уезжай на год, не меньше. Куда-нибудь, где тебя не найдут. Возьмешь слуг. Я дам денег. Найди спокойное место подальше. Может, к осени что-то прояснится.

— Хорошо, — пристыженно кивнул Гедер.

— И еще, сынок. Никому не говори, куда едешь.

Король Симеон вышагивал перед собравшимися. На его лице читалась та смесь сомнений и решимости, какую Доусон видывал у охотничьих собак перед спуском с крутого склона: какой путь ни выбери, остановиться уже не получится. С кем бы ни совещался Симеон нынешней долгой ночью — Доусона среди советников не было. Правда, барон точно знал, что не было там и Куртина Иссандриана.

Приемный зал отличался от обычного: ни гобеленов, ни мягких бархатных подушек, голые кирпичные стены. Даже ни одного ковра — коленопреклоненные поданные Симеона стояли на каменном полу. На королевских гвардейцах, выстроенных вдоль стен, сверкали не дворцовые, а настоящие боевые доспехи, мечи в руках тоже никак не походили на парадные. Принц Астер сидел на серебряном троне позади отца с покрасневшими от слез глазами.

Куртин Иссандриан, нервный и бледный, стоял на коленях через проход от Доусона, рядом с ним Алан Клинн. Канл Даскеллин и Фелдин Маас сумели избежать королевского гнева. Оддерд Фаскеллан погиб от стрелы, угодившей в горло, его убийца сейчас болтается на веревке, облепленный мухами. Гедер Паллиако — заслуженный герой дня, удержавший южные ворота — исчез из города. Доусон остался в одиночестве.

Позади всех троих, на галереях, толпились зрители. Знать, для виду отгороженная от прочей публики витым шнуром, сидела на низких неудобных табуретах, женщины стояли на высокой галерее, где-то среди толпы была и Клара. Верхняя галерея, обычно предназначенная для нетитулованных почетных гостей и послов чужеземных держав, сегодня пустовала.

Король остановился. Доусон не поднимал головы.

— Прекратить все сегодня же, — разнесся по залу голос Симеона. — Немедленно.

— Повинуюсь, ваше величество, — ответил Доусон с тщательно отрепетированным смирением, вслед эхом отозвались Иссандриан и Клинн.

— Пока Рассеченный Престол принадлежит мне, Антея не вступит на путь дракона, — продолжал Симеон. — Я не позволю политическим играм и мелким интригам нарушать спокойствие империи, стоящей в центре мирового владычества. Клянусь в том собственной жизнью, и как ваш повелитель ожидаю и требую того же от каждого из вас.

— Повинуюсь, ваше величество, — повторил Доусон, Иссандриан и Клинн на этот раз не отстали.

— На улицах Кемниполя пролилась благородная кровь, — не умолкал король. — В стенах города обнажены чужеземные мечи. Не время выяснять, чисты ли были намерения. Виновные должны поплатиться.

Краем глаза Доусон заметил, что Алан Клинн побледнел еще больше.

— Есть ли вам что сказать, прежде чем я оглашу приговор? Лорд Каллиам?

— Нет, ваше величество. Смирненно повинуюсь вам и Рассеченному Престолу.

— Лорд Иссандриан?

— Ваше величество, — дрожащим голосом начал Куртин Иссандриан. — Позвольте упомянуть два обстоятельства. Прошу не считать вчерашние стычки сознательным и предумышленным деянием кого-либо из присутствующих. Если же ваше величество твердо намерены покарать зачинщиков, то я прошу о снисхождении к моему соотечественнику. Игры в честь принца Астера задумал я один. Мне не хотелось бы, чтобы невинные люди

пострадали только потому, что имеют несчастье меня знать.

Жест был красив, но, на взгляд Доусона, неосмотрителен.

— Лорд Иссандриан забывает, что это не первая кровь, пролитая из-за вашей вражды с родом Каллиамов. Если вам угодно пожертвовать собой в назидание другим, я рассмотрю ваше предложение, однако не думайте, что я позволю кому-либо отсидеться за вашими юбками.

— Ваше величество, — только и пробормотал Иссандриан.

Повисло молчание. Доусон закрыл глаза. Болели колени, придавленные к полу весом всего тела, однако он не шевелился: любое движение сочтут за страх перед приговором.

— Доусон Каллиам, барон Остерлингских Урочищ, — объявил наконец Симеон. — Я удваиваю налог с ваших владений на следующие пять лет. Вам запрещено появляться в Кемниполе и при дворе в ближайшие полгода, вы не вправе созывать войско или прибегать к наемной вооруженной силе без гласного дозволения короля.

Доусон промолчал и лишь ниже склонил голову. Сердце забилося сильнее, однако он не хотел выказывать волнения.

— Куртин Иссандриан, барон Корса, — продолжал Симеон. — Я возвращаю во владение короны все принадлежавшие вам земли южнее реки Андрианн, а также освобождаю вас от должности смотрителя Эстинпорта и протектора восточных областей. Я удваиваю налог с ваших владений на следующие пять лет, вам запрещено появляться в Кемниполе и при дворе в ближайшие полгода, и вы не вправе созывать войско или прибегать к наемной вооруженной силе без гласного дозволения короля.

Доусон прикрыл глаза и едва удержался, чтобы не покачать головой; досада засела комом в груди, словно он проглотил булыжник. Он уже знал, что приговор Клинну будет таким же или даже мягче, — король и вправду определил Клинну ту же ссылку, удвоил налоги и лишил мелких должностей. Фелдин Маас, где бы он ни прятался, избежал даже такого символического наказания.

Когда виновным позволили встать, Доусон взглянул на старинного друга. Своего короля. Лицо Симеона пылало, дыхание сбилось, брови сошлись у переносицы. Принц Астер сидел с гордо вскинутой головой. Глаза Доусона и Симеона встретились, во взгляде короля сквозь видимый гнев что-то мелькнуло на миг — вот и весь ответ. Гвардейцы расступились, Симеон с Астером вышли, и галереи разразились громовым ревом. Доусон взглянул на Иссандриана и Клинна, обернувшихся друг к другу. Клинн ошеломлен, Иссандриан разочарован — не иначе как по той же причине, что и сам Доусон.

— Лорд Каллиам! Сэр!

Рядом стоял капитан королевской гвардии — высокий, широкоплечий, с приплюснутым носом и виноватыми водянистыми глазками. Доусон кивнул.

— Вы должны покинуть город к закату, милорд.

— Моя семья тоже?

— Нет, милорд, Они могут остаться, если пожелают.

Доусон потер ноющее колено. Капитан, помедлив, почтительно кивнул и двинулся к Иссандриану — сообщить, как подозревал Доусон, ту же весть. Барон, развернувшись, вышел в коридор, отделанный черным мрамором и кованым серебром, — там, в лучах полуденного солнца, бьющего в высокие окна, уже ждала Клара, за ее плечом тенью маячил Винсен Коу. От дальнего выхода к ним торопливо шагал Джорей, стук сапог по каменному полу отдавался эхом.

— Кажется, все прошло гладко? — спросила Клара.

Доусон качнул головой.

— Именно что кажется, любовь моя. Это конец империи.

На улице их ждала карета; кони всхрапывали и били копытами, будто и они чуяли перемены в судьбе города. На других узких улочках так же ждала хозяев еще добрая сотня карет: антейская знать спешила прочь из Кингшпиля. Все они давали дорогу Доусону — скорый путь домой традиционно оставался последней почестью, которой удостаивали изгнанников.

Колеса громыхали по камням мостовой, никто не пытался заговаривать. В боковое окно Доусон видел, как исчез за поворотом Кингшпиль, затем карета миновала широкую площадь и свернула на улицы города. Голуби целыми стаями взлетали, кружили и возвращались на землю. Потом на пути возник Серебряный мост и бездна Разлома. Из кузниц и печей поднимался дым.

Еще вчера на этих улицах проливали кровь знатные антейцы. Сегодня все шло обычным чередом, никто ничего не замечал — кроме тех, кто, подобно Доусону, понимал происходящее лучше других.

Когда карета подъехала к особняку, слуги все так же подставили ступеньку, Доусон все так же отмахнулся от протянутых рук. Старый тралгут, раб-привратник, произнес обычное приветствие. В комнатах готовились к отъезду — снимали гобелены, надевали чехлы на мебель. Главный псарь уже рассадил собак в дорожные клетки; сбитые с толку животные жалобно повизгивали. Доусон опустил на колени и прижал ладони к решетке — дать собакам обнюхать хозяйскую руку.

— Я могу остаться, — предложил Джорей.

— Хорошо, — согласился барон. — Слишком мало времени до отъезда, мне всего не успеть.

— Нужно оставить и кого-то из слуг, любовь моя, — добавила Клара. — Сады без ухода засохнут. И фонтан на площадке с розами требует починки.

Пес из клетки взглянул на Доусона, мягкие карие глаза туманил страх. Барон просунул пальцы сквозь решетку и погладил собачью морду — пес, одним укусом перегрызающий лисий хребет, прильнул к хозяйской руке.

— Делай что нужно, Клара. Тебе лучше знать.

— Лорд Каллиам!

Винсен Коу поднял руку в формальном егерском приветствии. Доусон, собравшись с духом, кивнул.

— Пожаловал лорд Даскеллин, милорд, — доложил Коу. — Он в западной гостиной.

Доусон с усилием поднялся. Пес, провожая его взглядом, заскулил — но утешить любимца было нечем.

Канл Даскеллин стоял у окна гостиной, заложив руки за спину, как полководец, озирающий поле битвы. Из трубки тянулся дым — сладкий до отвращения.

— Канл, если вам от меня что-то нужно — поспешите. На партию в карты у меня нет времени.

— Я пришел принести соболезнования и поздравить.

— Поздравить? С чем?

— Мы победили. — Даскеллин отвернулся от окна и шагнул на середину комнаты. — Свою роль вы отыграли отлично. Спровоцировали Иссандриана на удар, завершить который

ему не хватило сил, и раскрыли его заговор. Теперь он в немилости, а ближайшие соратники сосланы и лишены владений и титулов. Никто не знает, кому отдадут на воспитание принца Астера, но уж точно не Иссандриановым союзникам. И о фермерском совете можно забыть до конца жизни. Жаль, что вы за это поплатились, но клянусь — пока вы в изгнании, вас будут превозносить как героя.

— Что толку побеждать в битвах, если проиграна война? — поморщился Доусон. — Вы и вправду пришли с поздравлениями, Даскеллин? Или это способ позлорадствовать?

— Вы о чем?

— Оддерд Фаскеллан был слюнтяй и трус — однако знатного рода. И вчера он погиб. Понимаете? Погиб! В Кемниполе. От руки чужеземца. Такого не случилось многие столетия! И чем ответил Симеон? Повысил налог, отправил виновников в смехотворную ссылку, отобрал у них клочок земли и титул-другой из самых мелких.

Даскеллин, скрестив руки, прислонился к стене, из ноздрей и рта струился дым.

— А что он, по-вашему, должен был предпринять?

— Зарубить их всех лично. Связать, взять меч и отсечь им головы собственной рукой.

— Вы, кажется, уже соскучились по Паллиако, — ядовито заметил Канл.

Доусон, не обращая внимания, продолжал:

— Вооруженный отряд на улицах города — преступление против королевской власти, и карать его меньше чем смертью — значит признаваться в собственном бессилии! Хуже этого только открытая капитуляция. Король придумал себе маску, спрятался за фальшивым гневом — и показал лишь, насколько испуган. Вы бы видели! Симеон взвинчивается, пышет яростью, требует положить всему конец!.. Как мальчишка-пастух, который вздумал покричать на волков.

— Испуган? Кого он боится?

— Власти, которая стоит за Иссандрианом. Боится Астерилхолда. — Тут Доусон обвинительно уставил палец в грудь Даскеллину. — И Нордкоста.

Губы Даскеллина скривились в подобии улыбки, он вынул трубку изо рта.

— Я — не Нордкост, дружище. А если оглядка на другие государства заставила короля Симеона явить большее милосердие, то это свидетельство его мудрости.

— Это позволение любому антейскому вельможе понимать верность короне так широко, как ему вздумается, — отрезал Доусон. — Если преклоняться перед астерилхолдской герцогиней или нордкостским банком нам выгоднее, чем служить Антее, у Симеона вскоре не будет придворных, на которых он может опереться, не будет собственного двора. Он так отчаянно жаждет не пустить страну на путь дракона, что скатывается на него сам.

Даскеллин, встав на колени перед камином, выбил трубку, посыпался пепел.

— Мы расходимся во мнениях, — заметил он. — Однако мелкие разногласия между союзниками вполне допустимы. Вы, конечно, правы в том, что с обезвреживанием Иссандриановой клики опасность для государства исчезла не до конца. Верьте или нет — я собирался вам пообещать, что, пока вы в ссылке, я буду бороться за наше дело.

— Тем, что запродадите нас Медеанскому банку?

— Тем, что обеспечу королю Симеону поддержку и преданность, которые ему необходимы.

— Ответ истинного дипломата, — усмехнулся Доусон.

Даскеллин вспыхнул, но под взглядом Доусона тут же взял себя в руки. Засунув трубку

за пояс, он встал. В комнате по-прежнему витал запах дыма.

— У вас сегодня черный день, — проронил Канл. — И я предпочту услышать только ваши слова, а не их подтекст. Думайте что хотите, но я пришел не злорадствовать.

Повисло долгое молчание. Наконец Канл Даскеллин выдавил горькую полуулыбку, тронул Доусона за плечо и вышел, шаги вскоре затерялись в предотъездной суматохе дома. Барон постоял у окна, не видя за ним весенних деревьев, не слыша ни птичьего щебета, ни гомона слуг, ни собачьего поскуливания.

Отвернувшись, он пошел прочь.

Доусон выехал из Кемниполя в небольшой открытой карете. Откинувшись на спинку переднего сиденья, он смотрел назад, на оставляемый город. Рядом сидела Клара, на скамье рядом с возницей — Винсен Коу. Повозки с поклажей будут ползти медленнее. Часть пути в Остерлингские Урочища шла по драконьим дорогам, так что в первые полдня под колесами стелился гладкий драконий нефрит — приятное разнообразие после мостовых Кемниполя.

— Мы же с ними не встретимся? — спросила Клара.

— С кем?

— С кем-нибудь из двоих. С лордом Иссандрианом или лордом Клинном. Или лордом Маасом. Было бы очень неловко. Нет, правда: что делать? Пригласить их на обед совершенно невозможно, но и не пригласить — грубость. Может, сказать вознице, чтобы не приближался к другим каретам? Если сделать вид, что мы их не заметили, то приличия будут соблюдены. Только с Маасом так не выйдет. Бедная Фелия, каково ей теперь...

Доусон, как ни угнетали его собственные заботы, улыбнулся и взял жену за руку. Со дня их первой встречи ее пальцы пополнели, его — погрубели; время частью изменило их обоих, частью оставило прежними. С самой свадьбы — и даже раньше — Доусон знал, что Клара видит мир не так, как он. И за это, в числе прочего, ее любил.

— Не встретимся, — успокоил он жену. — Иссандриан и Клинн здесь не поедут, а Маасу незачем покидать двор. По крайней мере сейчас.

Клара вздохнула и положила голову ему на плечо.

— Бедный мой, — прошептала она.

Доусон, чуть склонившись, поцеловал локон над ее ухом и обнял жену за плечи.

— Все не так уж плохо, — нарочито бодро сказал он. — Зимой я скучал по Остерлингским Урочищам, теперь навестаю. Проведем лето дома, потом к закрытию дворцового сезона наведемся в Кемниполь, а на зиму вернемся обратно.

— Правда? Можно и сразу остаться дома на зиму, если хочешь. Не обязательно ездить туда-сюда.

— Нет, любовь моя. Мне интересны не только осенние торжества — к зиме нужно будет знать, как обстоят дела при дворе, так что не думай, будто я все затеваю ради твоего удовольствия. На самом деле я себялюбивый хам.

Клара прыснула. Позже, через несколько лиг, ее сморил сон, и Коу, заметив, беззвучно передал Доусону шерстяной плед. Барон осторожно укрыл жену. Позади садилось алеющее солнце, бросая на дорогу длинные тени, резко вскрикивали одна за другой вечерние птицы.

Доусон оставлял поле битвы, однако война будет продолжена и без него. Иссандриан, Маас, Клинн живы, у них есть сторонники. Маас при дворе делает все возможное, чтобы превознести доброе имя Иссандриана и Клинна. Даскеллин, без сомнения, приберет к рукам союзников Доусона — хотя бы тех из них, кого не будет тошнить от этого вкрадчивого

банкира из Нордкаста. Симеон будет плясать между двумя клинками и убеждать себя, что в середине хватит места для маневра и что если занять твердую позицию — то мира не достичь.

Слабый король может выжить только в окружении преданных сторонников, а изгнанием Доусона Симеон лишил себя единственного верного приверженца. Ничего хорошего теперь не жди. Весь двор пляшет под дурацкую дудку, каждый преследует только свои интересы. Жалкие своекорыстные слепцы...

Короля Симеона спасет только чудо. Королевству остается одна надежда — чтобы принца Астера отдали на воспитание в семью, которая расскажет ему о сущности королевской власти лучше, чем сам король. Доусон на миг даже представил себе, как берет принца под собственное крыло и учит тому, чему не научил Симеон. Клара что-то пробормотала во сне, плотнее заворачиваясь в плед.

Солнце клонилось к горизонту, заливая пламенем стены и башни Кемниполя, и Доусону на мгновение показалось, что зарево идет от исполинского пожара, будто пылает не закат — пылает Кемниполь. Картина казалась пророческой.

Жалкие своекорыстные слепцы.

Пылающий город.

Доусон зачем-то попытался представить, куда исчез Гедер Паллиако.

В торговом деле без кофеен не обойтись. В Столлборне и Руккьюпале — холодных портах, где зимой солнце заходит уже в полдень, — купцы и капитаны ведут разговоры над дымящейся кружкой, грея о нее руки в рукавицах. Там, где под лунным светом широко разливаются воды Миваджи, кочевые племена южнецов, попивая густую, как ил, жидкость, декламируют стихи в перерывах между бурным торгом за серебро и пряности. В мире, который оставили после себя драконы, кофе и торговля неразделимы.

По крайней мере так рассказывал магистр Иманиэль. Китрин раньше нигде не бывала, кроме Ванайев, а там Медеанский банк размещался в собственном небольшом здании. И все же, когда пришел срок присмотреть место для ведения дел, она выбрала маленькую кофейню с отдельной задней комнатой и вынесенными на улицу деревянными столиками. Кофейня стояла через площадь от главного рынка — средоточия городской торговли, так что выходить на торжище с переносным лотком Китрин было незачем. Владелец кофейни, маэстро Азанпур — старый цинна с бельмом на глазу, готовивший кофе с мастерством почти магическим, — изрядно обрадовался предложенной ему плате за то, чтобы Китрин распорядилась задней комнатой по своему усмотрению. В пасмурные дни Китрин сидела в общем зале, попивая кофе и прислушиваясь к сплетням. В солнечные — перебиралась на улицу, за белый крашенный столик, и следила за толпой, бурлящей вокруг рынка.

В идеале кофейню маэстро Азанпура надлежало бы сделать деловым и банковским центром Порте-Оливы. Чем больше известность, тем больше соберется в этих стенах людей — а с ними сплетен, новостей и молвы. Одно присутствие Китрин, конечно, давало для этого хороший зачин, но дожидаться, пока все пойдет своим чередом, времени не было. Законный Медеанский банк рано или поздно (причем скорее рано) явится сюда посмотреть на собственную дочернюю ветвь, а к тому времени филиал уже должен буйно процветать.

Значит, предстояло начать с маленькой безобидной уловки.

Когда Кэри появилась у рынка, Китрин заметила это раньше, чем увидела саму актрису. Взгляды устремились к незнакомке через всю площадь — словно ветер прошел над полем колосьев, — затем стыдливо метнулись прочь, потом тайком обратно. Китрин потягивала кофе и делала вид, будто не заметила таинственной гостьи. Пока Кэри, намеренно выбрав самый длинный путь, шла к высоким будкам, где стояли охраняющие рынок гвардейцы, Китрин успела полюбоваться ее костюмом. Крой позаимствован в Элассе, шелковая накидка и бисерная вуаль сделаны по лионейской моде. Сверкающие на Кэри драгоценности, взятые для такого случая из ларца Китрин, стоили столько, что хватило бы дважды выкупить кофейню маэстро Азанпура. Детали костюма, вместе взятые, говорили о торговых знакомствах владелицы со всем побережьем Внутреннего моря (где мастер Кит успел попутешествовать), а сочетание чужеземной экзотики с богатством украшений, почти не виданное в Биранкуре, привлекало внимание надежнее, чем если бы перед незнакомкой ступал глашатай. Позади Кэри вышагивали Шершень и Смитт в кожаных доспехах — той самой походкой, которой выучились в караване, так что сейчас их было не отличить от прирожденных бойцов.

Кэри, подойдя к будке, обратилась к одному из гвардейцев — слов из-за дальности было не разобрать, но поза и движения гвардейца говорили сами за себя. Он повел рукой в сторону Китрин и кофейни, и Кэри, поблагодарив его кивком, медленно двинулась через

площадь. Когда она приблизилась, Китрин встала.

— Достаточно? — спросила Кэри.

— Идеально, — ответила Китрин. — Заходите.

Она провела актеров через общий зал. Кофейня состояла из небольших ниш, разделенных низкими арками, от резных ставен пахло кедром. Молоденькая куртадамка в дальнем конце зала играла на арфе нежную мелодию. Старик из первокровных и южнец с огромными глазами, оживленно беседующие в одной из ниш, с приближением Кэри замолкли и проводили ее взглядом. Китрин, на ходу обернувшись к маэстро Азанпуру, подняла два пальца — старик кивнул и принялся размалывать зерна для двух чашечек кофе: Китрин тем самым показывала свидетелям, что таинственная дама пользуется особым уважением Медеанского банка.

— И это все? — спросил Смитт, захлопывая за всеми дверь задней комнаты, занывшую на кожаных петлях. — Я думал, будет дольше.

Китрин присела за столик. Места хватало всем, садиться отказался лишь Шершень, который шагнул к окну и через сине-золотое стекло выглянул в проулок. Кэри принялась снимать драгоценности, Китрин вытащила из-под кресла железную шкатулку с замком — подложив под нее коврик, чтобы не поцарапать пол.

— Я тут много не держу, — объяснила Китрин. — Книга для записей, разменные монеты. Выдавать каждый день большие суммы мне не придется.

— А разве не для того все затевалось? — спросила Кэри, передавая ей браслет, усыпанный изумрудами и гранатами. — Не для того, чтобы избавиться от драгоценностей?

— Не раздавать же их горстями направо и налево. В любом городе не так уж много мест, куда выгодно помещать деньги. И сначала приходится выяснять, какие занятия более прибыльны. В этой комнате я веду переговоры. Обсуждаю сделки, подписываю контракты. Здесь-то все и совершается, только я не хочу, чтобы тут толклись стражники и пугали людей.

— А почему бы нет? — встрял Шершень. — Я бы запросто.

— Лучше уж не страшать посетителей, — заметила Кэри.

В дверь тихо постучали, Смитт впустил маэстро Азанпура — тот внес поднос с двумя чашечками цвета слоновой кости. Китрин открыла железную шкатулку, и когда маэстро Азанпур вручил кофе Кэри и удалился, завернула драгоценности в мягкую ткань и положила в шкатулку рядом с книгой в красном переплете и кошельком с разменной монетой. Замок шкатулки — грубый, но надежный — закрывался тяжелым ключом, изрядно оттягивающим кожаный шнур на шее. Китрин спрятала ключ на груди; Кэри, отпив кофе, одобрительно хмыкнула.

— Еще одна причина, почему мне здесь нравится, — улыбнулась Китрин.

— Нам надо идти, — напомнил Шершень. — Мастер Кит сказал, что трагедию с четырех ветрах надо разучить прежде, чем придут корабли из Наринландии.

— Финансировать не собираешься? — спросила Кэри.

— Корабль или трагедию? — сухо спросила Китрин.

— Да хоть что.

— Ни то ни другое.

На самом деле корабли из Наринландии уже давно не шли у нее из головы.

Изрядная доля мировых богатств зависит от путей торговли. В Кешете и Пу'те масличных деревьев и вина хватило бы на все города мира, но нет ни одной золотиносной шахты, а железо лежит в непроходимом бездорожье. Лионея, знаменитая дивными лесами и

пряностями, с трудом выращивает нужное ей количество зерна. Дальняя Сирамида — с ее шелками и красками, магией и табаком — осычастливила бы мир редчайшими товарами, однако морские пути к ней так опасны, что рискованные головы, пытавшиеся заработать на ее диковинах, больше теряли, чем приобретали. Избыток одного и недостаток другого — заурядная картина для любой страны, и вернейший способ получить прибыль — оказаться между товаром и тем, кто в нем нуждается.

На суше для этого требовалось бы подчинить себе драконьи дороги. Никакие покрытия, сооруженные человеческими руками из камней и строительного раствора, несопоставимы с ними в прочности. Все крупные города выросли на своих нынешних местах лишь потому, что так лег рисунок дорог еще во времена, когда человечество было единой расой, а правители мира парили в вышине на огромных чешуйчатых крылах. Сами драконы почти никогда не снисходили до путешествий по земле — дороги были «черным ходом», лестницей для слуг, оставшейся после падения империи. И именно они определили наземные пути денежных потоков.

Морские же пути, непостоянные и вольные, могли меняться.

Каждую осень на южных побережьях суда загружались пшеницей, маслом, вином, перцем и сахаром — купленными за деньги тех, кем двигала смелость, а то и безрассудство, — и отправлялись на север. Нордкаст, Халлскар, Астерилхолд и даже северный берег Антеи раскупали груз (часто по цене более низкой, чем те же товары, доставленные сушей), и дальше корабли либо брали на борт местный товар — соленую треску в Халлскаре, железо и сталь в Астерилхолде и Нордкасте, — либо, чаще всего, забирали деньги и спешили в открытые порты Наринландии, где ждали торговых судов из Дальней Сирамиды. И тут уж все зависело исключительно от удачи.

Морские течения и ветра делали островную Наринландию самым удобным конечным портом для сирамидских кораблей. Если южное торговое судно успевало обменять свой груз и деньги на свежий товар из дальних краев, то вложенные средства окупались втрое. Если нет — негодник рисковал получить с вернувшимся из Наринландии кораблем лишь обычные товары из ближних земель, а они продадутся с гораздо меньшей выгодой. Кроме того, корабль мог попасть в руки пиратов или вовсе затонуть, а уж если товар ушел на дно — то его либо не вернешь вовсе, либо выручишь у медлительных утопленцев только за непомерный выкуп и очень не скоро.

А когда корабли возвратятся в родные южные порты и станет ясно, кто из негодников остался в выигрыше, тогда этот своеобразный флот, бороздящий моря без заключения союза и не имеющий единого флага, распадется и создастся заново. Те, кто вложил деньги в одно судно и получил выгоду, в следующем году смогут снарядить уже несколько. А те, чей корабль сгинул, попытаются выжить в стесненных обстоятельствах. Если они подумали о таком исходе и застраховали свой вклад, то вернут себе достаточно денег и попытаются счастья снова, и тогда им понадобятся люди вроде Китрин.

Флот, судя по всему, уже отплыл из Наринландии, и вскоре те семь судов, что год назад ушли из Порте-Оливы, вернуться к родному берегу. А чуть погода кто-то придет к Китрин и попросит, чтобы банк застраховал сделку по снаряжению корабля на следующий год. И если не знать, какие из капитанов лучше, и не разбираться в иерархии местных семейств, способных оплатить выгодный для дальнейшей продажи товар, то надеяться останется лишь на инстинкт. Заключать договор со всеми, кто придет просить страховку, стоит слишком большого риска, а не вступать в сделки вовсе — значит отказываться от умножения

банковского капитала, а тогда Китрин ничего не сможет предъявить тем, кто явится к ней из головной конторы Медеанского банка.

На таких зыбких материях и строилась теперь жизнь Китрин.

Делать ставки на собачьи бои — и то было бы надежнее.

— Может, заключу несколько страховых контрактов, — сказала девушка скорее себе, чем Кэри и остальным. — А через несколько лет, если все пойдет благополучно, можно частично профинансировать один корабль.

— Страховка, финансирование — какая разница? — спросил Смитт.

Китрин покачала головой. С тем же успехом он мог спросить о разнице между яблоком и рыбой — не будешь знать, с чего начать.

— Китрин забывает, что не все из нас выросли в банке, — улыбнулась Кэри и допила кофе. — Однако нам пора.

— Скажите потом, когда пьеса будет готова, — попросила Китрин. — Хочется посмотреть.

— Видишь? — встрял Смитт. — Я же говорил — займем себе покровителя.

Актеры, уже переодевшиеся в свою обычную одежду, скользнули через дверь в проулок. Китрин долго смотрела им вслед через оконное стекло, по мере удаления все больше искажающее фигуры. Покровитель... Теперь ей уже не выйти подбодрить толпу вместе с Кэри и Микелем, не посидеть в харчевне с Сандром. Китрин бель-Саркур, глава Медеанского банка Порте-Оливы, в компании простого актера? Ущерб репутации банка, да и ее собственной...

На Китрин вдруг накатило неизбывное одиночество, и Сандр тут бы совершенно ни при чем.

Через час, когда пришел капитан Вестер, Китрин сидела на улице за тем же столиком, где и до прихода Кэри. Капитан, приветственно кивнув, сел напротив и передал девушке пергамент. Солнечные лучи резче высвечивали седину в волосах Вестера, зато добавляли блеска глазам. Китрин бегло проглядела столбцы слов и цифр и кивнула сама себе. Расписка была что надо.

— Как все прошло? — спросила девушка.

— Гладко. Табак уже на месте. Торговец пытался вернуть несколько листьев, но я велел брать либо все, либо ничего.

— Зря это он. Обсуждать условия он должен со мной.

— Я ему так и сказал. Он все взял. Перец и кардамон будут завтра, их заберет Ярдем с двумя новичками.

— Что ж, начало положено.

— Из Карса вестей нет? — спросил Маркус как можно небрежнее.

— Я отправила письмо. Закодировала старым шифром магистра Иманиэля и взяла гонца помедленнее, но оно уже наверняка передано по адресу.

— И что ты сообщила?

— Что филиал представил городским властям учредительные письма и начинает деятельность в соответствии с планом, намеченным мной и магистром Иманиэлем.

— Значит, ни слова правды.

— Письма могут теряться. А гонцы за деньги вскрывают их и копируют. Вряд ли за этим посланием кто-то будет охотиться, но даже если его и перехватят — в нем нет ничего сомнительного.

Маркус, сощурившись, взглянул на небо и не спеша кивнул.

— А почему медленный гонец?

— Нужно наладить дела прежде, чем сюда нагрянут из Карса.

— Ясно. Нам надо бы...

На столик вдруг пала тень: Китрин, увлекшись разговором, не заметила, как к ним приблизился незнакомец. Выше капитана Вестера, но ниже Ярдема Хейна, в шерстяных одеждах. Многослойный синий плащ защищает от весеннего холода, на шее цепь — знак должности. На первый взгляд из первокровных, но стройный и светлый: должно быть, кто-то из дедов был цинна.

— Прошу прощения, — безукоризненно вежливо произнес подошедший. — Я имею честь говорить с Китрин бель-Саркур?

— Верно, — кивнула Китрин.

— Меня прислал наместник Сиден.

Девушка чуть не задохнулась от страха. Подделка обнаружена? За ней прислали гвардейца? Горло перехватило, пришлось кашлянуть.

— Что-нибудь случилось? — улыбнувшись, спросила она.

— О нет, что вы, — ответил посыльный и достал маленькое письмо: аккуратно сложенный квадрат гладкой бумаги с зашитыми и запечатанными краями. — Господин наместник предположил, что вы захотите дать ответ, и велел мне подождать.

Китрин взяла письмо, толком не зная, куда смотреть — на письмо, на посыльного, на капитана? Через миг, показавшийся ей вечностью, она взяла себя в руки.

— Скажите маэстро Азанпуру, что вы пришли по моему делу, он о вас позаботится.

— Вы очень добры, магистра.

Дождавшись, пока посыльный войдет в кафе, Китрин потянула за шнур, бумага с треском разошлась. Слегка дрожа, девушка прижала развернутую страницу к столу; по листу бежали красивые и четкие буквы, выведенные умелым писцом. «Магистре Китрин бель-Саркур, доверенному лицу и представителю Медеанского банка в Порте-Оливе, я, Идерригс Беллинд Сиден, волею ее королевского величества верховный наместник Порте-Оливы» и прочее, и прочее... Пальцы Китрин скользили дальше по тексту. «Как поверенный в торговых делах и жительница Порте-Оливы вы приглашаетесь для обсуждения некоторых вопросов, связанных с дальнейшим процветанием города» и так далее... В конце страницы Китрин остановилась.

«Изыскание средств и возможностей финансирования в деле обеспечения успешной морской торговли в наступающем году».

— Боже милостивый, — выдохнула Китрин.

— Что? — спросил капитан Вестер. Судя по низкому напряженному тону, он был готов к приказу убить посланца и немедленно бежать из города. Китрин сглотнула.

— Если я верно понимаю, наместник просит нас предложить городу совместное коммерческое предприятие по сопровождению торговых судов из Наринландии.

— А, — кивнул Вестер. — Ничего не понятно.

— Наместник организует флот. Боевые корабли для эскорта торговых судов туда и обратно. И ему нужны люди со средствами, кто мог бы это профинансировать.

— То есть мы?

— Нет. — Мозг Китрин вычислял подоплеку с пугающе холодной точностью. — Наместник собирает нескольких кандидатов, способных выдвинуть свои условия, и

приглашает нас поучаствовать в борьбе. Просит Медеанский банк сделать заявку на финансирование городского флота.

Капитан хмыкнул, будто понял. Мысли Китрин летели вперед. Если Порте-Олива сделается более выгодным портом, чем города Вольноградья, отсюда будет уходить больше торговых судов. Страховые ставки снизятся, торговля станет менее рискованной. На этом потеряют те, кто вел торговлю только на одной страховке. Маччии такое не понравится, Кабралю — если эскорт зайдет так далеко — тоже. Интересно, какова вероятность того, что кораблям сопровождения начнут мстить?

— Нам это подходит? — спросил Вестер откуда-то с другого конца света.

— Если мы заключим контракт и все пойдет как надо, у нас будут связи по всему югу и выход на торговлю Внутреннего моря. И тогда мы сможем предъявить главному банку кое-что посущественнее, чем фургон золота. У них просто язык не повернется высказать недовольство.

— Значит, мы соглашаемся.

Ком в груди Китрин никуда не исчез, но что-то неуловимо изменилось. Она обнаружила, что улыбается. Широко и искренне.

— Выиграть вот это, — объяснила она, приподнимая страницы, — значит выиграть все.

Прием во дворце наместника был старательно замаскирован под заурядную встречу. Полдюжата мужчин и женщин сидели во внутреннем дворике, слуги разливали по чашам ароматную воду и сдобренное пряностями вино. Наместник — невысокий, лысеющий, с брюшком — общался со всеми любезно и радушно, никого не выделяя, так что понять из его обхождения, кто важнее и представительнее, было совершенно немыслимо. Все надежды Китрин определить ранг присутствующих хотя бы по количеству времени, проводимому с ними наместником, пошли прахом, оставалось полагаться на себя.

Пожилой куртадам, на лице, шее и спине которого шерсть уже начала сесть, представлял официальное объединение гильдии корабелов и двух местных торговых домов. Цинна с излишком румян на щеках был владельцем крупного наемного войска, достойного королей. Под раскидистой пальмой сидела тралгутка — потягивая воду и поедая креветок, она вслушивалась в разговоры так сосредоточенно, что Китрин становилось не по себе. У всех свои цели, заслуги, интересы и изъяны — магистр Иманиэль, взглянув на каждого, сумел бы определить соотношение сил если не доподлинно, то хотя бы с изрядной долей достоверности. Китрин же пока слишком молода: до законного вступления в наследство еще год. Смакуя отличное вино и слушая оживленные приятные беседы, она чувствовала себя так, будто плавает в теплом океане, а из глубины уже готово вырваться чудище, которое утащит ее в холодную тьму.

От любопытных взглядов, которыми ее то и дело окидывали, тяжесть только усиливалась. Представительница Медеанского банка является в город и нарушает все планы. Никто ведь не ожидал, что она вступит в нынешнее соперничество. Что ж, она слабо разбирается в мотивах тех, кто расположился сейчас в саду с яркими птицами и нагретыми солнцем каменными дорожками, — ну и пусть: у нее тоже есть свои тайны. И чем дольше она останется загадкой для прочих, тем больше шансов разобраться в игре.

Китрин, отдав пустую чашу слуге, взяла вторую. Вино не давало ей поддаться панике.

— Магистра бель-Саркур, — возник за ее плечом наместник. — Вы ведь были в Ванайях? Перед войной с Антеей?

— Да, перед самым нападением.

— Вам повезло, что успели выбраться, — заметила тралгутка голосом таким же низким, как у Ярдема Хейна, только без теплоты.

— Верно, — ответила Китрин тем неопределенно-вежливым тоном, который приняла для нынешней встречи.

— Что вы думаете о судьбе города? — спросил наместник. Китрин не сомневалась, что вопрос рано или поздно зададут, и держала ответ наготове.

— Это далеко не первое военное вторжение Антеи на территорию Вольноградья. Мы с магистром Иманиэлем ожидали нападения на Ванайи годом раньше. То, что антейцы не собирались удерживать город, стало ясно только в последние недели перед штурмом.

— Вы считаете, антейцы заранее планировали уничтожить Ванайи? — раздался голос из-за спины наместника. Несмотря на черты лица, типичные для первокровных, золотистая шероховатая кожа напомнила Китрин о ясурутах. Незнакомец с зелеными, на удивление яркими глазами звался Кахуар Эм и выступал от имени сообщества — частью торговой ассоциации, частью кочевого племени с северных окраин Лионеи. По внешности Китрин заключила, что он ясурут-полукровка, хотя до этого даже не знала, бывают ли дети от связи ясурутов с первокровными.

— У нас были серьезные подозрения, — ответила она.

— Но с чего бы Рассеченному Престолу сжигать город? — спросил наместник.

— Потому что антейцы — кровожадное стадо неотесанных северных дикарей, — заявила тралгутка. — Ничем не лучше обезьян.

— Мне говорили, что пожара никто не ожидал, даже сам король Симеон, — заметил цинна-наемник. — Для ванайского правителя приказ о сожжении был импровизацией, эффективным жестом.

— Говорю же — обезьяны с мечом! — встряла тралгутка, наместник хохотнул.

— Я не удивлена, что версии разнятся, — бесстрастно произнесла Китрин. — И все же, с вашего позволения, не стану сожалеть, что мы воспользовались имевшейся у нас информацией.

— Я слышал, что Комме Медеан перемещает сферу интересов на север — в частности в Антею, — вставил седеющий куртадам. — Странно, что он так резко вклинился на юг.

Китрин слегка насторожилась. Если банк работает с северными странами — Антеей, Астерилхолдом, Нордкостом, Халлскарром и Саракалом, — то открытие филиала на краю континента могло нарушить его интересы. Высказываться на эту тему Китрин не рискнет — значит, нужно как-то увести разговор в сторону, причем поскорее.

Китрин улыбнулась так, как, по ее мнению, улыбнулся бы магистр Иманиэль.

— Вы хотите сказать, что бывают чисто северные интересы? — спросила она. — Наринландия тоже на севере, однако она немало заботит нас всех.

В саду повисла тишина; Китрин показалось, что застыл даже воздух. Своими словами она обнажила истинную цель внешне легкомысленной беседы — может, даже слишком грубо? Она продолжала улыбаться и потягивать вино, будто все сделала намеренно. Кахуар, ясурут-полукровка, кивнул ей с улыбкой, словно она только что заработала лишнее очко в игре.

— Наринландия, может, и на севере, — нашелся наконец седеющий куртадам, — но сложности из-за нее — на юге. И король Сефан, и его неофициальный пиратский флот...

— Согласен, — кивнул цинна, предводитель наемников. — Торговля будет безопасной

лишь в одном случае — если Кабраль на такое согласится. А одного морского влияния для этого недостаточно.

Тралгутка хмыкнула и отложила надкушенную креветку.

— Вы опять за свое? Будете нас убеждать, что для защиты судов нужно наземное войско? Да если Порте-Олива начнет сухопутную войну с Кабралем, королева в знак извинения перед королем Сефаном сожжет наш город быстрее, чем антейцы спалили Ванайи. Мы ведь город, а не королевство.

— Если все сделать правильно, не обязательно воевать, — вспыхнул цинна. — Это же не наступательные войска для вторжения. Однако эскорт, защищающий торговые суда, должен располагать наземным войском, которое можно отряжать на берег. Пока пираты знают, что в береговых укрытиях они неуязвимы, толку от морского сопровождения будет не много.

Китрин сидела на высоком табурете и, склонив голову набок, наблюдала, как на глазах рассыпается вежливый фасад беседы. Подобно художнику, который по кусочку составляет мозаику, она мало-помалу начала видеть расхождения во взглядах и суть доводов, которыми сыпали конкуренты.

Объединение гильдии корабелов и торговых домов отстаивало необходимость ограниченного эскорта на расстоянии нескольких дней пути от Порте-Оливы — дескать, если защитить ближние подступы, то торговые суда будут приходить и сами по себе. Это будет дешевле, и соответственно компенсационные расценки могут быть меньше. Слушая спор цинны и тралгутки, Китрин почти уверилась, что торговые дома занимались страхованием: при ограниченном эскорте изрядная часть моря остается без защиты, риск нападения пиратов и потери груза будет высок — а значит, прибыль от страхования не уменьшится.

Цинна же был настроен воинственно, поскольку распоряжался армией. Если остальные согласятся, что только могучая военная сила — и особенно наемное войско из мечников и лучников — сумеет покончить с пиратами, то он-то и выиграет дело. И понятно, отчего прочие конкуренты не спешили с ним соглашаться.

Доводы тралгутки вертелись вокруг некоего договора между Биранкуром и Герецем, о котором Китрин раньше не слыхала. Ей, конечно, еще придется отыскать договор и понять, каким образом он влияет на сделку, но девушку грело и то, что она хотя бы знает, что искать.

По мере того как ожесточались споры, улыбка Китрин становилась все менее принужденной. Просчитывая в уме каждую фразу противников, она вычисляла связи и отмечала пункты, над которыми нужно будет поразмыслить после встречи. Наместник мягко и ненавязчиво удерживал беседу от перехода в драку, однако не спешил всех мирить — стало быть, не для этого их сюда приглашали, все так и задумано. Что ж, и эту информацию тоже стоит учесть.

После третьей чаши вина Китрин, уверенность которой все росла, решила вмешаться.

— Простите, что прерываю, — вступила она, — но не кажется ли вам, что мы слишком уж сосредоточились на пиратах, будто от них вся опасность? Торговые суда гибнут и по другим причинам. Если я правильно помню, пять лет назад штормом разбило три корабля.

— Нет, — бросила тралгутка.

— Те потонули у Нордкаста, — вклинился куртадам. — До Наринландии они не дошли.

— Вложенные в них средства все равно были потеряны, — пожалала плечами Китрин. — Мы обсуждаем способы обезопасить городскую торговлю? Или всего лишь способы снизить

риск пиратских налетов относительно риска попасть в шторм? Мне представляется, что корабли сопровождения должны быть готовы отразить любые неожиданности.

— Да нельзя же создать такой эскорт, чтобы ходил за судами везде, где ни вздумается, и оберегал от всего на свете! — воскликнул цинна.

— Для этого потребуются существенные начальные вложения, — признала Китрин так, словно это он и подразумевал. — И обязательства от Порте-Оливы. Долгосрочные, чтобы обеспечить ожидаемый уровень прибыли. И вероятно, некоторые договоренности с северными портами.

Она произнесла это небрежно, словно решила пофантазировать в кругу друзей. Однако все поняли.

Медеанский банк готов дать защиту судам Порте-Оливы в переходах любой дальности, включая обратный путь. Средства позволяют ей вкладывать золото в предприятие, которое окупится только через годы. А банк, главная контора которого находится в Карсе, имеет связи в северных государствах. Если окружающие и вообразили себе больше, чем подразумевала Китрин, тем лучше. Пусть теперь сопоставят, сколько у них солдат, как дешевы их мелкие прожекты, на какие договоры и торговые соглашения они способны влиять. Китрин же могла заявить: «Я главный бойцовый пес в этой сваре — я умею то, что вам неподвластно».

И сознание этого изрядно грело душу.

Во дворике на миг воцарилась тишина, куртадам только успел набрать воздуха для гневной отповеди — как вдруг заговорил зеленоглазый ясурут-полукровка.

— Она права.

Кахуар Эм сидел рядом с наместником. В лучах солнца, бьющих с насыщенно-синего неба, его кожа казалась почти бронзовой, как у ожившей статуи. Он улыбнулся, и Китрин разглядела зубы — белые, как у первокровных, но слегка заостренные, почти как у ясурутов.

— Вы шутите? — ошеломленно спросил куртадам.

— Можно удовлетвориться полумерами, — продолжил зеленоглазый, переведя взгляд на куртадама и потом вновь на Китрин. — Но что мешает Упурт-Мариону сделать то же? Или Ньюпорту, или Маччии? Да, Порте-Олива станет чуть спокойнее — а значит, привлекательнее как место безопасной торговли, но лишь на несколько лет, пока остальные не последуют ее примеру. А можно действовать решительнее, прибирая к рукам всю торговлю на ближайших территориях, и завладеть торговыми путями как минимум на целое поколение. Все зависит от того, какие цели преследовать.

Китрин, глядя на него, не могла сдержать улыбки, хотя ясно понимала, что зеленоглазый умудрился сказать даже меньше, чем она. «Надо будет к нему приглядеться», — решила девушка. И зеленоглазый, словно прочтя ее мысли, улыбнулся.

Беседа затянулась еще на час, но ветер переменился. Куртадам ограничивался недовольным бормотанием в сторону, цинна-наемник силился представить свое войско как часть более широкой стратегии, тралгутка впала в прежнее безмолвие. Воздух чуть не трещал разрядами злобы и подозрительности — чему явно радовался наместник, донельзя довольный результатом встречи. При выходе, поправляя на плечах шаль с бусинами, Китрин почти забыла, что ей полагается походка зрелой, вдвое более старшей женщины: ей не терпелось шагать от колена.

Она задержалась на ступенях, глядя через площадь на огромный мраморный храм — будто бы из благочестия. В лучах низкого закатного солнца фасад храма казался сложным

из сияющих камней. Луна уже успела подняться, в безоблачной синеве неба светился белый полукруг рядом с полукругом тьмы. Захваченная красотой города и небес, слегка пьяная от вина, она чуть не пропустила добычу. Зеленоглазый прошел мимо нее по лестнице.

— Простите, — остановила она его.

Ясурут-полукровка обернулся через плечо, будто к незнакомой.

— Вас зовут Кахуар?

Зеленоглазый мягко поправил ее произношение. Он стоял одной ступенью ниже — ростом вровень с Китрин.

— Я хотела поблагодарить вас за поддержку, — сказала девушка.

Зеленоглазый улыбнулся. Лицо теперь казалось более широким, чем в саду наместника, кожа не такой грубой, глаза мягче. До Китрин дошло, что ему, видимо, столько же лет, на сколько она пытается выглядеть.

— Я хотел сказать вам то же самое, — ответил он. — По секрету говоря, мне кажется, что мы оставим более мелких игроков не у дел. Хотя, признаюсь, я не рассчитывал соревноваться с Медеанским банком.

— Я не собиралась участвовать. Однако мне лестно, что господин наместник обо мне вспомнил.

— Он позвал вас, чтобы сбить мои ставки, — заметил Кахуар и тут же, видя реакцию Китрин, торопливо добавил: — Я не в обиде. Если дело пойдет худо, он точно так же использует меня против вас. Сентиментальные люди наместниками не становятся.

— И тем не менее.

— И тем не менее, — повторил он, словно соглашаясь.

Повисла мимолетная пауза, лицо зеленоглазого чуть дрогнуло — словно он увидел ее впервые. Словно она его смутила. Нет. Не смутила — заинтриговала. Его улыбка чуть изменилась, и Китрин вдруг поняла, что глядит на Кахуара мягче. Ее почему-то грела мысль, что именно он оказался ее соперником.

— С вами игра стала более интересной, магистра. Надеюсь, мы вскоре увидимся.

— Я в этом уверена, — ответила Китрин.

Среди вздымающихся кремневых холмов, где Саракал незаметно переходит в Кешет, слово «князь» значило совсем не то, что в остальном мире. Князем мог зваться владелец некоего количества земли, или командующий войском, или княжеский сын, а то и племянник. Даже раса почти не имела значения: князьями в Кешете могли стать и йеммут, и тралгут, и ясурут, формальных препятствий не существовало и для остальных — хотя остальных рас здесь попросту не было.

Первокровные в этих широких безводных равнинах появлялись реже прочих, и Гедер быстро обнаружил, что в городах и деревнях к востоку от Саракала его отряд — он сам, оруженосец и четверо отцовских слуг — стал местной диковиной, привлекающей всеобщее любопытство. Его звали «первокровным князем», и любая попытка объяснить разницу лишь усиливала непонимание. Искать соответствующий ранг среди титулов Кешета было делом бессмысленным, а то и невозможным, и когда путешествующий со свитой князь Куп Рол-Бехур принял Гедера как гостя — юноша счел, что проще будет делать вид, будто он более-менее равен рангом гостеприимному золотисто-чешуйчатому ясуруту.

— Не понимаю, князь Гедер. Ты оставил свою землю и свой народ ради дальних поисков, но тебе неизвестно, что искать и где. У тебя нет права обладать искомым, и ты даже не знаешь, позволено ли тебе предъявлять такие права. И ты надеешься получить прибыль?

— Тут дело в другом, — пробормотал Гедер, потянувшись за очередной колбаской на общем блюде.

Когда еще в дороге Гедер увидел над горизонтом пыльный шлейф от свиты князя, поднимающийся, как дым над гигантским пожаром, он ожидал увидеть армию и военный лагерь с палатками — такими же, как та, в которой он спал на пути в Ванайи и в которой сейчас коротал ночи своей добровольной ссылки. Каково же было его удивление, когда он въехал не в лагерь — пусть грандиозный и роскошный, — а в город с деревянными домиками, с храмом в честь неизвестного Гедеру бога, с площадью для княжеских пиров. По траве и кустам было понятно, что города здесь накануне не было, да и завтра — как предположил Гедер — не будет. Город, как в сказке, просуществует лишь одну ночь и поутру испарится вместе с росой. Пока же вокруг горели факелы, пламя которых подрагивало под ветром, с неба смотрели звезды, от земли поднимался летний жар.

Гедер затолкал в рот колбаску — солоноватую и ароматную, оставлявшую во рту едва заметный привкус сахара и дыма. Он никогда таких не пробовал, и даже если колбаски делали из глаз ящериц и птичьих когтей — он бы все равно не отказался, настолько они были вкусны. Из шестнадцати общих блюд, которыми рабы обносили всех сидящих за столом, блюдо с колбасками было у него любимым — хотя от зеленых крапчатых листьев с маслом он тоже не отказывался.

— Я ищу, — пробормотал он с набитым ртом, — ищу не золото.

— Значит, славу.

Гедер горестно улыбнулся.

— Умозрительным трактатом не прославишься, по крайней мере в наших краях. Нет, я путешествую по иной причине. Меня интересует нечто существовавшее в древности, я хочу найти сведения. Записать и найденные факты, и свои мысли. Чтобы потом люди прочли мой

трактат и дополнили тем, что им известно.

«И еще, — не стал он говорить вслух, — я хочу сбежать подальше от смуты в Кемниполе и найти на краю земли уголок, где до меня не доберутся».

— А потом?

Гедер пожал плечами:

— Больше ничего.

Князь-ясурт нахмурился и отхлебнул из чаши, то ли стилизованной под кость, то ли вправду сделанной из массивного черепа. Усмехнувшись, он ткнул в Гедера длинным серебряным когтем.

— Ты святой.

— Нет, что ты, — запротестовал Гедер.

— Значит, ведун. Философ.

Гедер чуть было не стал отпираться, но опомнился.

— Может, и философ.

— Человек, конь и горизонт. Как я не догадался. Все твоё путешествие — дело духовного свойства.

Князь поднял мощную руку и отрывисто бросил что-то похожее на приказ. Сотня мужчин и женщин за столом — Гедер не поручился бы, рыцари или солдаты — разразились криками и хохотом. Чуть погодя на краю площади появились два стражника, каждый с железной цепью в руке. Цепи — Гедер заподозрил, что скорее церемониальные — тянулись куда-то во тьму, чуть провисая.

Наконец на свет вышла влекомая на цепях старуха. Широкий лоб, черные спиральные разводы на коже: что она из хаавиркенов, Гедер понял даже раньше, чем она приветственно подняла длинную трехпалую ладонь. Хаавиркенов он видел и прежде, когда в Кемниполь прибыли послы от новоизбранного халлскарского короля, но не встречал ни настолько древних, ни настолько горделивых.

Стражники, шагая перед хаавиркой, подвели ее к князю. Толпа за столом не утихала — то ли приветствуя, то ли насмехаясь. Старуха оценивающе скользнула глазами по Гедеру.

— Моя пророчица, — сказал князь Гедеру и обернулся к женщине. — Это наш гость. Он путешествует в Кешет по делу духовного свойства.

— Верно, — согласилась та.

Князь улыбнулся, словно старуха одарила его чем-то ценным, и странно домашним жестом коснулся плеча Гедера.

— На сегодняшний вечер она твоя.

Гедер нахмурился — неужели старуху отдают ему как постельную прислугу? О таких обычаях он читал в старых легендах о Кешете... Хмыкнув, он начал было придумывать повод для отказа, как вдруг старуха подняла руку. Слуга поспешно притащил деревянный табурет, и хаавирка, не сводя глаз с Гедера, села.

— Добрый вечер, — неуверенно вымолвил Гедер.

— Я тебя знаю, — заявила старуха и сплюнула на землю. — В детстве видела во сне.

— Кхм. Вот как?

— Дело говорит, как всегда, — кивнул князь. — Мудрости ей не занимать.

— Моего дядю снесла недуг, — продолжала старуха. — Скрытый от очей. Ни горячки, ни немощи — ничего того, что лечат снадобья.

— Тогда откуда ты знала, что он болен?

— То был сон, — терпеливо повторила старуха. — Чтобы вылечиться, он глотал горькие травы, после них вода казалась сладкой. Обыкновенная вода. А кажущаяся сладость была в нем самом — и была не сладостью, лишь отсутствием горечи. Этим не излечишься.

Пророчица, взяв Гедера за руку, ощупала суставы пальцев, словно что-то искала, потом понюхала его ладонь. У Гедера пошли мурашки по коже, он попытался отнять руку.

— Ты увидишь ее трижды, — продолжала хаавирка. — Каждый раз будешь другим. И каждый раз она исполнит твое желание. Один раз вы уже встретились.

Пророчица подняла брови, словно спрашивая, понял ли он.

«Неужели все это обо мне?» — ошеломленно подумал Гедер.

— Спасибо, — ответил он, и хаавирка кивнула — скорее себе, чем другим. В пляшущем свете факелов черные узоры на коже словно ожили.

— Все? — спросил князь-ясурут.

— Ему больше ничего не скажу, — мягко ответила князю старуха и встала, звякнув висящими на шее цепями. — А с тобой мы еще поговорим. Позже.

Поклонившись, она двинулась обратно, прочь от травы, и пыли, и деревянных столов, и воинов Кешета, и пляшущих теней. Стражники с цепями шли следом, будто свита. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь звоном цепей да треском пламени в факелах. На лицах воинов Гедер разглядел то ли изумление, то ли тревогу — и не понял причин. Произошло нечто важное, только он не знал что.

Князь поскреб чешуйки на подбородке, как первокровные почесывают бороду, и улыбнулся, показав плотный частоккол черных зубов.

— Ешьте! Веселитесь! — крикнул он, и за столом вновь воцарился шум и гам. Гедер взял еще колбаску. Интересно, чего же он все-таки не понял?

Пир не давал Гедеру покоя, в горле стоял комок. Лежа в палатке и прислушиваясь к мягкому летнему ветру, кружащему над пустыней, он не мог заставить себя уснуть. Неподалеку посапывал оруженосец, пахло тончайшей, вездесущей кешетской пылью, на языке еще чувствовался вкуспряного мяса, хотя все удовольствие от колбасок успело улетучиться. Лунный свет сочился от кромок палатки, пронизывая тьму серебристым сиянием. Гедер лежал в оцепенении, странно смешанном с беспокойством.

«Сладость была в нем самом — и была не сладостью. Просто отсутствием горечи. Этим не излечишься».

Из всего путаного бормотания старухи Гедеру не давали покоя только эти слова, неотвязные, как пряности в мясе. Теперь ему казалось, что хаавирка говорила о Ванайях и Кемниполе. Стоило ему вспомнить о ванайской кампании, как тут же начинал ныть заживающий шрам в бедре — там, куда угодила стрела. И точно так же, лишь только задумаешься, оживала черная тяжесть в груди, пригибавшая его к земле на обратном пути из Ванайев. Гедер почти не помнил лицо умершей матери, зато женский силуэт на фоне огненных языков виделся ему так же ясно, как стены палатки. Даже яснее.

Чествования и празднества в Кемниполе были призваны уничтожить боль — и даже на время ее притупили. Они и в самом деле казались сладостью, хотя, видимо, только казались. Конечно, слава его радовала. И возвышение при дворе. И дальнейшее геройство, когда он спас город от мятежа наемников. А в результате — все равно изгнание, попытка сбежать от политических игр, которых он не понимал. Лучше уж ком в горле, чем языки пламени в неотступных ночных кошмарах...

В конце концов, происшедшее в Ванаях — не вина Гедера. Его просто использовали. И бессонница, и постоянный страх, и даже подозрение, что во время празднеств и славословий Алан Клинн с дружками хихикали за его спиной, — все это шрамы ванайской кампании.

Придворные игры, в которых погрязли Кингшиль и Кемниполь, не его среда, он никогда не мечтал в них участвовать. Лесть и похвалы, щедро осыпавшие его по возвращении из Ванайев, теперь казались пустыми и вздорными, однако Гедеру странным образом их не хватало — они на время заглушали гул ванайского пожара, неотступно стоящий в ушах. Однако, в точности как вода во сне хаавирки, сладость не была сладка, в ней просто не было горечи. И она ничего не излечила.

Если бы понимать тогда происходящее, если бы видеть насквозь все интриги и игроков! Тогда бы он точно знал, кого винить, а кого числить в друзьях.

Он повернулся на бок, увлекая за собой одеяла, пропахшие пылью и потом. Излишние в теплую ночь, они странно успокаивали. Гедер вздохнул, в животе заурчало. Старуха хаавирка была по-своему права. Может, она и вправду мудра, как сказал князь. Надо будет найти ее утром, расспросить подробнее. Даже если ее слова суеверие и бессмыслица, все равно будет над чем подумать в долгие одинокие ночи.

Гедер не заметил, как уснул, и пробудился только после рассвета, когда солнце вовсю сияло яркой желтизной, напоминающей о полевых цветах, а земля казалась прохладнее от росы, тут же сохнувшей под утренними лучами. Он натянул штаны и рубаху — более грубые, чем вчера вечером, но ведь он идет не на княжеский пир, да и обычаи в Кешете не те, что дома. Деревянные домики по-прежнему стояли на местах, и Гедер зашагал вперед, ища глазами часовых.

Никого.

Ни единой живой души.

Подойдя к широкой открытой площади, где его угощали считанные часы назад, он обнаружил, что все люди исчезли. Он покричал, никто не отозвался — как в детской песенке, где все пирующие оказались тенями и духами. Только здесь после них остались дома, и отпечатки следов на песке, и запах конского навоза, и теплящиеся угли в очаге. Ни коней, ни людей, лишь повозки. Тяжелые лебедки, с помощью которых княжеские слуги возводили свои неожиданные города, виднелись на прежних местах. Гедер даже нашел длинные цепи прорицательницы — их намотали на бронзовый стержень и бросили на землю.

Он вернулся к палатке, где оруженосец уже приготовил завтрак — овсянку в жестяной миске и разбавленный сидр. Гедер сел за походный столик и взглянул на брошенный лагерь.

— Снялись прямо ночью, — сказал он. — Взяли, что можно увезти без шума, и пропали.

— Может, князя убили и ограбили его же слуги? — предположил оруженосец. — В Кешете такое не диво.

— Хорошо, что мы в это не замешаны.

Овсянка отдавала медовой сладостью; сидр, несмотря на добавленную воду, оставался терпким. Пока Гедер завтракал, оруженосец ждал рядом, прочие слуги сворачивали палатки. Хотя солнце поднялось всего на две ладони над горизонтом, Гедер спешил: ему не терпелось уехать подальше от пугающей тишины лагеря.

Хаавирка не шла из головы. Интересно, что еще она увидела? И что сказала князю после того, как чужеземный гость ушел?

— Я предпочту передать это магистре бель-Саркур в собственные руки, — настаивал торговец. — Не считите за неуважение, но оттиска вашего пальца на моих контрактах нет.

Мелкий, ростом едва по плечо Маркусу, торговец насквозь пропах своим товаром — сандалом, перцем, тмином и фенхелем. На узком, как лисья мордочка, лице застыла неподвижно-заученная улыбка. Он стоял в нижнем этаже Медеанского банка лицом к Маркусу, Ярдему, крепкому куртадаму Ахариэлю и вездесущему Жуку — одни их мечи перетянули бы вес всего торговца, однако он взирал на стражников с презрением, полыхавшим, как жар от костра.

— Но поскольку магистры здесь нет, вам придется иметь дело со мной, — отрезал Маркус.

Брови торговца поползли вверх, тонкие губы сжались. Ярдем кашлянул, и Маркуса кольнула досада. Тралгут, конечно же, прав.

— Однако если вам угодно будет подождать, я постараюсь ее найти.

— Так-то лучше, — проронил торговец. — Могу я рассчитывать на чашку чаю?

«Я бы тебя убил голыми руками». — От этой мысли на лице Маркуса заиграла улыбка, которая вполне сошла за приветственную.

— Жук! — бросил он. — Позаботься о госте.

— Слушаюсь, капитан! — отчеканил, вскакивая, юный тимзин. — Не угодно ли гостю пройти со мной?

Маркус вышел на улицу, Ярдем следовал за ним тенью. Высокое солнце понемногу клонилось к западу. Тюльпаны, растущие в жестяной чаше у входа, цвели в полную силу, являя миру ярко-алые лепестки с белыми прожилками.

— Вы на главный рынок, я в харчевню, — предложил Ярдем.

Маркус покачал головой и сплюнул на мостовую.

— Если вы к ней, тогда я на главный рынок, — переменял порядок Ярдем.

— Будь здесь, — велел Маркус. — Я скоро.

И он зашагал по дороге. Между лопаток струился пот; у выглянувшего из проулка пса, измученного жарой, явно недоставало сил залаять на чужака. Прохожие встречались редко — они появятся только после заката: уж лучше ночная тьма, чем дневной зной. Даже голоса попрошаек и уличных торговцев казались хрусткими, как пережаренная корка.

После знойной улицы харчевня встречала прохладой. Свечи не горели, чтобы не отягощать воздух даже толикой тепла, и Маркус, шагнув с яркого света в сумрак, сощурился, принаравливаясь к темноте. За столами сидели с десятков людей разных рас, Китрин не было. Вдруг откуда-то донесся ее смех: Маркус пошел через зал, ловя ухом знакомые интонации, и остановился у драпировки, отгораживающей от зала отдельные столики.

— ...будет способом вознаградить наиболее надежных должников.

— Только до тех пор, пока они не станут ненадежными, — добавил мягкий мужской голос. — Твоя система позволяет должникам растягивать сроки, и через определенное время низкие риски станут высокими.

— Магистра, — позвал Маркус. — Можно на минутку?

Китрин отодвинула драпированный занавес. Как Маркус и ожидал, напротив нее сидел тот ясурт-полукровка. Кахуар Эм. Конкурент. Между ними стояла тарелка с сыром и

соленой морковью и изрядно опустошенная бутылка вина. Платье Китрин из вышитого льна подчеркивало фигуру, откинутые со лба волосы небрежно струились по плечу.

— Капитан?

Маркус кивнул в сторону задней двери, лицо Китрин искажилось досадой.

— Я могу выйти, — предложил Кахуар Эм.

— Нет. Я сейчас вернусь, — ответила Китрин. Маркус вышел вслед за ней.

В проулке воняло тухлыми остатками еды и мочой. Китрин скрестила руки на груди.

— Торговец пряностями принес плату за неделю, — объяснил Маркус. — Без тебя отказывается вручать.

Китрин нахмурилась, в углах рта и между бровями залегли складки. Она побарабанила пальцами по локтю.

— Он хочет еще что-то обсудить, — предположила она.

— И подозреваю, что не с твоими охранниками, — добавил Маркус.

Девушка кивнула, взгляд обратился внутрь.

Именно в такие минуты, уходя в себя, она менялась. Фальшивая зрелость, натренированная усилиями мастера Кита и прочих актеров, выглядит вполне убедительно, но эта наигранная взрослая женщина — не Китрин. Девушка с переменчивым характером, мечущаяся от своенравия к нерешительности и обратно, — тоже не она. Но когда лицо замирает в спокойствии, а ум, отрешившись от внешнего, совершает свою молчаливую работу, в ней становится заметна та женщина, которая пока не проявилась. Женщина, которой Китрин со временем станет.

Маркус отвел взгляд и устался в проулок — будто бы для того, чтобы не мешать Китрин.

— Мне нужно с ним увидеться, — решила девушка. — Он у нас в конторе?

— С ним Жук и Ярдем.

— Значит, надо поспешить, — улыбнулась Китрин, шутливый ужас придал словам тепла.

— Я могу передать Кахуару извинения...

— Нет, пусть подождет, я скоро вернусь. Не хочу, чтобы он без меня уходил.

Маркус, поколебавшись, кивнул. Китрин пошла вперед по проулку, выбирая места почище, свернула за угол и исчезла из виду. Маркус отвел глаза не сразу. Постояв немного в полутьме проулка, он вошел обратно в харчевню. Ясурут-полукровка по-прежнему сидел за столом, задумчиво жуя пряную морковину. На первый взгляд он был ненамного младше Маркуса, но ясурутская кровь не давала толком определить возраст. Из-за ярко-зеленых глаз и намека на чешую он походил на ящерицу.

— Магистру отвлекли по делам на несколько минут, — сказал Маркус. — Она просила передать, что сейчас вернется.

— Понимаю, — кивнул Кахуар Эм и повел рукой, приглашая Маркуса сесть на место Китрин. — Не подождете ли со мной, капитан Вестер?

Не принимать приглашение было бы разумнее, однако Маркус кивнул и сел.

— Вы тот самый Маркус Вестер? — спросил полукровка, делая знак слуге принести кружку пива.

— Когда-то был.

— Великая честь для меня. Надеюсь, мне простительно сказать, что я удивлен, видя такого прославленного воина в роли охранника, пусть даже и в Медеанском банке?

— Я известен в довольно узких кругах. На улицах меня не узнают.

— И все же после Водфорда и Градиса вас с радостью взяли бы командовать любой наемной армией, причем за сумму, которую вы сами назовете.

— Я не работаю на королей, — сказал Маркус, глядя, как слуга ставит перед ним пиво. — Это ограничивает возможности. И раз уж мы на дружеской ноге...

Кахуар поощрительно кивнул.

— Я не знал, — продолжал Маркус, — что первокровные могут иметь детей с ясурутами. До вас я таких не видел.

Полукровка развел руки, словно говоря: «И все же я перед вами».

— В Лионее нас много, — пояснил он. — И есть занятия, которые охотнее доверяют людям, не имеющим семьи.

— Вот как, — кивнул Маркус. — Мул. Без потомства.

— Мое счастье и проклятие.

— Я знавал таких на севере, дети от смешанных браков цинн и дартинов. А некоторые мужчины только делали вид, что они полукровки — так они привлекательнее для женщин. Нет риска.

— Да, свои плюсы, — улыбнулся Кахуар.

Маркус представил себе, как протягивает руку через стол и ломает подонку шею. Будет непросто, ясуруты сильны. И реакция у них быстрая.

Он отхлебнул пива. Вкус оказался как в той пивоварне, часть которой купила Китрин. Наверняка она заключила договор и с харчевней.

Кахуар с улыбкой склонил голову набок, блеснули остроконечные зубы.

«Она тебя вдвое младше, — подумал Маркус. — Совсем ребенок». Но сказать такое вслух тоже было нельзя.

— Как вам жизнь в Порте-Оливе? — спросил он.

— Мне здесь нравится. Скучаю по своему клану. Но если смогу принести ему пользу, занять делом... Что ж, тогда цена не важна.

— Должно быть, клан влиятелен, раз идет против Медеанского банка. Не многие на такое способны.

— Мне представляется наоборот — Медеанский банк идет против нас. Интересно будет побороться. Магистра Китрин — потрясающая женщина.

— Согласен.

— Вы давно с ней работаете?

— Еще с ванайских времен. Сюда мы приехали вместе.

— И каково ей служить?

— Не жалуясь.

— О вас судачат, между прочим. Обыкновенный филиал, пусть даже и Медеанского банка, а охраняет его сам Маркус Вестер. Люди расценивают это как знак того, что магистра Китрин предпочитает более широкую стратегию. Возможно, военную.

— А вы сами что думаете? — безразличным тоном спросил Маркус.

— Что я думаю? — Кахуар, опершись спиной о стену, нахмурился, словно обдумывал вопрос впервые. Затем поднял палец. — Думаю, что вы предпочли эту работу потому, что наемные армии вам неинтересны. Значит, и магистре тоже.

— Занятная мысль.

— Вы бесценный человек, капитан Вестер. Многим это известно.

Маркус засмеялся:

— Вы пытаетесь меня подкупить? Сознайтесь, ведь так? Вы хотите знать, продаюсь ли я?

— Вы продаетесь? — спросил Кахуар Эм без малейшего смущения в голосе.

— Ни за какое золото мира, — ответил Маркус.

— Понимаю и ценю такой выбор. Однако, как вы догадываетесь, из верности клану не мог не спросить.

Маркус одним глотком допил пиво и встал.

— Полагаю, обсуждать нам больше нечего?

Кахуар покачал головой.

— Поверьте, капитан Вестер, знакомство с вами для меня большая честь. Я уважаю вас. И уважаю ту, кому вы служите.

— Что ж, рад слышать.

Маркус, пройдя обратно через зал, вышел прочь — подождать Китрин на улице, и к черту жару. Завидев ее, спешащую к харчевне, он шагнул навстречу. Она летела как девочка, совсем забыв о взрослой походке; краска на глазах и губах слегка смазалась от пота.

— Все в порядке, — доложила она. — Хорошо, что вы за мной пришли. Торговец — чванливый придурок, но он может быть полезен.

— Твой ухажер пытался меня купить.

Китрин примолкла, на миг в глазах мелькнуло сожаление, затем лицо прикрыла обычная маска. Теперь перед Маркусом была не девочка — и не женщина, которой ей предстояло сделаться, а искусственное порождение мастера Кита. Та Китрин, которую Маркус больше всего не любил.

— Разумеется, — ответила она. — Я другого и не ждала. Капитан, я сегодня, возможно, не приду домой. Если не вернусь к утру, не волнуйтесь, я сообщу о себе.

Маркуса будто огрели камнем по голове. «Он твой враг», «я тебе запрещаю с ним спать» и «пожалуйста, не надо» разом пронеслись в мозгу, тесня друг друга. Сил хватило лишь на то, чтобы кивнуть. Должно быть, Китрин заметила что-то в его глазах: она тронула его запястье, мягко сжала — и скрылась в харчевне.

Маркус пошел было к дому, тут же остановился, свернул и зашагал к порту. Солнце, лениво клонящееся за горизонт, грело его щеку, как теплая ладонь. У порта людской поток стал гуще. Кто-то уже начал развешивать на окнах и деревьях плетеные украшения — концы шнуров, колеблемые ветром, походили на щупальца медуз. Уличные кукольники занимали места на перекрестках и городских площадях и сидели там неотступно, даже когда не давали спектаклей. Корабли из Наринландии могли задержаться еще на многие недели, но город уже начал готовиться к празднествам.

В порту пахло солеными брызгами и рыбьей требухой. Петляя мимо моряков, портовых рабочих, попрошаек и королевских стражников, Маркус дошел до широкой площади у последнего причала, по сторонам которой торчали две таверны и здание городских бань. Тут и там реяли яркие флаги и маячили откровенно скучающие женщины, не отличающиеся избытком одежды. На дальнем краю стоял театральный фургон, вокруг него собралась замороженная толпа. Мастер Кит в развевающихся багряно-золотых одеждах и проволочном венце держал на руках недвижимое тело Сандра, с бедра которого капала подкрашенная алым вода.

— Как? Как позволил я этому свершиться? О Эррисон, Эррисон, сын мой!

Единственный мой сын! — возопил мастер Кит срывающимся голосом, не забывая четко артикулировать слова, и закончил: — Клянусь, мой мальчик! Клянусь драконьей кровью и Господним телом: Ализор и его род сгинут навеки!

Мастер Кит замер, через миг зрители разразились аплодисментами. Маркус начал пробираться сквозь толпу ближе к фургону, а на сцену уже выходили Кэри и Смитт — Смитт в бутафорских латах, сооруженных из войлока и жести, а Кэри в обтягивающем черном платье, явно сшитом для Опал. В долгом финальном отделении древняя вражда двух благородных родов губила сначала виновных, потом невинных, матери убивали дочерей, отцы выпивали предназначенный сыновьям яд, рушился весь мир — и в итоге на сцене остался стоять один лишь мастер Кит, проливающий слезы над простертыми у его ног актерами. К концу действия, когда труппа, улыбаясь, принялась раскланиваться и собирать летящие на сцену монеты, смятение Маркуса почти улеглось.

Наконец актеры ушли со сцены, и Маркус, обойдя фургон, направился к мастеру Киту. Тот, уже переодетый в привычную одежду, стоял у парапета набережной и обтирал лицо мягким лоскутом. При виде Маркуса он улыбнулся:

— Капитан! Приятная встреча. Как вам пьеса?

— Очень правдоподобна.

— Рад слышать. Шершень! Веревку убери! Нет, на которой стоишь!

Шершень отпрыгнул в сторону, мастер Кит покачал головой.

— Порой даже удивительно, как он умудряется встать с постели и не сломать ногу.

— Кэри играет все лучше, — заметил Маркус.

— Мне кажется, она стала увереннее. К концу года, наверное, уже освоит все роли Опал. Я все еще надеюсь найти здесь девушку на замену Кэри. Можно и Смитта нарядить в платье и заставить говорить фальцетом, но в трагических сценах, боюсь, такое будет смотреться легковесно.

— Подходящие есть?

— Не так уж много. С некоторыми я говорил. Одна талантливее других, но лгунья. А я убежден, что надежный спутник в дороге гораздо лучше, чем хорошая актриса на сцене. Актерскому ремеслу я вроде бы способен научить. А как стать достойным человеком — наука более трудная.

Маркус сел, прислонившись спиной к парапету. На западе солнце зашло за крыши, и только облака над головой еще сияли золотистым и розовым. Кит в последний раз вытер глаза и спрятал лоскут за пояс.

— Сразу за стеной есть таверна, — сообщил он. — Нас пускают в задние комнаты бесплатно всякий раз, когда мы здесь выступаем. Если хотите, пойдете с нами.

— Я подумаю.

Мастер Кит скрестил руки, взгляд стал внимательнее.

— Капитан... Надеюсь, с банком все в порядке? Из того, что я слышал, можно заключить, что наша девочка вполне справляется.

— Люди только и делают, что несут ей деньги.

— Мы ведь на это и надеялись?

— Да.

— И все же?

Маркус, прищурившись, взглянул на здание бань. Куртадамы у входа перекрикивали друг друга, указывая на вход, с них не сводила глаз долговязая тралгутка.

— У меня к вам просьба, — сказал Маркус.

— Что вы задумали?

— Скажите мне еще раз, что она имеет право делать что хочет, даже ошибаться. И что мне не нужно бежать и смягчать все углы на ее пути.

— Вот оно что.

— Она играет на таких ставках, о величине которых даже не подозревает. И играет против людей, у которых за плечами десятилетия опыта. И...

— И?..

Маркус провел рукой по волосам.

— Она себя не щадит. И не видит, сколько собственной жизни вкладывает в дело. А когда все рухнет... Меня тянет остановить все прямо сейчас. Пока с ней ничего не стряслось.

— Насколько я понял, вы хотите ее защитить.

— Нет, — покачал головой Маркус. И тут же поправился: — Да. А защищать женщин у меня не очень-то получается. Поэтому скажите мне, что незачем и пробовать.

— А почему вы не пошли к Ярдему? Он ведь, кажется, знаком с вами дольше моего?

— Я знаю, что он скажет. И даже знаю, с какой интонацией. Так что незачем.

— А мне вы, стало быть, поверите?

— Вы убедительны.

Мастер Кит усмехнулся и присел рядом с Маркусом. Чуть поодаль крикнула Кэри, актеры подняли сцену — деревянные подмости теперь превратились в стену фургона. Сандр пошел запрягать мулов. Соленый ветер на миг замер, потом сменил направление, коснувшись прохладой щеки Маркуса. Темнеющие облака сделались серыми. Скоро таверны, публичные дома и бани вывесят разноцветные фонари, пытаясь приманить деньги и посетителей, как мотыльков. На улицы выйдут гвардейцы ее величества. А Китрин... Маркус качнул головой, пытаясь отогнать мысль о том, где она будет нынче ночью.

Мало-помалу он выложил все мастеру Киту. Деловые планы Китрин, ее честолюбивые мечты о процветании банка и всю затею с морским эскортом, включая подстегиваемый ею роман с конкурентом-полукровкой. Мастер Кит слушал внимательно и, когда Маркус замолк, поджал губы и взглянул в темнеющее небо.

— Скажу одно, капитан, поскольку это правда. Я полагаю, что у Китрин для осуществления замысла есть и средства, и таланты. При нужном внимании, рассудительности и малой толике удачи она вполне способна добиться своего.

— «Способна» — хорошее слово. Сумеет ли?

Мастер Кит помолчал.

— Вероятно, нет, — печально ответил он наконец.

Китрин лежала в темноте рядом с Кахуаром, его мерное глубокое дыхание почти заглушалось пением сверчков под окном. Мягкие простыни еще были влажны от пота.

Она раньше слыхала, будто в первый раз больно, — однако боли не было. Интересно, какие еще рассказы об отношениях полов окажутся неправдой? Вот что значит расти без матери — не у кого спросить... Однако даже при ее неосведомленности эксперимент, кажется, прошел успешно. Кахуар, опьяненный вином, отбросил всегдашнюю сдержанность, Китрин оставалось лишь подчиняться: поцелуй-другой, несколько прикосновений — и когда он опрокинул ее на постель, делать больше ничего не пришлось. Процесс, состоящий из толчков и стонов, казался одновременно и сближающим, и нелепым, но когда все кончилось — Китрин вдруг поняла, что думает о Кахуаре с большей теплотой, чем прежде. Должно быть, физическая близость связывает людей именно так — сочетанием взаимного удовольствия и стыда.

И все же она радовалась, что он спит. Опьянение прошло, мозг работал четко, после треволнений нынешнего вечера заснуть все равно не удастся. Останься Кахуар бодрствовать и поддерживать беседу, а то и изображать радушного хозяина — было бы только неловко, зато сейчас, пока он посапывает в подушку, есть время подумать.

Если весной морские пути были благополучны, если суда из Дальней Сираниды прибыли чуть раньше, если произошли еще сотни событий, неизвестных ни Китрин, ни кому-либо в Порте-Оливе, — то корабли из Наринландии могут нагрянуть и завтра. А может, о них не будет вестей еще месяц. Последние сведения, нужные Китрин — часты ли пиратские набеги, какова обстановка в северных портах, не грозит ли Нордкосту гражданская война и не собирается ли воевать Антея, — можно получить только от капитанов, а представить наместнику план действий нужно будет сразу после прибытия судов.

Китрин вообразила, как приезжает ревизор Медеанского банка. Может быть, даже Комме Медеан собственной персоной. Она с улыбкой его приветствует и приглашает в дом. Или в кофейню. Да, лучше в кофейню. Там маэстро Азанпур проведет его в заднюю комнату, и она поднимется из-за стола, приветствуя гостя. Банковские книги будут наготове, все расчеты в порядке.

Ревизор — старик с грозным взглядом и широкими ладонями — проверит записи и контракты, и лицо его посветлеет, смятение и ярость улетучатся, останется только восхищение. Неужели она так умело обошлась с деньгами банка? Сохранила и даже преумножила? Китрин, лежа в темноте, подняла брови, репетируя нужное выражение лица.

— Это было несложно, — произнесла она вслух, хоть и тихо.

Затем она достанет из-под кресла шкатулку с годовым отчетом и отчислениями в главную контору. Ревизор все просмотрит, кивнет — и только потом, когда вопросов больше не останется, она вручит ему соглашение с наместником Порте-Оливы. И он примет его дрожащими от восторга руками. Надо же, сирота-полукровка — и способна на такие великие деяния! «Но при одном условии, — скажет она. — Если головная контора признает мой филиал».

— Банк Порте-Оливы — мой! — сказала она вслух. И низким голосом воображаемого ревизора сама себе ответила: — Разумеется, магистра!

Китрин улыбнулась радужным мечтам. А почему бы нет? Она спасла достояние целого города от рук ванайского герцога и от антейцев. Сберегла. Сохранила. И когда она докажет, что может управлять банком, почему бы головной конторе не оставить ее в этой должности? В конце концов, она заслужила и сам банк, и ту жизнь, которую он даст. Ревизору это будет очевидно. И Комме Медеану тоже.

Мелкая мошка села на ладонь, Китрин встряхнула рукой. Ее конкурент и любовник что-то пробормотал и шевельнулся во сне. Она с улыбкой взглянула на его спину, на шероховатую кожу. Будет чуть-чуть жаль одержать над ним победу. Но только чуть-чуть.

Откуда-то из прежней жизни всплыл рокочущий голос Ярдема Хейна. «Женского оружия в природе не существует...» Теперь Китрин знала, что это неправда.

Она соскользнула с постели, Кахуар не пошевелился. Одежда валялась вперемешку на кирпичном полу, и чтобы не разбудить спящего, Китрин накинула на себя первое, что попало под руку: рубаху Кахуара, брошенную отдельно. Подол свисал до бедер — она решила, что сойдет. Прокравшись в угол комнаты, девушка нашарила на полу кожаный шнурок с бронзовым ключом, который Кахуар Эм всегда носил на груди.

Ну, почти всегда.

Легко, почти беззвучно она ступала по кирпичам пола, холодившим ноги. Дом стоял у порта; небольшие комнаты теснились вокруг маленького дворика с садом. Из четырех слуг — чистокровных ясурутов — на месте маячил только привратник. Как бы ни был велик лионейский клан, посланником которого выступал Кахуар Эм, дороговизна земли в Порте-Оливе не позволяла иметь дом более роскошный, чем у местной знати: такое щегольство пошло бы во вред репутации.

Китрин в темноте свернула налево и, отсчитав три двери, нашла нужную — дубовую, обитую железом. Нащупав замочную скважину, она вложила в нее украденный ключ и повернула. Замок отщелкнулся с лязгом, пронзительным, как крик, и девушка на миг замерла, но тревогу никто не поднял. Отворив дверь, она скользнула в кабинет Кахуара.

Запертые ставни не пропускали света, но когда Китрин открыла окна, лучи от висящей в небе луны выхватили из сумрака очертания предметов. Письменный стол, прикрученный к полу сейф, решетчатая подставка со свитками пергамента и сложенными письмами, затененный колпаком светильник с кольцами из резного кремня и кованого железа. Китрин высекла искры и зажгла фитиль, потом поскорее заперла ставни. Тени и силуэты, освещенные оранжевым пламенем, вновь ожили. Сейф закрыт, дверной ключ к нему не подойдет. На письменном столе ничего, кроме бутылочки зеленых чернил и металлического стилуса. Подойдя к подставке со свитками и письмами, Китрин принялась их методично просматривать — быстро, не нарушая порядка и возвращая все строго на места.

В груди засела тревога, сердце бешено билось — она не обращала внимания: дать волю чувствам можно после, когда будет время. Сейчас главное — дело.

Письмо от наместника с благодарностью за подарок — шоколад великолепен, супруга наместника выражает особую признательность. Китрин положила письмо назад. Скрученный свиток с именами и связями полусотни людей, совершенно незнакомых Китрин, тоже лег на прежнее место.

За ставнями вывел первую трель дрозд. Китрин откинула со лба волосы. То, что ей нужно, лежит где-то здесь. В записях Кахуара должен найтись хоть какой-то намек на то, какие условия он предложит наместнику. Она потянулась за следующим письмом и задела рукой светильник, тот дрогнул и качнулся — Китрин едва успела его удержать: еще не

хватало, чтобы он опрокинулся и залил огнем всю комнату. Аккуратно поставив его на середину стола, она трепещущими руками принялась перебирать документы.

Ей казалось, что пролетел не один час. Нужное письмо наконец нашлось — длинный свиток из тонкого хлопка; строки условных значков широко отстояли одна от другой, и Кахуар вписал расшифрованный текст прямо между ними. Послание, отправленное старейшиной клана, оправдало все надежды Китрин. Клан может позволить себе пятнадцать кораблей, на каждом полная команда из двух дюжин моряков. Китрин читала дальше, пальцы скользили по шуршащей ткани. Взамен они просят шестнадцать сотых от каждой сделки каждого из сопровождаемых кораблей в каждом порту; если же груз застрахован кланом — девятнадцать. Начальные расходы — две тысячи серебром, прибыль клану — пятьсот в год. Срок контракта — десять лет.

Способам запоминания ее учил магистр Иманиэль. Лучше, конечно, записать все чернилами, но выносить из дома написанный документ слишком рискованно. Пятнадцать кораблей по две дюжины моряков.

— В пятнадцать лет у нее было две дюжины мужчин, — пробормотала Китрин сама себе.

Девятнадцать сотых со страховкой, шестнадцать без. Значит, страховка — три.

— Шестнадцать для бесед и еще три для любви.

Две тысячи начального капитала, предполагаемая прибыль пятьсот ежегодно, контракт на десять лет.

— Она раздала две тысячи поцелуев, получила пятьсот и через десять лет умерла в одиночестве.

Свиток содержал еще описание кораблей, имена капитанов, рекомендуемые торговые пути — Китрин прочла сколько могла. Однако самое главное уже известно.

Она вернула свиток на место, затем передвинула обратно светильник и задула пламя. Тьма после света показалась непроницаемой, резко запахло горелым фитилем. Китрин закрыла глаза и, не отрывая ладонь от стены, нашла дверь. Выбравшись в коридор, она заперла замок и чуть не бегом пустилась обратно в спальню Кахуара, там положила ключ на прежнее место в углу и, сбросив рубаху, поспешно нырнула в постель.

Кахуар что-то буркнул и положил ладонь ей на живот.

— Замерзла? — пробормотал он.

— Сейчас согреюсь, — ответила она. Он улыбнулся и прижался к ней теснее.

Китрин попыталась расслабиться и, закрыв глаза, повторила для себя придуманную историю.

В пятнадцать лет у нее было две дюжины мужчин, шестнадцать для бесед и еще три для любви. Она раздала две тысячи поцелуев, получила пятьсот и через десять лет умерла в одиночестве.

* * *

— На тебе лица нет от усталости, — заметил капитан Вестер, прислонившийся к стене у жестяной чаши с тюльпанами, где раньше стоял зазывала игорного дома. — Я уж думал отряжать спасательную экспедицию и забирать тебя силой.

— Я ведь сказала, что не приду. — Китрин свернула к своей лестнице, капитан

последовал за ней, будто по приглашению.

— В полдень у тебя встреча с той женщиной из гильдии игольщиков. Наверняка она уже на пути к кофейне. Так что если не собираешься идти в этом же платье...

— Я не пойду, — заявила Китрин, поднимаясь по лестнице. Шаги за спиной на миг притихли и тут же выровняли ритм. Нарочито спокойный и вежливый голос прозвучал отстраненно.

— Прикажешь дать ей объяснения?

— Пусть кто-нибудь сходит и скажет, что я заболела.

— Хорошо.

Китрин, опустившись на диван, хмуро взглянула на капитана: руки скрещены на груди, губы сжаты. Он ведь не намного старше, чем Кахуар Эм... Китрин сняла туфлю и потеряла ногу — ступня оказалась грязной. Платье свисало с плеч так, будто сама ткань изнемогала от усталости и пота.

— Я не спала ночь. Мне не до переговоров, все равно толку не будет.

— Как скажешь, — коротко кивнул Вестер и повернулся уходить. На Китрин вдруг нахлынуло отчаяние — она и сама не подозревала, как не хотела оставаться одна.

— Как тут все шло, пока меня не было? — вырвалось у нее.

Вестер остановился на верхней ступеньке.

— Обыкновенно.

— Вы на меня сердитесь, капитан?

— Нет, — ответил он. — Я передам той игольщице, что ты больна и не можешь прийти. Насколько я понимаю, мы известим ее, когда ты поправишься?

Девушка сбросила вторую туфлю и кивнула. Вестер спустился по ступеням, нижняя дверь захлопнулась. Китрин рухнула на постель. Ночью все прошло отлично, однако при первых же рассветных бликах на нее навалилась усталость, и теперь ослабевшее тело разламывалось так же, как от бессонных ночей в караване. После прибытия в Порте-Оливу она успела убедить себя, что все кончено, однако, как видно, ошиблась. А теперь, как ни крути, Вестер сердит — и от этого почему-то невыразимо горько.

Может, его успокоить? Объяснить, что она намеренно дала себя соблазнить, что ночь с Кахуаром была лишь уловкой? Но чем тщательнее она подбирала слова, тем хуже получалось. Снизу, с первого этажа, донеслись голоса стражников, нанятых Вестером. Судя по крикам — играют в кости. Спину немилосердно ломило. Кто-то внизу взревел от досады, остальные сочувственно загудели. Китрин закрыла глаза в надежде, что знакомые стены помогут расслабиться и она уснет. Однако мозг только перепрыгивал с предмета на предмет все быстрее, как катящийся с бесконечной горы мячик.

Пятнадцать кораблей можно поделить на три группы по пять или на пять по три: клан Кахуара, видимо, рассчитывал, что торговые суда пойдут в три крупных порта — скорее всего Карс, Ласпорт и Асинпорт. А если маршрут ляжет дальше Астерилхолда, в Антею или Саракал, а то и Халлскар? Две дюжины моряков — изрядная сила, но выдержат ли южане-лионейцы путешествие в холодных северных водах? Стоит ли ей, ссылаясь на связи в Карсе, пообещать выставить корабли с опытом плавания в северных морях? И сможет ли она такое обещание подкрепить делом?

И почему ее предала Опал? И почему погиб магистр Иманиэль? И Кэм? И ее родители? А Сандр все так же не прочь с ней переспать? Будет ли Кэри с ней дружить? По-прежнему ли мастер Кит одобряет то, чем она занимается? Что делают люди, если друзей нет, а в

любовниках враги? Должны же быть какие-то способы жить по-другому...

Слезы закипели в глазах и побежали по щекам. Китрин даже не почувствовала ни печали, ни душевной боли — только усталость и досаду на себя, и знала, что приступ нужно просто переждать. Внизу игра в кости прекратилась, два мужских голоса затянули песню.

Китрин заставила себя сесть. Потом встать. Сбросила платье, в котором была ночью, и надела юбку с простой блузкой. Собрала было волосы на затылке, но заметила на шее следы от укусов Кахуара и оставила волосы распущенными. Наполнила водой таз у постели, умылась. Краски, оставленные Кэри, лежали на месте, и Китрин поколебалась, не преобразиться ли вновь в магистру Китрин из Медеанского банка, но раздумала — сил не было ни на что.

Она спустилась вниз и распахнула дверь, вся компания разом затихла. Двое первокровных переглянулись и опустили глаза, один резко покраснел. Куртадам кивнул.

— Извините за шум, магистра, — сказал он. — Мы не знали, что вы у себя.

Китрин отмахнулась.

— Где Ярдем?

— В задней комнате, магистра, — ответил куртадам.

Она прошла мимо стражников и шагнула в темноту комнаты. Ярдем Хейн лежал на тюфяке, сцепив на животе руки. Глаза закрыты, обмякшие уши сложены. Китрин, решив отложить разговор до другого раза, повернулась было уходить, как вдруг Ярдем заговорил.

— Что-то нужно, магистра?

— Э-э-э... Да. Ярдем, ты знаешь капитана лучше всех.

— Да, — ровным голосом ответил тралгут, не открывая глаз.

— Кажется, я его расстроила.

— Не ты первая. Если его дойдет, он тебе скажет.

— Понятно.

— Что-нибудь еще? — Тралгут умудрялся говорить в такт дыханию, так что грудная клетка поднималась и опадала в прежнем ритме.

— Я спала с мужчиной, а теперь собираюсь его предать. — Собственный голос показался Китрин серым и жестким, как аспидная доска. — Так нужно, чтобы сохранить банк, но я все равно чувствую себя виноватой.

Ярдем приоткрыл теплый черный глаз.

— Я тебя прощаю.

Китрин кивнула. Закрыв дверь, она пересекла зал, вышла на улицу и поднялась по своей лестнице. Голоса внизу притихли — стражники знали, что хозяйка у себя. Китрин устроилась за письменным столом, достала банковские книги и принялась писать деловое предложение, которое не оставит Кахуару шансов.

Гедер так и не понял, когда кончилась драконья дорога. Сначала под ногами лежала наметенная ветрами земля и пустынная пыль, которая покрывала даже тропы внутри широко раскинувшихся караван-сараяв, заменявших в Кешете города. Затем, после очередной крупной развилки, драконий нефрит начал уступать место коричневому грунту и желто-зеленому бурьяну, дорога превратилась в полосу более низких, чем вокруг, кустов и травы. А потом и вовсе пропала.

Теперь перед Гедером простирались горы и долины восточной оконечности мира. Тонкие искореженные деревья покрывала массивная кора, твердая как камень. Ночью по лагерю носились мелкие ящерки с яркими желтыми хвостами, по утрам одну-другую часто находили дохлыми в мешках с лошадиным кормом. Вода стала редкостью: стоило слугам заметить чахлый ручеек — как все пятеро тут же бросались наполнять водой любые сосуды, способные держать влагу, и все равно Гедер не раз замечал, что запасы успевали истаять больше чем наполовину. Каждую ночь он слышал разговоры слуг о бандитах и нечистых духах, которыми якобы кишат все пустоши мира, — и хотя новых опасностей не прибавилось, спал он плохо.

Прожив почти всю жизнь в Антее, Гедер путешествовал разве что из Ривенхальма в Кемниполь и обратно. С королевской охотой бывал в Кавинполе, Севенполе и Эстинпорте, а однажды в детстве его возили в Калтфель, столицу Астерилхолда, на свадьбу какой-то дальней родни. И напоследок он попал в Ванайи — сначала в войске лорда Тернигана, а потом в свите сэра Алана Клинна. Он даже не представлял, что когда-нибудь в одиночку — или почти — увидит земли настолько пустынные и дальние, что здешний народ не будет ничего знать ни об Антее, ни о Рассеченном Престоле. Однако в очередном скопище лачуг, льнущих к мелкому озерцу, навстречу ему вышли настороженные люди, которые в ответ лишь качали головой и пожимали плечами.

С таким же успехом он мог бы им рассказать, что прибыл со звезд или из подземных глубин, — так его даже скорее бы поняли. Горцы были из первокровных, все одинаково смуглые, черноглазые, с жесткой густой шевелюрой, будто члены одной разросшейся семьи. Считанные из них — те, кто занимался торговлей с факториями, — хоть как-то знали языки цивилизованного мира, остальные же говорили на местном наречии, которое Гедер частично умудрялся понимать по словам, встречавшимся в старинных книгах. Он не мог отделаться от ощущения, что попал в сумрачную древность.

— Синир, — повторил он. — Это горы Синир?

Парень оглянулся через плечо на десяток мужчин, вышедших из селения, и провел языком по сухим губам.

— Не здесь, — сказал он. — На востоке.

С одной стороны — все, кого Гедер встречал в этих пустых диких горах, знали слово и понимали, о чем он спрашивает. С другой — горы Синир отодвигались все дальше к востоку вот уже почти две недели, почти как мираж. Пыльные и тонкие дороги, не шире оленьих троп, вились все дальше по долинам и крутым скалистым склонам, и Гедер не раз начинал сомневаться, есть ли еще здесь человеческое жилье, но вновь за ближайшим поворотом наткнулся на очередное жалкое селение.

— Можете показать дорогу? — спросил Гедер. — Или проводить? Я заплачу медью.

Медь здесь вряд ли кого-то интересовала: монеты значили не больше, чем мелкие блестящие камешки. Для обмена скорее годился черный кожаный плащ, но с ним Гедер расставаться не хотел, а кроме того — с тех пор как Кешет сменился здешними безымянными землями, до его предложений никому не было дела. Спрашивал он по привычке, как много раз прежде, и уже не надеялся на то, что ему помогут.

— Зачем тебе туда? — спросил тот же парень.

— Я кое-что ищу. Старинное место. Очень старое. Связанное с драконами.

Парень еще раз облизнул губы, помялся в нерешительности и наконец кивнул:

— Я знаю место, которое ты ищешь. Переночуй здесь, утром я тебя отведу.

— Правда?

— Тебе нужен старинный храм, да? Где живут жрецы?

Гедер выпрямился в седле, сердце забило быстрее. Впервые за весь путь он услышал хоть что-то о храме или жрецах. В нескольких трактатах о падении драконьей империи он встречал упоминания о дальних краях земли, где покоятся в тайниках погруженные в вечный сон драконы, — может, это и будет тайник с книгами, свитками, легендами и преданиями, который сохранился в здешнем храме? Может, Гедеру позволят прочесть книги или снять копии? Он начал лихорадочно соображать, что бы предложить в обмен...

— Князь?

— Что? — пришел в себя Гедер. — А, да. Старинный храм. Да, туда мне и надо. А что, обязательно ждать до утра? Можно двинуться и сразу...

— Утром, князь, — повторил парень. — Переночуешь с нами.

Селение, по местным меркам, считалось крупным — два десятка тесно слеplенных ветхих лачуг, где без воды, в привычной нищете ютились около сотни человек. В небе с криками кружили ястребы, поднимаясь к солнцу. Гедер отправил оруженосца разбить палатку у самого озера, за селением, и велел слугам дежурить поочередно всю ночь. Если дело пойдет худо, то пятеро, конечно, против сотни не выстоят, но его хотя бы предупредят.

На закате старуха из селения принесла миску толченых корней с кусками вареного мяса — Гедер поблагодарил и дал ей несколько медяков, но еду выбросил и закопал, не съев ни куска. От воды веяло ночной прохладой, земля отдавала дневное тепло. Гедер лежал в палатке, мысли беспокойно металась, сон не приходил. Вечернее ожидание сна стало кошмаром его дней: хотя скудная еда, одуряющая монотонность пути и неизбывное одиночество тоже никак не радовали, но в долгие минуты между укладыванием в постель и забытием на него наваливалась память обо всем, от чего он пытался скрыться.

Он пытался представить, чем могли закончиться события в Кемниполе. Хорошо, если успели раскрыть и подавить заговор, приведший к попытке переворота, и зачинщики повешены на улицах. А может, нагрянуло еще одно наемное войско и перебило половину придворных? Интересно, как поступил отец Джорей Каллиама — дал ли сыну такой же совет, какому следует сейчас Гедер? И если Джорей тоже бежал от беспорядков в городе, то где он сейчас?

А вдруг Гедер вернется в неузнаваемо изменившееся королевство? Вдруг наемники были куплены Астерилхолдом, который готовит общее вторжение? Вдруг, когда Гедеру придет пора возвращаться, уже не будет ни Антеи, ни Рассеченного Престола, ни Ривенхальма? А отца, может, уже и вовсе нет в живых.

Или, например, Клиин с приспешниками вновь в фаворе — и когда Гедер въедет в восточные ворота, там уже будет ждать стража, его арестуют и бросят в городскую тюрьму.

Ему вдруг привиделось, будто он стоит на возвышении, а перед ним колышется море высохших, обожженных лиц — и он понял, что наконец приходит сон.

Наступившее утро прогнало видения, слуги принесли ему двойную горсть сушеных яблок и жестяную чашу воды. На дороге уже собралось полдюжата местных мужчин, на стоящей рядом низкой телеге громоздились корзины сушеных бобов и туши трех свежезабитых коз — очевидно, приношения храму. Старший из мужчин громко захлопал в ладоши, и остальные, подхватив толстые веревки, потянули телегу по дороге. Гедер — единственный из всех — ехал верхом.

Тропа, виляющая между холмами, то и дело взбиралась на склоны расселин и утесов, камни стали более острыми и зазубренными, будто многовековая эрозия так и не сумела их смягчить. Гедер вдруг задумался о ландшафте и драконьих дорогах — интересно, та же ли сила придала здешнему грунту такую прочность? Может, тем и отличаются горы Синир от окружающих хребтов?

Некоторые камни формой напоминали живых существ: плавные, почти изящные линии, сочленяющиеся, как кости в суставах. На каком-то из лугов Гедер заметил изогнутые террасы, окаймленные бледным пористым камнем, не похожим ни на иссохшие пустынные валуны, к которым уже привык взгляд, ни на здешние зазубренные скалы. Как будто тут погиб некий исполин, от которого осталась груда ребер на земле. Подняв глаза, Гедер увидел и череп.

Вдоль лба, от виска до виска, поместился бы конь, в глазницах мог бы спрятаться сам Гедер. Морда ушла под поверхность, словно павший дракон пил из самой земли, в челюсти торчали пять зубов длиной с клинок. Кости, за столетия побелевшие от палящего солнца, остались неподвластны ветру, песку и дождям. Задохнувшись от изумления, Гедер натянул поводья. Поселяне по-прежнему тащили вперед телегу, переговариваясь и по очереди отпивая воды из бурдюка. Гедер сошел с коня, помедлил в нерешительности и, протянув руку, коснулся иссушенной солнцем драконьей кости. Скелет лежал тут не одну тысячу лет. С тех времен, когда история человечества еще не началась.

— Князь! — окликнул его парень из селения. — Не отставай, вперед!

Гедер, не в силах подавить трепет, взобрался в седло и пустился дальше.

Солнце сдвинулось в небе еще на ладонь, и путники обогнули последнюю высокую россыпь валунов — каждый высотой с парусный корабль, — за которой виднелся храм. Вырезанные прямо в скале двери и окна выходили на дорогу, и Гедеру на миг показалось, что на него воззрится глаз исполинского насекомого. Дорога упиралась в стену, высотой не уступающую укреплениям Кемниполя; вдоль стены, как часовые, стояли вырезанные из камня гигантские человеческие статуи, изрядно стертые временем, над ними простирал крылья огромный дракон. Рядом с каждой из тринадцати статуй колыхалось знамя своего цвета — тринадцать четких тонов синего, зеленого, желтого, оранжевого, красного, коричневого, черного, — в центре каждого знамени выделялся бледный круг, разрезанный четырьмя линиями на восемь частей.

«И знак его был — восемь расходящихся лучей, как восемь сторон света, где не скроется никакая ложь». Знак Праведного Слуги.

На глаза Гедеру навернулись слезы, в груди росло облегчение — и радость победы. То самое место. Конец поискам.

До стены было недалеко, и с каждым шагом Гедер все больше дивился величине сооружения. В середине стены висели мощные железные ворота, преграждающие путь. Над

ними грубыми буквами в человеческий рост были выведены слова «*Khinir Kicgnam Vat*». Гедер, по-прежнему опьяненный находкой, прищурился и попытался перевести надпись.

«Узы и воля».

Поселяне дотянули телегу почти до самой стены и остановились в полусотне шагов от железных ворот. Теперь Гедер заметил, что часть железного полотна имеет собственный поворотный механизм; сцепленные зубы с лязгом дрогнули, и дверь распахнулась, как занавес. К ним вышли шестеро мужчин, видом схожие с поселянами — только чуть поупитаннее и с умашенными волосами, в черных одеждах, перетянутых на поясе цепью, и в высоких, до щиколоток, сандалиях. Поселяне опустили на колени, Гедер, не слезая с коня, поклонился. Конь под ним неловко переступил с ноги на ногу.

Жрецы переглянулись, затем разом посмотрели на замершего впереди парня.

— Кто он? — спросил старший из жрецов.

— Чужеземец, — ответил парень. — Спрашивал о горах Синир. Клерон велел приводить таких к вам.

Гедер тронул коня чуть вперед. Напуганное огромностью постройки, животное дернулось, однако Гедер твердой рукой удержал поводья. Старший жрец выступил вперед.

— Кто ты? — спросил он.

— Гедер Паллиако, сын виконта Паллиако из Ривенхальма.

— Я не знаю, где это.

— Я подданный короля Симеона, правителя Антеи, — уточнил Гедер. Монах не пошевелился, и юноша добавил: — Антея — это такое большое королевство. Даже империя. Средоточие культуры и власти первокровных.

— Зачем ты пришел?

— Видите ли, тут долгая история, — начал Гедер. — Я был в Ванайях. В Вольноградье есть... был такой город. Теперь уже разрушен. Я там нашел книги, и в них описывался... Ну... Его называли Праведным Слугой или Синир Кушку, он вроде бы создан драконом Морадом при падении империи, и я подумал, что если взять упоминания мест и соотнести с эпохой фиксации легенды, то я смогу... его найти.

Жрец нахмурился.

— Вы слышали о Праведном Слуге? — спросил Гедер. — Хоть что-нибудь?

Интересно, что ему останется делать, если жрец скажет «нет». Не домой же ехать. После того, что он тут увидел.

— Мы слуги великого Слуги, — уверенно и гордо ответил жрец.

— Отлично! Я так и ожидал. Может, я... — Слова теснились и путались, так что Гедер замолк, кашлянул и взял себя в руки. — Я надеялся, может, у вас есть архивы... Или, возможно, вы позволите с вами поговорить. Выяснить больше...

— Ожидай здесь, — велел жрец.

Гедер кивнул вслед отвернувшемуся монаху. Остальные жрецы уже втаскивали телегу через проход в железных воротах, а поселяне вытягивали себе похожую, почти такую же. Монахи через миг скрылись за воротами; поселяне, помахав и улыбнувшись ему на прощание, двинулись обратно домой. Гедер остался стоять на том же месте, раздираемый желанием увидеть храм и боязнью остаться в одиночестве и потом не найти обратного пути через горы. Механизм в воротах с лязгом закрылся; телега исчезла за валунами. Гедер сел на коня, пряча глаза от пятерых слуг, которых он притащил в неведомую пустыню через все земли мира. Где-то крикнул ястреб.

— Прикажете разбить лагерь, милорд? — спросил оруженосец.

Спустилась ночь. Гедер сидел в палатке, по стенкам которой шуршал легкий ветер, и при свете свечи листал книги, читанные добрый десяток раз. Глаза скользили по буквам, не видя слов.

Разочарование, неприятие, гнев медленно нарастали в груди одновременно с уверенностью, что никто не придет. Его оставили сидеть на пороге, как попрошайку, пока он не поймет намека и не уберется прочь. Обратно в Кемниполь, в Антею, к прежним делам и занятиям.

Путешествие закончилось. Идти дальше нет причин, даже надуманных. Пересечь две страны, бесчисленные горы и пустоши — и все лишь для того, чтобы нарваться на унижение. Гедер перевернул страницу, не помня, что на ней было — да и не очень заботясь. Он вообразил, как приезжает домой и рассказывает о путешествии. Пророчица ясурута, драконьи кости, загадочный тайный храм. «А дальше? — спросят его. — Что было дальше, лорд Паллиако?»

И он начнет лгать. О вырожденцах-монахах и их пустом жалком культе. Станет сочинять трактаты, подробно обрисовывая любые извращения, какие только придут на ум, и приписывая их найденному храму. Если бы не он, Гедер Паллиако, храм был бы совершенно потерян для истории, — и если жрецам угодно так с ним обращаться, то уж он позаботится о том, чтобы о них пошла такая молва, какая угодна лично ему.

Но если жрецы никогда об этом не узнают и не задумаются, то что толку? Настанет утро, слуги соберут палатку, и он тронется в обратный путь. Может, где-нибудь в городах Кешета он найдет купца, согласного принять кредитное письмо, и купит припасов. Или остановится в уже знакомом селении и скажет, что жрецы велели отдать ему всех коз. Хоть какой-то толк.

— Милорд! Лорд Паллиако!

Гедер выскочил из палатки чуть ли не раньше, чем расслышал слова. Оруженосец указывал рукой на железные ворота. Маленькая боковая дверь была заперта, однако между двумя массивными створками появилась более темная тень — полоса черноты.

Показавшийся в воротах мужчина зашагал к Гедеру, за ним вышли еще двое, с мечами на спине. Гедер сделал знак, и слуги кинулись зажигать факелы. Первый из идущих поражал ростом, был широк в плечах и бедрах, на безволосой голове играли лунные блики. Неопределенно-темный балахон в свете факелов казался черным. Хламида стражников походила на одеяния вчерашних жрецов, только из более тонкой ткани, рукояти и ножны мечей отсвечивали зеленым.

— Ты ли Гедер Паллиако, который сумел прознать о Синир Кушку? — спросил высокий. Голос, внешне тихий и мягкий, нес в себе громовую мощь, у Гедера дрогнула кровь в жилах.

— Да.

— Что ты предлагаешь взамен?

Предложить было нечего. Повозка, слуги... Почти все серебро потрачено на пути, да и что с него толку — на ярмарки жрецы уж точно не ездят.

— Новости? — нашелся он. — Я могу рассказать о мире. Раз уж вы здесь... так далеко.

— Намерен ли ты причинить вред богине?

— Нет, что вы! — Гедер удивился вопросу: никакая богиня в книгах не упоминалась.

Высокий на миг умолк, словно прислушиваясь к себе, и затем кивнул:
— Тогда ступай за мной, князь. Побеседуем о твоём мире.

Лето в Остерлингских Урочищах... Доусон поднимался с солнцем и целыми днями объезжал владения, занимаясь делами, заброшенными из-за зимних хлопот и весенних интриг. Каналы, подводящие воду к южным полям, требовали починки; у крестьянина на западной окраине сгорел дом — Доусон велел выстроить новый; поймали двоих, ставивших ловушки на оленей, — барон присутствовал на повешении. Везде, куда призывали дела поместья, его встречали с почестями, которые он принимал как должное.

Трава вдоль дорог подрастала, листья на деревьях раскрывались все больше, переливаясь под ветром зеленью и серебром. Два дня пути с востока на запад, четыре с севера на юг — охотничьи горные тропы, сон в собственной постели, опрокинутый кубок чистой синева над головой... Роскошная тюрьма, в которой Доусон Каллиам вынужден терять целые месяцы, пока королевство рассыпается в прах.

В поместье кипела работа. Ни к летнему присутствию, ни к зимним отлучкам хозяина (кроме как на королевскую охоту) здесь не привыкли, и озабоченность людей Доусон ощущал чуть ли не кожей. О ссылке его все знали, так что подсобные флигели и конюшни наверняка полнились толками, сплетнями и пересудами.

Оскорбляться было все равно что злиться на пение сверчков. Рабочий люд, простой и безыскусный, понимал лишь свои нехитрые истины, и судить о большом мире мог не лучше, чем капля дождя или древесный сучок.

А вот от Канла Даскеллина барон ожидал большего.

— Опять письмо, милый? — спросила Клара, глядя, как Доусон мерит шагами длинную галерею.

— Канл ничего толком не пишет, — отмахнулся Доусон и перелистнул страницы, находя нужное место. — Послушай только: «Его величество по-прежнему слаб здоровьем. Лекари склонны считать, что мятеж наемников подорвал его силы, однако обещают улучшение к зиме». Или вот: «Лорд Маас ожесточенно защищает доброе имя лорда Иссандриана и всячески пользуется тем, что ему удалось избежать наказания». И все в том же духе. Одни недомолвки и намеки.

Клара отложила рукоделие. От полуденного жара на лбу и над верхней губой проступил пот, из прически выбился локон. Тонкое летнее платье почти не скрадывало линий ее тела, более гибкого и уверенного, чем у юной женщины. В золотых лучах солнца, льющих через окно, она была невыразимо хороша.

— А чего ты ждал, любовь моя? Искренних признаний открытым текстом?

— С таким же успехом он мог и вовсе не писать, — буркнул Доусон.

— Ты сам знаешь, что не прав. Даже если Канл не сообщает о придворных делах, сам факт переписки о многом говорит. О пишущем всегда можно судить по адресатам. От Джорея вестей нет?

Барон сел на диван наискось от жены. Молоденькая служанка показалась в дверях в дальнем конце галереи и при виде обоих хозяев тут же скрылась.

— Он написал десять дней назад, — ответил Доусон. — По его словам, при дворе ходят на цыпочках и говорят шепотом. Никто не верит, что все кончилось. Симеон еще в день именин принца Астера собирался объявить, кому отдаст сына на воспитание, но переносил срок уже трижды.

— Почему?

— По той же причине, по какой отправил меня в ссылку из-за предательства Иссандриана. Если он выберет кого-то из моих союзников, Иссандрианова клика возьмется за оружие. Если он отдаст сына им — восстанем мы. Если учесть, что во главе наших сейчас Канл, то король не так уж не прав.

— Я могла бы съездить спросить у Фелии, — предложила Клара. — Ее муж ведь сейчас примерно в той же роли, что Канл? А мы с Фелией не виделись целую вечность, отчего бы нам не встретиться.

— Исключено. Послать тебя в Кемниполь? Одну? К Фелдину Маасу? Это опасно, я запрещаю.

— Почему одну? Там ведь Джорей, а с собой я возьму Винсена Коу.

— Нет.

— Доусон, любовь моя, — выговорила Клара решительным тоном, какого барон давно уже не слышал. — Когда город запрудили чужеземные наемники, я тебя послушалась. Но мятеж давно подавлен. Если никто первым не протянет руку, дело не наладится. Симеон не может помочь, поскольку повеления тут бесполезны. Вы с Фелдином тоже ничего не добьетесь, потому что вы мужчины и не знаете, что делать. Вы обнажаете клинки, а мы щебечем о платьях и балах до тех пор, пока вы не вложите мечи в ножны. Ты не склонен налаживать отношения — но незачем считать, что это так уж сложно.

— Мы испробовали что могли.

Клара подняла бровь. Повисла тишина на три удара сердца. Четыре.

— Значит, будешь собирать армию? — спросила она.

— Мне запрещено. Одно из условий ссылки.

— Ну что ж. — Клара вновь взялась за иглу. — Вечером напишу Фелии и намекну, что не откажусь от приглашения.

— Клара...

— Ты совершенно прав. Без сопровождающих нельзя. Ты поговоришь с Винсеном Коу или лучше я сама?

Доусон даже сам удивился захлестнувшей его ярости. Вскочив, он швырнул на пол письмо Канла Даскеллина, руки чесались запустить в окно галереи книгой, побрякушкой или стулом. Клара, сжав губы, не отрывала глаз от рукоделия, тоненько поблескивала ныряющая в ткань иголка.

— Симеон не только твой король, но и мой тоже, — заявила она. — И ты в этом доме не единственный, в чьих жилах течет благородная кровь.

— Я поговорю, — сквозь ком в горле пробормотал Доусон.

— Прости, милый, что ты сказал?

— Коу. Я поговорю с Коу. Но если он не поедет — не поедешь и ты.

Клара улыбнулась:

— По пути пришли сюда мою горничную. Я велю ей принести перо.

Егерь жил за гранитно-нефритовой стеной главной усадьбы, в длинном низком доме, с соломенной крыши которого свисали плетеные кожаные шнуры с черепами и костями убитых животных. По сторонам внутреннего дворика, где не ступали ничьи сапоги, среди высокой травы торчали соломенные мишени для тренировки лучников, из псарен несло собачьим пометом. Над углом дома нависало высокое белоснежное дерево в летнем цвету.

Привлеченный голосами, Доусон зашел за дом. Пятеро его егерей собрались вокруг

старого пня, служившего столом, на котором сейчас лежал молодой сыр и свежий хлеб. Молодые и загорелые, скинувшие рубахи под палящим солнцем, они напомнили Доусону о юности — когда сильное ловкое тело радовалось солнцу, когда радости и забавы летнего дня не оставляли места невздам. Тогда Симеон был его другом. Теперь они оба не те, что прежде.

Заметив барона, кто-то из егерей вскочил, за ним остальные. Винсен Коу маячил за спинами, с синяком вокруг опухшего левого глаза. Доусон сделал шаг ему навстречу, не глядя на прочих.

— Коу, — велел он, — ступай со мной.

— Милорд, — коротко кивнул егерь и поспешил за ним. Барон зашагал по широкой дороге, что вела мимо усадьбы к северному пруду. Землю прочерчивали тени от высоких спиральных башен.

— Что с тобой? — спросил Доусон. — Камни глазом ловил?

— Не стоит вашего внимания, милорд.

— Говори.

— Мы вчера выпили чуть больше обычного, милорд. Один из новичков разошелся и... высказал предположение, которое я счел оскорбительным. Он повторил, и мне пришлось ему объяснить, что он ошибается.

— Он назвал тебя моим наложником?

— Нет, милорд.

— Что же тогда?

Весной, перед началом придворного сезона, пруд бывал чистым, как родник. Осенью, когда Доусон возвращался из Кемниполя, вода становилась темнее чая. Он редко заставлял пруд в середине лета, когда отражения деревьев делали воду почти изумрудной. Штук пять уток плыли на противоположный берег, оставляя расходящийся след. Доусон остановился у самой воды, где под травой хлюпала жидкая грязь. Неловкое молчание Винсена Коу интриговало его все больше.

— Я могу спросить остальных, — напомнил барон. — Если ты не скажешь — скажут они.

Винсен посмотрел через пруд на дальние горы.

— Он бросил тень на честь леди Каллиам, милорд. И высказался в том смысле, что...

— Ясно, — со злобой бросил Доусон. — Он еще здесь?

— Нет, милорд. Его отнесли в деревню вчера вечером.

— Отнесли?

— Я поговорил с ним так, что идти он не мог, милорд.

Доусон усмехнулся. Над водой плясала мошкара.

— Леди Каллиам возвращается в Кемниполь, — сказал барон. — Рассчитывает помириться с Маасом.

Егерь коротко кивнул, но промолчал.

— Говори, — велел Доусон.

— С вашего позволения, милорд. Это неразумно. Тяжелее всего — пролить чужую кровь впервые, а это уже случилось. Дальше будет больше.

— Я знаю, но она не отступится.

— Пошлите меня вместо нее.

— Я посылаю тебя вместе с ней. Джорей еще в столице, расскажет тебе обстановку. Ты

защитил меня, когда все начиналось. Теперь защити мою жену.

Двое стояли плечом к плечу, сзади неслись голоса: псарь кричал на ученика, смеялись егеря. Как будто в другой жизни, совсем недавней — мирной, безмятежной и еще не тронутой тленом.

— С ней ничего не случится, милорд, — произнес наконец Винсен Коу. — Пока я жив.

Клара уехала в том же экипаже, что привез их из Кемниполя, Винсен Коу сопровождал ее верхом. Через три дня к Доусону пожаловал непрошенный гость.

Дневной зной выгнал барона из комнат и заставил перебраться в зимний сад, совершенно невзрачный летом: цветы, которые в самые короткие дни года запыльхают алым и золотым, сейчас выглядели простой грубой травой. Три пса, изнывая от жары, лежали на полу с зажмуренными глазами, высунув языки. Оранжерея стояла открытой — если затворить двери и окна, здесь будет душно, как в печи. Сад дремал, ожидая, когда настанет срок преобразиться.

К тому времени Клара уже вернется домой. Доусон и прежде с ней разлучался: у него придворные дела и королевская охота, у Клары — подруги и домашние обязанности. И все же с ее отъездом одиночество нахлынуло почти невыносимо. Утром он просыпался с мыслью, где сейчас Клара, ночью ложился в постель, мечтая, чтобы она вышла из гардеробной с традиционным ворохом новостей, шуток и обыденных сплетен. Днем же он старался не думать ни о ней, ни о Фелдине Маасе, ни о том, что ее могут попытаться использовать против него.

— Лорд Каллиам!

В дверях стояла новая служанка, юная дартинка с горящими, как положено ее расе, глазами.

— Что такое?

— К вам посетитель, просит его принять. Его имя Паэрин Кларк, милорд.

— Я такого не знаю, — бросил было Доусон, однако через миг вспомнил. Бледный банкир из Нордкаста, сумевший прельстить Канла Даскеллина. Доусон встал; встрепенувшиеся собаки, поскуливая, переводили взгляд с хозяина на служанку и обратно. — Он один?

Глаза девушки беспокойно расширились.

— С ним возница и слуга. И кажется, помощник.

— Где он сейчас?

— В малой гостиной, милорд.

— Скажи, что я выйду к нему чуть позже. Подай ему пива и хлеба, отправь его слуг в челядную и позови мою стражу.

Дверь в малую гостиную отворилась, бледный поднял глаза. При виде Доусона в сопровождении четырех мечников в кожаных охотничьих доспехах он лишь приподнял брови. На тарелке перед ним лежал едва надкушенный кусок хлеба, к жестяной кружке с пивом он едва ли притронулся.

— Барон Остерлинг, — поклонился банкир. — Благодарю за прием. Приношу свои извинения за то, что вторгся непрошеным.

— Вы здесь по поручению Канла Даскеллина или по собственному почину?

— Меня прислал Канл Даскеллин. Обстановка при дворе неоднозначна, он хотел

передать вам сведения, однако на гонцов он положиться не может, да и некоторые факты таковы, что он не рискует доверить их пергаменту и тем более записать собственноручно.

— И поэтому он присылает мне мастера-кукольника из Нордкаста?

Банкир на миг замолк. Щеки окрасились слабым румянцем, на губах появилась обычная вежливая улыбка.

— Милорд, не сочтите за оскорбление, но я хотел бы кое-что пояснить. Я подданный Нордкаста, но я не принадлежу ко двору и послан не королем. Я представляю Медеанский банк, и только Медеанский банк.

— Значит, шпион без родины. Тем хуже.

— Мои извинения, милорд. Я вижу, что мой визит нежелателен. Прошу простить за вторжение.

Паэрин Кларк склонился в глубоком поклоне и направился к двери, унося с собой всю придворную жизнь и весь Кемниполь. «Ты не склонен налаживать отношения, но незачем считать, что это так уж сложно», — раздался в памяти голос Клары.

— Подождите, — остановил его Доусон и перевел дух. — О платьях и чертовых балах?

— Простите?

— Вы приехали по делу. Так не трусьте при первом же окрике. Садитесь. Говорите, с чем пожаловали.

Паэрин Кларк, вернувшись, сел на место. Глаза потемнели, лицо было непроницаемо, как у опытного картежника.

— Дело не в вас, — бросил Доусон, садясь напротив и отщипывая корку хлеба. — Не в вас как в человеке. А в должности.

— Я тот, кого Комме Медеан посылает разрешать затруднения, — ответил Паэрин Кларк. — Ни больше ни меньше.

— Вы посланник хаоса, — проговорил Доусон мягко, стараясь не язвить. — Вы делаете бедных богатыми, а богатых бедными. Для людей вашего круга сан и титул — пустой звук. Однако для людей моего круга они крайне важны и ценны. Я презираю не вас. А вашу роль.

Банкир переплел пальцы и обхватил руками колено.

— Желаете ли выслушать вести, милорд? Несмотря на все, что вы думаете о моей роли?

— Да.

Банкир говорил чуть не целый час, тихим голосом выкладывая барону подробности той медленной лавины, которая уже тронулась с места и теперь грозила спокойствию Кемниполя. Как Доусон и подозревал, нежелание Симеона выбрать наконец семью, в которой будет воспитываться его сын, проистекало от боязни нарушить зыбкое равновесие. Даскеллин с оставшимися союзниками поддерживали короля как могли, однако даже среди преданных сторонников росло недовольство. Хотя Иссандриан и Клинт сидели в ссылке, Фелдин Маас, не зная сна и отдыха, метался по столице с рассказами об одном и том же: мол, нападение наемников подстроили, дабы очернить имя Куртина Иссандриана и не позволить королю отдать сына под Иссандрианову опеку. При этом само собой подразумевалось, что своевременное появление ванайской армии было частью более крупного заговора.

— Подстроенного, разумеется, мной, — усмехнулся барон.

— Не вами одним, но — да.

— Ложь, с первого слова до последнего.

— Многие так и думают. Но есть и те, кто верит.

За окнами темнело, солнечные лучи из золотых становились алыми. Доусон потер лоб ладонью. В Кемниполе все идет так, как он предполагал. И Клара направляется в самое средоточие хаоса. Надежда, затеплившаяся было перед ее отъездом, теперь казалась наивной. Доусон без колебаний дал бы отсечь себе руку в обмен на то, чтобы банкир приехал неделей раньше. Теперь слишком поздно. Все равно что пытаться удержать брошенный камень.

— А Симеон? — спросил Доусон. — Как он себя чувствует?

— Тяжкое время не проходит для него бесследно, — ответил Паэрин Кларк. — И для его сына, по-видимому, тоже.

— Мне кажется, нас убивает не смерть, а страх, — заметил барон. — А что в Астерилхолде?

— Мои источники сообщают, что Маас вступил в переговоры с семьей высокопоставленными придворными вельможами. Есть сведения о золотых займах и обещаниях поддержки.

— Он собирает армию.

— Именно.

— А Канл?

— Тоже пытается.

— Скоро ли дойдет до битв?

— Этого никто не знает, милорд. Если вы будете осторожны и вам не изменит удача — то, может, и никогда.

— Слабо верится. С одной стороны Астерилхолд, с другой — вы.

— Нет, милорд. Мы оба знаем, что я приехал искать выгоду, а междоусобица в Антее выгоды не принесет. В случае войны мы не примем ничью сторону. Я исполнил здесь все, что мог, и больше в Кемниполь не вернусь.

Доусон сел прямо. В улыбке банкира подозрительно сквозила то ли жалость, то ли сочувствие.

— Вы бросаете Даскеллина? Именно сейчас?

— Антея — одно из величайших королевств в мире, — ответил Паэрин Кларк. — Однако тот, на кого я работаю, ведет игру на пространствах более обширных. От души желаю вам удачи, но Антею терять вам, не мне. Я уезжаю к югу.

— К югу? Что там такого важного, что не можете остаться?

— Осложнения в Порте-Оливе, которые требуют моего присутствия.

Китрин стояла у парапета набережной. За спиной лежал город, перед глазами простиралась неохватная голубизна моря и неба. Там, где бледное мелководье переходило в глубинную океанскую синеву, покачивались на волнах пять кораблей. Мачты поднимались над водой, как деревья, свернутые паруса покоились на реях. Мелкие рыбацкие плоскодонки спешили укрыться в порту или просто уйти с дороги: из порта к кораблям уже наперебой стремились десятки лоцманских лодок, надеясь на почетную роль проводника.

Из Наринландии наконец-то прибыли долгожданные суда — под флагами Биранкура и Порте-Оливы. Из семи, отправленных некогда в плавание, вернулись одновременно пять, остальные два то ли отбились в шторм или при нападении, то ли просто сменили маршрут. Может, придут через день-другой, а может — никогда. Китрин сверху видела, как у причала нетерпеливо метались купцы, обуреваемые надеждами и страхами: не их ли корабли сгинули? А когда суда подойдут к пристаням, счастливцы-негоцианты из тех, кто снаряжал корабли в плавание, поднимутся на борт, сверят контракты и накладные и выяснят, прибыльным ли оказалось плавание. А несчастливцы будут в ожидании тосковать у причалов или сидеть в портовых харчевнях, выпрашивая у моряков новости.

А потом, когда капитаны кораблей отчитаются о всех сделках, когда грузчики начнут таскать товары из трюмов на склады, когда торговая лихорадка пронесется над Порте-Оливой, как ветер над водой, — тогда настанет пора готовиться к следующему плаванью. На верфях будут чинить корабли, новые клиенты вступят в переговоры с капитанами. И Идерриго Беллинд Сиден, верховный наместник Порте-Оливы, вновь призовет капитанов и глав гильдий и милостиво рассмотрит предлагаемые ему планы по превращению Порте-Оливы из рядового города в центр морской торговли.

А в руке Китрин лежит письмо, написанное зелеными чернилами на бумаге гладкой, как пролитые сливки, — письмо, запрещающее ей какую бы то ни было деятельность. Девушка раскрыла его в очередной раз и перечла. Текст, конечно, зашифрован, но после всех лет, проведенных над документами и записями магистра Иманиэля, слова читались свободно.

«Магистра Китрин бель-Саркур, вам надлежит немедленно прекратить все переговоры и заключение сделок от нашего имени. Наш верховный ревизор и представитель главной конторы банка, Паэрин Кларк, свяжется с вами в ближайшее время. До встречи с указанным лицом вам ни под каким видом не позволено размещать либо принимать денежные вложения и займы, а также вступать в деловые договоренности с партнерами».

Внизу стояла подпись самого Комме Медеана — неровные буквы, выведенные подагрической рукой старика. Письмо пришло неделю назад, Китрин никому его не показывала. Первое известие от головного банка не несло в себе ничего нового: как она и предвидела с самого начала, к ней присылают ревизора. Он вернет банку средства, потерянные Ванайями, и на этом кончатся все ее мечты о том, чтобы оставить банк на плаву и провести его к успеху, как лоцманские лодки сейчас проведут в бухту торговые корабли. Она вновь станет собой. Не погонщиком Тагом, прячущимся в тени со своей контрабандой, и не магистрой Китрин. Только теперь с ней не будет ни Безеля, ни Кэм, ни магистра Иманиэля. Ни Ванайев.

А на такое она не пойдет.

Китрин легко перевела дух — так, что даже вздохом не назовешь, — и разорвала страницу пополам. Потом еще пополам. И еще. Когда письмо распалось на мелкие клочки, каждый из которых вмещал лишь цифру или букву условного кода, девушка бросила их через парапет набережной. Обрывки закружились под ветром.

Лоцманские лодки уже сновали между торговыми судами — там лоцманы окликали капитанов, те что-то отвечали, и под взглядом Китрин первый из кораблей двинулся вперед, к берегу, словно делая последний шаг в долгом ежегодном путешествии. Девушка отвернулась и пошла обратно к банку.

Двери стояли открытыми — ради прохлады. Завидев хозяйку, переступающую порог, Жук поспешно вскочил, словно его застали за ненужным занятием. Позади него потянулся и широко зевнул Ярдем.

— Где ты была? — спросил капитан Вестер.

— Где и все горожане. Смотрела на прибывшие корабли, — ответила девушка. В мозгу царила странная легкость, почти до головокружения.

— Твой маэстро прислал из кофейни уже трех посыльных — ты ему нужна.

— И что вы ответили?

— Что ты занята и вернешься после полудня. Я ошибся?

— Вы? Такого не бывает, — заявила Китрин и в ответ на подозрительный прищур капитана звонко рассмеялась.

Несмотря на жару, для приема во дворце наместника Китрин надела темно-синее платье с длинными рукавами и высоким воротом, а волосы уложила под мягкий чепец, заколов его серебряной шпилькой с лазуритом — чуть ли не последней из ванайских драгоценностей. Наряд больше подходил для прохладной осени: в летнюю жару по спине стекала струйка пота, но появляться перед Кахуаром Эмом в более открытом платье девушка не хотела, а уж надевать подаренное им ожерелье или брошь и вовсе было ни к чему.

Встретившись с Китрин в коридоре, ясурут-полукровка отвесил ей официальный поклон, и лишь усмешка в углах губ и блеснувшие глаза напомнили о проведенных вместе ночах. Знакомые изгибы тела угадывались даже под золотистой рубахой, застегнутой у горла черными эмалевыми пуговицами. Интересно, что будет с их связью теперь, когда они уже не соперники...

На пороге их встретила поклоном бледная служанка-циннийка. В центре зала возвышался темный стол, ветви деревьев за окнами создавали иллюзию тени и прохлады. Цинна, глава наемного войска, при появлении Китрин поднялся с места и сел лишь после того, как она опустилась на стул. Тралгутка и представитель местных торговых домов не явились вовсе.

— Удачный год, — заметил цинна. — Вы уже видели корабли, магистра Китрин?

— У меня не было времени, — ответила девушка. — Слишком много дел.

— Вам стоит сходить, поверьте. На этот раз столько диковин — целые сундуки! Шарики цветного стекла, которые звенят, лишь стоит их потереть! Я купил сразу три штуки для внучки.

— Надеюсь, ваши дела идут благополучно? — осведомился у него Кахуар Эм как-то особенно резко, к удивлению Китрин.

— Вполне, — отозвался цинна как ни в чем не бывало. — Прекрасно, благодарю вас.

Отворилась дверь, ведущая во внутренние покои, на пороге возник наместник; круглое

жизнерадостное лицо лоснилось от пота. Он повел рукой, позволяя присутствующим не вставать.

— Церемонии ни чему, — пояснил он, устраиваясь в кресле. — Могу я предложить чего-нибудь прохладительного?

Кахуар Эм отрицательно качнул головой. Цинна, словно дожидавшийся ответа Кахуара, тоже отказался. Китрин насторожилась: на ее глазах происходило нечто, чего она не понимала.

— Благодарю вас обоих, что почтили нас своим присутствием, — продолжал наместник. — Я весьма ценю вашу преданность Порте-Оливе, лично мне и ее величеству и признателен вам за потраченные усилия. Приятно знать, что о благосостоянии города заботятся такие славные умы. И вот настал самый трудный миг — пора принять решение.

Наместник вздохнул, явно получая удовольствие от происходящего. Китрин натянуто улыбалась. Кахуар усиленно прятал глаза.

— Я тщательно изучил ваши предложения, — продолжал наместник. — Уверен, что любое из них послужило бы к процветанию Порте-Оливы. Однако я счел, что пятилетняя схема, разработанная нашим гостем, больше соответствует возможностям города, чем восьмилетняя программа Медеанского банка.

Несмотря на жару, у Китрин похолодело в груди, дыхание сбилось. Кахуар Эм не предлагал пять лет! В письме стояло десять!

— Восемь лет — долгий срок, — серьезно кивнул цинна, тщетно пытаясь скрыть удовольствие.

— И ежегодная прибыль несколько завышена, — добавил наместник. — Мне очень жаль, магистра Китрин, но я вынужден вам отказать.

— Понимаю. — Китрин с трудом узнала собственный голос. — Теперь, когда все решено, могу ли я узнать условия, которые предложил мастер Эм?

— Мы партнеры, — заявил цинна. — Тут речь не только о его клане, мы действуем сообща.

— Полагаю, сейчас незачем вдаваться в подробности, — вмешался Кахуар Эм, по-прежнему избегая взгляда Китрин. Его попытка смягчить удар отчего-то показалась Китрин более обидной, чем злорадство цинны.

— Все равно ведь условия будут объявлены, — заметил наместник. — Из крайнего уважения сообщаю вам, магистра, что в предложении говорится о четырнадцати сотых со страховкой или десяти без.

Ложные цифры. Он подсунул ей ложные цифры. В тексте было шестнадцать и девятнадцать, а не десять и четырнадцать. Письмо в его кабинете было ловушкой, и она в нее попала.

— Благодарю, господин наместник, — кивнула Китрин. — Медеанский банк высоко оценит вашу откровенность.

— Надеюсь, мы расстанемся без обид, — добавил наместник. — Ваш банк появился в Порте-Оливе недавно, но пользуется большим почетом.

— Разумеется, — ответила Китрин. В груди царила пустота — даже странно, что слова не отдавались эхом. Все происходящее походило на сон. — Благодарю за то, что пригласили меня выслушать решение. Полагаю, вам троим нужно обсудить дальнейшие дела.

Мужчины встали одновременно с ней, наместник липкими пальцами схватил ее руку и прижал к губам. С лица Китрин не сходила мудрая улыбка — маска той женщины, которой

она хотела казаться. Китрин поклонилась цинне, затем Кахуару Эму — пустота в груди вдруг уступила место боли.

Тщательно следя за каждым шагом, она покинула зал, спустилась по лестнице и вышла на крыльцо. Белое небо казалось перламутровым, жаркий ветер овеивал щеки, по спине и ногам стекали струйки пота. Китрин, не в силах опомниться, замерла в смятении. Зачем она здесь? Надо вернуться, обсудить подробности, подписать контракты!.. Ей ведь предстоит начать дело, так почему же она вышла, пора обратно!..

Первый всхлип вышел похожим на порыв рвоты: внезапный, резкий, неконтролируемый. Она взмолилась только об одном — не разрыдаться прямо здесь, на улице, где весь проклятый город уставится на нее, как на диковину. Широко шагая, так что натягивалось на бедрах платье, она чуть не бегом пустилась в лабиринт улиц, пролетела по ближайшему проулку, забилась в темный угол и только здесь, рухнув на грязные ступеньки, дала волю слезам. Рыдания вырывались из горла, чуть не раздирая грудь, и она закусила руку, чтобы не выть в голос.

Проиграла. Она проиграла. Все надежды и чаяния пошли прахом. Ее контракт отдали другому, а ей, скудоумной потаскушке, уродине-полукровке, только и остается рыдать в проулках. С чего она вообще возмечтала о победе? Как могла надеяться?

Мало-помалу всхлипы стихли, Китрин поднялась на ноги. Осушила слезы, высморкалась в подол, отряхнула платье. И побрела домой. Унижение тяжело давило на плечи, нашептывало гадости. Много ли Кахуар рассказал сообщникам? Похвастался ли, что затащил ее в постель? Тот старый цинна в зале наместника, должно быть, наслышан о каждой черточке ее тела? Кахуар знал каждый ее шаг еще прежде, чем она все придумала и спланировала. И наверняка велел слугам не вмешиваться, когда она среди ночи полезет в его кабинет. Может, они прятались по закоулкам и со смехом тыкали пальцами в идиотку, которая считает себя умнее других.

У дверей банка она услышала голоса Маркуса, Ярдема и куртадамки: обыденный разговор — ни злобных интонаций, ни смеха. Тюльпаны колыхались под ветром, лепестки разлохматились, алый цвет доньшка перешел в черный. Китрин хотела было войти, но пальцы замерли на полпути к щеколде, девушка так и стояла чуть не целую вечность, не в силах переступить порог и оказаться среди тех, кто заменял ей семью, друзей, любовь — среди собственных же наемных стражников. Ей отчаянно хотелось, чтобы Ярдем Хейн вышел и наткнулся на нее у порога, чтобы Кэри забрела на их улицу, чтобы Опал восстала из океана и задушила ее прямо здесь же, у дверей банка.

В конце концов она поднялась по боковым ступеням. В своей комнате она сбросила платье и села на кровать в одной рубашке. Пот не высыхал, не охлаждал кожу.

Она проиграла. Даже сейчас слова казались бессмысленными, она не могла поверить. Проиграла. Слезы иссякли, боль ушла или, скорее, затихла и уснула, как пантера после охоты, готовая вновь напасть при случае. Китрин не чувствовала ровно ничего. Как будто умерла.

Проиграла. И ревизор уже в пути.

Солнце проползло по небу, миновало зенит, склонилось к закату. Китрин села на постели. Звуки улицы стали иными — ленивый, неспешный шум знойного дня сменился оживленными вечерними голосами. Хотелось в уборную, но сама мысль показалась смешной: после пролитого пота и слез вряд ли в теле еще осталась жидкость. Однако природа требовала своего, и когда нужда стала нестерпимой, Китрин поднялась и отыскивала

ночную посудину.

Тело, которое заставили встать, дальнейшим движениям поддавалось уже легче. Стянув с себя рубашку, Китрин бросила ее на пол и взяла легкое вышитое платье — подходящее хотя бы потому, что само попало в руки. Одевшись, Китрин спустилась по ступеням и вышла на улицу, даже не заперев за собой дверь.

В харчевне все ставни стояли отворенными, морской ветерок продувал помещение насквозь. Свечей и светильников не зажигали, чтобы не добавлять жара, и в комнатах даже при солнце царил полумрак. Служанка была знакомая — полнолицая, со спадающей до лопаток гривой черных кудрей. Вокруг ее ног беспокойно приплясывал миниатюрный пес. Китрин пересекла зал, прошла к своему столику — и с удивлением обнаружила, что за драпировкой кто-то сидит.

Кахуар Эм.

Китрин, принудив себя шагнуть вперед, села напротив. Отвязавшийся ставень дважды хлопнул по стене и замер.

— Добрый вечер, — мягко приветствовал ее ясурут, обратив к ней невеселое лицо. На столе стояла початая кружка пива.

Китрин не ответила. Кахуар прищелкнул языком.

— Я надеялся, что ты со мной поужинаешь и выпьешь вина. Примешь извинения. Наместнику не стоило тебя приглашать.

— Я ничего от тебя не хочу.

— Китрин...

— Не хочу ни видеть тебя, ни слышать никогда в жизни, — четко и отдельно выговорила Китрин. — Если ты ко мне приблизишься, я велю капитану моей стражи тебя убить. И он убьет.

Лицо Кахуара посуровело.

— Вот как. Я разочарован. Я был о тебе лучшего мнения.

— Ты? Обо мне?

— Да. Я думал, ты выше истерик. Очевидно, ошибался. Могу напомнить, что ты сама напросилась ко мне в постель и сама кралась ночью через мои покои. Обвинять меня в том, что я это предвидел, глупо и смешно.

«Ты просто не знаешь, что это было! — чуть не крикнула Китрин. — Ты не знаешь, насколько мне важен контракт! У меня хотят отобрать банк!..»

Кахуар встал и положил на стол три монетки в уплату за пиво. Солнечный луч скользнул по грубой бронзовой коже, и ясурут словно на миг постарел. Этим летом Китрин исполнилось восемнадцать. Ему — тридцать пять.

— Мы негоцианты, магистра. Я сожалею, что новость оказалась неприятной, но я рад, что добыл этот контракт для старейшин моего клана. Надеюсь, остаток вечера ты проведешь приятнее.

Оттолкнув скамью, так что дерево закрипело по каменному полу, ясурут обошел вокруг Китрин.

— Кахуар, — резко позвала она.

Ясурут остановился. Китрин собралась с духом — слова, будто отлитые из свинца, застревали в горле.

— Прости, что я тебя предала. Пыталась предать.

— Ничего. Мы всего лишь играем в игру.

Чуть позже появилась служанка, сгребла монеты и забрала кружку Кахуара. Китрин подняла на нее глаза.

— Вам как обычно, магистра?

Китрин покачала головой. Грудь давило словно камнем. Подняв руку, она с удивлением обнаружила, что чепец все еще на ней. Она стянула его с головы, распустила волосы и отколола серебряную булавку с лазуритом — та заблестела в полутьме. Служанка моргнула.

— Какая красота, — только и выдохнула она.

— Возьми, — велела Китрин. — Принеси мне чего-нибудь за эту цену.

— Магистра?..

— Крепленого вина. Деревенского пива. Все равно.

Верховный жрец, называемый Басрахип — имя это или должность, Гедер так и не понял, — откинулся на спинку железного стула, обтянутого кожей, и потер мощными пальцами лоб. Вокруг мигали и потрескивали свечи, наполняя воздух запахом горящего жира. Гедер облизнул губы.

— Мой первый учитель был тралгутом, — сказал он.

Басрахип нахмурился, оглядел Гедера и покачал широкой головой. «Нет». Гедер восхищенно перевел дух и попробовал снова.

— Я учился плавать на морском побережье.

Широкая голова медленно качнулась. «Нет».

— В детстве у меня был охотничий пес. Его звали Мо.

Верховный жрец блаженно улыбнулся, обнажив почти нечеловечески крупные зубы, и ткнул пальцем в грудь Гедеру.

— Да, — сказал он.

Гедер со смехом захлопал в ладоши. Верховный жрец демонстрировал свое умение не впервые, однако юноша не уставал изумляться. О чем лгать, каким голосом при этом говорить, жестикулировать ли, менять ли интонацию — все равно: жрец-великан всегда отличал правду от выдумки, ни разу не ошибившись.

— Это и вправду дар богини? — спросил Гедер. — Она не упоминается ни в каких источниках. Праведного Слугу считают творением Морада, по аналогии с тринадцатью расами и драконьими дорогами.

— Нет. Мы были раньше драконов. Когда соткалась великая паутина и на ней разместились звезды, богиня уже существовала. Синир Кушку — ее дар верным. А когда пришло великое бедствие, драконы устрашились ее власти. Они сражались между собой за дружбу и покровительство Синир Кушку. Великий Морад обманом хотел заключить союз, но стоило вероломству зародиться в его сердце — богиня это увидела. И привела нас сюда, в безопасное место вдали от мира и войн. Когда наступит время — мы вернемся.

— Никогда о таком не читал, — заметил Гедер.

— Ты во мне сомневаешься? — тихо спросил Басрахип своим мягким, странно вибрирующим голосом.

— Нет, что ты, я просто изумлен! Целая эпоха раньше драконов! Об этом никто не писал. По крайней мере мне не попадалось.

За каменными стенами комнатухи уже высыпали звезды, месяц заливал сиянием каскады валунов. Гедеру вдруг представилось, как огромный каменный дракон, распростерший крылья над стеной храма, шевельнул крыльями и повел головой из стороны в сторону. Странные зеленые сверчки, которыми здесь кишело все вокруг, завели свою жутковатую песню. Гедер, обхватив руками колени, улыбнулся.

— Ты даже не представляешь, как я счастлив найти ваш храм, — признался он.

— Ты — благородный муж великого народа, — вымолвил верховный жрец. — Я рад, что ты проделал такой путь и отыскал нашу скромную обитель.

Гедер в смущении только отмахнулся. Чуть не целый день он объяснял, что «князь» в нормальных землях — вполне определенный титул и не может относиться к кому попало, даже если Гедер и впрямь происходит из знатной семьи. Всю жизнь к нему обращались

«лорд» и «милорд», и хотя слова «благородный муж великого народа» означали примерно то же, такое титулование вызывало изрядную неловкость.

Басрахип встал и расправил плечи. Откуда-то донесся резкий голос, созывающий на ночную молитву. Гедер решил было, что Басрахип откланяется и поспешит возглавить ритуальное служение, однако тот задержался в дверях. Неверный огонь свечей оставлял его глаза в тени.

— Скажи мне, лорд Гедер. Что главное ты надеялся здесь найти?

— Ну, я хотел выяснить, сумею ли отыскать горы Синир и какие-нибудь сведения о Праведном Слуге для умозрительного трактата, который я задумал.

— Это и есть главное?

— Да, — кивнул Гедер. — Оно самое.

— И теперь, когда ты все нашел, ты этим удовлетворишься?

— Конечно.

Великан устремил на него неподвижный взгляд, и Гедер почувствовал, как лицо и шею заливают жаром. Молчание Басрахипа длилось чуть не вечность.

— Нет, — наконец произнес он мягко. — Нет, тебе нужно кое-что иное.

* * *

Пребывание в храме слилось для Гедера в один удивительный, ошеломляющий сон. Два первых дня он провел в широком дворе между зданием храма и ограждающей стеной с воротами: стоя в окружении дюжины длинноволосых бородатых жрецов в светлых одеждах, он с утра до ночи рисовал карты и пытался пересказывать многовековую историю мира. На многие вопросы он попросту не знал ответов. Как устанавливали границу между Астерилхолдом и Нордкостом? Кто владеет островами к югу от Биранкура и к западу от Лионеи? Почему первокровные считают родной землей Антею, цинны — Принсипс'Аннальдэ, тимзины — Элассу, а у тралгутов и дартинов нет своей страны? Почему тимзинов зовут букашками, куртадамов звякалками, ясурутов медяками? Как называют первокровных и кто их враги?

Жрецов почему-то особенно интересовали тимзины. Гедер всегда считал, что знает о них много, однако жрецы спрашивали явно больше, чем он мог рассказать. Неловкость скрашивалась лишь тем, что смуглые служители богини радовались даже мелким подробностям, а любой рассказанный Гедером случай выслушивали с искренним восторгом.

Мало-помалу он начал рассказывать и собственное прошлое — о детстве в Ривенхальме, об отцовских делах и придворной жизни в столице, о ванайской кампании и пожаре, о мятеже наемников в Кемниполе, о путешествии в Кешет...

Когда жар солнца становился нестерпимым, жрецы приносили широкий кожаный полог и растягивали его на деревянных опорах — над Гедером словно возносилась ограждающая его ладонь. Во двор вытаскивали широкогорлые глиняные горшки с влажным песком, куда клали сосуды с водой — так она оставалась прохладной. Когда солнце заходило за горы, издалека доносился резкий клич и беседа прекращалась. Слуги Гедера тогда разбивали палатку, а сами укладывались спать рядом на земле. На третий день, когда Гедер уже боялся, что голос ему откажет, явился Басрахип — или все-таки «басрахип»? — и сделал знак следовать за ним. Вместе с великаном Гедер поднялся по каменной лестнице,

отполированной кожаными сандалиями многих поколений жрецов, и вошел в просторное помещение — то ли устье пещеры, то ли коридор.

Удивленный Гедер, ожидавший увидеть резные стены, не обнаружил ни малейшего следа резца или зубила, словно пещеры появились сами по себе, заботливо выращенные горами специально для людей, которым понадобятся внутренние покои. В арках горели бумажные и пергаментные светильники, бросающие свет на каменный пол и сводчатые потолки. В воздухе висел густой запах, природы которого Гедер так и не распознал, — странное сочетание навоза и пряностей. Жара была почти удушающей. Путь, вьющийся многочисленными изгибами и поворотами, наконец расширился, и верховный жрец отступил в сторону.

Огромный зал имел в высоту не меньше двадцати человеческих ростов, свод терялся в темноте чернее ночи, над присутствующими возвышалась резная статуя огромного паука из чеканного золота, освещенная сотней факелов. Несколько десятков жрецов стояли коленопреклоненно у ног статуи, сложив руки на плечах и повернув головы к Гедеру. Юноша, раскрыв рот, застыл на месте, пораженный величием зрелища, недоступного никаким королям.

— Богиня, — пояснил Басрахип, голос его разнесся эхом по всему залу. — Владычица истины и бессменная правительница мира. Она осеняет нас своим присутствием.

Гедер даже не заметил, как рука верховного жреца коснулась его плеча и мягко, но непреклонно заставила опуститься на колени — собственное движение показалось Гедеру обыденным и естественным.

Позже его отвели в покои. Сквозь двери и окна, попадавшие по пути, Гедер видел пещеры, прорезанные в горе, — каждая как отдельная комната, иногда как две соединенные. Оруженосец принес ему таз для мытья, книги, походный столик и светильник, который сам и зажег. Той ночью Гедер лежал в темноте, завернутый в одеяло, и от возбуждения не мог заснуть. Единственным разочарованием стало то, что в храме не оказалось библиотеки.

На четвертое утро вновь пришел Басрахип — тогда-то и начались их разговоры, с тех пор не прерывавшиеся ни на день.

— Не понимаю, зачем вам прятаться.

— Вправду не понимаешь? — переспросил Басрахип.

Они шли по узкой, вымощенной кирпичом тропке, которая вела к храмовому колодцу.

— У вас же есть Праведный Слуга, — продолжал Гедер. — Живя в мире, вы бы легко распознали, правдивую ли цену называет купец. Или предадут ли вас слуги. А при дворе! Столько возможностей!

— Потому-то мы и скрываемся. Когда мы участвовали в мирских делах, мы получали и награду. Резню или огонь. Те, кого не коснулась богиня, живут только обманом, для них услышать наш голос — значит погибнуть, прекратить прежнюю жизнь. Недруги богини многочисленны и безжалостны.

Гедер поддел ногой камешек, тот покатился вперед и вниз. Солнце жгло лицо и плечи.

— Но вы же хотите выйти обратно, — напомнил он. — Ты сказал, что вернетесь, когда наступит время.

— Так и случится, — подтвердил верховный жрец. — Когда нас забудут.

Они подошли к колодцу — круглому отверстию в земле, окруженному каменным бордюром. В колодец уходила веревка, привязанная к воткнутому рядом шесту.

— Да вас и без того уже забыли, — заметил Бедер, однако верховный жрец продолжал как ни в чем не бывало:

— Когда исцелятся раны давней войны и мы будем ступать по земле без страха, Она пошлет нам знак. Отделит чистых от нечистых и положит конец эре неправды.

Басрахип присел на корточки и стал вытаскивать веревку, перебирая руками, пока не показался мокрый конец. Ведро, некогда медно-желтое, теперь подернулось зеленью. Басрахип, поднеся его к губам, принялся пить, капли стекали из угла рта. Гедер неловко переступил с ноги на ногу. Верховный жрец поставил ведро на край колодца и утер губы.

— Ты чем-то обеспокоен?

— Я... Нет, — пробормотал Гедер.

Басрахип улыбнулся, не отрывая от юноши взгляда темных глаз.

— Послушай меня, лорд Паллиако. Вслушайся в мой голос. Ты можешь мне доверять.

— Я только... Можно мне тоже воды?

Басрахип поднял ведро, и Гедер, обхватив медные бока обеими руками, принялся медленно пить. Прохладная вода пахла металлом и камнем. Напившись, он отдал ведро Басрахипу, тот занес его над колодцем и отпустил. Веревка зазмеилась вниз, и вскоре послышался плеск — неожиданно громкий.

— Ты можешь мне доверять, — повторил верховный жрец.

— Я знаю.

— Расскажи мне. Ничего дурного из-за этого не случится.

— Рассказать что? Я не очень понимаю, о чем речь.

— Прекрасно понимаешь, — заметил великан, поворачивая обратно к храму. Гедер поспешил с ним поравняться. — Почему ты пошел искать Синир Кушку? Что тебя сюда привело?

— То есть...

— На протяжении многих веков к нам приходили другие. Те, кто наткнулся на нас случайно. Ты же намеренно нас искал. Что тебя сюда привело?

Двое жрецов помоложе прошли мимо, направляясь к колодцу. Гедер хрустнул пальцами и нахмурился, вспоминая, с чего все началось. Когда он впервые услышал легенду? Впрочем, какая разница...

— Везде и всегда, — начал он, медленно подбирая слова, — мне встречалась только ложь. Я не знаю, кто мои друзья. Честно. Не знаю, кто отдал мне Ванайи. Или кому и кемниполе выгодна моя смерть. Как будто при дворе все играют в игру, а я единственный не знаю правил.

— Ты не обманщик.

— Отчего же. И лгал, и скрывал. Я знаю, как это легко.

Басрахип остановился и присел на валун, широкое лицо оставалось спокойным, даже безмятежным. Гедер скрестил руки, в груди закипел гнев.

— Я всегда был пешкой в чужих играх. Кого еще сажать в уборной на подпиленные доски? Кого поднимать на смех? А книга? Алан Клинн сжег мою книгу!

— Потому ты к нам и пришел?

— Да. Нет. То есть... В детстве я придумывал себе истории, как в старых сказаниях. Где я веду армию в заведомо проигрышную битву и побеждаю. Или спасаю королеву. Или спускаюсь в преисподнюю и похищаю свою мать из царства мертвых. А действительность раз за разом меня разочаровывала. Знаешь, как это бывает?

— Знаю, — кивнул верховный жрец. — Ты пришел сюда не ради трактата, лорд Гедер. Ты пришел отыскать нас. Меня.

Губы Гедера сами собой скривились в мрачной, жесткой усмешке.

— Да. Потому что я хочу знать правду. Потому что мне до смерти надоело гадать и недоумевать. Вокруг меня только ложь, предательство и чьи-то игры. Я хочу стать тем единственным, кто может все пресечь и увидеть истину. Я читал про конец всех сомнений.

— Удовлетворишься ли ты одним лишь знанием?

— Да, — ответил Гедер.

Басрахип помолчал, вслушиваясь. Вокруг них покружила муха, присела на широкую голову жреца — и вновь улетела.

— Нет, — сказал Басрахип, поднимаясь на ноги. — Иного ты ищешь. Однако тебе осталось немного, лорд Гедер. Совсем немного.

— Я слышал их разговоры, — прошептал слуга. — Нас убьют во сне.

Гедер сел на постели, в комнате царил мрак. Перешептывание явно предназначалось не для его ушей — останься он лежать, дальнейшего бы и не расслышал. Юноша подкрался к двери и сел, прижавшись спиной к стене. Слуги теперь шептались всего шагах в пяти от него.

— Прекрати болтать ерунду, — одернул говорящего оруженосец. — Сам себя запугал.

— А вот и нет, — возразил первый голос громче и резче прежнего. — Неужели им нужно, чтобы кто-то о них знал? Неужели они забились на край света только ради того, чтобы ждать гостей?

Третий голос что-то пробормотал, Гедер не расслышал.

— И пусть их, — ответил первый голос. — Я слышал, что он сжег Ванайи по чистой прихоти. И смеялся, глядя на пожар.

— Еще одно непочтительное слово о его милости — и убьют тебя совсем не эти песчаные мартышки в монашеских балахонах, — заявил оруженосец. — Мне проще победить сотню самозванных богов, чем сказать ему слово поперек.

Гедер крепче обхватил колени, ожидая, что вот сейчас-то в очередной раз нахлынет боль, — однако остался на удивление спокоен. Ни боли, ни даже злости. Он поднялся, уже не заботясь, услышат его или нет; слуги за дверью тут же притихли, но ему было все равно — проклинают ли, верны ли, живы ли... Ощупью найдя одежду, он натянул рубаху и штаны. Со шнурами особо не возился: приличия соблюдены — и ладно. Басрахип не осудит.

Он вышел под ночное звездное небо, переступив через слуг, которые усиленно притворялись спящими, и свернул к тропке, ведущей вдоль склона. Земля холодила ступни, камни впивались в кожу. В первой же попавшейся комнате он растолкал спящего монаха.

— Отведи меня к Басрахипу, — велел он.

Верховный жрец спал где-то в глубинах храма, в совершенно темных покоях, на слишком коротком для него тюфяке. Монах, приведший Гедера, поставил на пол свечу и, отвешивая поклоны, попятился к выходу. Басрахип подтянул огромную ногу под огромное туловище и сел, проницательно глядя на Гедера совершенно не сонными глазами. Юноша кашлянул.

— Я тут все думал. Над твоим вопросом. Я хочу подчинить себе двор. Хочу, чтобы поплатились те, кто меня использовал для своих игр. Хочу их унижения, чтобы весь мир показывал на них пальцем и потешался.

Верховный жрец не двинулся, лишь медленно расползлись в улыбке губы. Подняв массивный палец, он ткнул им в сторону Гедера.

— Да. Да, ты хочешь именно этого. И теперь скажи мне — мой друг, мой брат, — тебе этого будет довольно?

— Для начала — да.

Верховный жрец откинул голову и зашелся в громовом хохоте, при свете свечи зубы сияли белизной, как слоновая кость. Обернувшись одеялом, он встал, и Гедер вдруг понял, что сам улыбается в ответ. Высказать наконец давнее желание и увидеть, что его правильно поняли, было все равно что сбросить с груди давящий камень.

— Я надеялся, лорд Гедер, — проговорил жрец. — С того самого мига, как увидел тебя — благородного мужа из великого народа, я надеялся, что время настало. Что ты станешь тем знамением, которое пошлет нам богиня. И ты им стал. Брат Гедер, ты и есть знамение. Ты нашел свою истину, и если ты ее восславишь, то я исполню что должно.

— Восславить?..

— Кемниполь. Великий город в сердце твоей империи. Поклянись, что воздвигнешь там храм — первый храм новой эры, свободной от лжи и сомнений. И тогда я пойду с тобой, и через меня...

Великан протянул руки ладонями вверх — свет стоящей на полу свечи затмился, словно верховный жрец протягивал Гедеру полные горсти тьмы. На губах юноши по-прежнему играла счастливая улыбка, сердце переполнялось легкой беззаботностью, какой Гедер не знал с того дня, когда полгода назад выгребал горсти драгоценностей из спрятанных во льду ларцов.

— И через меня, — закончил верховный жрец, — она даст тебе то, чего ты желаешь.

Клара Аннали Каллиам, баронесса Остерлингских Урочищ

— Моя госпожа, — встретил ее поклоном раб-привратник.

— Доброе утро, Андраш, — ответила тралгуту Клара, распрямляя спину после дороги. — Не представляешь, как приятно вновь очутиться в городе. Поместье, конечно, прекрасно, но не в летнюю жару. Винсен сейчас... Ты ведь помнишь Винсена? Он займется выгрузкой вещей, пришли кого-нибудь ему на помощь.

— Хорошо, госпожа. Ваши сыновья в летнем саду.

— Сыновья?

— Капитан Барриат приехал на этой неделе, — пояснил раб.

— Джорей и Барриат под одной крышей? Нелегко тебе пришлось.

Привратник улыбнулся:

— Рад, что вы приехали, госпожа.

Клара потрепала тралгута по плечу и, оставив позади жаркую площадь, вошла в прохладный затененный особняк. Сразу же бросилась в глаза неухоженность: цветы в передней завяли, на полу не убран нанесенный ветром песок, воздух затхлый. Джорей то ли слишком потакает слугам, то ли просто становится забывчив, как отец, — в любом случае надо что-то делать.

Голоса сыновей Клара услышала еще раньше, чем вошла в сад: резкий требовательный тенор Джорея и хлесткие, как плевки, ответы Барриата. С самых пор, как Джорей научился говорить, братья стали непримиримы, как дождь и пламя, однако преданность их друг другу от этого не пострадала. Ровно то же у Клары некогда было с родной сестрой: «никто не причинит ей вреда, кроме меня, — и я ее когда-нибудь уничтожу». Любовь порой бывает страшна.

На лестнице, ведущей в летний сад, Клара остановилась.

— Ты все чудовищно упрощаешь, — горячился Джорей. — Происходят разом сотни событий, и притом взаимосвязанных. Теперь, когда фермерского совета точно не будет, грозит ли нам хлебный бунт? Если в Нордкосте и вправду грянет очередная война за наследство, то отвлечется ли на нее Астерилхолд и оставит ли нас в покое? Приведет ли появление новых халлскарских кораблей к тому, что усилится пиратство в Эстинпорте и уменьшится в Тауэндаке? Нельзя все сводить к одному, мир гораздо сложнее!

— Выбор не так многообразен, как ты думаешь, — возразил Барриат. — Тебе не найти никого, кто выступает против фермеров и одновременно поддерживает Астерилхолд. Одно зависит от другого. Нет таких семей, которые осуждают межрасовые браки и при этом торгуют с Борхией. Король — не скульптор при нетронутой глыбе камня, он не может создать фигуры по своему разумению. Он как покупатель, который приходит к скульптору и выбирает из готового.

— И ты считаешь, что принц для него — единственный способ явить благосклонность?

— Единственный, который хоть что-то значит. Если его величество осыплет Даскеллина немислимыми дарами и почестями, а принца Астера все же отдаст на воспитание Маасу — то понятно, что в будущем судьба королевства будет решаться под влиянием Мааса. Потому-то Иссандриан и...

— Но если король...

Голоса скрестились, братья не слушали один другого, две цепочки доводов на глазах свивались в единый тугий узел. Клара шагнула в сад и картинно уперла руки в бока, притворяясь рассерженной.

— Вот как они встречают бедную мать! И почему я не велела отнести обоих в лес, чтоб вас выкормили волки?

Братья расцвели улыбками и подбежали обниматься — совсем взрослые, крепкорукие, пахнущие мускусом и маслом для волос, а ведь еще недавно она держала их на руках... Перебивая один другого, они вновь заспорили, только теперь не о придворной политике, а о том, стоило ли ей приезжать. Клара, улыбаясь обоим, сошла в зеленый, цветущий бледными цветами сад. Фонтан по крайней мере починили, теперь вода с плеском стекала по отлитой из бронзы фигуре задумчивой полураздетой циннийки. Усевшись у фонтана, Клара принялась снимать дорожную накидку.

— Ваш отец, бедняга, места себе не находит оттого, что не может выбраться из дома, так что я вызвалась хоть как-то создать видимость нормальной жизни. Из-за этих дурацких выходов я пропустила большую часть придворного сезона, и я просто обязана увидеться с дорогой Фелией.

Джорей, опершись плечом на увитую плющом стену, скрестил руки и нахмурился — точная копия отца. Барриат со смехом присел рядом с Кларой.

— Как же я по тебе соскучился! Какая другая женщина назовет дурацкой выходкой вооруженный конфликт на улицах Кемниполя, первый за пять поколений?

— Я не меньше других сочувствую бедному лорду Фаскеллану, — отрезала Клара. — Однако оставляю за собой право называть выходку дурацкой, и никакой иной.

— Не горячись, мама, — успокоил ее Барриат. — Ты, конечно, права, просто, кроме тебя, такое никто не смог бы сказать.

— Не понимаю почему, — пожала плечами Клара.

— А отец знает, что ты собираешься к Маасу? — спросил Джорей.

— Знает. И, к твоему сведению, меня все время будут охранять, так что можешь не рассказывать мне ужасов про лорда Мааса и его страшные планы относительно меня.

Братья переглянулись.

— Мама, — начал было Джорей, однако Клара остановила его движением руки и обернулась к старшему сыну.

— Барриат, милый мой, ты ведь только что с флотской службы? Как поживает бедный лорд Скестинин и та крашенная ведьма, на которой его угораздило жениться?

Улицы города кишели народом, по брусчатке грохотали кареты, на рынке расхваливали свой товар торговцы хлебом и мясом, мелкие преступники под присмотром королевских мечников убрали нечистоты из проулков и с мостовых. На вишневых деревьях, растущих вдоль улиц, зеленые плоды уже вот-вот грозили налиться соком. Над Разломом покачивались на веревках рабочие, ремонтирующие мосты. Город играл теми же красками, звуками и запахами, что и в лучшие времена, однако казался согбенным под тяжестью окутавшего его страха. Клара никогда не думала, что такое возможно, — однако, как видно, ошибалась.

Страх был виден в мелочах: слишком охотно смеялись купцы, слишком оживленно переругивались на улицах прохожие, а стоило собеседнику отвернуться — лица тут же застывали в каменной сосредоточенности. Даже лошади пахли по-другому, раскрывали глаза

шире обычного, ступали не так уверенно.

Для визита Клара выбрала открытые с боков носилки, которые тащили четыре раба, рядом шагал Винсен Коу. Перед самым отъездом из Остерлингских Урочищ что-то случилось с его глазом, и теперь синяк растекался по щеке зеленью и желтизной. На поясе поверх плотной кожаной куртки, усеянной стальными заклепками, красовались сразу и меч, и кинжал — для обычного егеря многовато, так что вместе с синяком они придавали Винсену вид чуть ли не разбойничий.

Особняк Фелдина Мааса выходил на ту же площадь, что и дворец Иссандриана. Ворота обоих домов украшала одинаково вычурная ковка, сами здания с кричащей отделкой напоминали торты, вышедшие из-под рук обезумевшего кондитера. Куртин Иссандриан сейчас отбывал ссылку, как и Доусон, только он увез из города и семью, и слуг. Клара вспомнила своего дядю Милуса, который в молодости получил удар в голову и оставшуюся жизнь проходил с наполовину недвижимым лицом. Площадь между особняками выглядела сейчас почти так же: шумная и деятельная в левой половине и мертвенно-пустая справа.

Фелия стояла на вершине парадной лестницы в пурпурном бархатном платье, вышитом серебром по рукавам и вороту. Когда-то оно, должно быть, ей шло. Клара отдала лакею шаль и поднялась к Фелии.

— Клара, дорогая, — заговорила та, с вымученной улыбкой беря кузину за руки. — Я так по тебе скучала, не передать. Такой ужасный год! Входи же.

Клара кивнула рабу-привратнику — вместо привычной дартинки у входа стоял сурового вида ясурут, который не поклонился в ответ. Уже на пороге залы Клара услышала его окрик:

— Эй ты! Стоять!

Измученная таким обращением к своей персоне, она обернулась — и увидела, что окрик предназначался Винсену Коу: ясурут, вскочивший на ноги, держал ладонь у груди Винсена, преграждая путь. Егерь вдруг сделался неестественно спокоен.

— Он со мной, — бросила Клара.

— С оружием нельзя, — рявкнул раб-привратник. — Стоять здесь.

— При всем уважении, миледи, это исключено, — заявил егерь, по-прежнему не отрывая глаз от ясурута.

Клара прижала ладонь к щеке. Фелия разом побледнела, руки ее беспорядочно зашевелились, как испугнутые птицы.

— Тогда оставьте здесь клинки, — велела Винсену Клара и тут же обернулась к кузине: — Надеюсь, мы можем положиться на законы гостеприимства?

— Конечно, — торопливо согласилась Фелия. — Конечно же. Безусловно.

Винсен Коу на миг замер, и Клара не могла не согласиться: заверения Фелии звучали бы куда убедительнее, не будь повторены трижды. Помедлив, Винсен потянулся к поясу, расстегнул пряжку и вместе мечом и кинжалом вручил пояс привратнику. Ясурут кивнул, разрешая пройти.

— Ты, кажется, похудела, пока мы не виделись, — заметила Клара, шагая рядом с кузиной. — Ты здорова?

Фелия в ответ улыбнулась так криво, что улыбка превратилась в гримасу.

— Здесь так беспокойно! С тех самых пор, как король выслал Куртина и Алана. И вас, конечно. После этого стало тяжело. Фелдин почти не спит. Лучше бы все продолжалось по-прежнему.

— Мужчины, — вздохнула Клара, беря кузину за руку. Фелия отпрянула было, но,

словно что-то припомнив, ответила на прикосновение кивком. Клара продолжала: — Доусон тоже сам не свой. Радуетя обрывкам любых сплетен. Мир сошел с ума.

— Я люблю короля и храню верность престолу, — пролепетала Фелия. — Но Симеон делает что-то не то. Правда ведь? Сначала скандал, потом король отправляет придворных в ссылку — теперь все подозревают самое страшное. Разве так можно...

Хозяйка свернула к широкому пролету черной полированной лестницы, и на самом повороте Клара услышала мужские голоса — кто-то спорил в дальнем конце зала. Один голос — Фелдина Мааса, второй тоже странно знакомый, слов не слышно... Клара поймала взгляд Винсена Коу и кивнула в ту сторону: разузнай что можно.

Егерь качнул головой: нет.

Клара подняла брови, но Фелия уже дошла до площадки лестницы и повела рукой в сторону широкой гостиной.

— Подождите здесь, — велела Клара, проходя в двери.

— Как прикажете, миледи, — кивнул Винсен Коу и, повернувшись спиной к стене, застыл в позе стражника, к досаде Клары всем видом показывая, что ничего разведывать не будет.

Гостиную с прошлого визита Клары успели заново отделать в красных, с золотом, тонах, однако ее любимый диван у окна оставили на том же месте. Как заботливая хозяйка, Фелия уже приготовила кухне трубку из дерева и кости, так что Кларе оставалось лишь набить ее табаком.

— Не знаю, что теперь делать, — не унималась Фелия. Она села на диван и, подавшись вперед, зажала ладони между колен, как ребенок. — Уговариваю себя, что все не так плохо, а потом просыпаюсь среди ночи и не могу глаз сомкнуть. И Фелдина вечно нет. Ложится вместе со мной, но стоит мне уснуть — опять идет разбирать какие-то письма, с кем-то совещаться...

— Времена тяжелы, ничего не скажешь, — поддакнула Клара, зажигая трубку от специально поставленной тонкой серебристой свечи.

— Принца собирались отдать на воспитание Куртину, — продолжала Фелия. — А теперь Куртин в ссылке, все дерутся за право быть опекуном Астера. Вроде бы... Вроде бы его могут отдать Фелдину. И я буду воспитывать принца. — Фелия хихикнула. — Представляешь? Я — и воспитывать принца.

— Астер всего лишь мальчишка, у меня таких трое. Когда растишь мальчиков, самое главное — держать подальше хрупкие предметы.

— С мужчинами то же самое, — вздохнула Фелия. — Они тоже не видят, что и как разбивают.

Клара пососала чубук и выпустила клуб сладкого серого дыма.

— В том-то и дело. Придворные разбирательства касаются не только нас, они затрагивают Нордкост и Астерилхолд. Да и Саракал с Халлскарром тоже не останутся в стороне.

— Я знаю.

— А в таком случае, — нарочито беззаботно продолжала Клара, — что нам с этим делать?

— Не знаю, почему всех это так волнует. Астерилхолд, Антея и Нордкост веками подчинялись верховным королям, все между собой переженились... Если подумать — мы ведь в сущности одно королевство...

— Как верно! — кивнула Клара, пересаживаясь поближе к кухне, которая теперь сосредоточенно расправляла платье, обирая с ткани несуществующие нитки.

— Я просто не понимаю, почему столько разговоров о мечниках, лучниках и прочем. Разве битвы кому-то нужны? Что проку в войнах? Мы ведь, в сущности, одно королевство!

— Да, но пока есть престол в Кемниполе и другой престол в Калтфеле, всегда найдутся охотники побряцать друг перед другом мечами, — заметила Клара. — Ведь так?

Фелия вздрогнула, стиснув колено так, что побелели костяшки пальцев. Интересно...

Клара кашлянула и, словно не заметив, продолжала как ни в чем не бывало:

— Трудность в том, чтобы дать всем шанс сохранить лицо без особых потерь. И нам нужно придумать выход. Я знаю, Доусон согласится на примирение лишь в том случае, если ему не придется ни перед кем гнуть шею. Подозреваю, что твой Фелдин таков же.

— Фелдин на это не пойдет. Он уже чувствует себя победителем, и если принц вправду у нас поселится...

Клара ждала.

— Ты ведь знаешь, как я восхищаюсь Доусоном, — продолжала Фелия. — Он всегда такой стойкий и преданный. Даже если был резок с Фелдином — то не из-за злобы или вражды, а лишь оттого, что пытается сделать мир лучше.

— Ну, совсем беззлобным я бы его не назвала, но я понимаю, о чем ты говоришь.

Фелия нервно хихикнула.

— А ты слыхала, что Рания Хирен беременна? — спросила она. Клара ми поколебалась, однако решила, что можно позволить кухне сменить тему.

— Опять? Который по счету раз?

— Восьмой, если считать только живых. Трое родились мертвыми.

— Поражаюсь, как у нее хватает сил, — заметила Клара. — Сердце у нее добрейшее, она ужасно мила, но после близнецов стала походить на половую тряпку. Она не виновата, конечно, просто кожа такая.

— У меня такая же, — призналась Фелия. — Страшно подумать, что со мной станет после первых родов.

— Ты молода, моя дорогая, еще сумеешь восстановить фигуру. Будет ли слишком рискованно спросить, как продвигаются дела в этом направлении?

Фелия покраснела — и явно расслабилась: альковные сплетни и тайны женского тела обсуждать неприлично, зато они безопаснее политики и военных слухов. Целый час Клара позволила ей болтать о пустяках, но постоянно давала кухне шанс вернуться к разговору о мужьях и той угрозе, что нависла над городом, как дым от пожара. Однако Фелия ни разу не сменила тему — что само по себе говорило о многом.

Когда пришло время откланяться, Клара обнаружила хмурого Винсена Коу на прежнем месте. По пути к выходу Фелия, не выпуская руки Клары, прижималась к ней все теснее: очевидно, разговор ее успокоил, в то время как Клара за время визита успела только больше насторожиться. На выходе привратник-ясурут вернул Винсену оружие, и кухни напоследок обнялись. Носилки уже ждали наготове, лакей подал Кларе шаль. И, только сделав последнюю затяжку уже на выезде с площади, Клара поняла, что случайно унесла с собой трубку Фелии.

— Вы, как я подозреваю, подслушивали? — спросила она Винсена, выбивая трубку о край носилок с противоположной от него стороны. Приходилось кричать, чтобы перекрыть уличный шум.

— Вовсе нет, миледи.

— Винсен, я ведь не идиотка. Сколько вы слышали?

Винсен пожал плечами.

— Почти все, миледи. Она понизила голос, когда говорила о своих трудностях с зачатием, и вы почти заглушили смехом новости о любовнице лорда Соннена.

— Значит, первую часть вы слышали? О наших мужьях?

— Да.

— Как вы думаете, почему ее так заботит история Астерилхолда и Антеи? «Мы ведь, в сущности, одно королевство»?

— Рискну предположить, миледи, что она ждет, когда они вновь объединятся.

Винсен поднял на нее взгляд, и его лицо — мрачное, бдительное, спокойное — лучше любых слов сказало ей, что перед ней союзник. Несмотря на кровные и брачные узы, прежнюю историю и нынешнюю политику, Антея не может объединиться с Астерилхолдом, пока живы Симеон и Астер. И Фелия, при всех ее умолчаниях, все же считала объединение возможным. Даже желательным. А принц Астер будет жить под ее крышей.

Значит, Фелдин Маас и его чужеземные банкиры собираются убить принца.

— Что ж, — вздохнула Клара. — Вот и конец моему миротворчеству.

Ветер грохотал ставнями и свистел в окнах, утреннее солнце светило невыносимо ярко. От мира тошнило. Китрин перевернулась на бок, прижав руку к горлу. Вставать, а уж тем более идти на главный рынок категорически не хотелось: она умрет при первой же попытке поднять голову.

Откуда-то из глубины памяти всплыла мысль, что оставаться дома нельзя. Нужно идти в кафе, потому что...

Потому что...

Китрин пробормотала ругательство и тут же, не открывая глаз, медленно повторила его громче, растягивая звуки. Назначена встреча. Представитель гильдии кожевников явится поговорить о страховке кораблей на следующее плаванье. Считанные дни, не больше полумесяца, — и трижды проклятые корабли уйдут в море, пока не кончилась навигация. Обогнут побережье, причалят в северных портах, заключат сделки, потом встанут на зимовку дожидаться, когда суда из Дальней Сирамиды пристанут к Наринландии, и все начнется сначала. И будет повторяться вновь и вновь, год за годом, до скончания века, совершенно независимо от того, встанет Китрин или нет.

Она приподнялась на постели. Вокруг царил беспорядок, на полу валялись бутылки и пустые бурдюки. Очередной порыв ветра хлестнул в окна, воздух в комнате дрогнул, к горлу Китрин вновь подкатила тошнота. Девушка медленно встала и прошлась по комнате в поисках хоть какого-нибудь платья, не пропавшего потом; заодно обнаружилось, что ночью она опрокинула ночной горшок — лужица холодной мочи угрожала оставить пятно на деревянном полу. Из относительно чистой одежды остались только штаны и грубая рубаха, в которых Китрин изображала погонщика Тага в караване. Для задуманного вполне сойдет. Завалившиеся в кошеле полдесятка монет перекочевали в карман штанов.

К тому времени как Китрин спустилась по лестнице, в голове слегка прояснилось. Она шагнула на улицу и тут же через соседнюю дверь вошла в банк.

— Жук! — позвала она, и паренек-тимзин с готовностью вскочил.

— Магистра Китрин, — затараторил он. — Капитан Вестер и Ярдем ушли за деньгами в пивоварню, что за северной стеной, и к двум мясникам в соляном квартале. Барт и Коризен Маут тоже с ними. Энен спит в задней комнате после ночной стражи, Ахаризель пошел за колбасой, сейчас вернется.

— Мне нужно отправить тебя с поручением, — заявила Китрин. — Ступай в кафе, отыщи человека из кожевенной гильдии и передай, что я не приду. Скажи, заболела.

Внутренние веки тимзина нервно дернулись.

— Капитан Вестер велел мне быть здесь, — возразил он. — Энен спит, и нужен кто-то на случай...

— Я посторожу, пока кто-нибудь не вернется. Чувствую себя неважно, но крик поднять смогу.

Жук в нерешительности потоптался на месте, и Китрин вышла из себя.

— Вестер у меня на жалованье, — заявила она. — И ты тоже. Так что ступай.

— С-слушаюсь, магистра.

Парнишка выскочил на улицу, Китрин проследила за ним от дверей: стрелой пролетев по улице, он обогнул повозку со свежей рыбой, свернул за угол и исчез. Китрин медленно

досчитала до десяти — на случай если Жук вздумает вернуться. Не вернулся. Девушка шагнула на улицу и закрыла за собой дверь. К харчевне пришлось идти против ветра, который бросал в лицо пыль вместе с соломой.

— Доброе утро, магистра, — кивнул ей хозяин, пока глаза Китрин привыкали к полумраку. — Опять к нам?

— Именно, — пробормотала девушка, вытягивая из кармана серебряные монеты. — Вот. Дайте на все.

Хозяин, взяв монеты, взвесил их в руке.

— Да ваши парни, похоже, бездонные, — добродушно заметил он.

— Это не для них, — усмехнулась Китрин. — Для меня.

Хозяин захохотал. Такой способ лгать Китрин обнаружила совсем недавно: говорить чистую правду так, чтобы ее приняли за шутку. «Вино не для них, для меня, — повторила она сама себе. — Может, зимой меня посадят в колодки. А может, и нет. И какая разница, что я сейчас делаю?»

Хозяин вернулся с двумя темными бутылками вина и небольшим бочонком пива. Зажав бочонок под мышкой, Китрин взяла в обе руки по бутылке, хозяин распахнул перед ней дверь. Ветер на улице теперь дул в спину, подталкивая ее к дому. Над головой простиралось голубое небо, подернутое тонкой дымкой высоких облаков, в воздухе носился запах дождя. Осень в Порте-Оливе славится дурной погодой, а лето на исходе, так что мелкие дожди никого не удивляют.

В главный зал банка Китрин возвращаться не стала, а сразу прошла к себе. Подниматься по лестнице с бочонком под мышкой было неудобно, на самом верху она ударилась локтем о стену — даже пальцы задрожали, но бутылку она не выпустила.

О луже на полу она успела забыть, но теперь ей хватило сил открыть окно и выплеснуть в проулок содержимое ночного горшка. Остаток лужи она вытерла грязной нижней рубашкой, которую тоже швырнула в окно. Завтракать не хотелось, хотя после вчерашней жесткой колбасы с коркой хлеба она ничего не ела. Скинув сапоги Тага-погонщика, Китрин откупорила винную бутылку и легла на постель, опершись спиной на изголовье.

Вино было непривычно сладким, но вполне крепким. Желудок было затрепыхался, как рыба на огне, пришлось потягивать вино мелкими глотками. Дернулся висок, предвещая головную боль. Ветер за окном смолк, в наступившей тишине стали слышны голоса двух стражников-куртадамов. Женщина — Энен — засмеялась.

По жилам побежало тепло. Китрин в последний раз отхлебнула вина прямо из горлышка и поставила бутылку на пол. Мозг затопило уютной, убаюкивающей тьмой, ветер выл откуда-то издалека, мысли вспыхивали и путались, свиваясь в непредсказуемые, невозможные узоры.

Ей пригрезилось, будто магистр Иманиэль оставил что-то капитану Вестеру. Кажется, что-то связанное с ванайскими каналами и их выходом к причалам Порте-Оливы и одновременно с травами и специями, упакованными в снег. Минуя границу между явью и дремой, а потом между дремой и сном, мысли мало-помалу слились с тьмой. Время замерло — и потекло своим чередом лишь тогда, когда вдалеке взорвались и погасли гневные голоса.

— Вставай.

Китрин с трудом разлепила веки. В дверях, скрестив руки на груди, стоял капитан Вестер. За окном царили пасмурные сумерки.

— Вылезай из постели, — повторил капитан. — Немедленно.

— Уйдите, — пробормотала Китрин.

— Я сказал — вылезай из постели!

Китрин приподнялась на руке. Комната качнулась.

— Зачем?

— Ты пропустила пять встреч, — рявкнул Маркус. — В городе начнут судачить, и тебе конец. Поэтому вставай и принимайся за дело.

Китрин уставилась на капитана, раскрыв рот от удивления.

— Никаких дел нет, — зло бросила она. — И не будет. Все кончено. И со мной тоже. У меня был шанс, я проиграла.

— Я виделся с Кахуаром Эмом. Он не стоит таких страданий. А теперь...

— Кахуар? На что он мне сдался? — выпалила Китрин, садясь на постели. Она не помнила, как пролила вино на рубаху, теперь ткань прилипла к коже и засохла. — Я пыталась добиться контракта и проиграла. На волосок от победы... Упустила. Проиграла.

— Проиграла?

Китрин обвела руками комнату, город, весь мир — подтверждая очевидное. Вестер подступил ближе. В полумраке его глаза блестели, как речные камни, крепко сжатые челюсти казались железными.

— Ты видела, как твои жена и дочь сгорают в огне рядом с тобой? Сгорают из-за тебя? — спросил он. Китрин не ответила, он кивнул. — Значит, все не так страшно. Ты жива. Есть дела, которыми надо заняться. Так вставай и занимайся.

— Мне нельзя. Комме Медеан прислал письмо. Мне запрещено заключать сделки от его имени.

— И поэтому от его имени ты лежишь пластом и жалко скулишь? Он оценит. Вставай с постели.

Китрин легла обратно и подтащила подушку к груди. От подушки воняло, но Китрин вцепилась в нее обеими руками.

— Вы мной не командуете, капитан. — Китрин язвительно подчеркнула последнее слово. — Я вам плачу и отдаю приказы. Уходите.

— Я не позволю тебе растоптать все, к чему ты стремилась.

— Я стремилась сохранить деньги банка — и преуспела. Так что вы правы. Я выиграла. Теперь уходите.

— Ты же хочешь их оставить себе.

— Камни хотят летать. Только крыльев у них нет.

— Найди способ. — Голос капитана смягчился.

Это уж слишком. Китрин взвыла от ярости, села на постели и изо всех сил запустила в Вестера подушкой. Она ведь не собиралась плакать! Почему опять слезы?

— Я сказала убирайтесь! — закричала она. — Кому вы тут нужны! Я расторгаю договор, забирайте свою плату, своих стражников и вон отсюда!

Вестер отступил на шаг. У Китрин похолодело в груди, она чуть не откусила себе язык. Капитан наклонился, поднял двумя пальцами подушку и кинул обратно — та шлепнулась на постель с таким звуком, будто кому-то всадили кулак в живот. Пнув носком сапога пустой бурдюк, Вестер глубоко вздохнул.

— Не забудь, что я пытался вразумить тебя добром, — бросил он.

И повернулся. И ушел.

Китрин заранее знала, что будет больно, и даже успела внутренне сжаться, готовясь

принять удар, — но, несмотря на всю сжатость и готовность, она чуть не завывала от отчаяния. Крик замер где-то между сердцем и горлом, и отчаяние засело внутри, отравляя все тело. Шаги Вестера отдавались эхом на лестнице, каждый тише предыдущего; Китрин, схватив грязную подушку, уткнулась в нее и дала волю слезам. Прошла целая вечность — лились слезы, тело сотрясалось от голода, измождения и избытка вина и пива. Спина и грудь чуть не лопались от напряжения, но остановить рыдания было не легче, чем перестать дышать.

Потом откуда-то снизу донеслись голоса. Маркус Вестер и Ярдем Хейн. Ярдем что-то рывкнул, в неразберихе звуков проскочила знакомая интонация — видимо, «да, сэр». Потом чей-то тихий высокий голос — наверное, Жука.

Они все уйдут. Все.

Ну и пусть.

Какая разница. Родители умерли так давно, что она их не помнила. Магистр Иманиэль, Кэм и Безель тоже погибли. Город ее детства сожжен и разрушен. А банк — единственное, что она создала сама за всю жизнь, — у нее заберут, как только прибудет ревизор. Китрин попыталась убедить себя, что пара-тройка стражников — невелика потеря.

Тщетно.

Медленно, почти незаметно буря внутри улеглась. За окном сгустилась тьма, по ставням барабанил мелкий дождь, будто кто-то постукивал ногтями. Дотянувшись до оставленной бутылки, Китрин обнаружила, что та пуста. Ну и что. Есть еще одна. И бочонок пива. Все будет хорошо. Надо только вернуть себе силы. Еще чуть-чуть полежать — и...

Она даже не успела толком очнуться — послышались шаги. Сначала мерный топот по нижним ступеням, следом чья-то тяжелая поступь, что-то грохнуло о стену здания, крикнул Ярдем, раздался плеск — будто пролилась с крыши дождевая вода, но где-то близко, чуть ли не под дверью. Мелькнул огонек — свеча в руке Вестера. И тут же показались двое стражников-куртадамов, несущие медную ванну длиной в добрых четыре локтя.

— Надо было сначала втащить, а потом наполнять, — сквозь зубы пробормотала Энен.

— Будем знать в следующий раз, — бросил Маркус.

Стражники поставили ванну на пол — она оказалась по колено Маркусу, внутри плескалась вода.

— Что вы делаете? — неожиданно слабо пискнула Китрин.

Не обращая на нее внимания, Ярдем вручил капитану круглый каменный кувшин и принялся зажигать свечи и лампы в главной комнате. Двое куртадамов отсалютовали и пошли по лестнице вниз. Китрин, опираясь на руку, села — и даже не успела охнуть: Маркус, шагнув к ней, схватил ее за волосы и стащил с постели, только стукнули по полу коленки.

— Что вы делаете? — крикнула Китрин уже в полный голос.

— Словами я уже пытался, — буркнул Маркус и сунул ее в ванну. Вода была теплой. — Снимай свои лохмотья, иначе я сам займусь.

— Я не собираюсь...

Лицо Маркуса, освещенное отблесками свечей, было твердым и непреклонным.

— Видеть женщин мне не впервой, в обморок не упаду. Вот тебе мыло, — он сунул ей в руки каменный кувшин, — и не забудь вымыть волосы. Жирные — того гляди от огня вспыхнут.

Девушка глянула на кувшин — неожиданно тяжелый, плотно закрытый. Она уже не помнила, когда в последний раз купалась.

— Или вымоешься собственноручно, или я вымою тебя сам, — обреченно заявил Вестер.

— Отвернитесь, — вздохнула Китрин, внезапно обнаруживая, что соглашается на договор, условий которого не знает. Стражники ее не бросили — ни о чем больше думать не хотелось.

Маркус нетерпеливо хмыкнул, однако отвернулся к лестнице. Ярдем, деликатно кашлянув, скрылся в спальне. Стянув с себя одежду погонщика, Китрин поднялась в ванне на колени, воздух холодком прошел по коже. На поверхности воды плавал деревянный черпак — споласкивать пену. Только отмывшись, Китрин поняла, насколько за эти дни заросла грязью.

На лестнице послышался знакомый голос.

— Она там? — спросила Кэри.

— Да, — ответил Маркус. — Бросай сюда.

Шагнув вперед, он поймал из воздуха полотняный сверток, перевязанный шнуром.

— Мы подождем внизу, — крикнула Кэри, уличная дверь открылась и вновь закрылась.

Маркус развязал шнур и, не оборачиваясь, протянул Китрин полотенце из мягкой фланели.

— Там еще чистое платье, — сказал он. — Скажешь, когда оденешься.

Китрин, дрожа, выбралась из ванны и быстро обтерлась полотенцем. В потемневшей воде плавали грязные пенные хлопья. Натягивая платье, она узнала в нем наряд Кэри, от него пахло гримом и пылью.

— Оделась, — доложила она.

Из спальни вышел Ярдем с ее одеялом в руках — связав его в узел, он побросал туда пустые бурдюки и бутылки, туда же последовал еще полный бочонок и бутылка вина. Китрин протянула было руку, чтобы оставить пиво и вино, но тралгут дернул звякнувшим ухом, и девушка отступила.

— Сейчас принесут еды, — бросил Маркус. — Банковские записи все здесь?

— Одна книга в кафе. И там же копии некоторых контрактов.

— Я кого-нибудь пошлю. Внизу лестницы теперь будет стражник, под окном тоже. Никаких напитков крепче кофе тебе не принесут. Пока не придумаешь, как оставить себе банк — отсюда не выйдешь.

— С банком ничего не получится. Мне запрещено вести переговоры и заключать сделки.

— А запреты нарушать и незачем, — заявил Маркус. — Что понадобится — скажешь. Ты не первая, кто напивается от жалости к себе, только теперь довольно. Будешь сидеть дома трезвая и думать, как найти выход. Ясно?

Китрин шагнула вперед и поцеловала Маркуса в твердые растерянные губы, жесткая щетина кольнула кожу. Третий, кого она целовала за всю жизнь. Сандр, Кахуар, капитан Вестер...

Маркус отступил.

— Моей дочери было немногим меньше лет, чем тебе.

— Вы бы для нее тоже такое сделали? — Китрин кивнула на ванну.

— Для нее — что угодно, — сухо сказал Маркус и тут же добавил: — Ванну сейчас унесут, магистра. И раз уж я пошлю в кофейню за документами, то, может, принести кофе?

— Ночь, там уже закрыто.

— Я попрошу в виде исключения.

— Тогда да.

Капитан кивнул и, повернувшись, зашагал вниз по лестнице. Китрин присела за письменный стол. Стук дождя по крыше смешивался с доносящимися снизу голосами. Банк, конечно, отвоевать не удастся: как ни мечтай, что ни делай — ни единой цифры в документах не изменишь.

И все же Китрин принялась перелистывать банковские книги. Ярдем с двумя куртадамами унесли ванну, Жук притащил миску рыбного супа, пахнущего черным перцем и морем, — сюда бы кружку пива, но Китрин даже и не подумала просить. Пока хватит и воды.

Мозг работал с трудом, готовый сбиться от малейшего толчка, и Китрин попробовала представить себя на месте ревизора. Что он увидит, заглянув в ее книги? Начальный список товаров — шелк, табак, камни, драгоценности, пряности, серебро, золото. Сколько-то унес толстый антеец, нагрянувший к мельничному пруду, Китрин тогда примерно оценила стоимость потери и включила запись в книгу — черные строки цифр на сливочного цвета бумаге. Таким было начало. А дальше?

Листая сухо шуршащие страницы, она словно погружалась в прошлое, в минувший золотой век. Договор и расписка — куплено помещение игорного дома. Тонкая розовая бумага с печатью — открыт банк. Китрин провела пальцами по строкам. Не прошло и года; сейчас казалось, будто пролетела целая жизнь. Следующая страница — договоры на передачу пряностей и тканей купцам. Ее оценка стоимости, их расчеты, итоговый доход с продажи. С драгоценностями пришлось нелегко. Интересно, был ли способ распорядиться ими с большей выгодой? Может, стоило подождать кораблей из Наринландии или отдать драгоценности на комиссию какому-нибудь торговому дому с налаженным экспортом? Тогда ей не пришлось бы перенасыщать свой собственный рынок. Может, в следующий раз...

Сквозь мерный шум дождя послышались раскаты дальнего грома. Жук, промокший до последней чешуйки, принес из кафе шкатулку с документами, огромный кувшин кофе и записку от маэстро Азанпура — тот желал магистре скорейшего выздоровления и сетовал, что без нее кафе кажется слишком пустым. Китрин чуть было снова не разрыдалась, но из последних сил взяла себя в руки, чтобы не смущать паренька.

Лучшим ее достижением оставался многосторонний договор с пивоварней, бочаром и харчевнями. Каждый из этой цепочки был клиентом ее банка, и стоило только пивоварне закупить для производства зерно и воду — начинали работать и остальные звенья. Если еще договориться с несколькими фермерами о постоянных поставках зерна, то золотиносная цепь замкнется сама на себя.

Однако заниматься этим придется уже кому-то другому. Впрочем, задумка хороша, и исполнение тоже. Так что через год, когда Китрин получит доступ к родительскому капиталу, некогда вложенному в банк, нужно будет организовать что-то подобное, пусть и в уменьшенном масштабе. Неприятно, конечно, на последний год превращаться из магистры Китрин бель-Саркур обратно в сироту, состоящую на иждивении банка, но как только настанет совершеннолетие и Китрин получит право заключать сделки от своего имени...

Вдруг по рукам побежали мурашки, спину обдало холодом и огнем. Захлопнув книги, девушка отбросила их к краю стола и схватила другие, более старые, исписанные давно уже мертвой рукой. Документы ванайских времен. Короткая запись красными чернилами,

отмечающая ее появление в банке.

Китрин закрыла книгу, руки дрожали.

Капитан Вестер прав.

Выход есть.

— И слышать ничего не желаю, — заявил король Симеон. За последние месяцы кожа его посерела, губы подернулись синевой. В кабинете было нежарко, однако лоб короля покрывала испарина. — Доусон, да послушай сам себя! Только вчера вернулся из ссылки — и опять за старое!

— Если Клара права и Маас задумал убить принца Астера...

Симеон стукнул ладонью по столу так, что по кабинету разнеслось эхо. Потом повисла тишина, лишь пели где-то зяблики да журчал фонтан за окнами. У задней стены повсегдашнему невозмутимо стояли стражники, одетые в белое с золотом — цвета Кемниполя — и с мечами на боку. Интересно, что они сказали бы: должен же хоть кто-то втолковать Симеону истину, если даже Доусону он не верит...

— Послушай я тебя — Иссандриан уже поднял бы против меня бунт, — продолжал король. — А вместо этого он вчера стоял здесь на коленях, вымаливал прощение и клялся собственной жизнью, что мятеж наемников — не его рук дело.

— Если не его, то кого-то другого.

— Я твой король, барон Остерлинг. Я вполне способен разумно управлять государством.

— Симеон, ты мой друг, — мягко сказал Доусон. — Я по голосу знаю, когда ты до смерти напуган. Может, перенести на следующий год?

— Перенести что?

— Назначение опекуна и отсылку Астера в другую семью. До зимнего роспуска двора — всего три недели: объяви, что волнения в стране не оставили тебе времени принять решение. Не спеши.

Симеон встал, сгорбившись почти по-старчески. За окном трепетала зеленая листва, уже не такая свежая в преддверии осени. Скоро на смену ей придет золото и багрянец. При всей их яркости — цвета смерти.

— У Мааса нет причин желать Астеру зла, — упорствовал Симеон.

— У него связи с Астерилхолдом. Он сотрудничает с...

— Ты вел переговоры с Маччией ради Ванайев. Лорд Даскеллин заигрывал с Нордкостом. Лорд Трмонтэр тайно встречается с борхийским послом, а лорд Арминнин в этом году провел больше времени в Халлскаре, чем в Антее. Если казнить всех, кто поддерживает знакомства за пределами страны, ты тоже не выживешь. — Симеон, ища опоры, облокотился о подоконник, дыхание стало частым и прерывистым. — Когда умер мой отец, ему было на год меньше, чем мне.

— Я помню.

— У Мааса есть союзники. После высылки Иссандриана и Клинна к нему перебежали все, кто им сочувствовал.

— Мои — к Даскеллину.

— У тебя нет союзников, Доусон. Только враги и обожатели. Ты не сумел удержать даже молодого Паллиако в самый разгар его славы. Лерер его отослал на край света, лишь бы ты перестал задавать пиры в его честь. Враги — и обожатели.

— А ты?

— И то и другое. С тех самых пор как ты отбил у меня циннийку, когда нам было по

двенадцать лет.

Доусон хмыкнул. Король рассмеялся вслед за ним и, подойдя к столу, опустился в кресло.

— Я знаю, ты против, — сказал он. — Однако поверь: я делаю что могу. Время сейчас тревожное, а я устал. Почти невыносимо.

— По крайней мере не отдавай принца Маасу, каким бы влиятельным он ни был. Найди другого опекуна.

— Спасибо за совет, старина.

— Симеон...

— Нет. Спасибо. Давай на этом закончим.

В передней слуги вернули Доусону меч и кинжал: Симеон давно уже восстановил старый порядок — входить к королю только невооруженным. Как низко все пало...

Доусон поспешил на улицу, даже толком не застегнув пряжку. Воздух оставался теплым, в небе висело солнце, но ветер уже веял прохладой — лето уступало место осени.

Доусон отказался от помощи лакея и забрался в карету.

— Милорд?.. — выжидательно произнес возница.

— К Медвежьему братству.

Щелкнул кнут, и карета понеслась по улицам, оставляя позади высокие башни и укрепленные ворота Кингшиля. Доусон откинулся на сиденье, и теперь все неровности мостовой отдавались в спине. Сначала путь из Остерлингских Урочищ в столицу, а потом полдня ожидания, пока его величество удостоит его аудиенции — тяжеловато для одного дня. Тяжелее, чем прежде.

В молодости он, бывало, мог прискакать верхом из поместья в Кемниполь без остановок (разве что сменить коней по пути), поспевая как раз к балу у королевы, и потом без устали танцевать весь вечер. По большей части с Кларой. Теперь ему с трудом в это верилось, будто все происходило не с ним, однако он как наяву ощущал и запах ее тогдашних духов, и шелест ее платья — так, что кружилась голова от близости той, юной Клары.

Он усилием воли прогнал воспоминания. В клуб надо заходить твердо и негибаемо — пусть молодость и прошла, но до смерти ему еще далеко.

Вскоре перед глазами выросло здание Медвежьего братства, на черном каменном фасаде которого красовался золотой лист — символ Бессмертного города. Улицу сплошь запрудили повозки и кареты, возницы стремились втиснуться поближе к крыльцу — чтобы высадить седока прямо у ступеней. Воняло лошадиным навозом, растоптанным сотней копыт. Доусону хотелось выскочить из кареты и пойти пешком, лишь бы сбежать от толчеи, — однако такое было ему не по рангу, и он отвел душу, обругав возницу за медлительность и неумелость. К тому времени как клубный лакей торопливо откинул подножку и помог ему выбраться, Доусону почти полегчало.

Внутри, как обычно, царило смешение табачного дыма, жара и музыки, которую за разговорами никто не слушал. Барон отдал накидку служанке, которая тут же с поклоном исчезла. Стоило ему появиться на пороге главного зала, как к нему тут же обернулись несколько человек, послышались аплодисменты — частью радостные, частью издевательские: его возвращение из ссылки встречали по-разному. Враги и обожатели. Доусон отвесил поклон — который в зависимости от адресата мог выражать благодарность или насмешку, — подхватил с подноса хрустальный бокал с вином и прошел в левый коридор, ведущий в малые покои.

В одном из меньших залов за круглым столом сидело с десяток вельмож, кипела общая беседа. Доусон выхватил глазом длинную шевелюру Иссандриана и безыскусное лицо сэра Алана Клинна. Иссандриан при виде барона встал и вместо поклона просто кивнул. В здешнем свете Доусону показалось, что Иссандриан стал ниже ростом, словно былая ссылка пригнула его к земле. Разговоры за столом мало-помалу стихли — до остальных дошло, что происходит нечто важное, хоть для них и непонятное. Доусон вытащил кинжал и отсалютовал, как на дуэли, Иссандриан в ответ улыбнулся — кажется, одобрительно.

В конце коридора располагались уединенные кабинеты, самые мелкие из которых были не просторнее кареты. Черные кожаные диваны только усиливали царящий здесь сумрак, и Даскеллин, сидя в темном углу спиной к стене, мог видеть любого входящего. Он не вынимал меча из ножен, хотя ладонь держал рядом с рукоятью.

— Ну что ж, — произнес Доусон, садясь напротив. — Я вижу, в мое отсутствие вы благополучно растратили все, что мы имели.

— Я тоже рад вас видеть, — кивнул Канл Даскеллин.

— После того как мы доблестно защитили Кемниполь от чужеземных клинков, мы вынуждены плестись в хвосте Фелдина Мааса. Как так вышло?

— Вам какой ответ — длинный или короткий?

— А что, длинный будет слаще?

Даскеллин подался вперед.

— У Мааса есть поддержка, а у нас теперь нет. Раньше я считал, что была. А потом не сошелся балансовый отчет, или что там у них есть, — и Паэрина Кларка унесло в Бيرانкур.

— Будете знать, как иметь дело с банкирами.

— Такого больше не случится, — мрачно заявил Даскеллин.

Более внятных извинений Доусон и не ждал, так что предпочел не дожимать. Осушив бокал, он наклонился к двери и побарабанил по ней пальцами. Чуть погодя появилась служанка и налила ему еще вина.

— Итак, что мы имеем? — спросил Доусон, когда она вышла.

Даскеллин, шумно выдохнув, помотал головой.

— Если дело дойдет до войны, мы свое отстоим. Астерилхолд ненавидят слишком многие, их нетрудно будет объединить.

— А если Астер умрет раньше, чем взойдет на трон?

— Тогда будем истово молиться, чтобы монарший скипетр его величества оказался пригоден к делу, ибо, кроме нового наследника, нам надеяться не на что. Мой специалист по генеалогии сверился с архивами родословных. У Симеона в Астерилхолде есть кровный родственник с законными притязаниями на престол.

— Законными? — переспросил Доусон, подаваясь вперед.

— К сожалению, да. И что хуже — он сторонник фермерских советов. Мы лишимся четверти наших приверженцев, причем не самых глупых, остальных соберут вокруг себя Ойер Вереннин или, возможно, Умансин Тор — оба претенденты на престол Антеи. Астерилхолд поддержит своего ставленника силами Мааса и Иссандриана, грянет гражданская война, и мы проиграем. — Даскеллин свел ладони, свеча над ним затрепетала.

Где-то в глубинах клуба крикнула служанка, послышался мужской хохот. Вино Доусона стало отдавать горечью, он отодвинул бокал.

— Может, таков и был план с самого начала? — спросил он. — Иссандриана, Клинна и всю эту возню с фермерским советом Маас мог использовать для отвода глаз. Неужели мы

все это время шли по ложному следу?

— Возможно. Или он просто увидел шанс и решил его использовать. Истину знает только сам Фелдин, а он, подозреваю, правды не скажет.

Доусон постучал пальцем по краю бокала, хрусталь тихо зазвенел.

— Нельзя допустить, чтобы Астера убили, — сказал он.

— Все мы смертны. Все когда-то погибнет — люди, города, империи. Вопрос лишь — когда.

* * *

Доусон обедал с семьей в малой столовой. Жареная свинина с яблоками, тыква в меду и свежий хлеб с запеченными в нем дольками чеснока, льняная скатерть сливочного цвета, глиняные тарелки из Дальней Сирамиды и полированное серебро — все казалось пеплом и трухой.

— Гедер Паллиако вернулся, — сообщил Джорей.

— Правда? — откликнулась Клара. — Не помню, куда он уезжал. Не на юг, разумеется, у южан ведь столько родственников в Ванайях — вряд ли там радушно примут убийцу брата, или кузена, или дядюшки. Так что юг отпадает. Куда же он ездил? В Халлскар?

— В Кешет, — ответил Джорей, жуя яблоко. — Вернулся с личным ведуном.

— Как мило. — Клара тронула колокольчик, вызывая служанку, и тут же нахмурилась. — Мы ведь не обязаны давать очередной пир в его честь?

— Нет, — проронил Доусон.

Он, разумеется, понимал всю игру. Джорей сыплет сторонними новостями, Клара их подхватывает и задает вопрос мужу, вызывая его на разговор. В мрачные времена такие уловки не давали ему слишком погрузиться в себя. Нынче же бремя было слишком тяжким.

Доусон обдумывал, как убить Мааса. Дело, конечно, нелегкое. Прямое нападение невозможно: во-первых, оно ожидаемо и Маас наверняка принял меры, а во-вторых — если покушение не удастся, при дворе Маасу станут больше сочувствовать. Вызвать на дуэль и подстроить несчастный случай — над этой увлекательной мыслью Доусон раздумывал всерьез. К их дуэлям с Маасом все привыкли, никто не заподозрит ловушки, а уж поскользнуться во время боя — дело обыденное, да и случайно вонзить клинок глубже привычного — тоже на дуэлях не редкость. Правда, Фелдин моложе и сильнее, и последнюю схватку Доусон выиграл лишь потому, что более опытен, — но об этом барон предпочитал на время забыть. Мысль о дуэли была сладка.

— Дело в том, — возразил Барриат, не обращая внимания на появившуюся служанку, — что лодка идет ко дну, а мы вычерпываем воду решетом.

— То есть? — переспросил Джорей.

— Симеон — мой король, по одному его слову я пожертвую жизнью, как и любой другой, — продолжал Барриат. — Но он уже собой не владеет. Безумие из-за Эдфордской хартии отцу удалось остановить, теперь над нами висят заговоры Астерилхолда. Если с ними покончить — грянет что-нибудь другое, и так без конца.

— Вряд ли такие разговоры следует вести за обедом, милый, — попеняла ему Клара, принимая от служанки бокал разбавленного вина.

— Да пусть говорит, — отмахнулся Доусон. — Все равно мы только об этом и думаем.

— Тогда хотя бы дождитесь, пока останемся одни, — заметила Клара. — Иначе слуги о нас подумают бог знает что.

Служанка, покраснев, выскочила из столовой; Клара дождалась, пока за девушкой закроется дверь, и кивнула старшему сыну.

— Антее нужен король, — заявил Барриат. — А у нас вместо этого добрый дядюшка. Мне не так уж приятно разглашать вам дурные вести, но на флоте только так и говорят. Если бы не лорд Скестинин, который велел капитанам не миндальничать и бросать бунтовщиков на корм рыбам, на флоте уже вспыхнул бы мятеж. И хорошо, если только один.

— Не верю, — заметила Клара. — Мятеж — это ведь так грубо и недальновидно. Моряки королевского флота никогда до такого не опустятся.

Барриат рассмеялся:

— Мама, если тебе нужна совсем уж неприличная обеденная беседа, я могу рассказать, до чего опускаются моряки.

— Но ведь Симеон король, а Астер слишком юн, — храбро вмешался Джорей, пытаясь вернуть разговор в прежнее русло. — Не могут же они враз измениться.

— Согласен с тобой, мой мальчик, — кивнул Доусон. — К моему глубочайшему сожалению.

— Лучшим исходом для Симеона было бы найти для Астера сильного и решительного опекуна, — заявил Барриат. — Который потом откажется от сана. Восьми — десяти лет регентства вполне хватит на то, чтобы к коронации Астера восстановить порядок в королевстве.

Джорей презрительно фыркнул, и Барриат сдвинул брови.

— Не говори ерунды, — бросил Джорей. — Регент, который за десять лет разрешит все конфликты и наладит жизнь в стране, от сана не откажется. Он и станет королем.

— Верно, — кивнул Барриат. — И это будет такой ужасный исход, правда?

— Ты говоришь совсем как наши враги, братец.

— Если собираетесь драться, то вон из-за стола оба, — велела Клара. Барриат и Джорей, обменявшись взглядом, пробормотали что-то вроде «прости, мама», и Клара кивнула. — Так-то лучше. И кроме того — что толку спорить о сложностях, которых нет, вместо того чтобы обсуждать затруднения, которые есть. Нам просто нужно убедить Симеона, что бедняга Фелдин слишком глубоко встрял в астерилхолдские дела.

— Не так-то это просто, — отозвался Доусон.

— Отчего же? — возразила Клара. — Должны же у него быть письма. Фелия так и сказала — вечно занят письмами и совещаниями.

— Ну, мама. Не пишет же он писем с подробным признанием в государственной измене. «Дорогой лорд такой-то, я счастлив узнать, что вы поможете мне убить принца»...

— Детальные признания и не нужны, — заметил Джорей. — Если найти доказательства, что он переписывается с тем королевским родственником — претендентом на наш престол, то этого будет достаточно.

— О пиущем всегда можно судить по адресатам, — удовлетворенно кивнула Клара. — Конечно, сами письма добыть непросто, но Фелия так трогательно радовалась нашей встрече, что получить от нее приглашение не составит труда. Правда, дожидаться у моря погоды я не намерена, поэтому я заплатила мастеру-вышивальщику, чтобы он пришел и показал нам новые узоры. Вышивка ведь проста только на первых порах, с более сложными приемами справиться бывает труднее. Кстати, я вспомнила. Доусон, дорогой, мне нужен

будет дальний зал с хорошим светом. Завтра. Нас будет пятеро, потому что приглашать одну Фелию было бы подозрительно. Тебе ведь он завтра не нужен?

— Что? — переспросил Доусон.

— Дальний зал с хорошим освещением. — Клара повернула к нему голову и подняла брови, не отрывая взгляда от разрезаемого куска мяса на тарелке. — Потому что вышивка требует хорошего света, нельзя ведь...

— Ты приручаешь Фелию Маас?

— Она живет с Фелдином, — пожала плечами Клара. — А придворный сезон заканчивается уже скоро, терять время было бы неразумно, правда ведь?

Заметив блеск ее глаз и мелькнувшую в углах губ лукавую усмешку, Доусон понял, что она явно наслаждается происходящим. Мысли его заметались. Если уговорить Фелию впустить в дом нескольких человек...

— Мама, что ты задумала? — спросил Барриат.

— Спасти королевство, милый, — ответила Клара. — Доедай наконец тыкву, не гоняй ее по тарелке и не пытайся убедить меня, будто ты откусил хоть кусочек. Тебе даже в детстве не удавалось меня проведсти — не знаю, почему ты до сих пор цепляешься за эту привычку.

— Нам не поверят, — заметил Доусон. — После моих обвинений Маас заявит, что письма подделаны. Но может, этого хватит, чтобы Симеон передумал отдавать ему Астера.

— И король опять будет вилять и откладывать решение? — спросил Барриат. — Неужели этого мы и добиваемся? Тут уж либо подтолкнуть его к энергичным действиям, либо не связываться.

— Письма может отдать королю кто-нибудь другой, — предложил Джорей. — Кто не связан ни с нами, ни с Маасом.

— Может, молодой Паллиако? — спросила Клара. — Я знаю, его считают легкомысленным, но он приятель Джорея и при этом не слишком к нам близок.

Доусон положил в рот кусок свинины и принялся медленно жевать, пытаясь собраться с мыслями. Мясо было неплохим — солоновато-сладким, с легким привкусом жгучего перца. Отличное мясо, если распробовать. Доусон вдруг заметил, что улыбается — впервые за долгое время.

— Не знаю, — с сомнением произнес Джорей, однако Доусон только отмахнулся.

— Паллиако пригодился в ванайской кампании, — сказал он. — И положил конец мятежу наемников. До сих пор он был удобным орудием — почему бы ему не сослужить нам службу еще раз.

Знамя расprostерлось на столе, алая ткань потоком стекала на пол. Темный восьмиконечный знак, начертанный в светлом центре, заломился складкой, и Гедер расправил полотнище. Лерер, погладив подбородок, шагнул ближе, затем отступил и вновь приблизился, остановившись рядом с плечом Гедера.

— У моего народа это знамя вашей расы, — сказал Басрахип. — Цвет крови, от которой произошли все расы человечества.

— А роза ветров в центре? — спросил Лерер.

— Это знак богини.

Лерер хмыкнул и, подступив ближе, осторожно тронул полотнище пальцами. Рука Гедера дрогнула, словно повторяя движение отца. Басрахип успел ему рассказать, как жрецы собирали паучий шелк, как учились его красить. Знамя делали десять поколений жрецов, и прикоснуться к нему было все равно что тронуть ветер.

— И ты хочешь повесить его... э-э-э... в Ривенхальме?

— Нет, — мотнул головой Гедер. — Нет, я вез его для храма в Кемниполе.

— Вот как. Ну что ж, — кивнул Лерер. — Для храма.

Дорога из тайного храма в горах Синир оказалась в тысячу раз приятнее, чем прежний путь в горы. В конце каждого дня Басрахип сидел с Гедером у костра, слушая рассказы и истории, какие только Гедер мог припомнить, — смеялся забавным байкам, задумывался над печальными сказаниями. Даже слуги, поначалу робевшие в присутствии верховного жреца, привыкли к нему еще до того, как пересекли границу между Кешетом и Саракалом. К удивлению Гедера, Басрахип примерно знал их маршрут: жрец объяснил, что человеческий мир перестраивался, погибал и возрождался бесчисленное число раз с тех пор, как паучья богиня его покинула, но драконьи дороги остались прежними. Басрахип мог не знать рубежи между странами или даже русла рек: они со временем меняются. А драконьи дороги вечны.

Когда отряд пришел в Инентайи и остановился, чтобы пополнить запасы и дать лошадям отдых, Басрахип, как ребенок, бродил по улицам с разинутым ртом, дивясь на каждое новое здание. Гедер тогда подумал, что они со жрецом в чем-то схожи: Басрахип жил среди сказаний мира, а не в самом мире, почти как Гедер — разве что личный, собственный храм Гедера зиждился на книгах и был высечен из долга и обязанностей. И все же по сравнению с Басрахипом Гедер знал о мире неизмеримо больше: он встречал в жизни куртадамов и тимзинов, цинн и тралгутов. Басрахип же видел только первокровных, да и то лишь таких, которые походили наружностью на него самого и тех селян, что жили неподалеку от храма. Первокровные с темной кожей или светлыми волосами вызывали у него такое же удивление, как люди другой расы.

Глядя на то, как жрец сперва осторожно, а потом все смелее передвигается по улицам и дорогам, Гедер начал отдаленно понимать отца, некогда говорившего о радости следить за ребенком, познающим мир. Вслед за Басрахипом, который изумлялся всему новому, Гедер теперь обращал внимание на то, чего раньше не замечал или принимал как должное. И к концу лета, когда они добрались до Кемниполя, юноша почти жалел, что путешествие закончилось.

А тут еще отец отнесся к его находкам с такой странной настороженностью.

— Ты ведь еще не выбрал место для храма? Исчезнувшая богиня, надо же.

— Я думаю, где-нибудь поближе к Кингшпилю, — ответил Гедер. — Старое здание, где была гильдия ткачей, годами пустует — наверняка владельцы будут рады его сбыть с рук.

Лерер неопределенно хмыкнул. Глядя, как Басрахип сворачивает знамя, он взял Гедера под локоть и увел в коридор, шагая как ни в чем не бывало — юноша даже не сразу заподозрил, что отец просто уводит его от жреца. Темный камень стен поглощал солнечные лучи, у слуг почему-то сразу нашлись занятия в других частях дома.

— Тот трактат, о котором ты говорил, — произнес наконец Лерер. — Ты над ним работаешь?

— Уже нет. Он перерос сам себя. Я его задумывал как рассказ о поисках территории, которая связана с Морадом и падением драконьей империи. А теперь у меня на уме богиня, история храма и все прочее. Я и сам мало что понимаю. Нет смысла писать, пока сам не разобрался, правда ведь? Ты-то как жил это время? Какие новости?

— Я ждал того трактата, — пробормотал Лерер себе под нос и, взглянув на сына, выдавил принужденную улыбку. — Новостей наверняка пруд пруди, только я от них держусь подальше. Случись мне дожить хоть до пришествия драконов — даже тогда я не простил бы того, что с тобой сделали в Ванайях.

От слова «Ванайи» у Гедера свело желудок. В углах отцовского рта появились скорбные складки — юноша чуть не протянул руку, чтобы разровнять их пальцем.

— Ничего особенного в Ванайях не случилось, — сказал он. — То есть, конечно, город сгорел, и это плохо. Но, как выяснилось, не так уж страшно. То есть сейчас все хорошо. В конце концов.

Лерер посмотрел в глаза Гедеру, словно хотел заглянуть ему в душу. Юноша сглотнул, сердце почему-то забилось сильнее.

— В конце концов. Ну, как скажешь, — кивнул Лерер и тронул сына за плечо. — Рад, что ты дома.

— Я тоже рад, — как-то слишком быстро откликнулся Гедер.

Осторожно кашлянув, чтобы возвестить о своем присутствии, в коридоре показался дворецкий.

— Прошу прощения. Джорей Каллиам спрашивает сэра Гедера.

— О! — воскликнул Гедер. — Он же еще не видел Басрахипа! Где он? Не во дворе же его оставили дожидаться?

Рука Лерера соскользнула с плеча сына, и Гедер заподозрил, что, видимо, сказал что-то не то.

— Его милость в гостиной, — доложил дворецкий.

При виде Гедера Джорей поднялся с кресла. За год, проведенный в столице, он посвежел, заостренные черты лица разгладились. Гедер улыбнулся, и друзья застыли друг напротив друга, толком не зная, что делать — пожать руки, обняться, ограничиться формальным приветствием? Гедер вдруг засмеялся, и Джорей улыбнулся в ответ.

— Рад, что ты наконец вернулся из дальних краев, — сказал он. — Путешествия тебе явно на пользу.

— Неужели? Я думал, разрыдаюсь от счастья, когда доберусь до нормальной постели. Пусть в военных походах нет ни удобства, ни спокойствия, зато можно хотя бы не бояться разбойников.

— Есть вещи похуже простых честных разбойников. Тебя здесь то и дело вспоминали. Ты ведь слыхал новости?

— Ссылки и изгнание, — кивнул Гедер, стараясь говорить небрежно. — Вряд ли я тут пригодился бы, я ведь почти ни в чем не участвовал, разве что не дал закрыть ворота.

— Это самое лучшее, что можно было сделать в той неразберихе.

— Может, и так.

— Да.

Повисла неловкая пауза. Джорей сел обратно в кресло у окна, Гедер шагнул вперед. Гостиная, как и все комнаты столичного дома Паллиако, была небольшой; кожа на креслах загубела и потрескалась от времени, весь дом пропах пылью. С улицы доносился стук копыт по мостовой и ругань возниц. Джорей закусил губу.

— Я пришел просить об одолжении, — признался он.

— Мы вместе дрались за Ванайи. Вместе их сожгли. Спасли Кемниполь. Никаких одолжений — просто скажи, что мне сделать.

— Ты думаешь, так легче? Ну что ж. Мой отец подозревает, что обнаружил заговор против принца Астера.

Гедер скрестил руки на груди.

— А король знает?

— Предпочитает не знать. Потому-то нам и нужен ты. Мы можем добыть доказательства. Письма. Но если мы отнесем их королю Симеону, он может объявить их поддельными. Нужен кто-то другой — человек, к которому король питает доверие. Или хотя бы не питает недоверия.

— Конечно, — кивнул Гедер. — Разумеется. А кто предатель?

— Барон Эббинбау. Фелдин Маас.

— Союзник Алана Клинна?

— И Куртина Иссандриана тоже. Жена Мааса — кузина моей матери: факт не очень обнадеживающий, но иного нам не дано. Эта самая Фелия Маас, кажется, знает больше, чем говорит. И она, конечно, напугана. Моя мать в эту самую минуту развлекает ее каким-то вышивальщиком, надеясь завоевать доверие.

— И та еще ни в чем не призналась? Не рассказала вам, что происходит?

— Нет, у нас только подозрения. И страх. Никаких доказательств. Но...

Гедер поднял руку.

— Я хочу представить тебе одного человека, — сказал он.

В прошлый раз Гедер видел особняк Каллиамов украшенным в его честь. Сейчас, без цветов и гирлянд, здание казалось более суровым — и более величественным в своей простоте. Слуги в строгих одеждах скорее походили на бойцов личной охраны, оконные стекла ничто не загромождало. Из дальней гостиной доносились женские голоса — легкие и красивые, хотя слов было не разобрать. Басрахип уселся на табурет в углу; широкие плечи и неопределенно-радостное выражение лица делали его похожим на ребенка, который вновь попал в собственную детскую, которую давно перерос. По безыскусным одеждам из грубой тусклой ткани любому стало бы понятно, что он не принадлежит к придворной знати.

Джорей сидел за письменным столом, бесцельно двигая с места на место перо с чернильницей. Гедер расхаживал позади длинного парчового дивана и жалел, что не пристрастился к курению, — в напряженном полумраке явно не хватало табачного дыма для полноты картины.

Хор женских голосов сделался громче, звук шагов в коридоре усилился и потом

постепенно затих. Никто не вошел. Гедер метнулся было к двери, Джорей его удержал.

— Мама проводит остальных и вернется.

Гедер кивнул. Шаги и вправду вернулись, голосов осталось только два. Женщины вошли в комнату, Джорей встал, за ним поднялся и Басрахип. Гедер когда-то танцевал с баронессой Остерлингских Урочищ на пиру в его честь, но винные пары и общее смущение изрядно стерли ее образ в памяти, так что сейчас, спустя месяцы, Гедер бы ее не узнал. Джорей явно унаследовал от нее некоторые черты — и особенно выражение глаз. По лицу леди Каллиам порхнуло мимолетное, как крыло мотылька, удивление; за ее спиной показалась болезненно-бледная темноглазая женщина — должно быть, Фелия Маас.

— Ах, прости, милый! — воскликнула Клара Каллиам. — Я не знала, что у тебя гости.

— Что ты, мама. Мы надеялись, что ты к нам присоединишься. Ты ведь помнишь Гедера Паллиако?

— Как я могла бы забыть героя, удержавшего восточные ворота? Я давно не видела вас при дворе, сэр Гедер, но мне сказали, что вы путешествуете. Вероятно, уезжали по делам? Позвольте представить мою кузину Фелию.

Темноглазая женщина, перешагнув порог, протянула руку Гедеру и облегченно улыбнулась, будто ожидала опасности и теперь радуется, что она миновала. Гедер поклонился в ответ. Леди Каллиам, заметив жреца, вскинула брови, и Джорей поспешил вмешаться:

— Дамы, позвольте представить — Басрахип. Жрец, Гедер привез его из Кешета.

— Вот как? — откликнулась леди Каллиам. — Не знала, что вы коллекционируете жрецов.

— Я и сам не ожидал, — ответил Гедер. — Не угодно ли присесть?

Как и собирался, Гедер усадил Фелию Маас напротив себя, спиной к Басрахипу. Джорей устроился за письменным столом, его мать опустилась рядом в кресло — к счастью, не отгородив жреца от Гедера.

— Маас, — протянул Гедер, как бы припоминая, хотя весь разговор он продумал заранее. — В Ванайях у меня в подчинении служил некий Альберит Маас — не родственник ли вам?

— Племянник, — ответила Фелия. — Племянник мужа. Альберит вас часто вспоминал после возвращения.

— Значит, вы баронесса Эббинбау? В ванайскую кампанию я служил под началом сэра Алана Клинна — он, кажется, друг вашего мужа?

— О да, — улыбнулась Фелия. — Сэр Алан ближайший, преданнейший друг Фелдина.

За ее спиной Басрахип, глядя в пространство, словно бы прислушивался к чему-то слышному ему одному. Он качнул головой.

«Нет».

— Но ведь их пути разошлись, не правда ли? Кажется, мне кто-то рассказывал, — небрежно заметил Гедер, будто и вправду повторяя чью-то сплетню. Лицо Фелии замерло, и лишь глаза метнулись от Гедера к леди Каллиам и обратно. При виде ее сжатых в страхе рук и скорбно дрогнувших губ Гедер почувствовал, как в груди разливается тепло: кажется, он на верном пути. Мать Джорея, сидящая рядом, взглянула на него заинтересованно.

— Вы, должно быть, неправильно поняли, — вымолвила Фелия. — Алан и Фелдин прекрасно ладят.

«Нет».

— Алан Клинн мне всегда нравился, — заявил Гедер из одного удовольствия обмануть женщину, которая не способна ответить тем же. — Ужасно, что его обвинили в подготовке мятежа наемников. Ваш муж, надеюсь, не пострадал?

— Нет-нет, благодарю вас. Нам очень повезло.

«Да».

— Лорд Паллиако, — повернулась к нему леди Каллиам, — чему мы обязаны удовольствием вас сегодня видеть?

Гедер взглянул на Джорея и затем на леди Каллиам. Он планировал задавать вопросы постепенно, начиная с самых невинных, и выяснить всю правду, сколько сможет. Он думал подбираться медленно. Однако Фелия Маас сжималась от страха все больше, улыбка таяла, исходящий от нее страх ощущался чуть ли не физически — и Гедер решился. Слишком запугивать ее нельзя: она ведь может и сбежать. Но нагнать ужаса — вполне можно.

И Гедер улыбнулся леди Каллиам.

— Честно говоря, я надеялся встретить у вас баронессу Эббинбау, у меня к ней кое-какие вопросы, — любезным тоном ответил он. — Я ведь не только путешествовал. Я размышлял о мятеже. О его истоках. И последствиях.

Фелия побледнела, дыхание стало частым и мелким, как у пойманного воробья, готового умереть от страха.

— Не знаю, что в этом такого интересного, — срывающимся голосом пролепетала она.

Гедер неожиданно легко изобразил добрую улыбку. За окнами что-то бормотал ветер, в рваном ритме наигрывая сам себе дурацкие песенки. Джорей с матерью замерли.

— Я все знаю, леди Маас, — заявил Гедер, сплетя пальцы на колене. — Принц. Мятеж. Ванайская кампания. Женщина.

— Какая женщина? — выдохнула Фелия.

Гедер понятия не имел, откуда всплыло слово, но должна же быть где-то замешана женщина. Какая разница...

— Скажите что-нибудь, — обратился он к Фелии. — Упомяните любую подробность. Даже то, что никто другой не может знать. И я скажу, правда ли это.

— Фелдин ни во что не замешан, — выдавила она, и Гедеру даже не пришлось глядеть на Басрахипа.

— Это неправда, леди Маас. Я знаю, вы напуганы, но я здесь для того, чтобы помочь вашей семье. Это вполне в моих силах. Однако я должен быть уверен, что вам можно доверять. Понимаете? Скажите мне правду. Не бойтесь, ведь мне все уже известно. Расскажите, как все началось.

— Посол Астерилхолда. Он обратился к Фелдину год назад.

«Нет».

— Вы говорите неправду, баронесса, — очень мягко сказал Гедер. — Попробуйте еще раз.

Плечи Фелии Маас дрогнули, тело ее вдруг показалось Гедеру хрупким и ломким, готовым рухнуть под собственным весом. Она раскрыла было рот, закрыла, судорожно сглотнула.

— Один сторонник фермерского совета.

«Да».

— Да, я знаю, о ком вы говорите. Назовите мне имя.

— Уктер Аннинбау.

«Нет».

— Неверно. Назовите имя.

— Эллис Ньюпорт.

«Нет».

— Я способен вам помочь, баронесса. Возможно, единственный из всех в Кемниполе.

Скажите имя.

Фелия подняла на него помертвелые глаза.

— Торсен. Торсен Эстилмонт.

«Да».

— Верно, — подтвердил Гедер. — Видите, как легко? Теперь вы понимаете, что у вас с мужем нет от меня секретов?

Женщина коротко кивнула. Подбородок ее затрясся, щеки запыхали, и через миг она разрыдалась, как ребенок. Мать Джорея скользнула к ней, приобняла за плечи. Гедер не сводил с них глаз. Сердце билось сильнее обычного, однако он был совершенно спокоен. Когда он утаил от Алана Клинна потерянные ванайские сокровища — его переполняли радость и ликование. Когда он решил сжечь Ванайи — им владел праведный гнев, возможно, не без примеси удовольствия. Но еще никогда в жизни, до этого самого мига, он не чувствовал такого истинного удовлетворения.

Встав с места, он подошел к Джорею — тот сидел изумленный, едва веря происходящему. Гедер развел руками: видишь?

— Как ты это делаешь? — прошептал Джорей чуть ли не благоговейно. — Откуда ты знал?

Басрахип сидел от них всего в двух шагах, по-прежнему склонив огромную голову и сцепив толстые пальцы рук. Рыдания Фелии Маас накатывали, как штормовые волны, увещевания леди Каллиам не могли их остановить. Гедер склонился к великану, почти коснувшись губами его уха.

— Я выстрою любые храмы, какие скажешь. Сколько угодно.

Басрахип улыбнулся.

С одной стороны — они серьезно недооценили Гедера Паллиако. С другой — он оказался на их стороне. По крайней мере пока.

И все равно Кларе было жаль Фелию.

Тяжелые сдвинутые портьеры не впускали в спальню солнечный свет. Фелия лежала навзничь, в уголках глаз застыли белесые полосы от слез. Клара сидела рядом, глядя ее плечи и руки, — так обычно делают лекари, когда кто-то ударится головой или получит дурное известие. Наконец Фелия заговорила, и Клара поняла, что истерика закончилась. Надеяться на благополучный исход у Фелии не оставалось причин, и по ее голосу Клара ясно слышала, что потеря надежды странным образом принесла кухне облегчение.

— Он в самом деле защитит Фелдина? — прошептала Фелия. — Если я отдам Паллиак письма мужа, он правда добьется, чтобы Симеон его не казнил?

— Паллиако так сказал.

— Ты ему веришь?

— Я его почти не знаю, милая.

Повисла тишина.

— Если королю уже и без того все известно... — снова начала Фелия. — Если он хочет только выяснить, кто из Астерилхолда замешан... Я хочу сказать... Если Паллиако все знал — значит, Астеру ничего не грозило? Ведь правда?

— Можно и так посмотреть.

Гедер Паллиако не отступался от Фелии почти час, и она наконец во всем призналась. Участие Фелдина в мятеже наемников, связи с Астерилхолдом, свои люди среди сторонников фермерского совета — любой из пунктов потянет на государственную измену. Все вместе они не оставляли ни малейшей надежды на помилование. Фелии, правда, сейчас хотелось слышать совсем другое.

— Как все могло пойти так далеко? — спросила она сумрак и коротко вздохнула. — Скажи ему, я все сделаю. Проведу его в кабинет Фелдина, у меня есть ключ. Правда, там стража. И пусть поклянется, что дело кончится только ссылкой.

— Хорошо.

Фелия вцепилась в руку баронессы, будто висела над краем пропасти.

— Ты ведь меня не оставишь? Пойдешь со мной?

Вот уж чего Кларе хотелось меньше всего...

Глаза Фелии сверкали в сумраке спальни.

— Конечно, милая, — ответила Клара. — Разумеется, пойду.

В курительной комнате мужчины обернулись к баронессе так торопливо, будто она повивальная бабка с вестями о новорожденном. Доусон, меривший шагами комнату, замер на месте, Гедер и Джорей оторвались от карт, которыми безуспешно пытались себя занять. Один только жрец был невозмутим, однако Клара подозревала, что спокойствие — принадлежность его жреческого сана. Даже Винсен Коу был здесь же, хоть и держался, по обыкновению, в тени.

— Она согласна провести лорда Паллиако туда, где хранятся письма, — объявила баронесса. — Если он поклянется, что Симеон не казнит Фелдина и если с ними пойду я.

— Исключено, — заявил Доусон.

— Она ведь потом струсит, муж мой, ты ее знаешь. Я возьму Винсена, все будет хорошо. Вчетвером...

— Впятером, — вмешался Гедер. — С Басрахипом.

— Я тоже пойду, — заявил Джорей.

— Нет, разумеется, — отрезала Клара. — Фелдин меня терпит, потому что я слабая привлекательная женщина. Винсен — слуга. Лорд Паллиако и...

— Басрахип, — подсказал жрец.

— Да, именно. Фелия приходила ради вышивальщика и хочет показать мне образец, поэтому привезла меня к себе домой. По пути мы встретили лорда Паллиако с другом, и Фелия пригласила их с нами — хотела послушать рассказы о путешествии на восток. Все совершенно невинно.

— Не вижу, почему бы не найти место и для меня, — настаивал Джорей. — Или Барриата.

— Потому что вы сыновья своего отца, а я всего лишь его жена. Тебе еще много предстоит узнать о роли женщин и их месте в жизни. Итак, я предлагаю поспешить, пока бедняжка Фелия не передумала.

По пути к карете баронесса не переставала восхищаться Фелией — осанкой, манерой держаться, адресованным Доусону чинным кивком. Осеннее солнце уже клонилось к горизонту, и пока возница петлял по улочкам, Клара тут и там замечала пляшущее на крышах солнечное пламя. Город казался ей непривычно четким, голоса прохожих и скрежет колес — небывало резкими, каменные стены домов — невиданно яркими. Карета обогнала молодого тралгута, толкающего тележку с виноградом, и Клара поймала себя на том, что могла бы с одного взгляда сосчитать все ягоды. Все представало таким отчетливым, будто Кларе удалось пробудиться не только от сна, но и от прежней обыденной яви. Может, так чувствуют себя солдаты перед битвой?

Гедер Паллиако всему улыбался. Клара еще помнила его бледным тучным юношей, который ушел на войну вместе с ее сыном. В недавнем путешествии он похудел и загорел, а главное — глаза стали совсем другими. Даже после сожжения Ванайев Гедер глядел скромно и застенчиво, теперь же от робости не осталось и следа — и Кларе это не нравилось. Интересно, что он делал все эти недели, пока якобы жил в Кешете?.. Жрец, перехватив ее изучающий взгляд, улыбнулся, и баронесса отвела глаза.

Общий внутренний двор уже не казался полумертвым — в окнах Куртина Иссандриана свечей горело не меньше, чем в особняке Мааса. Карета, дернувшись, остановилась, лакей уже бежал подставлять ступеньку. Сначала вышла Фелия, за ней Клара, следом Гедер Паллиако — единственный знатный из мужчин. Жрец и Винсен Коу на миг замешкались, потом жрец улыбнулся и повел рукой, пропуская егеря вперед.

В дверях стоял другой раб-привратник — на этот раз первокровный, но с такой горой мускулов, что мог бы сойти за брата-близнеца Басрахипа. Винсен и Гедер отдали ему мечи и кинжалы, у жреца оружия не оказалось.

— Барон хотел вас видеть сразу же, как вернетесь, — сказал раб-привратник. — Он в задней гостиной.

Никакого титулования, никаких «миледи» — будто разговаривает с простолюдинкой, хоть и уважительно. Клара задумалась было, из кого Маас набирает себе людей, но ответ пришел сам собой. Наемники. Бойцы. Мечники и лучники. Те, кто убивает за деньги. И она сейчас идет во вражеский лагерь. Переступая через порог, она отшатнулась было, и Фелия в

тревоге подняла на нее глаза — однако Клара качнула головой и шагнула вперед. Еще не хватало принимать помощь и утешение от Фелии.

Не говоря ни слова, Фелия повела их широким коридором, ведущим к той гостиной, где она в последний раз принимала Клару. Свежесрезанные цветы и гирлянды осенних лоз наполняли воздух густым ароматом, свет свечей оживлял краски на гобеленах и ковровой дорожке, сглаживал углы. Гедер кашлянул — явно от волнения.

Внизу лестницы Фелия повернула направо — туда, где короткая галерея под конец расширялась. Свечей здесь горело меньше, тени лежали гуще. В самом конце галереи шла вверх узкая лестница для слуг, виднелись запертые двери — цель, видимо, была уже близка.

— Кто там? — окликнул пришедших чей-то голос, перед ними возник человек в кожаном доспехе. Стражник.

— За мной посылал муж, — заявила Фелия. — Мне сказали, что он в своем кабинете.

— Его там нет, — рявкнул стражник. — Что это за люди?

— Муж хотел их видеть, — резко бросила Фелия; Клара ясно расслышала нотки страха и отчаяния — и подивилась храбрости кузины.

— Он здесь, — протянул вдруг жрец неприятным, странно вибрирующим голосом. — Ты ошибся, он в комнате за твоей спиной.

— Говорят вам — никого там нет.

— Послушай. Послушай. Ты ошибся, — повторил жрец. — Он в комнате за тобой. Постучи в дверь, он откликнется.

Глядя в лицо стражника, Клара знала, что исход один — сейчас вмиг собьют с ног всех, кроме хозяйки дома, и крикнут подмогу. Однако, к ее удивлению, стражник повернулся к дубовой двери и постучал. Винсен Коу тут же подскочил к нему со спины и, обхватив согнутой рукой за шею, рывком вздернул в воздух. Тот, хрипя, задергал ногами и вцепился пальцами в локоть Винсена. Клара закрыла глаза, однако звуки были еще страшнее зрелища. Наконец стражник обмяк, Винсен опустил тело на пол и выпрямился, держа в руке меч противника. Фелия, вынув из рукава ключ, вложила его в замок, и через миг вся компания уже стояла в кабинете Фелдина Мааса.

Винсен принес из коридора свечу и зажег лампы. Тьма слегка рассеялась, стали видны полки темного дерева и письменный стол с бронзовой чернильницей и белым пером. Клара не ожидала, что комната окажется такой просторной. Окон здесь не было, и по сетке светлых и темных полос на одной из стен Клара заподозрила, что здесь когда-то хранились бутылки. Фелия, как сомнамбула, подошла к полкам, раздвинула ворох свитков и достала простую деревянную шкатулку с кожаными петлями, закрытую на крючок.

— Письма зашифрованы, — выговорила она, вручая шкатулку Гедеру Паллиако. — Код мне неизвестен.

Гедер расцвел улыбкой, как мальчишка, получивший неожиданный подарок. Фелия, выпустив из рук шкатулку, тут же отрешилась от происходящего, словно у нее вмиг размякли и сжались все кости.

— Спасибо, милая, — кивнула ей баронесса. — Это был единственный выход, ты же понимаешь.

Фелия горестно повела плечом.

— Даже не знаю, как все зашло так далеко, — выдохнула она. — Честно не знаю. Если бы...

Грянул нечеловеческий рев — лавина кровожадной ярости. Клара закричала даже

раньше, чем успела сообразить, откуда идет звук.

— Проклятие! Что тут творится?!

В дверях стоял Фелдин Маас с обнаженным клинком в руке, лицо пылало от гнева. За ним, отгороженные от двери фигурой Мааса, маячили двое стражников. Клара тут же сообразила, что если он захлопнет дверь — то вся компания окажется в ловушке, и тогда все погибло.

— Фелдин, подожди! — бросилась вперед Фелия. — Так будет лучше! Лорд Паллиако обещал помилование! Он и без того все знал, так какая разница?

— Ты? Ты привела их в дом? Предала меня?

— Я только...

Меч Мааса мелькнул в воздухе, резкий как молния. Клара, стоя позади кухни, не видела, куда пришелся удар, однако звук был красноречивее некуда. Лицо Фелдина искажилось удивлением, ужасом, горем, яростью — и даже прежде, чем Клара увидела кровь, она поняла, что Фелия мертва.

Мимо нее с криком пронесся Винсен Коу, размахивая чужим мечом, как косарь на лугу, и от звериной мощи натиска Маас отшатнулся, проход на миг стал свободен. Клара глянула на Гедера — бледного, застывшего с раскрытым ртом над убитой Фелией — и толкнула его к двери.

— Вперед! — крикнула она. — Пока нас не закрыли!

Гедер со жрецом метнулись к выходу. Услыхав лязг мечей, Клара инстинктивно замерла, решив было сдаться — не тронут же они женщину! — но тут же отмела дурацкую мысль и рванулась туда, где шла драка.

Будь коридор не таким узким, Маас с двумя стражниками уже окружили бы Винсена, но здесь егерь ожесточенно разил мечом направо и налево, не давая противникам подойти. По лицу его лился пот, дыхание участилось. Фелдин, опытный дуэлянт, не спускал с него глаз, готовый вклиниться в малейшую брешь в защите.

— Бегите! — крикнул Винсен. — Я задержу!

Гедеру большего и не требовалось: развернувшись, он помчался по коридору к лестнице и дальше к выходу, не выпуская шкатулку из рук. Клара метнулась было за ним, но через несколько шагов встала. Жрец держался рядом — не вступал в бой, но и не убегал. Плечи Винсена вздымались, как у молотобойца.

— О нет, — вдруг выдохнула Клара. — Только не это!

Фелдин взмахнул мечом, отбивая удар Винсена, и стражник слева от Мааса скользнул вперед. Винсен, охнув, отпрыгнул; клинок стражника окрасился алым, кровь Винсена закапала на пол.

— Ты не победишь, — громко сказал жрец своим вибрирующим голосом. Клара взглянула на него сквозь слезы, однако тот лишь улыбнулся и покачал головой. — Лорд Маас! Послушай мой голос. Послушай меня. Ты не победишь.

— Я выпущу тебе кишки, — рявкнул Маас.

— Ты не сможешь. Все, что ты любил, умерло. Все, на что ты надеялся, сгнуло. Ты не сможешь победить. Бой закончен. Ты все потерял. Сражаться не за что.

Фелдин шагнул было к Винсену, но даже Клара видела, что движения его изменились — замах вышел вялым, шаг нерешительным, будто у Мааса враз пропала былая охота сражаться. Винсен отступил, ужасающе хромя на одну ногу, кожаный доспех его уже покрылся кровью. Фелдин даже не дернулся его настигнуть.

— Ты видел ее смерть, лорд Маас, — не умолкал жрец. — Видел, как она упала. Она погибла, ее не вернуть. Слушай мой голос. Слушай. Бой проигран. Твои усилия тщетны. Ты сам это видишь. Ты чувствуешь комок в горле. И понимаешь, что он значит. Ты не можешь победить. Ты не победишь.

Один из стражников двинулся вперед — меч наготове, однако глаза устремлены на Фелдина. Тот невидящим взглядом смотрел перед собой. Винсен шагнул к нему, но Клара, рванувшись, схватила его за плечо и оттащила назад.

— Ты ведь чувствуешь, как тебя заполняет отчаяние? Чувствуешь! — скорбно произнес жрец, будто каждое слово вызывало в нем невыразимую жалость. Звуки, вибрируя, перекликались один с другим, как эхо. — В твоём сердце тоска, безграничная и нескончаемая. Надеяться не на что. Ни сейчас, ни после. Никогда. Ты не можешь победить, лорд Маас. Не можешь. Все кончено, и ты это знаешь.

— Лорд Маас! — окликнул хозяина стражник.

Меч Фелдина бессильно опустился острием к полу и замер. Лицо напоминало безжизненную маску; в неверном свете свечей Кларе показалось, что в глазах Фелдина стояли слезы. Стражники, сбитые с толку, беспокойно переглянулись. Фелдин бросил меч на пол, повернулся и зашагал по коридору. Жрец-великан положил ладонь на плечо баронессы, другой рукой поддержал Винсена Коу.

— Нужно уходить, пока он не передумал, — сказал он.

Втроем они двинулись назад, за ними по полу тянулся кровавый след. Стражники в замешательстве дернулись было за ними, но тут же повернули за хозяином — как охотничьи собаки, которым дали сразу две команды. У входных дверей Винсен споткнулся, и жрец, подхватив обмякшее тело, закинул егеря себе на плечо. Нужная дверь нашлась за считанные минуты, зато потом все трое целую вечность блуждали в закоулках темного сада, отыскивая границу земель Мааса. Наконец они наткнулись на густые ветви живой изгороди, которой был обнесен сад, и жрец, опустившись на колени, положил Винсена Коу на землю. Где-то во тьме слышались возгласы и оклики — и Клара поняла, что их ищут.

— Сюда, под изгородь, — велел жрец. — Присматривайте за ним, я добуду повозку.

Клара, припав к земле, на коленях протиснулась сквозь ветви и листья: у корней оставалось немного свободного места. Винсен Коу вполз следом, упираясь локтями в палую листву, рассыпанную на рыхлой земле. Лицо его посерело, тело ниже пояса было скользким от крови, в темноте она казалась черной. Клара, как могла, притянула Винсена ближе к себе, чтобы скрыть под ветвями. В памяти смутно всплыл миг из детства — ей тринадцать лет, она прячется в отцовском саду, а брат отца расхаживает поблизости, делая вид, что не знает, где ее искать. Клара тряхнула головой, отгоняя воспоминание — слишком уж невинное для нынешней ночи.

Винсен со стоном перевернулся на спину.

— Плохо? — спросила Клара.

— Тяжело.

— Если Маас выпустит собак — нам конец.

Винсен покачал головой, листья под затылком слабо зашуршали.

— Дом и сад пропахли моим запахом. Они и до утра не найдут, где след крови свежее.

— Шутите — значит, силы еще есть.

— Да, миледи.

Клара, приподнявшись насколько можно, взгляделась в ночной мрак за ветвями. Крики

стали громче, в общем гомоне угадывался звон мечей, откуда-то донесся голос Джорея, отдающего команду. В тесном убежище ветви и листья нависали над самой головой, слабое учащенное дыхание Винсена касалось лица баронессы.

— Потерпите немного, — сказала она. — Совсем немного.

Он поднял руку — Клара чуть не приняла это за последний жест умирающего, однако пальцы Винсена уверенно обхватили ее затылок, он притянул ее к себе. Губы — суровые, властные, неожиданно сильные — прильнули к ее губам. Баронесса, возмущившись было, чуть не отпрянула, но потом мысленно махнула рукой: молодому человеку, может, осталось жить несколько минут, так какая разница?

Когда он убрал руку и вновь откинулся затылком на листву, Клара утерла рот запястьем — ладони были измазаны в земле. На губах осталась приятная дрожь, поцелуй казался то слишком дерзким, то лестным, то забавным.

— Вы забываетесь, — с укором произнесла Клара.

— Да, миледи. Когда вы рядом — почти всегда.

Его веки дрогнули, он закрыл глаза. Клара лежала в темноте, прислушиваясь к болезненно учащенному дыханию и желая только одного — чтобы оно не прекратилось. Наконец рядом послышались знакомые голоса, и Клара принялась звать на помощь.

Кахуар Эм, закинув голову, поскреб подбородок. Маркус хранил вежливое молчание. Разделяющий их стол из полированного дуба покрывали жженые линии витого узора; зеленое банковское сукно, привычное Маркусу по кабинету Китрин, здесь не стелили: должно быть, в Лионее иные обычаи. На столе стояла миниатюрная железная шкатулка с откидывающейся крышкой и с изображением дракона на передней стороне. Намеренно ли Китрин выбрала такой рисунок — Маркус не знал.

— Прошу прощения, — выговорил наконец Кахуар Эм. — Я несколько сбит с толку.

— В просьбе нет ничего странного. Я слышал, что банки и торговые дома традиционно принимают на хранение предметы, имеющие ценность для других.

— Принимают от близких партнеров. И когда у одного есть свои люди в городе, где нет связей у второго. Здесь не тот случай.

— Особые обстоятельства.

— Которых вы мне не объясните.

— Нет.

Кахуар взял в руки шкатулку — та легко поместилась в его ладони. Крышка со звоном откинулась, обнаруживая внутри бронзовый ключ не длиннее фаланги пальца. Маркус потер ухо, не собираясь заговаривать первым.

— Почему мне кажется, что это грозит сложностями и неприятностями? — По тону Кахуара Эма было ясно, что ответа он не ждет, хотя очень желал бы его получить.

— Я уполномочен дать письменное свидетельство, что ключ находится у вас по просьбе магистра бель-Саркур. Или поставить отпечаток пальца на восковом оттиске ключа — чтобы устранить всякую возможность путаницы. Все, что пожелаете.

Шкатулка захлопнулась, ясурут-полукровка побарабанил по столу шероховатыми, почти чешуйчатыми пальцами — вышло похоже на первые тяжелые капли грозового ливня.

— Я готов принять и отрицательный ответ, — добавил Маркус.

— Мы с магистрой расстались не лучшими друзьями. — Кахуар Эм осторожно подбирал слова. — Она не пришла сама, предпочла ваше посредничество. Мне нелегко утвердиться в мысли, что она мне доверяет.

— Иногда проще довериться врагу, чем другу. Враг не предаст доверия.

— Она наверняка считает, что ее доверие я обманул, а я могу возразить, что она нарушила мое.

— Все как я сказал. Тогда вы были друзьями. — На губах Маркуса мелькнула улыбка — произвольная, и Кахуар это тоже понял.

Послышался стук в дверь, на пороге появилась чистокровная ясурутка, одетая в серое и багряное, и кивнула обоим собеседникам.

— Пришли с верфи, господин.

Кахуар кивнул, и женщина вышла, с тихим щелчком захлопнув за собой дверь.

— Проект, я вижу, движется успешно? — спросил Маркус.

— Да, вполне. На отладку понадобится еще год, но время идет в обе стороны — результат действий начинает сказываться задолго до самих действий.

— Гневные письма от короля из Кабраля, например?

— Я порой жалею, что выиграл, — признался Кахуар. — И причина не одна. Капитан,

мы оба не новички в этом мире. Мы друг друга понимаем. Можно один вопрос?

— Вы оставляете мне право солгать?

— Конечно. Ваше имя славится по всем западным землям, всякий правитель заплатит вам любые деньги, лишь бы вы стали во главе его армии. И при этом вы — начальник стражи в филиале банка. Вы неподкупны. И — простите — вы не питаете ко мне добрых чувств.

— Здесь нет вопроса.

— Вы ее любите?

— Я много кого любил, а в жизни ничего не бывает дважды. Моя работа — ее охранять, и на сей раз я займусь работой.

— На сей раз?

Маркус, пожав плечами, промолчал — этот выродок и так выпытал у него больше, чем нужно: в своем деле он дока, этого не отнять. Кахуар, сжав губы, встал и медленно, осознанным движением спрятал шкатулку в кошель на поясе.

— Надеюсь, мне не придется об этом пожалеть.

— Думаю, для вас это не будет иметь никаких последствий, — заметил Маркус. — Однако я ценю ваше согласие.

— Вы, конечно, понимаете, что я делаю это не ради вас?

— Разумеется.

Кахуар Эм протянул ему широкую ладонь. Маркус, встав, пожал ему руку, с трудом удержавшись, чтобы не стиснуть по жестче — просто чтобы показать силу. В ярко-зеленых глазах ясурута мелькнуло одобрение и что-то похожее на горечь.

— Ей повезло, — только и сказал он.

Маркус взмолился, чтоб так оно и оказалось, но промолчал.

Осень нагрянула в Порте-Оливу неожиданно. Деревья, еще вчера пышные и буйные, сегодня сбрасывали листья, не успевшие толком пожелтеть. Стремительные ветра, налетая на город к закату, со свистом носились между домами. Залив сделался бурым и вонял, как навозная куча. Стражники, вышагивающие вечером по городу, облачились в плащи и зеленые шапки с наушниками. Идя по узким припортовым улочкам, Маркус чувствовал первое веяние ночных холодов и думал о том, что город ему все-таки нравится.

Мастера Кита и остальную компанию он нашел в освещенном факелами дворе между харчевней и гостиницей. Смитт и Шершень устанавливали опоры сцены, ими командовал мастер Кит, который еще и не начинал облачаться в костюм. Позади них металась девушка — светловолосая и большеглазая, как ребенок, в облегающем платье и с судорожно стиснутыми на груди руками.

Маркус подошел к мастеру Киту и вместо приветствия кивнул на девушку:

— Новенькая?

— Да, — кивнул актер. — Надеюсь, из нее выйдет толк.

— В прошлый раз вы тоже надеялись.

— Верно. Что ж, в этот раз я полон ожиданий. Назвалась Чарлит Соон, на репетиция играла чудесно, сегодня проверим на публике. Если она выдержит и завтрашний день — то труппу наконец можно считать полной.

— А лет ей сколько? Двенадцать?

— Какие-то предки циннийской крови, — пояснил мастер Кит. — По крайней мере она так говорит и сама в это верит. Может, даже и правда.

— Но вы не верите?

— Я воздерживаюсь от суждений.

Новая актриса взглянула на них, словно услышав разговор, и тут же отвела глаза. Сандр спрыгнул с фургона и помахал рукой Маркусу — то ли он уже не страшился капитана, то ли умело играл роль. Маркус помахал в ответ. Микель, все такой же тощий, вышел из харчевни с ведром опилок, позади шагала Кэри с метлой.

— Я слышал, будто вы собираетесь уезжать из Порте-Оливы.

— Возможно, — ответил мастер Кит. — Мы отыграли здесь почти полный сезон. Я всегда говорю, что любой город легко избаловать спектаклями: если их много, народ становится пресыщен. Не хочется терять ту магию, что есть в нашем искусстве. Я подумывал увезти труппу ко двору королевы в Сара-сю-Мар.

— Еще до зимы или после?

— Сначала надо посмотреть, как Чарлит покажет себя на сцене, через несколько дней станет ясно. Вероятнее все же до зимы. Когда корабли пойдут в Наринландию.

— Ну что ж, пусть будет как будет, но мне жаль с вами разлучаться.

— Как я понимаю, на ближайшее время вы остаетесь в Порте-Оливе? — спросил мастер Кит. Микель принялся рассыпать опилки по брусчатке двора — чтобы впиталась влага. Кэри шла следом, сметая опилки и хоть ненадолго очищая площадь, которую все равно тут же зальет грязью и дождевыми потоками.

— Ближайшее время исчисляется считанными днями, — ответил Маркус. — В лучшем случае неделями.

— Будем только рады взять вас с собой. И Ярдема, и Китрин. Мы все, кажется, немножко тоскуем по роли стражников каравана. Самую малость. Таких ролей у нас никогда не было и, видимо, уже не будет.

— Мастер Кит! — позвал Сандр из-за фургона. — Одного меча нет!

— Наверное, лежит вместе с бандитским костюмом Смитта.

— Нет!

Мастер Кит вздохнул, и Маркус, хлопнув его по плечу, пошел по своим делам.

В харчевне горели светильники и было теплее, чем на улице, запах жареной свинины соперничал с запахом сбитых в кучу человеческих тел. Пробираясь через толпу, Маркус придерживал кошель с монетами — в такой суеде наверняка не обойдется без охотников за чужим добром. За дальним столом он увидел сперва Ярдема, потом, приблизившись, разглядел Энен и Жука, Китрин и... Барта? Да, его зовут Барт. Имена первокровных — Коризен Маут и Барт, у Коризена Маута гнилой передний зуб. Неизмеримо довольный собой, Маркус присел за стол.

Китрин вопросительно подняла брови.

— Сделано, — кивнул Маркус. — А у тебя? Как все прошло с наместником?

— Отлично, — ответила девушка. — Заплатила пошлину, оставила ларец.

— Расписка?

— Сожжена. Следов не останется. Пока наместника не обуяет любопытство и он не вскрыет замок — все в наших руках.

Подскочивший к столу слуга поставил перед Маркусом жбан пива и хотел было забрать кружку Китрин — девушка его остановила, и он, кивнув, поспешил дальше.

— Каковы шансы, что низменные инстинкты наместника возобладают? — спросил Маркус вместо «сколько ты выпила?». Если бы ее понесло напиться, Ярдем бы ее

остановил. А может, уже так и случилось.

— Жизнь полна риска, — ответила Китрин. Жук, сидя рядом, мирно потягивал пиво из своей кружки.

— Ярдем нам рассказывал про форму человеческой души, — доложил Барт. — Вы знали, что у вашей души форма колеса?

Маркус бросил на Ярдема страдальческий взгляд, тралгут виновато дернул ухом.

— Не слушай его, Барт. Он верующий. И каждый раз нервничает, когда дела налаживаются.

— Не знал, что они налаживаются, сэр, — съязвил Ярдем.

В следующий час Маркус пил свой жбан пива, ел жареную свинину с черным острым соусом, вышибающим слезы из глаз, и слушал разговоры за столом. Барт не отступался от Ярдема, выспрашивая подробности о судьбе и душе, Китрин с Энен и Жуком обсуждали более приземленные вещи: сколько платежей принесут в банк и сколько в кофейню, как нести деньги из кофейни и при этом избежать нападения, договариваться ли с королевскими стражниками о помощи в частных контрактах — сугубо деловые соображения, беседа владелицы банка с подчиненными. Китрин говорила как женщина, полностью уверенная в своей дальнейшей судьбе, — к совершенному восхищению Маркуса.

Вдруг послышался звон — били палочкой по оловянному котелку.

— Спектакль начинается! — сквозь гул харчевни донесся до них голос Микеля. — Выходите смотреть! Спектакль начинается!

Маркус бросил на стол несколько монет, встал и полусутоя предложил руку Китрин.

— Не угодно ли?

Китрин с шутливой торжественностью приняла его руку.

— Ради спектакля мы и пришли, — пояснила она. Маркус вместе с Китрин и своими нынешними соратниками вышел во двор смотреть на соратников прежних. Толпа собралась приличная, в полсотни человек, к ней наверняка присоединятся посетители харчевни. Мастер Кит вышел на подмости — жесткие волосы откинута назад, у бедра болтается меч. Кто-то захлопал — Маркус в их числе. Тут же на сцене показался Сандр, делая вид, что ковыряет в зубах кинжальным острием.

— Ты, Пинтин, немало лет служил под моим началом и был моей правой рукой! — начал мастер Кит, выдвигая челюсть в пародии на героическую гримасу. — Ты был со мной в минуты высшей славы и глубочайшего отчаяния. Теперь же свора псов, алчущих войны, спущена с цепи, и нам предстоит их опередить. Завтра армии темного Саракала обрушатся на наш город.

— Значит, надо дать деру сегодня ночью, — подал реплику Сандр, по толпе прошел смешок.

— Воистину нам не судьба остаться в стенах города и вступить в роковую битву! Город неминуемо падет, но прежде нам надлежит спасти леди Данеиллин — единственную наследницу рода и первую красавицу Элассы. Предстоит великий подвиг, Пинтин! Нам вручена судьба благороднейшей леди! Наш отряд выступает нынче ночью!

— Как бы не так, — ответил Сандр голосом Пинтина. — Стражники из отряда сегодня мочились с городской стены, глядя, чья струя бьет дальше. Магистрат решил, что идет дождь. Теперь стражники в городской тюрьме.

В фигуре мастера Кита поубавилось важности, героическая челюсть ослабла.

— Что-о-о? — завопил он комическим фальцетом. Толпа засмеялась громче — пьеса

явно нравилась.

Маркус наклонился к Ярдему.

— Я не такой, — шепнул он. — Патетические речи, героические позы — это не я.

— Конечно, сэр, — кивнул Ярдем.

Через два дня Китрин с Маркусом сидели за столиком в кофейне. За окнами стучал легкий дождь, мостовая у входа на главный рынок потемнела почти до черноты. За спиной Маркуса двое куртадамов обсуждали последние новости Нордкаста, где назревала очередная война за наследство. Маркус напомнил себе, что его это не касается, и даже почти не солгал.

Пахло густым кофе и дождем.

— Если будут свободные деньги, в следующем году хорошо бы снарядить корабль в Наринландию, — заметила Китрин.

Маркус кивнул.

— С проектом нового флота все неясно, особенно поначалу. Если он окажется успешным хотя бы на первые два года, поток кораблей в Порте-Оливе увеличится. Нам это выгодно: мы банк с хорошим именем, нас все знают, мы надежны.

— Это все при одном условии, — напомнил Маркус.

Китрин проглотила комок в горле. В последние недели она осунулась, всегдашняя бледная кожа стала мертвенно-серой. Маркус удивлялся, как этого не замечали те, кто просил ее поручительства для займа или приносил ей деньги для размещения под разумный процент. Ее снедало беспокойство, вновь пропал сон. Однако она не пыталась глушить себя вином, чтобы заснуть, — и в глазах Маркуса это тянуло на подвиг.

— Все при одном условии, — согласилась Китрин. — Вы никогда не жалели, что так и не попытались сбежать? Набить карманы и исчезнуть?

— Спроси у меня то же самое, когда ревизор уедет.

Китрин кивнула. Хозяин кофейни, полуслепой старик цинна, показался из задней комнаты, припадая сразу на обе ноги: из-за дождливой погоды ныли кости. Китрин приподняла пустую чашку, маэстро Азанпур понимающе кивнул и исчез в недрах кофейни.

— Магистр Иманиэль говорил, что ждать тяжелее всего, — сказала Китрин. — Что вернейший способ проиграть — потерять терпение. Найди любое занятие просто ради того, чтобы что-то делать, и не отвлекайся. Мне всегда казалось, что это такая очевидная истина. Ближе магистра Иманиэля и Кэм у меня никого не было, меня отдали на попечение банка совсем крохой. Магистр Иманиэль знал все на свете о деньгах и рисках и о том, как казаться не тем, кто ты есть на самом деле.

— Из него бы вышел хороший полководец. Наверное.

— Нет, — покачала головой Китрин. — Впрочем, не знаю. Может быть. Он, правда, не любил солдат, не любил войну. Говорил, что вселенную можно завоевать двумя способами: мечом в руке и кошельком.

— Вот как? А наживаться на войнах?

— Тоже можно, но только если ты оказался в нужном месте, нашел единственно правильную позицию. А в общем случае война приносит больше потерь, чем прибыли. И по словам магистра Иманиэля выходило, что мы и удерживаем все мечи, рвущиеся из ножен. Война или торговля. Кинжал или монета. Два вида людей.

— Тебе его не хватает?

Китрин кивнула, потом пожала плечами. И снова кивнула.

— Да, но не так, как я раньше думала. Мне казалось, я буду тосковать по его знаниям, а теперь мне просто хочется услышать его голос. И вспоминаю я его не так уж часто.

— С тех пор как ты видела его в последний раз, ты изменилась, — напомнил Маркус. — Ярдем среди прочего однажды сказал, что горе нельзя переживать так же, как делать работу: мол, если сильнее стараться, то быстрее закончишь. Надо просто меняться так же, как меняешься всегда. И тогда приходит миг, когда ты уже не тот человек, который страдал от горя.

— А с вами это срабатывало?

— Пока нет, — ответил Маркус.

Маэстро Азанпур вернулся с новой чашкой кофе в дрожащих пальцах и поставил ее перед Китрин. Девушка подула, разгоняя пар, и отпила глоток. При виде ее улыбки старый цинна расцвел.

— Спасибо, маэстро.

— Вам спасибо, магистра, — ответил старик и захромал к окнам — закрыть ставни от холода.

Капли дождя стучали все громче, взрываясь белыми брызгами на серой земле. Китрин права. В битве самое страшное — ожидание. Ну, если ты не получишь кинжалом в живот во время боя. Тогда это и будет самым страшным. Или то, что ты жив и бой закончен, а все твоё войско полегло.

На дальнем конце площади появился Ярдем — более темная тень на фоне прочих призраков. Он не пытался бежать, даже не ускорил шаг, просто шел мимо рынка и королевских гвардейцев. Становясь с каждым шагом более реальным. Более осязаемым.

Пригнув голову, он вошел в двери.

— Сэр?

— Спокойно, — сказал Маркус, чувствуя, как перехватывает в горле. — Спокойно.

Кирин встала, внешне совершенно невозмутимая — страх в глазах заметил бы лишь тот, кто прожил с ней почти год под одной крышей.

— Ревизор явился? — спросила она.

Ярдем дернул ухом и кивнул:

— Да, магистра.

Паэрин Кларк.

Имя она слышала еще в Ванайях — хотя и не помнила подробностей: звучание просто казалось знакомым, как у имен из старинных сказаний и легенд. Дракис Грозовран. Аэза, принцесса мечей.

Паэрин Кларк.

Китрин расправила юбку, аккуратно выравнивая складки. Сердце билось о ребра, как птица в силках, в груди стоял ком, из-за которого накатывали то судороги, то тошнота. Хотелось пить. Чего-нибудь крепкого, способного расслабить, успокоить, придать смелости. А вместо этого приходится держаться, как учил мастер Кит — опущенные плечи отведены назад, спина расслаблена, — и молиться о том, чтобы ее и вправду приняли за спокойно владеющую собой женщину, а не за девчонку в матушкиных юбках.

Тихий мягкий человек сидел в ее комнате за ее столом, положив ногу на ногу и обхватив колено сцепленными пальцами. Редеющие на лбу волосы, узкие плечи — он мог быть кем угодно. Никем. Блокнот со стальным пером лежал здесь же, однако гость не написал ни слова, даже шифром. Вопросы он задавал спокойно и с улыбкой, выговаривая слова с легким нордкостским акцентом.

— Значит, магистр Иманиэль к этому непричастен?

— Нет, никоим образом, — ответила Китрин. — Мы просто собирались вывезти имущество ванайского филиала в Карс. Ничего другого магистр Иманиэль не задумывал. Если бы у перевала в Беллине не выпал ранний снег, все шло бы по плану.

— А кто решил повернуть к югу?

— Капитан Вестер.

— Расскажите подробнее.

В нижнем этаже все было тихо — ни единого голоса. Капитана Вестера со стражниками Кларк выставил из дома, заменив их дюжиной мечников и лучников. Тишина казалась неестественной и грозной. По окнам барабанил дождь, как тысячи мелких пальцев, тычущих в Китрин. Вдали недобро бормотал гром.

Китрин подробно рассказала все, не утаив ни единой подробности. Как караван выследили антейцы, как фургон попал в Порте-Оливу, как прятали сокровища в соляном квартале.

— И на этом этапе груз охраняли только капитан Вестер и его тралгут?

— Я бы не называла Ярдема «его тралгутом».

— Стражников было всего двое?

— Да, — подтвердила Китрин.

— Благодарю вас.

Девушка поведала, как Опал подстроила нападение, как Маркус опасался уезжать из Порте-Оливы и как она сама боялась оставаться. Подделку документов она описывала обыденно и небрежно: магистр Иманиэль всегда повторял, что если говоришь виноватым тоном, то подумают, что ты и впрямь виновен. Когда Китрин упомянула о поддельных документах, поданных наместнику Порте-Оливы, гость не произнес ни слова и даже не переменял выражения лица. Как только Китрин перешла от истории открытия фальшивого филиала к вкладам, займам, процентам и сделкам, она почувствовала себя спокойнее.

Она говорила чуть ли не весь вечер — голос охрип, спина заболела от сидения в одной позе. Если Паэрин Кларк и испытывал неудобства, то не выдал этого ни единым движением.

— Какую часть решений вам подсказывал капитан Вестер?

— Никакую. Он не пытался, а я не просила.

— Почему?

— Он не банкир. Я выделила ему достаточную, по моим расчетам, сумму, чтобы он организовал охрану того золота, что хранится в банке, и тех средств, что мы перемещаем по городу. Вот и все.

— Понятно. Что ж. Благодарю вас, госпожа бель-Саркур. Я давно уже не слыхал таких захватывающих повествований. Все банковские книги и записи, я полагаю, хранятся здесь?

— Да. Еще я сняла комнату в кофейне у главного рынка, но все документы уже перенесены сюда.

— Прекрасно.

— Могу ли я высказать одно соображение?

Паэрин Кларк поднял брови. Китрин набрала воздуха побольше.

— Мое имя, в силу сложившихся обстоятельств, тесно связано с деятельностью Медеанского банка в Порте-Оливе. Перемена такого положения не принесла бы никому выгоды, особенно если учесть, что филиал открыт совсем недавно. Я надеюсь, что по окончании ревизии вы рассмотрите возможность оставить меня в банке в качестве официального лица для контактов с клиентами.

Кларк отложил перо и закрыл блокнот.

— Мне кажется, вы не вполне понимаете ситуацию. Это... назовем его происшествие... доставило немало беспокойств Медеанскому банку и лично Комме Медеану. Из-за него сорвались переговоры в Гереце и Нордкосте, банк был вынужден отвлечь немалые силы, включая меня самого, от решения серьезных задач, имеющих немалую важность. Из вашего рассказа я заключаю, что вы были введены в заблуждение предводителем наемного отряда — причины мне пока неизвестны. Однако я весьма и весьма хорошо знаю свое дело. Если вы что-то утаили — я все равно выясню истину. Я не пожалею времени, чтобы проверить каждую заключенную вами сделку. Трое моих помощников уже отправлены в город наводить справки о вашей деятельности: если в банковских книгах отражены не все контракты, я это тоже выясню. И городская тюрьма Порте-Оливы — не самое страшное, что может вас ждать. Теперь, прежде чем я перейду к делу, ответьте мне на один вопрос. Я задам его только один раз. Если вы скажете правду, у меня есть полномочия просить для вас снисхождения. Если вы солжете — я сделаю вашу жизнь невыносимой. Вам это ясно?

Китрин при этих словах должна была бы съежиться от страха — ведь именно этого ждал от нее Кларк. Вместо этого на нее нахлынуло странное спокойствие. Он ее запугивает. Снисходит до нее. Значит, недооценивает. Она отбросила последние сомнения. Кларк — глупец, и все, что она с ним сделает, будет более чем справедливо.

— Ясно, — ответила она. Кларк, который ожидал услышать в ее голосе нечто другое, на миг замешкался, и Китрин улыбнулась. — Какой вопрос вы хотели задать?

— Что вы от меня утаиваете?

«Что я тебя одолею, — мысленно ответила Китрин. — Что победа останется за мной».

— Если у вас есть вопросы, мастер Кларк, я в вашем распоряжении, — сказала она вслух. — Но суммы в моих документах сведены верно.

Всю следующую неделю она жила как в изгнании — днем сидела в кофейне или гуляла

по городу, ночью спала в гостинице рядом с банком. Каждый день ревизор адресовал ей целый ворох вопросов. Почему в этом контракте процентная ставка указана, а в другом нет? Почему некая сумма взята из средств банка и когда будет возвращена? Почему принят данный заем, а аналогичный отвергнут, несмотря на очевидную выгоду? Китрин сидела в своих — своих, прах всех побери! — комнатах и позволяла себя экзаменовать. Все ответы она знала назубок, и через несколько дней даже забавлялась, глядя, как Кларк пытается ее поймать. Он был умен и дело знал хорошо, Китрин его даже зауважала. В конце концов, он занимался банковским делом с тех времен, когда она была еще ребенком.

То есть ровно столько же, сколько и сама Китрин.

Корабли, собиравшиеся в Наринландию, наконец отчалили, приняв на борт растительное масло, вино, хлопчатобумажные ткани — и надежды торговых домов Порте-Оливы. Однако Медеанский банк Порте-Оливы в этом не участвовал: ревизия еще не закончилась. Все откладывалось до следующего года. Может быть.

Китрин, стоя на набережной, смотрела вслед судам, уводимым лоцманами из залива. Наконец паруса взметнулись, наполнились ветром и затрепетали, как лепестки весенних цветов на лугу. Не говоря ни слова, она провожала их взглядом, пока корабли не исчезли за серой полосой между морем и небом, и даже потом не отвела глаз, продолжая смотреть на скрывающую их дымку. Высоко над водой кружились чайки — то ли жалуясь, то ли веселясь.

— Утром в кофейне опять тебя спрашивали, — сказал стоящий рядом капитан Вестер, скрещивая руки на груди. — На этот раз хозяйка пивоварни с сыном.

— И что вы им сказали?

— Ярдем ответил то же, что и всем. Что ревизия нового филиала — обычное дело, оказывайте содействие и все такое. Она огорчилась, хотела поговорить с тобой лично и чуть не обиделась, когда он сказал, что если еще вы обе станете сличать счета, то ревизору только прибавится работы. Обвинила Ярдема в том, что он возводит на нее напраслину.

— Приятного мало. Я бы, конечно, положила этому конец, если бы могла.

— Я знаю.

Китрин плотнее завернулась в плащ и, отвернувшись от бескрайнего моря, зашагала к городу. Своему городу. Хотя даже не знала, давно ли он стал для нее своим.

— Будем надеяться, что ждать осталось недолго и все станет по-прежнему.

Капитан поравнялся с Китрин, и теперь они шли нога в ногу — то ли она подлаживалась под его шаг, то ли наоборот.

— Ты еще можешь все бросить и уйти, — напомнил он. — Я возьму обратно ключ, ты заберешь шкатулку из дворца наместника. Не такой уж плохой исход. Карс — приличный город, и даже если разыграется борьба за наследство, тебе там ничего не грозит. Карс никто не подумает осаждать. Выждешь год, получишь свои деньги. И можешь делать что хочешь.

— Вот этого — не хочу.

— Тоже понятно.

Они спустились по длинной беленой лестнице и, пройдя вдоль городской стены, вышли к солянному кварталу. Где-то по пути было место, где погибла Опал, но Китрин его не узнала и не стала спрашивать. Мелкий жесткошерстый пес увязался за ними следом, тьякнул — и тут же сбежал, стоило Маркусу сделать вид, что нагибается за камнем.

— Зато ты не пьешь, — сказал он.

«Да я за бутылку вина утоплю хоть невинного младенца, — чуть не выпалила

Китрин. — Просто трезвый ум может понадобиться в любую минуту, и предупредить никто не будет».

— Обойдусь, — сказала она вслух.

— И не спишь.

— И без сна тоже обойдусь.

Гостиница, приютившая их на время ревизии, стояла на углу самых широких улиц Порте-Оливы. Низкие облака почти касались белых стен и деревянной крыши, здание выглядело холодным и неприветливым. При их приближении от дверей отделилась фигура — Китрин видела, как насторожился Маркус, хоть и не сбавил шага. В горле у нее запершило.

Стражник Паэрина Кларка подошел ближе.

— Он хочет меня видеть? — спросила Китрин.

— Как обычно, — ответил стражник. — Кажется, все закончилось.

Китрин глубоко вздохнула. Вот и настал решающий час.

— Капитан может пойти со мной?

— Не вижу препятствий.

Путь до банка был короток, но в мозгу Китрин отдавался каждый шаг. Она вдруг вспомнила, что на ней то самое платье, которое она первым купила в Порте-Оливе — когда ради скидки в пять монет она выдумала халлскарское солевое окрашивание. Платье опаснейшей женщины. Что ж — может, это хорошая примета.

Навстречу попался мальчишка-куртадам, продающий орешки в меду, и Китрин купила один пакетик. Закинув в рот два ядрышка, она дала один Маркусу и протянула бумажный пакетик стражнику. Тот улыбнулся и взял два ореха. Значит, либо он последний мерзавец, либо исход ревизии благоприятен. Нет, мысленно поправила себя Китрин. Это значит, что благоприятным его считает стражник.

В комнату над банком девушку не пускали три недели, и сейчас, поднимаясь по лестнице, она приготовилась не выдать гадливости при виде перемен, однако наверху все оказалось ровно в прежнем виде, словно Паэрин Кларк был призраком, не оставляющим следов.

Кларк сидел за письменным столом и писал, кодированные знаки текли из-под пера легко и свободно, без всякой помощи шифровальных книг. Он кивнул Китрин и затем Маркусу, закончил строку и повернулся к пришедшим.

— Госпожа бель-Саркур, — начал он. — У меня есть к вам последний вопрос. Надеюсь, вы не возражаете.

Тон его неузнаваемо изменился, теперь в голосе звучало уважение. Что ж, резонно. Она заслужила.

— Прошу вас.

— Я почти уверен, что знаю ответ, и все же. В одной из последних записей упомянута отложенная сумма в шестьсот двенадцать мер серебра.

— Прибыль банка за квартал, для отправки в головную контору, — ответила Китрин.

— Да. Так я и думал. Пожалуйста, присядьте оба.

Маркус подвинул Китрин табурет, сам остался стоять сзади.

— Должен сказать, что я впечатлен результатом. Магистр Иманиэль выучил вас великолепно. Мы, конечно, понесли некоторые потери, однако в общем заключенные вами контракты солидны и дельны. Проект с созданием городского флота был несколько

опрометчив, однако поскольку ваше предложение было отклонено, мы можем сбросить его со счетов.

Китрин задумалась было, чем Кларку не угодил флот, однако ревизор еще продолжал говорить:

— Я пишу отчет в головную контору и намерен в первую очередь указать, что все ваши действия были предприняты в честном стремлении способствовать процветанию банка. Мы, к сожалению, теперь имеем в Порте-Оливе обязательства, которые идут вразрез с нашими намерениями, однако я уверен, что вы действовали из наилучших побуждений. И хотя некоторые средства, к которым вы прибегли, находятся за гранью закона, я не вижу выгоды в применении юридических санкций.

— Он говорит, что нам это сошло с рук? — спросил Маркус.

— Да, — кивнула Китрин.

— Рад слышать.

Паэрин побарабанил пальцами по столу, лоб его прорезали морщины.

— Мне не хотелось бы опережать события, и я, разумеется, остерегусь давать какие-либо гарантии, — продолжил он. — Однако ваши таланты вполне могут найти применение в Карсе. Мне предстоит обсудить этот вопрос с Комме Медеаном и другими руководителями. Если вы намерены связать себя с банковским делом, Карс для этого вполне подойдет.

«Ты еще можешь все бросить и уйти», — сказал Маркус меньше часа назад. Отступить можно даже и сейчас. Однако настала пора жечь мосты.

— Я предпочла бы Порте-Оливу. Вы обдумали мое предложение?

Паэрин Кларк вскинул на нее бесстрастные глаза и через миг неловко кивнул.

— Вот вы о чем. Нет. Филиал будет передан в руки законного представителя банка и затем расформирован. Оставить вас в прежней должности невозможно.

Маркус усмехнулся:

— Я надеялся, что он так и скажет. Я негодай?

Китрин, не обращая на него внимания, выпрямилась и твердо посмотрела ревизору в глаза.

— Вы кое-что упускаете из виду, мастер Кларк. Среди переданных вам банковских книг отсутствует одна — с записями ванайского периода. Она очень старая и не имеет прямого отношения к вашей ревизии.

Паэрин Кларк повернул кресло, чтобы оказаться лицом к лицу с Китрин, и скрестил руки.

— В этой книге есть запись о том, что банк принял меня на попечение, — продолжала Китрин. — Там указан мой официальный возраст и дата, после которой мне позволено подписывать юридически правомочные контракты. Этот день наступит следующим летом.

— Не вижу, как это...

Китрин обвела руками банковские книги, кипы бумаг и пергаментных свитков — весь арсенал банка.

— Все эти контракты недействительны, — пояснила она. — У меня нет законных полномочий заключать сделки. До нужного дня еще десять месяцев.

На лице Паэрина Кларка играла все та же спокойная улыбка, что и в первый день, однако Китрин показалось, что он слегка побледнел.

— Если сведения из этой книги станут известны, — продолжала она, — банку останется только обращаться напрямую к наместнику, чтобы либо прижать контрактам

законную силу, либо потребовать возврата выданных сумм. Я встречалась с наместником и не думаю, что он захочет забрать деньги у своих горожан и отдать их банку, который спешно сворачивает деятельность в его городе.

— И где сейчас эта книга? — спросил Паэрин Кларк.

— В сейфе, арендованном у наместника для меня как частного лица, вне связи с банковскими делами. А ключ к шкатулке хранится у человека, которому нет ни малейшей выгоды содействовать банку. Если я скажу ему, что находится в шкатулке, вы можете пустить все документы на растопку кухонного очага.

— Это пустые угрозы. Если дело откроется, вас обвинят в подлоге, краже, умышленном обмане. Мы потеряем только деньги, а вы будете гнить в тюрьме до конца жизни.

— Я сумею вывезти ее из города, — вмешался Маркус. — Все королевские гвардейцы будут кататься по земле от хохота, потешаясь над вашим банком, так что выбраться будет несложно. К середине зимы Китрин уже будет в надежном месте за пределами Биранкура.

— Мы — Медеанский банк, — заявил Паэрин. — Вам от нас не уйти.

— Я Маркус Вестер. Я убивал королей. И блефовать не умею. Только попробуйте ей угрожать, и...

— Прекратите оба, — повысила голос Китрин. — Я предлагаю вот что. Оставьте филиал как есть, только назначьте нотариуса из головной конторы. Объявим, что он будет помогать с бумагами. Я — представитель банка, но все сделки контролирует нотариус.

— А если я откажусь?

Хотелось выпить. Хотелось в теплую постель, где ее обовьют мужские руки. Хотелось верить, что она поступает правильно.

— Я сожгу филиал дотла, — сказала она.

Мир балансировал на лезвии клинка. Ревизор, закрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

«Ну и ладно, — мысленно отмахнулась Китрин. — Провести зиму в бегах было не так уж плохо. В этот раз по крайней мере можно не переодеваться мальчиком».

— Вы ничего не подписываете, — решил наконец Паэрин Кларк. — На всех контрактах ставит подпись нотариус, только он один. Переговоры ведутся исключительно в его присутствии. Если он принимает решение вразрез с вашим, вы подчиняетесь. Управление филиалом остается за головной конторой. Вы — номинальная фигура. Не более того.

— Меня это устраивает, — сказала Китрин и мысленно добавила: «Пока не найду способа все изменить».

— И вы отдадите мне упомянутую книгу с записью о вашем возрасте. До моего отъезда.

— Нет, — заявил Маркус. — Если отдать книгу, Китрин лишится последнего. Вы сможете все переиграть, и она останется ни с чем.

— Ей придется мне поверить.

Китрин проглотила ком в горле. Тошнило. Хотелось запеть.

Она кивнула. Паэрин Кларк некоторое время сидел недвижно, затем взял со стола письмо, которое писал перед ее приходом, и со вздохом разорвал его в клочки.

— Кажется, мне придется написать другой отчет, — криво улыбнулся он. — Поздравляю вас с новым банком, магистра.

Казнь Фелдина Мааса затмила церемонию погребения его жены. Гедер, оказавшись перед выбором, решил в пользу казни, так же поступили большинство придворных. Трон короля Симеона стоял на возвышении, рядом в похожем кресле сидел принц Астер в черном горностае — как и отец. В середине пустого зала преклонил колени Фелдин Маас. Егс запястья и щиколотки были перетянуты веревкой, и даже с галереи, отгороженной витым шнуром, Гедер разглядел синяки на его ногах и длинные, в стружьях, черные полосы на спине. Вокруг приговоренного стояли десять палачей в стальных масках, напоминающих оскаленные морды, затупленные мечи сплошь покрывала ржавчина.

Где-то стукнули в барабан — глухой удар разнесся в тишине зала, нарушаемой лишь шепотом какого-то придурка в дальних рядах толпы. Гедер попытался не обращать внимания на людей, сосредоточившись на действе. Хотя он приехал довольно поздно, вельможи отвели ему лучшее место в ближней части галереи, так что зал открывался перед ним как на ладони. Рядом стоял Доусон Каллиам с двумя сыновьями. Все взгляды, не устремленные на Мааса, были прикованы к Гедеру, и юноша в очередной раз пожалел, что не догадался отдать в переделку черный плащ, привезенный некогда из Ванайев: за лето Гедер похудел, и плащ теперь свисал с плеч неловкими складками.

Король Симеон — суровый, с посеревшим лицом — поднял руку, барабан смолк. Толпа на всех трех ярусах галереи затаила дыхание, и даже придурок в дальних рядах наконец умолк.

— Тебе позволено последнее слово, предатель, — разнесся по залу голос короля Симеона.

Фелдин Маас медленно покачал головой.

Нет.

Король махнул рукой, и палачи, шагнув вперед, вонзили каждый свой клинок в тело преступника. Гедеру кто-то говорил, что мечи специально оставляют тупыми, чтобы убивать не столько железом, сколько усилием палачей — для пущей наглядности. Раздался крик Мааса — только один, — палачи отступили, оставив в растекающейся луже тело с торчащими из него десятью клинками. По толпе прошел вздох, как ветер по верхушкам деревьев.

Король Симеон встал, позади него принц Астер казался статуей самого себя, вырезанной из бледного камня. Гедер задумался, каково девятилетнему мальчику узнать, что взрослый человек задумывал его убийство, и потом собственными глазами видеть жестокую расправу.

— Такова судьба тех, кто нарушает клятву верности Рассеченному Престолу, — объявил король. — Правосудие свершилось, и пусть видевшие разнесут весть о том, что все предатели Антеи будут найдены и казнены.

Отовсюду слышались рукоплескания и одобрительные крики.

Доусон Каллиам склонился к Гедеру.

— Это и в твою честь, Паллиако! — крикнул он ему в ухо, перекрывая рев толпы.

Примерно то же Доусон сказал ему еще до церемонии, только тогда слова прозвучали жестче: «Ты дал Симеону решимость, которой ему недоставало».

Вновь ударил барабан, и король с принцем торжественно удалились. Слуги в красных

одеждах вынесли Мааса — тело вместе с мечами выставят напоказ на семнадцать дней, а потом сбросят в Разлом к кухонным объедкам и нечистотам: всякий, кто покусится достать его и похоронить, будет повешен. Где-то за спиной Гедера, отгороженные от него рядами антейских вельмож, открылись двери. Без короля шум стал оглушительным, все галдели так, что Гедер не мог различить ни слова, и он, подчиняясь общему потоку, двинулся к выходу.

В просторных залах и переходах Кингшпиля аристократы разбились на сотню мелких групп, гомон сделался тише, хотя расслышать слова Гедеру по-прежнему не удавалось. Все усиленно не смотрели в его сторону, но по их лицам он примерно представлял, что они говорят. «Паллиако рассказывает, будто ездил в Кешет, а на самом деле вернулся с доказательствами заговора против принца Астера», «Пожар Ванайев был только часть его плана», «Я же говорил, что привести к столице верные войска перед самым мятежом наемников — не совпадение». Гедер неторопливо шел через толпу, упиваясь вниманием.

— Лорд Паллиако, можно вас на два слова?

Куртин Иссандриан и Алан Клинн с печатью вселенской обреченности на лицах.

Гедер улыбнулся.

— Я пришел поблагодарить вас, милорд, — сказал Куртин Иссандриан, протягивая ему руку. — Я вам неизмеримо обязан.

— В самом деле? — спросил Гедер, давая руке Иссандриана повисеть в воздухе подольше.

— Если бы не вы, я до сих пор состоял бы в союзе с тайным предателем державы. Фелдин Маас был моим другом, и дружеские чувства меня ослепляли, не давая видеть его истинную природу. Сегодняшний день для меня чудовищен, однако он был необходим, чтобы я прозрел. Примите мою благодарность.

Гедер пожалел, что здесь нет Басрахипа и теперь не узнать, правду ли говорит Иссандриан. Ну что ж, в следующий раз. Впереди месяцы и годы — Гедер со своим Праведным Слугой еще выяснит все дворцовые тайны. А пока толика великодушия не повредит.

И он пожал руку Иссандриану.

— Вы достойный человек, Гедер Паллиако. — Иссандриан повысил голос, чтобы его слышали вокруг. — Антее очень повезло, что у нее есть такой сын.

— Благодарю вас, лорд Иссандриан, — в тон ему ответил Гедер. — Признание собственной слабости требует немало мужества. Я уважаю ваше решение.

Рукопожатие распалось, вперед выступил Алан Клинн с выставленной наготове рукой. Гедер с улыбкой принял его ладонь и притянул Клинна поближе.

— Лорд Клинн! — улыбаясь еще шире, воскликнул он. — Давно не виделись!

— Да. Давно.

— Помнишь ту ночь перед Ванайями, когда я спяну сжег книгу, которую тебе показывал?

— Конечно! — рассмеялся Клинн, словно они с Гедером устроили вечер забавных воспоминаний. — Еще бы!

Гедер тоже рассмеялся и затем в мгновение ока стер улыбку с холодного лица.

— Я тоже.

Бросив руку Клинна, он резко повернулся и зашагал из дворца прочь, чувствуя, как сама земля вздымается под ногами, принимая каждый его шаг.

Над городом простиралось синее небо, веял холодный зимний ветер. Отец Гедера стоял

у лестницы, ведущей к столпотворению лошадей и карет. В руке он держал погасшую трубку.

— Значит, политический процесс наконец дошел до логического финала? — спросил Лерер.

— А ты не смотрел?

— Я слишком стар смотреть на кровавые пятна. Нужно казнить — казни, незачем устраивать спектакль.

— Король должен был показать всем, как он обходится с врагами! — воскликнул Гедер, раздосадованный, что отец не видел смерти Мааса. — Чтобы Астерилхолд прекратил вмешиваться в наши дела! Они ведь хотели убить принца Астера!

— Видимо, так. И все же я мечтаю лишь вернуться домой и стряхнуть с себя вонь Кемниполя. Слишком давно мы здесь торчим, пора в Ривенхальм.

Если нам предстоит осознать свободу человечества — нам прежде нужно осознать рабство. Начало всех рас — даже первокровных — лежит в царствовании драконов, и конец драконьей империи с очевидностью стал началом собственно человеческой истории. Не будет преувеличением сказать, что последний вздох последнего из драконов ознаменовал наступление эры человечества во всем многообразии. Однако, как и любая свобода, новая эра рождалась и формировалась в предыдущий период. Наши знания о драконьей империи как минимум неполны, однако я настаиваю, что обнаружение пещерных дворцов в Такинпале открывает нам нужные пути к пониманию того, что я назвал эрой созидания.

Гедер пролистал книгу назад, перечитывая ранее переведенные страницы. Коричневые, хрупкие от времени листы чуть не крошились в руках — при каждом прикосновении Гедер боялся, что лист расползется под пальцами, однако сейчас ему нужно было вчитаться в оригинал. Должно быть нечто — слово или фраза с неоднозначным смыслом, который мог потеряться при переводе, — что указывало бы на существование богини.

Дверь кабинета распахнулась, вошел Басрахип в прежней хламиде, которую носил еще в горном храме, и в кожаных башмаках с толстой подошвой — для хождения по кемнипольской брусчатке. Среди богатых гобеленов и мягких кресел он смотрелся инородно, как пустынная колючка на клумбе из роз. Жрец с улыбкой поклонился Гедеру.

— Опять гулял? — спросил Гедер.

— Я слышал о великих городах мира, но не представлял, насколько они величественны и порочны. Мне солгал ребенок не старше семи зим от роду. Без всякой причины.

— И что он сказал?

Жрец-великан опустился в кресло напротив Гедера, деревянный каркас скрипнул под его весом.

— Что поведаст мне будущее за три медных монеты. Он знал, что лжет. Совсем ребенок!

— Попрошайка, — кивнул Гедер. — Они только и делают, что обманывают — добывают деньги на еду. Будь осторожнее, на некоторых улицах может быть опасно. Особенно после наступления тьмы.

— Ты живешь в эпоху тьмы, друг мой. Однако после очищения твой город станет небывало прекрасен.

— Ты был в храме?

— Да, — кивнул Басрахип. — Красивое здание. Жду не дождусь, когда оно перейдет в мои руки.

— Бумажная волокита долго не продлится, к закрытию придворного сезона должны успеть. А это меньше недели. Правда, в Кемниполе зимой делать почти нечего.

— У меня забот хватит.

— Я тут читал... — сменил тему Гедер. — И мне кое-что непонятно.

— Да?

— Богиня вечна. Она существовала до рождения драконов и во время их царствования. Однако я видел упоминания Праведного Слуги — Синир Кушку — только применительно к самым поздним периодам и к временам последней войны. Причем пишут, будто его создал Морад, как Астерил создал тимзинов, а Ваилот — утопленцев. Не понимаю, как это может быть правдой.

— Значит, это может быть неправдой, — ответил жрец. — Меньше доверяй написанным словам, друг мой. В них гнездится ложь. Сейчас покажу. Прочти мне что-нибудь из книги.

Гедер перелистнул страницы, пробежал пальцами по тексту и наконец нашел легкий для перевода фрагмент.

— «В четвертый век правления дракона Ваилота эта политика изменилась».

— Правда ли это? Ложь ли? Веришь ли ты в то, что читаешь? Нет, друг мой. В твоём голосе ничего нет, ты лишь повторяешь пустые слова. Записать мысль — значит её убить. Правда живет только в звучащем голосе. Я и мои братья слышали друг друга, передавая голос богини от поколения к поколению, и с каждым новым словом мы понимали, что из слышимого правда. А твои книги — просто бумага и чернила. Мертвые. Бездушные. Не верь им, будь мудрее.

— А... — выдохнул Гедер. — Вот как... Никогда не задумывался. Значит...

— Гедер!

В дверях стоял Лерер в придворной одежде серо-синих цветов рода Паллиако. Он не отнимал руку от двери, будто нуждался в опоре.

— Что случилось, отец?

— К нам пришли. Пойдем со мной.

Гедер встал, от тревоги свело скулы. Басрахип перевел взгляд с двери на Гедера и обратно.

— Жди здесь, — велел Гедер. — Постараюсь вернуться скорее.

Лерер молча шагал по коридорам. Слуги, обычно снующие по дому, как пчелы по лугу, куда-то пропали. У двери в малую гостиную отец остановился и хотел было заговорить, но лишь покачал головой, открыл дверь и вошел.

В малой гостиной, самой уютной в доме, полированные серебряные канделябры удваивали блеск свечей и наполняли комнату жарким запахом меда. Камин в углу стоял незажженным, из западного окна солнечные лучи падали на бледные шелковые стулья, почти сияющие от света. Мальчик в серых одеждах устремил взгляд на Гедера, лицо показалось знакомым. На дальней стене картина в человеческий рост изображала зелено-чешуйчатого дракона, вознесенного над тринадцатью фигурами — символами человеческих рас. У стены, подняв голову к картине, стоял король Симеон.

При появлении Гедера и Лерера он обернулся.

— Ваше величество, — с поклоном приветствовал его Лерер. Гедер, боясь отстать, тоже

торопливо склонился. Стало быть, мальчик — принц. Принц Астер и король Симеон.

— Рад наконец познакомиться с вами, Гедер Паллиако, — сказал король, обращаясь к нему личным именем, и Гедер счел это за позволение встать.

— Я... э-э... Благодарю вас. Мне тоже приятно с вами познакомиться, ваше величество.

— Вам, должно быть, известна традиция нашего королевства отдавать принца на воспитание в высокородную семью с хорошей репутацией. В семью, которая поклянется защищать его в случае необходимости.

— А, — выдохнул Гедер. — И что же?

— Я пришел просить вас об этой чести.

— То есть моего отца? Наш род?

— Не меня, — поправил его Лерер. — Тебя.

— Я... я не умею воспитывать детей. При всем уважении, ваше величество... Я даже не буду знать, с чего начать.

— Защитите его. — В тоне короля — ни повелительном, ни даже просто официальном — звучала почти просьба, а то и мольба. — Просто защитите.

— Сейчас при дворе тебя и боготворят, и страшатся, мой мальчик, — заметил Лерер. — Половина считает тебя героем, каких Антея не видела многие годы, остальные молчат, опасаясь привлечь твое внимание. Не самое лучшее положение для того, чтобы становиться воспитателем принца.

— Я и не становлюсь, — пробормотал Гедер. — И ничей я не воспитатель. Если уж кому и принимать должность — то тебе, отец. Ты виконт Ривенхальм.

— А вы — барон Эббинбау, — объявил король.

— Эббинбау? — переспросил Гедер.

— Кто-то же должен принять владения Мааса, — пояснил Лерер. — Тебе их и отдают.

— Вот как, — протянул Гедер, чувствуя, как по лицу расползается улыбка. — Вот как!

Принц Астер, встав, подошел к Гедеру — невысокий для своего возраста. Серыми глазами и серьезным лицом он походил на умершую королеву, подбородком — на отца.

— Я обязан вам жизнью, лорд Паллиако, — заученно сказал он. — Буду счастлив жить под вашей опекой и, клянусь, не посрамлю вас как воспитателя.

— Ты этого хочешь? — спросил Гедер.

Формально-придворное лицо принца дрогнуло, в глазах заблестели слезы.

— Все говорят, что мне нельзя больше оставаться с папой.

Гедер сам чуть не расплакался.

— Я тоже потерял мать совсем ребенком, — произнес он. — Может, я буду чем-то вроде дяди? Или старшего брата?

— У меня нет братьев, — сказал Астер.

— Вот видишь? У меня тоже, — сообщил Гедер, и Астер попытался улыбнуться. — Мы, конечно, будем ходить в гости к твоему отцу. И к моему. Подумать только, у меня ведь теперь свое поместье! Отец, у меня теперь свое поместье!

— Конечно, — кивнул Лерер. — Видимо, его величество не хотел быть здесь единственным отцом, который теряет сына.

Гедер его почти не слушал. Нынче в Кингшиле он был героем дня, а теперь у него есть собственный баронский титул и место при дворе — из тех, за какие сражаются и даже гибнут многие подданные короля. Сэр Алан Клинн вырвет на себе все волосы, когда узнает, что его враг — опекун принца Астера.

— Благодарю, ваше величество. Я принимаю эту обязанность и честь и приложу все усилия, чтобы защитить принца Астера. Клянусь.

Король не скрывал слез, однако голос его остался тверд.

— Я вам доверяю, лорд Паллиако. Я... я объявлю о своем решении при закрытии придворного сезона. И позабочусь, чтобы вам обеспечили место в соответствии с новым статусом. Сегодня счастливый день для королевства. Примите мою благодарность.

Гедер поклонился. Хотелось бегать по улицам, скакать и петь, хвастаться всем друзьям, начиная с Джорея Каллиама и...

— Можно мне увести принца? — спросил он. — На минуту-другую? Я хочу его кое с кем познакомить.

В кабинете Басрахип успел перебраться в кресло Гедера и теперь огромными ручищами перелистывал страницы книги — медленно, с гримасой презрения на широком лице. Гедер кашлянул. Жрец поднял голову, его взгляд тут же скользнул от Гедера к стоящему рядом принцу.

— Басрахип, верховный жрец богини, познакомься с моим новым воспитанником, принцем Астером. Принц Астер, это Басрахип.

— Очень рад с вами познакомиться, — произнес принц.

Басрахип улыбнулся.

— Нет, — мягко сказал он. — Пока нет. Но тому придет время, юный принц. Придет время.

Интерлюдия

Отступник

Отступник застонал, повернувшись на тощем тюфяке; первый отблеск зари освещал дверь хлева. В крови возбужденно дергались и плясали пауки, как и на протяжении всего последнего месяца. За все двадцать лет, что он скитался по миру, примесь в его крови никогда не давала себя знать так бурно, как в эти недели. Остальные рядом с ним еще спали, глубокое мерное дыхание успокаивало почти как мягкое шерстяное одеяло. В хлеву было тепло — по крайней мере теплее, чем прежде в фургоне: если захочешь пить, не придется разбивать намерзший в ведре лед. Он приподнялся на постели, заныла спина — то ли от подступающей зимы, то ли от груза лет на плечах, то ли от неугомных существ, живущих под его кожей.

В стойле всхрапнул конь и неловко переступил копытами. В полутьме кто-то тихо ахнул — и отступник замер, прислушиваясь.

— Я не до конца, — прошептал знакомый голос. — Честное слово. Обещаю.

Отступник закрыл глаза. Все как всегда. В любых краях и скорее всего в любые времена и эпохи человечество остается прежним, ничто не меняется. Он кашлянул, прочищая горло, и окликнул виновника — голос заполнил весь хлев и долетел до двора.

— Сандр! Если обрюхатишь девушку, я могу не устоять перед искушением перетянуть твоё хозяйство проволокой. И клянусь, твои способности от этого не улучшатся.

Голос, который раньше ахал, теперь в ужасе взвизгнул, и Сандр влетел в полумрак, оправляя рубаху.

— Никого там нет, мастер Кит, — солгал он. — Даже не знаю, о чем вы говорите.

— Вы про какие способности? — сонно спросил Смитт. — Если про актерские, то связать себя — это хорошее упражнение на концентрацию внимания.

— И горбунов играть будет удобнее, — добавила, зевая, Кэри.

— Да никого там нет, — повторил Сандр. — Вам померещилось.

Скрип половицы в заднем углу хлева известил о том, что девушка — кто бы она ни была — успела сбежать. Отступник сел на постели. Шершень засветил лампу, теплый свет прогнал тьму. Труппа, привычно стеная и жалуясь, начала новый день. Чарлит Соон, новенькая актриса, метала в Сандра гневные взгляды — еще одна забота отступнику, который уже не впервые задумался, можно ли без пауков в крови сохранить в целости театральную труппу хоть ненадолго. Наверное, нельзя.

— Подъем, — скомандовал он. — Почему-то мне кажется, что работа даст нам больше денег, чем лежание в темноте. Подъем, прекрасные безумные балбесы, обрушим наш талант на сердца и мечты Порте-Оливы!

— Сейчас, мамочка, — пропела Кэри, перевернулась на другой бок и снова уснула.

Когда отступник впервые встретил Маркуса Вестера, он про себя назвал его человеком без надежд. За прошлый год отчаяние в капитане слегка померкло, однако Вестер время от времени все же отпускал свои шуточки — «слишком упрям, чтобы умереть» или «большая стирка обойдется и без любви», — и окружающие норовили хохотнуть. И только отступник знал, что для Вестера это вовсе не шутки.

Потому-то капитан его интересовал.

Харчевня поблизости от банка в эти зимние месяцы давала пищу и тепло очага, Кэри и Чарлит Соон порой выступали в общем зале чуть не ночи напролет, распевая песенки из комических опер и зарабатывая вдвоем столько, что денег хватало прокормить всю труппу дня три.

— Лучше всего свои политические убийства не афишировать, — сказал Вестер. — То была моя ошибка. Впрочем, не первая.

— И не последняя, сэр, — уточнил Ярдем Хейн.

— Убережет ли это Норджост от насилия?

— Там одного отравили так, что его рвало до смерти, — ответил Маркус. — Это насилие. Но раз уже заявлено о правах на престол, вряд ли дело дойдет до битв. Так что обстановка для торговли с Наринландией благоприятна. Да и Антея решила пока обойтись без междоусобной войны.

— Я не знал, что они ступили было на путь дракона, — сказал отступник, поднося к губам кружку пива. Зимой пиво хранили на улице, отчего оно оставалось холодным.

— Я тоже. Правда, новый нотариус получает сведения чуть ли не со всего мира. В этом смысле удобно служить банку, где тебя знают. В общем, когда придворные в Кемниполе готовы были грызть друг другу глотки, как стая голодных псов, остановил их какой-то религиозный фанатик из Кешета.

— Неужели?

— Ну, на самом деле он антейский вельможа, — пояснил Вестер. — Съездил в Кешет и вернулся уверовавшим на всю голову. Открыл какой-то заговор, при дворе перевернул все вверх дном и в ознаменование победы построил храм через улицу от Кингшиля.

— Не вижу ничего дурного в строительстве храмов, сэр, — ввернул Ярдем. — Люди их строят всегда и везде.

— Не ради торжества, — возразил Вестер. — К Богу идут в нужде и горе. А если все хорошо, то зачем обращаться к высшим силам...

Ярдем дернул звякнувшим ухом и склонился к отступнику.

— Он так говорит, чтобы меня позлить.

— Всегда срабатывает.

— Так точно, сэр, — солгал тралгут.

— А богиня круглых пирогов как-то слишком уж загадочна.

— Круглых пирогов? — переспросил отступник.

— Символ культа. Алое знамя с белым кругом в центре, разделенным на восемь частей — похоже на разрезанный пирог.

— Восемь сторон компаса, — объяснил Ярдем.

«Нет, — сквозь накатывающий, как черные воды, ужас мысленно ответил отступник. — Нет, восемь паучьих ног».

— Что с вами, Кит? — спросил Вестер. — Вы побледнели.

— Ничего, — сказал отступник. — Все в порядке.

В мозгу стучала одна-единственная мысль.

«Началось».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Подозреваю, что писать книгу — занятие не для одиночки.

Нынешний проект особенно выиграл от участия других людей помимо меня. Отдельной благодарности достойны Уолтер Джон Уильямс, Кэрри Вон, Иэн Трегиллис, Вик Милан, Мелинда Снодграсс и Ти Франк, которые присутствовали при зарождении идеи, и Джим Френкель, который помогал чем мог, а также мои агенты Шона Маккарти и Дэнни Бэрор чьи усилия поистине неоценимы. Не могу не поблагодарить команду издательства «Орбит»: мои редакторы Даррен Нэш и Дун Вон Сун сделали работу над проектом непрерывным праздником, а профессионализм и вдумчивость всех сотрудников редакции в Нью-Йорке и Лондоне неизменно производили на меня глубочайшее впечатление на протяжении всей работы. Без каждого из них эта книга была бы намного беднее.

Все ошибки и промахи остаются исключительно на моей совести.

Дэниел Абрахам — американский фантаст, равно успешный как в жанре фэнтези, так и в научной фантастике, обладатель многих престижных литературных наград, в том числе премии «Локус» за лучший научно-фантастический роман 2014 года. Его роман «Путь дракона», открывающий цикл «Кинжал и монета», был также отмечен журналом «Локус», удостоившим его следующей оценки: «Впечатляющее начало нового цикла. Похоже, Дэниел Абрахам вскоре пополнит пантеон лучших авторов фэнтези!»

Мир, удивительно похожий на наш...
Здесь воюют маленькие королевства, процветают вольные города, правят могущественные банкирские дома, плетутся изощренные политические и дипломатические интриги.
Здесь судьбой предопределено встретиться людям, которые рано или поздно изменят ход времени.

Гедер — единственный наследник благородного рода, книголюб и философ. Его снова и снова пытаются сделать пешкой в чужой опасной игре...

Китрин — «сирота из хорошей семьи» на попечении банкирского дома. Ее готовят на роль финансовой королевы, не посвящая в семейные тайны.

Маркус — циничный и усталый воин, чьи подвиги остались в прошлом. Наемник, готовый за золото пойти хоть на всадников Апокалипсиса. Теперь его отряд втягивают в необычную партию...
Фигуры расставлены на доске. Игра начинается.
Кому предстоит сделать ход конем?

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-083437-2

9 785170 834372